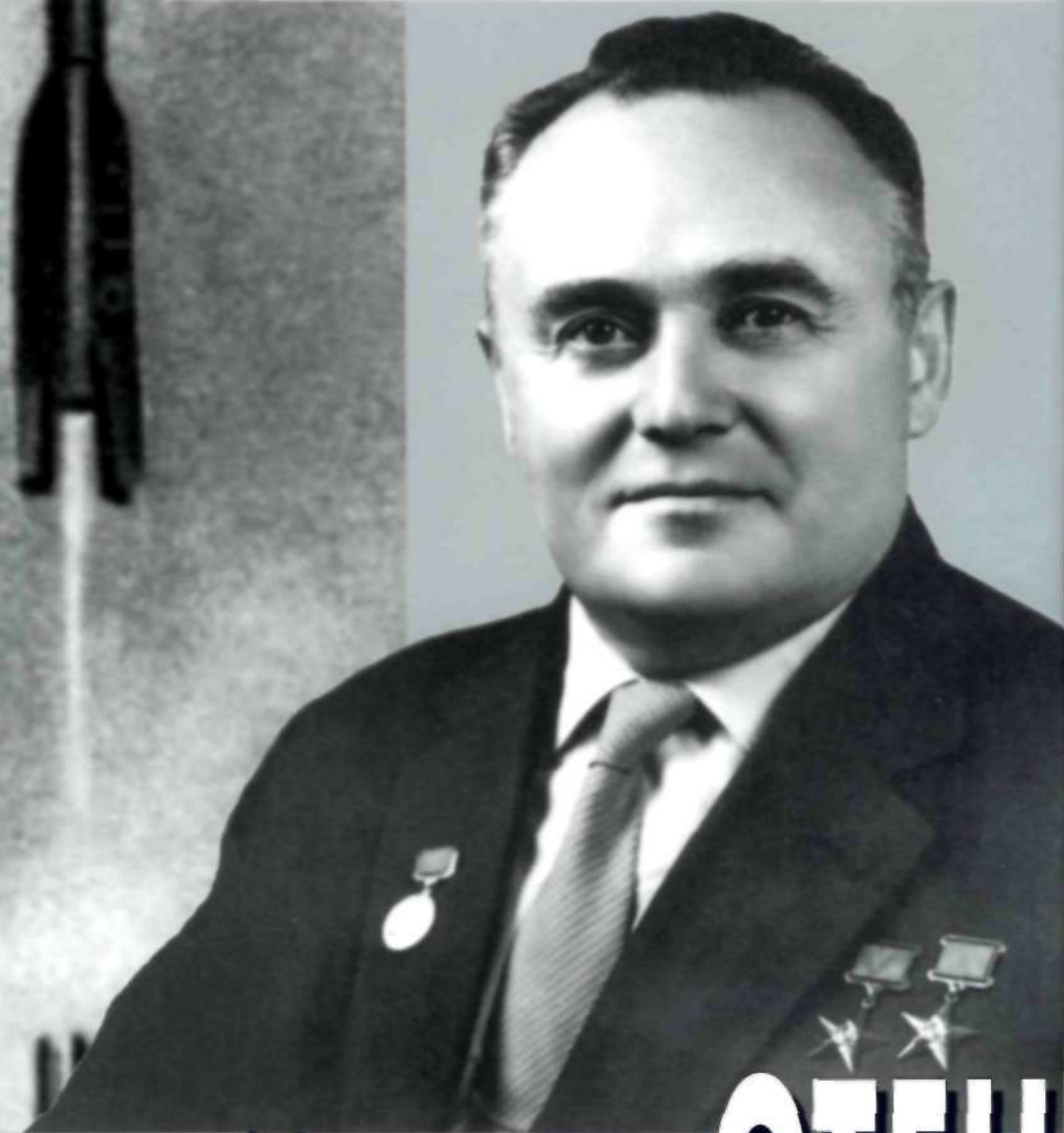

С.П. КОРОЛЕВ

Книга

1

Наталия
Королева

ОТЕЦ

Наталия Королева

С.П.КОРОЛЕВ

ОТЕЦ

К 100-летию со дня рождения

Книга первая

1907-1938 годы

МОСКВА НАУКА 2007

УДК 629.7(092)

Б Б К 39.62

К68

Консультант

Адриан Васильевич РУДОМИНО

Научный и литературный редактор

Юрий Георгиевич ДЕМЯНКО

Темплан 2006-11-202

ISBN 5-02-034432-X

ISBN 5-02-034429-X (кн. 1)

© Королева Н.С., 2007

© Совет РАН по космосу, 2007

© Редакционно-издательское оформление.

Издательство «Наука», 2007

12 января 2007 года наша страна и все мировое научное сообщество отмечает 100-летие со дня рождения лауреата Ленинской премии, дважды Героя Социалистического Труда академика Сергея Павловича Королева.

С.П. Королев - первооткрыватель космической эры человечества, основоположник практической космонавтики, первый Главный конструктор ракетно-космической техники в нашей стране. С его именем связана эпоха первых замечательных достижений в области освоения Космоса. Под его руководством запущены первая в мире межконтинентальная баллистическая ракета, первый искусственный спутник Земли, осуществлены полеты космических кораблей «Восток» и «Восход», на которых впервые в истории человечества совершены полет человека в Космос и выход человека в космическое пространство, созданы первые автоматические межпланетные станции «Луна», «Венера», «Марс» и другие, разработан проект космического корабля «Союз».

Еще в 1929 году С.П. Королев познакомился с гениальными идеями К.Э. Циолковского, которые сразу же глубоко увлекли его. Впоследствии он напишет о работах основоположника теории реактивного движения: «Самое замечательное, смелое и оригинальное создание творческого ума Циолковского - это его идеи и работы в области ракетной техники. Здесь он не имеет предшественников и намного опережает ученых всех стран и современную эпоху». Этим чувством нового, способностью ставить и решать задачи, которые до него не решались никем, обладал и сам С.П. Королев. Им написан фундаментальный труд «Ракетный полет в стратосфере» (1934), а также разработан курс «Проектирование ракет дальнего действия», который лег в основу преподавания этой дисциплины в институтах. По свидетельству специалистов, это был первый в мире систематизированный, подробный и завершённый курс основ проектирования баллистических ракет дальнего действия.

Научная и общественная деятельность С.П. Королева неотрывно связана с Академией наук: в 1953 году он как крупнейший ученый был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1958 году состоялось Общее собрание Акаде-

мии наук, на котором С.П. Королев был избран действительным членом (академиком) Отделения технических наук по специальности «Механика», а еще через два года, в 1960 году, его избрали членом Президиума Академии наук СССР, чем он очень гордился.

В 1966 г. Академия наук учредила Золотую настольную медаль Королева «За выдающиеся работы в области ракетно-космической техники». Обладателями этой высокой награды одними из первых стали академики Н.А. Пилюгин и М.К. Янгель.

Вот уже тридцать лет проводятся ежегодные Академические чтения по космонавтике, посвященные памяти академика С.П. Королева и других выдающихся отечественных ученых - пионеров освоения космического пространства, под эгидой Российской академии наук и Федерального космического агентства.

Трудно переоценить значение деятельности С.П. Королева в развитии отечественной ракетно-космической техники. Исследование его жизненного пути, «феномена Королева» и творческого наследия - не только дань уважения выдающемуся ученому и инженеру, но и попытка взглянуть в будущее.

Все созданное С.П. Королевым образует единое целое, имя которому - движение вверх, все дальше и дальше от Земли, со все более и более возрастающими скоростями.

Президент Российской академии наук,
Председатель Межведомственной
экспертной комиссии России
по космосу

академик Ю.С. Осипов

*Памяти
моих дорогих и любимых
мамы Ксении Максимилиановны
Винцентини
и бабушки Марии Николаевны
Баланиной
посвящаю эту книгу*

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издание труда Н.С. Королевой «С.П. Королев. Отец» в трех книгах (в 2001-2002 гг. издательством «Наука» было выпущено двухтомное издание «Отец») приурочено к знаменательной дате - столетию со дня рождения академика С.П. Королева, которое отмечается 12 января 2007 г. Это - книга дочери о своем великом отце, Главном конструкторе ракетно-космических систем Сергее Павловиче Королеве, открывшем человечеству дорогу в Космос. Выход данной книги, повествующей о нелегком жизненном пути С.П. Королева и его соратников, - не просто крупное событие в мемуарной литературе. Все три тома содержат множество документов, воспоминаний родных, друзей и личных впечатлений автора, позволяющих читателю заново взглянуть на историю становления и развития одного из величайших достижений человечества середины прошлого столетия, ощутить силу духа, необыкновенную целеустремленность и стойкость поколения, трудами которого был обеспечен прорыв в Космос.

Автору удалось добиться сочетания строгости документальных фактов с увлекательностью повествования, наполненного искренностью, настоящим сопереживанием и вместе с тем гордостью за нелегкую судьбу отца и то, что ему удалось совершить. В книге есть также удивительные страницы о беспредельной стойкости и неустанной борьбе его матери в стремлении добиться пересмотра дела, сфабрикованного против сына, что в конечном итоге позволило освободить репрессированного С.П. Королева, предотвратить гибель человека, ставшего легендой. Восхищает повествование и тем, как ему удалось столько преодолеть, сохранив верность идеям создания ракет, и воплотить эти идеи в жизнь. Не случайно поэтому книгу, охватывающую огромный пласт истории страны советского периода, высвеченного под новым углом зрения, нельзя читать без волнения, от нее трудно оторваться.

Н.С. Королева совершила настоящий подвиг, посвятив многие годы жизни, наполненной повседневной работой профессора доктора медицинских наук в клинике и постоянными семейными заботами о детях и внуках, изучению архивных источников об отце, сбору воспоминаний свидетелей и коллег. Она предприняла многочисленные поездки в места, так или иначе связанные с различными периодами жизни С.П. Королева, включая лагерь на Колыме.

Ей удалось подобрать большое количество фотографий Сергея Павловича среди родных и друзей, эпизодов из жизни семьи и трудовых будней отца, воспроизвести ряд уникальных документов. Все это сделало книгу замечательным примером художественной документалистики.

Книга «С.П. Королев. Отец» не только отражает важные страницы истории страны - она имеет огромное воспитательное значение, и поэтому особенно важно, чтобы с ней ознакомилась молодежь.

Член-корреспондент РАН М.Я. Маров

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я рад возможности представить немногими словами новую книгу о нашем выдающемся соотечественнике, Главном конструкторе ракетно-космических систем Сергее Павловиче Королеве.

12 апреля 1961 г. после сообщения о полете в космос первого космонавта Земли - Юрия Гагарина Президент Франции Шарль де Голль обратился к председателю Совета Министров СССР Н.С. Хрущеву с посланием, в котором были такие строки:

«Успех советских ученых и астронавтов делает честь Европе и человечеству. Я рад воздать должное и направить Вам мои самые горячие поздравления».

Президент США Джон Ф. Кеннеди также поздравил Хрущева и советских инженеров, «сделавших это достижение возможным».

Первые искусственные спутники Земли, первый вымпел Советского Союза, доставленный на Луну, фотографии обратной стороны Луны, полет Гагарина и каскад последующих пилотируемых полетов «делали честь», конечно, всему человечеству, но, в первую очередь, - советскому народу. Однако ученые и инженеры, «сделавшие эти достижения возможными», в течение многих лет оставались людям неизвестными.

Парадоксом истории нашего государства было многолетнее вето на публикацию имен творцов современной ракетной техники и пионеров космонавтики.

Мир узнал имя Главного конструктора первых в истории цивилизации ракетно-космических систем лишь в январе 1966 г.

Без преувеличения можно сказать, что правительственное сообщение о смерти дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, академика Сергея Павловича Королева отозвалось в Советском Союзе общенародной скорбью.

Космические триумфы 60-х годов безусловно способствовали консолидации общества. Но горе тоже объединяет. Об этом свидетельствовала бесконечная очередь в Колонный зал Дома Союзов. Десятки тысяч людей, дотоле ничего не знавших об академике Королеве, часами стояли на морозе, чтобы отдать последний долг этому человеку. Его хоронили с почестями, которых удостоивались только высшие руководители государства.

С тех пор имя Королева неразрывно связано в общественном мнении с именами Гагарина и других космонавтов, которые обрели всемирную славу и олицетворяют достижения нашей науки и техники, вызывая всеобщее восхищение.

За 20 лет совместной работы с Сергеем Павловичем мне и другим, проработавшим с ним последние десятилетия его жизни, казалось, что мы достаточно хорошо познали «феномен Королева».

Он удивлял технической интуицией, широким системным мышлением, неожиданной для многих логикой, волей, стремлением к глубокому проникновению в существо технических решений. Королев был главной движущей силой на всех стадиях работ: от первоначальной идеи через конструкторскую разработку, производство, привлечение смежных наук и необходимых союзников до летных испытаний и реализации конечной цели. Не только и не столько данной ему властью, сколько своим личным непоказным энтузиазмом он увлекал за собой соратников и специалистов смежных организаций.

О великих людях биографы обычно пишут, пользуясь терминологией Маркса, что «ничто человеческое ему не было чуждо». Смее утверждать, что Королеву были чужды жадность, зависть, злопамятность. Он не предавал, не обманывал и не терпел обмана, не опасался держать рядом с собой умных и талантливых людей. В отличие от многих «главных» и «генеральных», Королев не стремился все «грести под себя» и приклеивать свое имя к любой работе, выполненной его школой. А он создал великолепную школу, из которой вышли другие именитые главные, создавшие свои школы. И он не ревновал к их успехам.

Не забывал Королев и никого из тех, кто помогал ему в трудные периоды жизни. Между тем для людей, добившихся больших успехов, такая «забывчивость» - явление обычное.

Он привлекал людей тем, что при победах делил лавры на всех по заслугам, а при поражениях никого не подставлял, смело брал ответственность на себя.

Управление большой системой, как правило, требует жесткости. И Королев был жестким, иногда артистически «крутым» организатором, но никогда - жестоким.

В условиях авторитарного государства, используя сильные стороны мобилизационной экономики, он умудрялся воодушевлять не только ближайших соратников, но и чиновников партийно-государственного аппарата.

Бывший «враг народа», прошедший главные тюрьмы страны, чудом выживший на Колымской каторге, терпевший тяжелейшие удары от государства, он ему верно служил, храня в себе любовь и преданность Родине. Рассказать, правдиво написать обо всем, что пережил Королев, можно, только переплетая личное с историей ракетной и космической техники, с историей страны.

Очень медленно - почти два десятка лет - поднималась завеса тайны, окружавшая деятельность Королева и его биографию. После смерти Королева появились сотни газетно-журнальных публикаций и книг, отражавших его творчество. Но авторы большинства тех публикаций - профессиональные журналисты и писатели - за многие годы своей работы были хорошо воспитаны аппаратом государственной цензуры. Поэтому их нельзя упрекать в том, что созданный ими образ «Главного конструктора» далек от облика живого Королева, хорошо известного его соратникам, родным и близким ему людям.

Серьезные исследования жизни и творчества Королева появились только после рассекречивания ракетно-космической истории нашей страны.

Я хотел бы упомянуть книги Я.К. Голованова «Королев» (1973), «Королев. Факты и мифы» (1994), А.П. Романова «Королев» (1990 и 1996), вышедшую в серии «Жизнь замечательных людей», Г.С Ветрова «С.П. Королев. Свет и тени в истории космонавтики» (1998).

Феномен Королева подвинул к творчеству и зарубежных историков космонавтики. В 1998 г. в США была издана книга американского историка и журналиста Харфорта «Королев», а в капитальном труде Азифа А. Сиддики, целиком посвященном истории советской космонавтики, объективно описано ракетно-космическое творчество Королева в период 1945-1965 гг. Последняя работа выполнена в историческом департаменте НАСА. Этот уникальный по числу использованных первоисточников труд содержит 1000 страниц, на которых изложена история ракетно-космической техники Советского Союза от Циолковского до 1974 г. Деятельности Королева в этом труде уделено основное внимание, причем рассмотрены его отношения с государством, коммунистической партией, своими заместителями и другими главными конструкторами.

Простое перечисление публицистических и научных работ, в которых так или иначе освещается деятельность Королева, потребовало бы многих страниц.

Между тем полного ответа на вопрос, каким человеком был легендарный академик Королев, пока нет.

Наталья Сергеевна Королева - дочь Сергея Павловича - унаследовала от отца, помимо прочих полезных качеств, исключительную работоспособность и целеустремленность. Однако представляемая читателю книга «С.П. Королев. Отец» доказывает, что доктор медицинских наук профессор Н.С Королева обладает и литературным, и историко-исследовательским даром. Она задалась целью изучить жизнь семьи и родного ей человека от далеких предков до последнего часа отца. И ей удалось заполнить многие белые пятна в биографии Королева. Мы получили в полном смысле из первоисточника совершенно новую, иногда неожиданную информацию о внутреннем мире этого, казалось бы, уже хорошо знакомого нам человека.

Чтобы быть как можно ближе к истине при описании жизни отца, Н.С Королева совершила то, чего не смог сделать ни один из исследователей его биографии. Она прошла, проехала, облетала все места, где он жил, работал, любил, страдал, побеждал, торжествовал и снова без устали трудился. Житомир, Нежин, Одесса, Киев, Магадан, Омск, Германия, Капустин Яр, Байконур. Ну и, конечно, Москва, и город Калининград, который не без участия Н.С Королевой стал городом Королев. Описания встреч и бесед с людьми, знавшими Королева, документы из секретных архивов и личные письма, в которых говорится о самом сокровенном, непубликовавшиеся ранее фотографии... Это захватывает дух сильнее, чем любые надуманные литературные сюжеты.

Труд Н.С Королевой синтезирует достоинства литературного романа, документальной хроники, исторического исследования и личной исповеди. Образы действующих лиц в нем оживают настолько, что даже далекий от ракетно-космической техники читатель не сможет остаться равнодушным.

Много места отведено в книге описанию поистине героических действий матери Королева - Марии Николаевны. Ее подвиг во имя спасения сына не художественная выдумка, а документально подтвержденная быль.

Если бы Мария Николаевна не проявила в тяжелейший период жизни сына исключительной настойчивости и силы духа, имя Королева не вошло бы в историю мировой космонавтики.

Мать намного пережила своего сына. Она по собственной инициативе создала посвященный его памяти домашний музей, в котором 12 января ежегодно собирались друзья и соратники Королева, отмечая его дни рождения. Наталья Сергеевна продолжает эту традицию.

Несмотря на обилие драматичных страниц, книга оптимистична. Она передает читателям столь необходимые каждому силу королевского духа и беспредельное могущество его мысли.

Академик Б.Е. Черток

ОТ АВТОРА

Прошло много лет, как не стало моего отца. Но таков закон природы: люди уходят, а жизнь продолжается. Взлетают над планетой новые космические корабли. Этот процесс невозможно остановить - он нескончаем. Но сколько бы ни совершалось космических полетов, каких бы грандиозных успехов в будущем ни достигла космонавтика, человечество всегда будет помнить ее истоки и тех, кто стоял у этих истоков, кто делал все впервые.

Я невольно задаю себе вопрос: почему именно мой отец возглавил эти работы в их самом начале, когда еще не было ясно, нужно ли их проводить, что это даст людям, выполнимы ли они? Быть может, огромные средства и силы будут затрачены впустую, а ведь неизбежны, пожалуй, и человеческие жертвы. Какую надо было принять на себя ответственность, как быть уверенным в успехе, чтобы направить усилия вначале десятков, а потом тысяч людей на осуществление планов, многим казавшихся нереальными!

Случайно ли, что он, именно он, Сергей Павлович Королев, правнук украинского казака, внук нежинского купца, сын учителя стал академиком, Первым Главным конструктором космических кораблей?

Ответы на эти вопросы я стала искать в истории нашей семьи, нашего рода, потому что в жизни каждого человека чрезвычайно важную роль играет то, что он получает дома, от своих близких, то, что передается из поколения в поколение.

Безусловно, прекрасную книгу о моем отце должна была и могла написать его мама - моя бабушка - Мария Николаевна Баланина, которая пережила своего сына на 14 лет и, обладая феноменальной памятью в сочетании с замечательным даром рассказчика, щедро делилась своими воспоминаниями со всеми, кто ими интересовался. Однако она, как и я тогда, была убеждена, что книги пишут только писатели, поэтому, встречаясь с ними, считала своим материнским долгом оставить людям живую память о сыне. Все, что опубликовано о его детстве и юности, написано в основном с ее слов и со слов моей мамы - Ксении Максимилиановны Винцентини, юношеские годы и значительная часть взрослой жизни которой прошли бок о бок с моим отцом.

Они многократно и подолгу рассказывали мне о нем, о наших предках, рассказывали то, что по различным причинам не могли сказать писателям и журналистам. И я посчитала теперь уже своим долгом показать на страницах книги жизнь отца не как ученого и Главного конструктора ракетно-космических систем, а взглянуть на него глазами родных, любимых им и любящих его людей, постараться донести до читателя историю нашей семьи, несомненно оказавшей глубокое влияние на его становление. Так оформилась идея этой

книги. В ходе работы над ней я прошла почти по всем местам жизни отца, изучая различные документы, общественно значимые события тех лет, беседуя со множеством людей. Я побывала в Житомире, где отец родился 12 января 1907 г. * в семье учителя Павла Яковлевича Королева, в Нежине, где в доме бабушки и бабушки Москаленко прошло его детство, в Одессе, где он вместе с моей мамой окончил в 1924 г. строительно-профессиональную школу и сконструировал первый планер, в Киеве, где он два года учился в Политехническом институте, в МВТУ, учась в котором, отец продолжал конструировать планеры, а в 1930 г. под руководством А.Н. Туполева защитил дипломный проект, посетила подмосковный Нахабинский полигон, где в августе 1933 г. под руководством отца, в то время начальника Группы изучения реактивного движения, была запущена первая советская ракета с двигателем на гибридном топливе, Реактивный научно-исследовательский институт, в котором он работал с 1933 г. до дня ареста, вначале в должности заместителя начальника института, а затем старшего инженера и начальника отдела, занимаясь созданием управляемых крылатых ракет и ракетоплана. Мне удалось побывать на Колыме, на прииске, где отец вместе с другими заключенными добывал в 1939 г. золото, а также в Омске, Казани, Германии, Капустинном Яре, Байконуре и других местах.

Конечно, меня интересовали архивные материалы, связанные с жизнью и деятельностью отца. Я побывала в Государственном архиве РФ, архиве Российской академии наук, Государственном архиве Киева, филиале Черниговского областного архива в Нежине, получила копии нужных мне документов из Архива Президента РФ, Российского государственного архива Новейшей истории, Российского государственного архива социальной политической истории, Российского государственного архива экономики, Российского государственного военного архива, Центрального архива МО, Российского Государственного исторического архива в Санкт-Петербурге, Национального архива Молдовы в Кишиневе, Государственного архива Черниговской области. В 1989 г. я ознакомилась в Главной военной прокуратуре с «Делом № 239 Королева Сергея Павловича отдела по спецделам секретного архива Прокуратуры Союза ССР». В 1991 г. мне удалось найти в архиве Магаданского Управления внутренних дел запись о пребывании отца в Севвостлаге в 1939 г. А в 1992 г. в Федеральной службе безопасности (бывшем КГБ) мне не только предоставили возможность изучить «Дело № 19908 по обвинению Королева Сергея Павловича по ст. 58, пп. 7, 11 УК РСФСР», но и сделали копии интересующих меня документов, которые я использовала при написании книги. Не могу не сказать, что сотрудники упомянутых и других архивов отнеслись к моим просьбам с большим вниманием, за что я им очень благодарна.

В книге, кроме того, использованы воспоминания членов нашей семьи: младшего брата бабушки Василия Николаевича Москаленко, его жены Маргариты Ивановны Рудомино и их сына Адриана Васильевича, троюродного брата бабушки Александра Николаевича Лазаренко, а также других людей, знавших моего отца в различные периоды его жизни и предоставивших мне немало интересных сведений о нем.

Добавлю еще, что я писала эту книгу совершенно искренне, стремясь, чтобы образ отца, запечатленный в памяти людей ранее созданными литературными и кинопроизведениями, стал еще более полным и объемным.

Все даты в книге, относящиеся к периоду до февраля 1918 г., даны по старому стилю. Исключение составляет приведенная дата рождения отца. - *Н.К.*

Истоки

ГЛУБОКИЕ КОРНИ

Род наш по линии отца ведет свое начало с Украины. Несколько поколений наших предков начиная с XVII в. жили в Нежине. Здесь же прошло детство моего отца. В конце XIX - начале XX в. Нежин был небольшим городом, расположенным на обоих берегах реки Остер, притока Десны, в восьмидесяти трех километрах от Чернигова и в ста двадцати шести километрах от Киева. В 1893 г. он отметил свое девятисотлетие. Хотя это был лишь уездный город Черниговской губернии, он жил довольно активной жизнью, так как рядом проходила Московско-Киевская железная дорога, а Чернигов довольствовался узкоколейкой. Строительство железной дороги в свое время оживило город. Был построен вокзал, обращенный фасадом к городу, но расположенный по другую сторону железнодорожного полотна, что создавало определенные неудобства для пассажиров, которым приходилось пересекать железнодорожные пути. При вокзале открылся ресторан. Люди специально приезжали, чтобы посмотреть железнодорожную технику, депо и проходящие поезда. Железная дорога поражала четкостью и точностью своей работы: по прибытию и отправлению поездов можно было проверять часы.

От вокзала до центра города было чуть более трех верст. Стоимость проезда этого пути у пароконного извозчика составляла около одного рубля, у одноконного - 30-40 копеек. Частные предприниматели соорудили булыжную мостовую, на которой установили два шлагбаума, - проезжающим извозчикам и другому транспорту приходилось платить 3 коп. за проезд. Но несмотря на это, все были довольны, так как до сооружения мостовой на дороге к вокзалу стояла такая грязь, что в распутицу можно было проехать только верхом. Автомобильный транспорт появился в Нежине лишь в 1913 г.

В конце XIX в. население Нежина достигло тридцати пяти тысяч. В центре города и вблизи него располагались дома с приусадебными участками. В пригородах жили крестьяне и ремесленники. Достаток крестьян был самый разный. Многие имели лошадей, волов и коров, свиней и домашнюю птицу. Помимо огорода около дома, у крестьян часто имелись участки пашни за городом. Благодаря им Нежин не нуждался в привозных продуктах. Ремесленники занимались ткачеством, бондарством, кузнечным и столярным делом, сапожничали. Профессиональное мастерство их было высоким.

Город имел окружной суд, мужскую и женскую гимназии, ремесленное училище и даже Историко-филологический институт князя Безбородко - бывшую Гимназию высших наук, которую окончил Н.В. Гоголь. Ремесленное училище и женская гимназия были подарены городу в конце XIX в.

благодетелем А.Ф. Кушакевичем. Гимназия носила имя П.И. Кушакевич, жены его брата, П.Ф. Кушакевича. Постройкой училища и гимназии семья Кушакевич внесла большой вклад в развитие городского образования и культуры.

В центре Нежина раскинулся небольшой сквер с памятником Гоголю работы скульптора П.П. Забилы. Первое время проезжавшие мимо крестьяне считали, что это новый святой и, подолгу молясь, били ему земные поклоны.

Украшением города были старинные церкви и соборы. Своей монументальностью и выигрышным расположением они придавали ему торжественный и представительный вид. Древнейший из них - пятиглавый Николаевский собор в стиле украинского барокко. Постройка его была завершена еще в 1668 г.

Другой памятник архитектуры XVII в. - усадьба и церковные строения женского Введенского монастыря. При монастыре находились школа живописи, резьбы по дереву и художественной вышивки, а также гостиница. В XVIII в. были построены храм Иоанна Богослова и Покровская церковь. В течение 1704-1716 гг. главой русской православной церкви при Петре I митрополитом Стефаном Яворским был создан комплекс мужского Благовещенского монастыря. По завещанию Яворского построили Благовещенский собор этого монастыря в честь победы русских войск под Полтавой в 1709 г. «Отныне, - писал Яворский, - да будет памятник в Нежинском монастыре о победе, Богом дарованной Всероссийскому самодержцу Петру Великому над шведским королем Карлом XII». Этому монастырю Яворский подарил свою огромную библиотеку редких книг, а перед смертью велел «собор весь малеванием украсить», то есть расписать его, что и было исполнено.

В конце XVIII в. к Благовещенскому монастырю был приписан Ветхо-Рождественский женский монастырь. Он имел большую усадьбу с каменной оградой, церковь и часовню. Монастырь владел конной мельницей и пекарней. Доходной статьей монастыря была двухэтажная гостиница на углу улицы, позднее названной Гоголевской, и центральной площади. Эта гостиница считалась самой аристократической и дорогой. Она была настолько комфортабельной, что богатые холостяки жили там постоянно. Помимо усадьбы в городе монастырь имел церковь и большую сельскохозяйственную ферму в лесу около села Ветхово.

Ветхо-Рождественский монастырь находился на обширной окраине Нежина - Овдиевке, сплошь заселенной казаками. Они имели усадьбы, занимались хлебопашеством и огородничеством. Среди них встречались ремесленники и купцы. У каждого была хата - живописная, побеленная - и свой земельный надел. Когда в 1787 г. Екатерина II по пути в Крым проезжала Нежин, ее поразила яркая красота колоритной Овдиевки. Каждая хата, по преданиям, была убрана домоткаными рушниками, цветными узорчатыми половиками и коврами. Все принарядились. Украинская одежда очень красочна, особенно у женщин: юбки из плахт (полотнищ) - узорчатых у молодых и темных у пожилых, сверху - корсетка (безрукавка), по праздникам - бархатная, темная, отороченная ярким кантом с выпуклыми, обычно матово-белыми пуговицами. Все это надевалось поверх домотканой полотняной рубахи с вышитым узором, видимым из-под юбки внизу, с пышными, сборчатыми, с украинской вышивкой рукавами. Шею украшали монисты (бусы), обычно из семи ниток красных кораллов, по спине у девушек бежали десятки ярких лент. Во времена моей прабабушки у некоторых девушек на нитке висел «дукач» - женское украшение в виде монеты с металлическим бантом. Говорили, что

Екатерина II, проезжая Нежин, дарила дукаты (золоточервонцы) со своим изображением, из которых нежинские мастера изготовляли дукачи.

С середины XVII в. Нежин в течение столетия был одним из самых крупных полковых казачьих центров Левобережной Украины, который по образцу военной организации Запорожской Сечи делился на полки и сотни. Одним из строевых казаков Нежинского полка был мой прапрадед - Матвей Иванович Фурса, родившийся в 1820 г. Его старший брат Иван также служил в Нежинском полку. Позже он стал есаулом и дворянином. О более ранних предках знаю, что были они люди зажиточные и, по семейному преданию, деньги не считали, а мерили «цеберком» - специальным ведерком - соответственно количеству тяжелых монет.

Наиболее глубокие корни нашей семьи по сведениям, полученным из Государственного архива Черниговской области, уходят в начало XVII в. к Симону Фурсану Подчашию-Парнавскому, польскому шляхтичу. Его сын, Архип Фурса-Карсницкий, переселился в Малороссию. Сын Архипа - Афанасий Фурса - был сотенным атаманом, а внук Симон, родившийся в 1725 г., - квартирмейстером казачьего полка. У Симона было пять сыновей. Старший из них - Яков - являлся войсковым товарищем. В 1785 году ему был пожалован сорокаалтынный оклад как разночинцу, то есть выходцу из недворянского сословия. В 1786 и 1793 годах дворянская комиссия Новгород-Северского наместничества дважды постановила внести Якова Фурсу во II часть родословной книги. В 1791 и 1805 годах он уже значился в списках дворян Нежинского уезда, а в 1840 г. подал прошение в Черниговское губернское дворянское депутатское собрание о внесении его в родословную книгу Черниговского дворянства. Дело было направлено во временное присутствие Герольдии.

Непосредственное отношение к нашей семье имеет другой сын Симона, Прокоп, отец Ивана Фурсы, родившегося в 1795 г., дед моего прапрадеда Матвея Ивановича Фурсы.

Как сказано в «Малороссийском родословии» В.Л. Модзалевского (Киев, 1914), «Малороссийское дворянство в большей части его родов является прямым преемником Малороссийской старшины времен Гетманщины (1648-1782). Лишь очень незначительное число Малороссийских дворянских родов принадлежит к потомству «шляхты», жившей в Черниговщине и Северщине еще до Хмельницкого; немного и таких фамилий, которые происходят от достоверных выходцев в Малороссию в XVII-XVIII вв. из других государств. Старинная шляхта слилась потом со старшиной и вообще с казачеством». Так случилось и в нашей семье.

Моя прапрабабушка - Евдокия Тимофеевна Петренко - родилась в 1832 г. Она стала второй женой Матвея Ивановича Фурсы, который овдовел и к этому времени имел уже взрослого сына Федора.

Через прапрабабушку, по линии ее матери, к нам пришла греческая кровь. При Богдане Хмельницком и с его разрешения из захваченной турками Греции в Нежин переселилась большая группа богатых греков. В 1675 г. они основали здесь колонию и сохраняли в ней свои национальные и религиозные традиции. Основным их занятием была торговля. Гетманы Украины своими «универсалами», а русские цари - грамотами предоставляли грекам-торговцам всяческие льготы. Торговали они суконными изделиями, тканями, золотом, серебром, узорчатыми коврами. Одним из наиболее интересных дел предприимчивых греков можно считать соление огурцов. Греки вырастили на нежинской земле новый сорт огурцов и разработали способ их консервирования, который передавали из поколения в поколение. Непревзойденному,

общепризнанному вкусу этих огурцов, несомненно, способствовал и состав нежинской воды, содержащей соли серебра. Надо сказать, что водопровода до революции в Нежине не было. Водоснабжение обеспечивалось артезианской скважиной с водонапорным баком, расположенным на базарной площади. А оттуда водовозы развозили воду по домам.

В Нежине было несколько старинных греческих церквей. Наиболее древняя из них - деревянная церковь архистратигов Михаила и Гавриила, построенная в 1690 г. и перестроенная в каменную в 1719-1729 гг. При ней действовали греческая библиотека и греческая школа, открытая в 1696 г., кстати, первое учебное заведение в Нежине. Она называлась школой церкви «греческого братства». Учились в ней в основном дети из греческой колонии. Самой красивой греческой церковью считалась Всехсвятская, построенная в 1696 г. В дальнейшем она неоднократно перестраивалась, последний раз в 1805 г. Церковь украшали четырехъярусная колокольня и серебряный иконостас, иконы были выполнены греческими мастерами. Всехсвятская церковь имела большие подвалы, в которых греки хранили свои товары.

В городе существовало и старинное греческое кладбище Константина и Елены с огромными гранитными надгробиями с надписями на греческом языке и своей греческой церковью, построенной в 1819-1820 гг. на средства братьев Анастасия и Николая Зосимов, на освящении которой присутствовал Н.В. Гоголь. В одном из нежинских банков лежали специальные суммы, из которых по распоряжению вкладчика, богатого грека, бедным девушкам-гречанкам выдавалось по пятьсот рублей на приданое.

Евдокия Тимофеевна была одной из трех сестер, считавшихся в то время самыми красивыми девушками Нежина. Особенно хороша была младшая сестра - Агриппина Тимофеевна. Она умерла молодой и в семье долго хранили ее написанный маслом портрет.

Светских женских учебных заведений в то время в Нежине не было. Дворяне, по преимуществу помещики, воспитывали своих дочерей дома с гувернерами-иностранцами или отвозили их в институты благородных девиц.

Образование подростков - мальчиков и девочек - из менее обеспеченных семей начиналось в церковно-приходской школе. В Нежине было 27 церквей и половина из них имела двухгодичные церковно-приходские школы. Штат такой школы состоял из одной учительницы и батюшки. Здесь в основном обучали только начальной грамоте.

Следующий уровень образования представляли земские трехгодичные школы. В них уже, кроме батюшки, было две-три учительницы. Земские школы имели два здания: учебное и жилое для учительниц. Жилье им земство предоставляло бесплатно. В обязанности учительницы входило и приготовление школьных принадлежностей. Из присланной земством бумаги они сами шили и линовали тетради. Качество этого начального образования было достаточно высоким. После окончания такой школы можно было работать бухгалтером или писарем. Учителя земских школ пользовались большим уважением учеников и их родителей.

После окончания церковно-приходской или земской школы дети могли поступать в четырехгодичные городские общеобразовательные училища. Здесь уже было раздельное обучение. Окончившие училища получали возможность держать специальный экзамен на право преподавания в сельской школе.

Старшая сестра прабабушки моего отца Агафия Тимофеевна была отдана в учение в женский монастырь - наиболее достойный тогда центр женско-

го образования и воспитания в Нежине. Поступивших в монастырь девочек-горожанок монахини обучали грамоте, художественному вышиванию, скромности, послушанию, ну и, конечно, внушали веру в божественное начало. Монахини были искусными рукодельницами. Обеспеченные семьи заказывали им приданое для своих дочерей. Это были добротные высококачественные вещи, выполненные с тонким художественным вкусом: мягкие, легкие, стеганые ватные одеяла с замысловатыми узорами, прекрасное постельное белье из голландского полотна с вышитыми монограммами, красивые полотенца, ночные рубахи с кружевами, изысканное носильное белье на все сезоны. Кроме того, монахини изготавливали сумочки, кошельки, расшитые золотом тифельки, красивые закладки для книг. Они разводили цветы и делали из них букеты. На вокзале был киоск, в котором все эти изделия продавались.

При женском монастыре тоже действовала двухгодичная церковно-приходская школа. Настоятельницей монастыря была игуменья со средним образованием. В отличие от мужского монастыря, не пользовавшегося особой популярностью, женский монастырь был широко известен.

Обучение в монастыре для Агафий продолжалось до тех пор, пока однажды взятая на побывку домой девочка не рассказала, что в ее обязанности входит время от времени пробираться вечером через монастырский сад к стене и в определенном месте забрасывать через стену веревочную лестницу, а затем провожать молодого офицера к матушке в келью. Матушка, видимо, была еще достаточно молода и не очень боялась «гнева божия». Ясно, что когда достопочтенные родители узнали об этом, обучение девочки в монастыре закончилось. Евдокия Тимофеевна и ее младшая сестра туда уже не были отданы.

Агафия была трижды замужем, но все три мужа ее умерли, и уже немолодой вдовой она доживала свой век в семье моего прапрадеда Матвея Ивановича Фурсы. Он, овдовев, хотел на ней жениться, но так как не был особенно богатым и не отличался красотой, получил отказ и женился на ее сестре - Евдокии Тимофеевне.

Матвей Иванович и Евдокия Тимофеевна содержали постоянный двор и имели ветряную мельницу. Кроме того, они занимались продажей мельничных жерновов. Об этих жерновах мне рассказывала моя бабушка Мария Николаевна, которая видела их, и они казались ей, тогда еще девочке, огромными «колесами из камней».

Дом Матвея Ивановича и Евдокии Тимофеевны находился на большом проезжем шляху, который на протяжении трех верст от вокзала к центру имел посередине аллею из пирамидальных тополей. На границе двора и сада, на засохшем дереве, было водружено колесо от телеги для гнезда аиста. Большая птица с очень длинным клювом, всегда стоявшая, поджав одну ногу, доставляла огромное удовольствие четырем внукам Евдокии Тимофеевны. Малышами они подолгу наблюдали жизнь птиц, ежегодно прилетающих в одно и то же гнездо.

Евдокия Тимофеевна очень любила старшую внучку, мою бабушку, часто брала ее к себе и показывала остатки своего приданого, в том числе старинные, ручной работы, шали. Они казались девочке необыкновенно красивыми, с яркими узорами, разнообразными по цвету и выработке. Одна из них имела тонкую аппликацию по белому тюлю, у другой тюль был коричневый, а бахрома черная. Верхняя половина этой шали была искусно украшена близкими по тону цветами из тонкого бархата. Цветы были приклеены с раздел-

кой шелком блекло-зеленого цвета. Великолепная работа! И ведь относится она к далеким, далеким временам.

Белую шаль взяла младшая сестра моей бабушки, Анна Николаевна. Она носила ее и даже венчалась в ней. Темная досталась моей бабушке, Марии Николаевне. Носить ее было несовременно, она годилась только для театра и лишь в сочетании с костюмами прошлых времен. Поэтому у бабушки она служила скатертью, которая хорошо подходила к старинной мебели вялых тонов. К сожалению, однажды в комнату, когда там никого не было, проник котенок, зацепил когтем за бахрому шали и сорвал ее со стола, повредив, конечно, и тюль. Эта вещь лежала на столике в Житомире, в доме, где родился мой отец, и после его кончины бабушка отдала шаль в житомирский Мемориальный дом-музей.

Еще сохранился «рушник» (полотенце) домотканого тонкого холста с ручной вышивкой красными нитками. Изображены на нем воинственно настроенные петушки. Относится он к началу XIX в. и передан моей бабушкой в Исторический музей в Киеве.

В сундуке у Евдокии Тимофеевны хранилась удивительная вещь - старинная корсетка из плотного светло-голубого шелка с красной отделкой, набитая тонким слоем пакли, так как ваты тогда еще не знали. Корсетка была скроена по фигуре, а от талии шла оборка шириной около тридцати сантиметров. Внучке очень нравилась эта вещь, и она любила примерять ее.

Одним из ярких детских воспоминаний моей бабушки о доме Евдокии Тимофеевны был необыкновенно вкусный кофе с домашними сливками. Наличие в то время кофе в обиходе семьи лишний раз подтверждает ее греческие традиции. Кофе ждал пробуждения девочки, утопавшей в перине на огромной постели. Кофейник - медный, блестящий, необычной, причудливой формы - извлекался из старинной изразцовой печи. К кофе всегда подавались вкусные пирожки, плюшки, домашние ватрушки. Пили ароматный напиток в комнате за старинным овальным столом с изогнутыми ножками. Со стен глядели семейные фотографии. Здесь маленькая Маруся увидела и фотографию своего деда. «Матвей Иванович» - называла его жена. Она с уважением относилась к супругу, тем более что он был старше ее на 12 лет. Ей хотелось, чтобы внучка узнавала деда среди прочих лиц в таких же овальных рамках из красного дерева. Перед сном девочка слушала бабушкины сказки о ковре-самолете, о Жар-птице, необыкновенной и неуловимой, как сама мечта человеческая. Потом задвигался тяжелый полог мягких, розовато-коричневых тонов, и девочка засыпала. Много лет спустя те же сказки рассказывала моя бабушка своему маленькому сыну Сереже, сидя с ним на крыльце родного дома в Нежине.

Мария Николаевна с любовью вспоминала свою бабушку. У Евдокии Тимофеевны были прекрасные, очень темные глаза, нос с горбинкой, черные волосы, всегда гладко расчесанные на пробор, и косы, спрятанные под черной, шелковой, ручной работы кружевной косынкой. Это была женщина среднего роста с маленькими руками и маленькими ножками, обычно обутыми в темные бархатные, на беличьем меху сапожки. Внуки очень любили снимать эти сапожки и твердо помнили, кто по очереди должен это делать - обычно мальчики и девочки попарно. Сборчатая темная юбка до пола и жакет, всегда застегнутый наглухо, - таков был ее обычный костюм. Она приезжала зимой в сани на своей лошади, которую звали Мушка, дарила всем четырем внукам по маленькому серебряному блестящему пятаку, привозила конфеты

Евдокия Тимофеевна Фурса, прабабушка С.П. Королева со стороны матери, с сыновьями Василием (слева) и Михаилом, дочерью Марией и внуком, сыном Василия. Нежин. Фотография середины 1870-х годов

и пряники. Внуки спешили подкатить к столу в столовой большое мягкое кресло, обнимали и целовали свою бабушу.

По традиции в первый день Рождества, а праздник длился три дня, внуки обязательно бывали в гостях у бабушки. У нее всегда стоял для них отдельный столик со сладостями. На большом, красивом подносе лежали конфеты, орехи, пряники, домашние печенья, стояло варенье. Все это было разложено на старинных тарелках и вазочках, а в центре стола, в высокой вазе, возвышалась пирамида из обильно посыпанных сахарной пудрой «вергунов» (хвороста). И угощения, и столь необычная сервировка праздничного стола словно магнитом притягивали детские взоры.

У Евдокии Тимофеевны всегда имелись чудесные наливки и крепкие настойки для мужчин. На столе шипела украинская домашняя колбаса, сложенная кольцами, жирная, вкусная, поджаренная с колечками лука и уксусом, лежало свое, домашнее украинское сало, а поросенок держал зубами хрен и хвостик его торчал с блюда крючком. Евдокия Тимофеевна, счастливая, довольная, хлопотала у стола, любовалась внуками, радовалась своей семье.

Возвращались домой довольно поздно, взглядываясь под скрип саней в черное, по-праздничному чистое в рождественскую ночь небо, усыпанное множеством звезд.

Евдокия Тимофеевна умерла в возрасте семидесяти пяти лет. В книге записей смертей Иоанно-Богословской церкви значится: «Умерла 22, погребена 24 мая 1907 года козачка г. Нежина Евдокия Тимофеевна Фурсиха. Умерла в 75 лет от старости. Погребение совершил протоиерей Дмитрий Степановский и диакон Николай Андриевский на кладбище Иоанна Милостивого». Моя бабушка не была на похоронах - она кормила четырехмесячного сына,

моего отца, и не могла из Житомира, где тогда жила, по узкоколейке, с пересадками, одолеть долгий по тому времени путь.

У Матвея Ивановича и Евдокии Тимофеевны было трое детей: два сына - Василий и Михаил, и дочь Мария - моя прабабушка.

Старший, Василий, унаследовавший от своей матери греческие черты, был высоким, стройным мужчиной, жгучим брюнетом с чуть выпуклыми глазами и красивым профилем. Младший, Михаил, пошел скорее в отца - блондин с серыми глазами, непокорной гривой волос и жесткими большими усами. Оба брата учились в Нежинской классической гимназии и значились в дальнейшем народными учителями из казаков и почетными гражданами города Нежина. Старший преподавал в городском училище, младший был сельским учителем в восемнадцати верстах от Нежина, в Заньках, рядом с родовым имением Адасовских, дочь которых - Мария Константиновна - стала знаменитой украинской артисткой со сценическим именем Заньковецкая. По воспоминаниям моей бабушки, которая видела ее в доме своих родителей, это была красивая женщина с прекрасными черными глазами, хорошей фигурой и чудесным голосом. В 1875 г. она вышла замуж за петербургского офицера А.А. Хлыстова. Свадьба состоялась в Заньках. Когда праздник был в разгаре, жених приказал оркестру играть мазурку, но невеста, влюбленная в родной украинский язык, в народные украинские обычаи, запротестовала. Разразился скандал. И тут жених с такой запальчивостью ударил невесту по лицу, что сломал серьгу. Совместная жизнь их не заладилась. Мария Константиновна посвятила себя сцене. Талант ее проявился рано. В первом же спектакле она играла и пела с таким чувством, что у самой текли слезы, а зал рыдал - так вспоминала Мария Матвеевна, которая была с ней хорошо знакома. Кстати, именно артистке Заньковецкой Мария Матвеевна подарила старинную корсетку своей матери.

Будучи уже известной украинской актрисой, М.К. Заньковецкая не порывала связи с Нежином. Она ежегодно приезжала туда с труппой П.К. Саксаганского и Н.К. Садовского из Киева, где тогда жила и работала. Они ставили в нежинском летнем театре несколько пьес за сезон, в том числе «Цыганку Азу», «Наталку-Полтавку», «Суету» и др. После Октябрьской революции народная артистка УССР М.К. Заньковецкая возглавила нежинский Народный театр. В сентябре 1993 г., во время празднования 1000-летнего юбилея Нежина, ей был открыт в городе памятник.

Михаил Матвеевич очень любил мою бабушку, свою крестницу. Он был ближе к семье сестры, чем старший брат. Надо сказать, что Евдокия Тимофеевна не любила жену Василия - свою старшую невестку, Анастасию Федоровну, учительницу, а больше жаловала Мишину жену, Анну Георгиевну, дочь помещика Неверовского.

Михаил Матвеевич очень хотел разбогатеть. В большие праздники, когда вся семья собиралась у Евдокии Тимофеевны, он, выпив лишнюю чарку наливки, делился своими планами постройки мыловаренного завода, на что ему, посмеиваясь, говорили: «Ну, Михаиле, не забудь загодя приготовить большую пробку, чтоб не вылететь в трубу с твоим заводом». Женившись и прибавив к своим сбережениям приданое жены в десять тысяч рублей, Михаил построил на территории своей усадьбы, находившейся в Нежине на границе с урочищем села Симяки Нежинского уезда, кирпичный завод. 9 ноября 1909 г. Анна Георгиевна подала прошение о разрешении постройки на территории усадьбы еще и завода по выделке кожи, на что, 19 мая 1910 г. было дано «соизволение». Имелись план и чертеж завода, но он так и не был построен.

*Мария Матвеевна Фурса, бабушка
С. П. Королева со стороны матери.
Нежин, 1883 г.*

*Мария Матвеевна Фурса
в украинском национальном костюме.
Нежин, 1885 г.*

Ко времени Октябрьской революции Михаил был уже богатым человеком. Когда его кирпичный завод национализировали, он не мог этого пережить, впал в депрессию и вскоре умер. Анна Георгиевна более мужественно перенесла крутой поворот жизни. Вначале она жила в Нежине, а затем переехала в Москву в качестве экономки к своим знакомым. Потом некоторое время жила у моей бабушки, и уже в конце жизни та помогла ей, уступая ее просьбе, устроиться в один из приличных домов для престарелых, где она и умерла. Детей у Михаила Матвеевича и Анны Георгиевны не было.

Василий Матвеевич растил трех девочек, сын его умер в десять лет. Раздел наследства после смерти Евдокии Тимофеевны посеял вражду между братьями. Мария Матвеевна от наследства отказалась и не участвовала в дележе, хотя при жизни своей матери постаралась убедить ее обеспечить лучше других брата Василия, поскольку у него была большая семья.

Моя прабабушка, Мария Матвеевна Москаленко, урожденная Фурса, родилась 14 августа 1863 г. В выписке из метрической книги Нежинской Иоанно-Богословской церкви записано: «Тысяча восемьсот шестьдесят третьего года августа четырнадцатого дня у козака местечка Монастырища - Матвея Иоанова Фурсы и законной жены его - Евдокии Тимофеевой, которые оба православного вероисповедания, родилась дочь - Мария».

Родители хотели дать дочери образование. Женской гимназии в Нежине тогда еще не было, но существовали частные пансионы. Мария Матвеевна училась в пансионе Александры Феликсовны Шварц, которая обучала группу

*Николай Яковлевич Москаленко,
дед С.П. Королева со стороны матери.
Нежин, 1885 г.*

смелая и волевая женщина, она фактически была главой семьи.

В жизни каждого человека создание собственной семьи является важным шагом. Тогда, в середине XIX столетия, решали судьбу своих детей, как правило, родители. Особенно это касалось дочерей, которых выдавали замуж, часто не считаясь с их чувствами. Так было и с моей прабабушкой. У нее был знакомый молодой человек, студент нежинского Историко-филологического института, который ей очень нравился. Необходимо было получить согласие родителей. Прося руку своей избранницы, молодой человек сказал: «Мы с ней уедем, но не беспокойтесь, я ее люблю и мы все будем делить пополам: одно яйцо у нас будет, и то разделим пополам». Ему было отказано - завезет на чужую сторону, да и будет морить голодом. Скажет тоже: одно яйцо пополам. Здесь отдадим, женихи найдутся! И жених нашелся. Посватал ее мой прадед, Николай Яковлевич Москаленко. Он родился в Нежине 2 декабря 1842 г. В метрической книге Спасо-Преображенской церкви г. Нежина в записи о родившихся за 1842 г. значится: «Декабря 2 дня у Нежинского Мещанина Иакова, Игнатиева сына, Москаленко, и законной жены его Пелагеи, Алексеевой дочери, родился Николай». Мальчик в шесть лет остался сиротой. Отец его уехал по делам в Москву и умер там от холеры. Мать умерла, не успев вырастить детей, а их было четверо. Старшего, Николая, взял к себе дядя, богатый нежинский купец Н.Г. Кириленко, который приютил сироту, но не приблизил его к себе, а воспитывал как будущего приказчика, в качестве которого тот долгое время у него и работал. В дальнейшем ему повезло:

девочек. Обучение велось не на украинском, а на русском языке и длилось около трех лет. Для поддержания дисциплины учительница шлепала своих воспитанниц линейкой по рукам, наказывая за плохое поведение или шалости. Никто, видимо, не протестовал, но, чтобы наказания не были слишком частыми, догадливая Евдокия Тимофеевна посылала учительнице по субботам крынку молока.

Мария Матвеевна была шатенкой с темно-кариими глазами, довольно крупными чертами лица, сочными губами, красивыми, чуть полными руками, стройной фигурой и прекрасным цветом кожи, ростом выше среднего, с длинной косой, что видно на ее фотографии в национальном украинском костюме. Моя бабушка Мария Николаевна всегда восхищалась волосами матери и вспоминала, что когда она, сидя в кресле, расчесывала их, волосы касались пола. Выйдя замуж без малого в двадцать два года, она быстро начала полнеть, но не потеряла легкости и быстроты движений. По натуре энергичная,

однажды хозяин заплатил ему жалованье лотерейными билетами, и он выиграл в «Золотой лотерее» две тысячи рублей. После этого он смог открыть свое дело, стал купцом второй гильдии. Ему было тогда уже сорок два года. Когда Николай Яковлевич понял, что сможет обеспечить будущую семью, тогда не спеша выбрал себе жену, вдвое моложе себя. Их посватали и 7 июня 1885 г. повенчали. В ту пору, очевидно, в его усах уже начала изрядно поблескивать седина, так как, по словам Марии Матвеевны, свадебный поцелуй оставил на щеке невесты след черного фиксажура.

По счастью, сватовство оказалось удачным. Мария Матвеевна была довольна судьбой. Никто никогда не слышал ее жалоб. Но, по словам моей бабушки, отвергнутого ее родителями молодого человека она иногда вспоминала. Ведь жизнь могла пойти совсем по другой колее: он был преподавателем гимназии, другая была бы среда, другие интересы, и ей, вероятно, не стоило бы больших усилий поставить своих детей на более высокую интеллектуальную ступень, к чему она постоянно стремилась.

«Стерпится - слюбится» - понятие вековой философии народа восторжествовало. Да, действительно, Николай и Мария сжились и слюбились. С развитием семьи, с каждым рождавшимся ребенком Мария Матвеевна все больше привязывалась к мужу - она полюбила его. Да и понятно. Добрый по натуре, Николай Яковлевич окружил ее заботой и вниманием и, несомненно, любил ее. Понимая, что она, выросшая в более благоприятных условиях, выше его по образованию и развитию, он предоставил ей полную свободу и инициативу в руководстве семьей, устройстве дома, всего жизненного уклада. Он признавал ее авторитет и ничего не делал без ее совета. Детям всегда говорил: «Спитайте маму, як мама скаже, так і зробіте».

Николай Яковлевич, по наружности и характеру типичный украинец, числился «казакom Нежинского полка». Он и по внешнему виду был казачьего склада: выше среднего роста, очень плотный, крепкий, с наредкость стройной спиной, прямыми широкими плечами и крупной головой на короткой шее. У него были ласковые темные, почти черные глаза, длинные, всегда зачесанные назад волосы, тщательно выбритые щеки и казацкие усы. Зимними вечерами он позволял детям забираться к себе на колени и тереть голову - «делать прическу». По характеру он был мягким, добродушным, спокойным человеком, хорошим семьянином. В молодости Николай Яковлевич был очень силен физически. Дети с восторгом слушали его рассказы о кулачных уличных боях, в которых он участвовал в молодые годы. Ареной боев была широкая улица. Городские жители выходили с одной стороны, а навстречу, из пригорода, шли другие парни. Дрались отчаянно, бывали и смертельные случаи.

Короткие крепкие пальцы Николая Яковлевича на широкой кисти достались в наследство его старшей дочери Марии и внуку Сергею. Мой отец унаследовал от деда и широкие плечи с крупной головой, и короткую шею, и не любовь к стесняющим шею воротникам. Николай Яковлевич всегда носил малороссийские рубашки из тонкого холста с вышитым на груди украинским узором и невысоким, мягким стоячим воротником. Крахмальная белая рубашка с галстуком очень неохотно одевалась по указанию жены в самых торжественных случаях. Мария Матвеевна тщательно следила за его одеждой, сама все ему покупала, а его шляпы-котелки привозила из Киева - они были более модными, да и нужный размер в Нежине не часто попадался.

Сильный телом, Николай Яковлевич был силен и духом. С открытой, чистой душой, прямой и волевой, он всегда служил детям примером. Старший

сын Юрий не раз в пору жизненных затруднений говорил: «Поступлю так, как наверняка поступил бы отец».

Надо, вероятно, было иметь немалую силу воли, чтобы после того как жена предложила ему, курившему с ребяческих лет, оставить эту привычку, поскольку подрастающим детям не нужен дурной пример, немедленно бросить курить. А однажды, когда он пришел домой обедать и достал как всегда из буфета графинчик и маленькую граненую рюмочку, Мария Матвеевна сказала ему: «Коля! А ведь доктор говорил тебе, чтобы ты бросил пить перед обедом. У нас маленькие дети». И он ответил: «Ну, шо ж, як годі, то і годі» («Если хватит, то и ладно») и больше при детях не прикасался к заветной чарочке. А ведь это была многолетняя привычка!

Мария Николаевна рассказывала, что в доме дышалось легко. Единственный раз - вспоминала она - пришли к обеду дети, затем родители, и вдруг отец, садясь за стол, раздраженно поднял и со стуком положил обратно вилку. Мать спокойно, но твердо сказала: «Коля, здесь дети!» Несомненно, какие-то крупные разговоры среди родителей бывали, но дети их никогда не слышали.

Из семьи дети вынесли хорошие манеры, умение держать себя в обществе, красиво есть, вежливо разговаривать, одеваться по средствам, скромно, но, как говорят, к лицу. Мария Матвеевна обладала хорошим вкусом и сумела привить его детям. Умная, приветливая, она привлекала симпатии людей, всегда готова была прийти на помощь. Любила читать, выписывала газеты и журналы: «Вокруг света», «Природа и люди», «Нива». Приложения к «Ниве» пополняли домашнюю библиотеку трудами классиков.

Мария Матвеевна имела широкий круг знакомств и часто говорила: «Что не могу дать детям я и семья, должны дать окружающие люди». Любила «умные разговоры», умела организовать для подрастающих своих четырех ребят общество культурных, интересных людей, более развитых и образованных, чем она сама. Любила слушать, собирая у себя маленькое, но достойное общество, в котором беседу вели между собой гости, а она незаметно, но умело поддерживала разговор, используя впечатления, полученные в ежегодных поездках по разным городам. Такое общение обогащало внутренний мир, было интересным и, по ее мнению, приносило пользу детям. Читая газеты, она находилась в курсе политических событий. Будучи внимательной и наблюдательной, переносила в домашнюю жизнь культуру, присущую кругу ее знакомых. Поэтому стол был всегда хорошо накрыт, каждый ребенок имел за столом свое место, свою салфетку и должен был спокойно, можно сказать, чинно сидеть, не вмешиваться в разговор взрослых, не высказывать из-за стола, уметь пользоваться ножом и вилкой, притом без понуждений, иначе перед ним переворачивалась тарелка и он вставал из-за стола голодный.

Марии Матвеевне довелось побывать во многих городах Европейской части России и Восточной Европы. Когда моя бабушка, Мария Николаевна, училась в последних классах гимназии, мать нередко брала ее в эти поездки. Марию Матвеевну интересовали памятники старины, музеи, театры. Если в Нежин приезжал на гастроли театр, она обязательно там бывала, нередко прихватывая кого-то из ребят.

Став купцом, Николай Яковлевич открыл свой магазин. В Нежине, на углу Гоголевской (до 1881 г. она называлась Мостовой) и Стефано-Яворской улиц были две лавки: с одной стороны - «Бакалейная торговля Н.Я. Москаленко», с другой - «Гастрономическая торговля Н.Г. Лазаренко» - родственника семьи Москаленко. Кстати, оба купца вместе с другими знатными людьми

Гор. Нежинъ. Гоголевская улица.

Магазин-лавка Н.Я. Москаленко в Нежине. Фотография конца XIX в.

города, среди которых были депутат от духовенства отец Дмитрий Степановский и председатель земской управы Г.В. Забелло, входили в число гласных нежинской городской Думы, о чем сохранился документ с личными росписями всех членов выборного городского собрания.

Торговали с восьми утра до восьми вечера. В обоих магазинах было по одному приказчику и по два мальчика-помощника. Продавали все необходимое для дома: муку, крупу, чай, сахар, соль, копченую рыбу. В лавке всегда висела тонкая сухая прессованная колбаса, которую делал старый грек. Керосин отпускали с черного хода, чтобы в торговом помещении не было запаха. Алкогольные напитки продавать было нельзя, так как лавки находились рядом с Благовещенским монастырем, а до революции повсеместно действовало положение, запрещавшее продавать спиртные напитки ближе двухсот сажен от церкви. Поэтому и у Москаленко, и у Лазаренко винные погреба были на территории усадеб. Если кто-то приходил за вином, посылали мальчика и он приносил вино из погреба. Торговля велась за наличные деньги и в кредит. Существовали «заборные книжки», в которые записывались проданные продукты, а в конце месяца с покупателями производился расчет. Надзор за торговлей в лавках осуществлял санитарный врач Маркевич. Если он по виду, запаху или вкусу определял непригодность тех или иных продуктов, продавать их было нельзя. Для решения спорных вопросов существовал так называемый «третейский суд». Например, выписал Николай Яковлевич маслины в бочках или сельди астраханские. Где-то в дороге рассол вытек. За чей счет убыток? Третейский судья рассуждал так: «Никто не виноват в том, что рассол вытек. Так давайте стоимость бочки с товаром разделим пополам между поставщиком и заказчиком». Это было справедливо и всех устраивало.

Николай Яковлевич книг не читал, но газеты прочитывал исправно, любил рассуждать о политике и сам вел свою бухгалтерию. Разбогатеть он не

смог, не тот был характер. Обвешивать и обсчитывать не умел, а по своей доброты не мог даже собственные деньги истребовать. Жалел молодежь. В числе его постоянных покупателей было много студентов, которые часто просили отпустить им товар в долг до каникул и даже до окончания учебы. А хотелось студентам всегда чего-нибудь вкусенького - жили и питались ведь в институте, хотелось и покурить, иногда, может быть, и пирушку устроить - вот и выручал их Николай Яковлевич. Бывало, говаривал: «Да ведь они молодые, пусть погуляют, отдадут потом». Большинство молодых людей действительно с благодарностью отдавали долги. Некоторые, уехав, уже с мест своей службы высылали долг, но были и такие, которые не отдавали. Тогда он ставил против фамилии красными чернилами крест и зачеркивал фамилию в списке. Список должников, наклеенный на картон, висел возле его конторки и был довольно внушительным. Когда над хозяином по этому поводу подшучивали, он отвечал: «Та бог з ним, мабуть, в них нема грошей».

СOLIDНЫЕ покупатели зачастую засиживались в лавке, созерцая жизнь улицы (это был центр города), особенно если там находилась Мария Матвеевна, обычно в обед сменявшая Николая Яковлевича у прилавка. Она была общительна, разговорчива, чем не очень отличался ее муж.

В семье царил матриархат. Отец понимал, что мать более развита, обладает большим кругозором, чем он, и ничего не делал, не посоветовавшись с ней. Решения всегда принимались сообща. Так, когда дети стали подрастать и настала пора думать об их учебе и жизненном пути, отец сказал матери: «Решай, Маша. Если хочешь сама повеселее пожить, получше приодеться, надо отдать детей в ремесло. Девочки могут стать, например, портнихами. Тогда мальчикам все наше останется в наследство, а девочки получают приданое. Иначе мы не вытянем». Но мать вынесла решение: все дети должны получить образование. Оно заменит им в жизни все: мальчикам - наследство, девочкам - приданое. Как она оказалась права! Пришла революция, и дети нашли свое место в жизни. Она не могла предвидеть события, ведь был лишь конец XIX в., но интуиция матери, желание поднять своих детей на более высокую ступень культуры ее не подвели. Николай Яковлевич, как всегда, не возражал жене, и все четверо получили высшее образование. Но для учебы детей доходов отца было мало, и мать, имевшая твердый, решительный характер, дар предприимчивости и, несомненно, большие организаторские способности, сумела найти достойный путь.

Нежин славился в ту пору на всю Россию своими соленьями - знаменитыми «нежинскими огурчиками». Ими в Нежине занимались давно, и Мария Матвеевна тоже решила попробовать счастья. По ее инициативе было решено продать дом и купить большую усадьбу в центре Нежина на улице А.Ф. Кушакевича. Усадьба занимала около гектара земли. Она включала дом греческой архитектуры, фруктовый сад с вишнями, яблонями, грецким орехом, большой двор. Дом был старинный, деревянный, одноэтажный, но на высоком кирпичном фундаменте. Как принято в греческих постройках, вход был со двора - высокое крыльцо, а на нем четыре массивные колонны. Крыльцо смотрело на восток, с него открывался вид на гостиницу «Ливадия». С противоположной стороны раскинулся сад, граничивший с усадьбой члена суда помещика Рышкова, за младшей дочерью которого, Любой, ухаживал младший сын Василий Николаевич Москаленко. Парадное крыльцо дома вело в переднюю, из которой можно было войти в столовую, гостиную и спальни родителей, мальчиков и девочек. Справа от передней имелись еще две небольшие комнаты, одна из них выходила во двор, а другая на улицу

*Городской сквер в Нежине с памятником Н.В. Гоголю.
Фотография начала XX в.*

Кушакевича. В них жили экономка Варвара Ивановна и горничная. На улицу выходили четыре окна. В подвале размещались склады и погреба. Просторная кухня занимала отдельное строение в глубине двора.

Напротив дома располагался городской сквер с памятником Н.В. Гоголю и высеченными на нем такими точными словами писателя: «Определено мне чудной властью озирать жизнь сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы».

Дом был куплен у старой гречанки Бояновской, которой тогда было уже за девяносто лет. Согласно договору она до конца дней жила в маленьком флигеле, отделенном забором от остальной территории. Мария Николаевна помнила и рассказывала мне, что угол ее комнаты был заполнен старинными иконами. Она подолгу стояла на коленях и заставляла маленькую Марусю становиться рядом. Девочке же больше нравилось рассматривать старинную обстановку комнаты и особенно шкафчик с греческой посудой. Когда Мария Матвеевна стала делать ремонт дома, то увидела, что нижние обои в гости-

ной были позолоченными. На вопрос - почему так? - бывшая хозяйка ответила, что в этом доме когда-то ее дед принимал знатных вельмож, поэтому и сделали в гостиной золоченые стены.

У этой же бывшей владелицы усадьбы Мария Матвеевна узнала рецепт засолки огурцов. Осторожно начав дело, она вскоре развернула его широко.

В августе, когда поспевал урожай, экономка Варвара Ивановна шла на базар и возами покупала огурцы, причем только определенного размера, только «полугодинку», то есть очень маленькие огурчики. Товар привозили домой и сейчас же брали в работу. Во дворе стояли два огромных чана. Мария Матвеевна по лестнице поднималась к одному из них, опускала туда какую-то трубку и кричала: «Добавьте два пуда соли!». Дети никак не могли понять, как это она, не пробуя воды - соленая или нет, - знает, что ее нужно подсолить и в каком количестве. Оказывается, у нее уже тогда был ареометр. Когда добавляли требуемое количество соли, она кричала: «Довольно!». Это и был рассол для засолки огурцов. Потом огурцы затаривали в маленьких бочонках, часть которых продавали на вокзале. Кроме этих бочонков, затаривались и большие, десятиведерные бочки. Во время засолки во дворе работали нанятые девушки, иногда приглашали и солдат. Договаривались с начальством, которое не прочь было дать подработать солдатам, и брали их поденно. Солдаты закатывали бочки в погреба, а небольшую часть помещали в леднике во дворе дома. Вот как описывает в дневнике эту заготовительную страду знакомая семьи Москаленко, этнограф Е.Г. Спасская: «На широком дворе кипела работа: лежали горы бочонков, подъезжали вереницы подвод с огурцами, фруктами, сутились работники, топились дровяные печи, варилось варенье, солились огурцы, мариновались грибы».

Процесс засолки продолжался около месяца. Как только он заканчивался, Мария Матвеевна уезжала продавать соленья. Она не пользовалась услугами так называемых коммивояжеров, которых тогда, до революции, в России было много. Один продавал печенье Сиу, другой - конфеты Абрикосова, третий - папиросы Попова, четвертый - сукно Морозова и так далее. Такие коммивояжеры приезжали и в Нежин, договаривались с купцами: сколько прислать бочонков астраханских сельдей или чего-либо другого. Одним словом, торговля шла через посредников. Но Мария Матвеевна их не признавала. Молодая, интересная, умная, обладавшая даром общения и убеждения, живо использовавшая сочный украинский фольклор, она сама ездила к своим крупным заказчикам, лично налаживала связи. Бывала в Москве, Санкт-Петербурге, Варшаве, Лодзи, Риге, Любаве и многих других городах. Заключала договоры на поставку партий засоленных огурцов в различных тарах - от бочок и маленьких бочонков до больших бочек. Занималась в поездках сбором информации - ее интересовали покупатели: что они собой представляют, что хотят купить. Это было нужно, чтобы полнее удовлетворять спрос, увеличивая или видоизменяя производство, расширять ассортимент.

Мария Матвеевна оценивала беседы с покупателями как важную часть своей деятельности, словно подтверждая древнеримский афоризм: «Владеть информацией - значит управлять». Все советы и пожелания клиентов заносить в толстую «амбарную книгу» со специальным рубрикаторм, соответствующим задаваемым вопросам: о товаре, цене, стоимости перевозки, о социальном положении покупателей, их возрасте и роде занятий, уровне доходов, даже о принадлежности к тому или иному вероисповеданию

По возвращении в Нежин - а она отсутствовала дома иногда не меньше месяца - Мария Матвеевна приводила собранные сведения в порядок. Обла-

дая аналитическим умом и развитым воображением, она систематизировала их, группируя покупателей по схожим потребностям, оценивая свои возможности, и принимала решение о производстве новой, более «адресной» продукции. В связи с этим заказывались определенные сорта огурцов, соответствующие пряности и специи, разрабатывались новые рецепты маринования и засолки, закупалась необходимая тара. Делалось все, чтобы не только производить товар, но и придавать ему привлекательный внешний вид.

Рачительная хозяйка не забывала своих клиентов в течение всего года. К Рождеству и Пасхе она посылала им поздравительные открытки, в которых интересовалась здоровьем, успехами в решении житейских и прочих проблем. С некоторыми устанавливались дружеские отношения, и они даже, бывало, гостили в семье Москаленко в Нежине. В городе считали, что торговые успехи Москаленко связаны с тем, что Мария Матвеевна «разумно ведет хозяйство». Нежинские конкуренты удивлялись, разводили руками и уважительно говорили: «Маруся у нас умная, знает, как прибыль получать. Вот придумала ездить по всему миру - узнавать, какие там огурчики нужны». Тогда никто и представить не мог, что «разумное ведение хозяйства» Марией Матвеевной получит через полвека профессиональное название «маркетинг».

Возвращение Марии Матвеевны после долгого отсутствия домой для детей было праздником. Она привозила то граммофон, которого ни у кого в Нежине не было, то красивые платки из Варшавы, то еще что-то интересное. Обычно, когда она приезжала, в доме собирались родственники, друзья, и все с интересом слушали ее рассказы. После одной из поездок Мария Матвеевна сказала: «Вы знаете, я дала образцы солений одному из великих князей, и он обещал, что передаст их церемониймейстеру его Императорского Величества Николаю II, так что, возможно, мое соление попадет к царскому столу. Тогда мы на ярлыке «Соления Москаленко» допишем: «...поставщика Двора Его Императорского Величества». Одна из родственниц, просидевшая всю жизнь с детьми и ничего, кроме Нежина, не видевшая, не преминула при этом заметить: «Ой, Маша, не бреши, не може бути, щоб ти до самого царя долізла зі своїми огірками». Дошли ли соления до царя или нет, неизвестно, но вот грамоты и медали Мария Матвеевна за свою продукцию получала. Всегда много работая, вставая с рассветом, приходя вечером в дом уставшей, она успевала вести жизнь семьи по раз заведенному порядку, за которым строго следила.

Николай Яковлевич тоже принимал деятельное участие в ее работе, но его заботами были, главным образом, бухгалтерия и канцелярия. Он вел записи, счета, переписку с клиентами. Детей к этим делам не привлекали, лишь старший сын Юрий в последних классах гимназии иногда помогал отцу в его подсчетах, а моя бабушка, Мария Николаевна, участвовала в переписке.

Мария Матвеевна была живой, общительной женщиной, да и Николай Яковлевич веселье в доме любил. В обществе близких друзей и родных он был весел и приветлив. Его именины на зимнего Николая всегда отмечались торжественно. В этот день вся семья отправлялась в собор. Во главе шествовал именинник, облаченный в парадную, богатую шубу - доху английского сукна с красивым бобровым воротником - и высокую меховую шапку. Сохранилась фотография Николая Яковлевича, остановившегося отдохнуть у крыльца своего старинного дома с колоннами после богослужения в соборе. Вся семья в такой день тоже выглядела по-праздничному. Получали много поздравлений, тортов, а вечером принимали гостей. В гостиной зажигали

Н. Яковлевич *НѢЖИНЪ*

*Николай Яковлевич Москаленко.
Нежин, 1 октября 1905 г.*

М. Матвеевна *НѢЖИНЪ*

*Мария Матвеевна Москаленко.
Нежин, 1 октября 1905 г.*

керосиновую лампу и стеариновые свечи на красивой люстре с майоликовым дном и стеклянными подвесками. Кто-то музицировал на пианино, мужчины пели старинные украинские песни. У Николая Яковлевича в молодости, по словам моей бабушки, был приятный баритон. Она вспоминала, как он пел: «Засвистали козаченьки в поход з полуночі, заплакала Марусенька свої карі очі...». Мария Матвеевна любила пение и музыку, сама иногда играла на скрипке - научилась в пансионе.

День ангела Марии Матвеевны - 15 августа - отмечался тоже очень торжественно. Так же шумно и весело праздновались именины моей бабушки Марии Николаевны - 25 марта, на Благовещение, - и именины других детей. В такие дни собиралась одна молодежь.

Дети росли, домашнее общество менялось. Николаю Яковлевичу стало уже трудно поддерживать беседу, но он по-прежнему оставался любезным, гостеприимным, приветливым хозяином. Слушал в гостиной разговоры и потчевал гостей своими чудесными наливками, а их заготавливали в большом количестве. Сам он не пьянел, да, кстати, пьяных в доме никогда и не было. Пили наливку маленькими рюмочками за интересной беседой, за долгим ужином, пили, как говорится, «со вкусом», ради общения.

Религиозным Николай Яковлевич не был, в церковь ходил, когда жена считала нужным. Со слов бабушки, никто никогда не видел его молящимся дома. Мария Матвеевна всегда молилась перед Казанской иконой Божьей Матери, и эта икона до сих пор хранится у меня. Основные молитвы были о детях. Мария Матвеевна обычно читала «Отче наш...» и обязательно «Господи, спаси и сохрани моих детей», прибавляя сюда затем и внуков, а потом и меня - свою правнучку.

В семье всегда соблюдали большие посты - перед Пасхой и перед Рождеством. Мария Матвеевна постилась все время поста, а Николай Яковлевич и дети только на первой и последней неделях, и то облегченно, то есть просто не ели мяса. Мария Николаевна рассказывала, что отец в эти дни потихоньку подкармливал детей колбасой. Обычно он, когда никого не было в столовой, шепотом звал их и быстро вынимал из кармана лакомый кусок. Порезав колбасу тут же, на самоварном столике, говорил: «їжте швидше, доки мама не бачить». Это был их секрет.

На Рождество и Пасху в гимназиях бывали недельные каникулы. Праздники Рождества и Пасхи проходили в семье с особенным подъемом и соблюдением многих народных традиций. В Сочельник полагалось ничего не есть до первой звезды, очевидно, следуя известной легенде о Звезде Вифлеемской, под которой родился Христос. Ужинали поздно вечером, когда вся семья была в сборе. Кстати, в семье вообще считалось за правило всем одновременно бывать за столом. Бабушка очень образно описывала мне такой ужин, который всегда проходил необычайно торжественно. В красном углу, как почитительно говорили, «стояли» иконы. Фактически они висели на стене, и перед ними, как в церкви, горела лампадка. Это было красиво: сверкали оклады, сияли лики святых. На столике под иконами лежало душистое сено и на нем стояла кутья, то есть круто сваренная пшеница или рис с изюмом, грецкими орехами, медом и маком, а также узвар - компот из сушеных фруктов. К ужину подавали постный холодный борщ с черносливом, постные голубцы с пшеном и поджаренным луком, фаршированный рисом с изюмом запеченный целиком карп, а затем кутью и узвар.

Утром вся семья чинно шествовала в Николаевский собор. Вечером приходили гости - Евдокия Тимофеевна и родственники. Дети развлекали их своей самодеятельностью. В гостиной стояла нарядная елка, на ней горели свечи. Обычно во время ужина появлялся хор - большая группа мужчин (часть соборного хора), которые пели святочные и украинские народные песни. С ними приходили ряженые - «медведь» или «коза» - и приносили с собой большую светящуюся Вифлеемскую Звезду. Назавтра рано утром прибегали ребятишки, разбрасывали в прихожей горсточку зерен ржи и пшеницы и колядовали: «Сію, вію, засіваю, з Рождеством поздоровляю. Щедрик-ведрик, Дайте вареник, грудочку кашки, кільце ковбаски. Сію, вію жито-пшеницю, Добрим людям та й на здоров'є» и т.д. Они получали пятаки, конфеты и весело убегали. Вечернему хору полагался целковый - рубль серебром. На второй день праздника все ехали к Евдокии Тимофеевне, и там веселье начиналось снова.

*Николай Яковлевич Москаленко
на крыльце своего дома в Нежине. 1906 г.*

*Николай Яковлевич
и Мария Матвеевна Москаленко
во дворе своего дома в Нежине.
1907 г.*

Святки продолжались до Крещения, сопровождалась гаданием и маскарадами. Крещение было очень значительным праздником, а канун его называли «голодная кутья» - в этот день соблюдался строгий пост. В сумерки няня Параскева, привезенная Марией Матвеевной из России для общения с детьми на русском языке, тепло одетая, закутанная платками, брала с собой Юрия, старшего из ребят, и отправлялась, несмотря на трескучий крещенский мороз, во двор - писать кресты. Кресты полагалось рисовать мелом на всех дверях и окнах усадебных построек. Чертил кресты Юрий, а няня, неся в руках «святую воду» от прошлогоднего Крещения и кропило из сухих васильков, но не цветов, а стеблей, - кропила все двери и ставни дома. После окончания священнодействия посуда с водой, кропило и мел водружались на столик под образами, где уже на сене стояли кутья и узвар, лежала свежеспеченная пачьяница.

Перед началом ужина, когда все уже сидели за столом, отец говорил: «Юрий, позови Деда Мороза». Юра подходил к окну, стучал по стеклу и говорил: «Дед Мороз, Дед Мороз, иди к нам кутью есть!» Дети в этот вечер страшно завидовали Юрию, но понимали, что он как старший имел право на это приглашение. «Голодная кутья», или шарпанина, - это вымоченный соленый судак, слегка обжаренный в мукe и тушеный с большим количеством лука и картофелем в подсолнечном масле. Не очень сытно, но, что делать, - традиция...

На Крещение в Нежине происходило «освящение» воды. На расчищенном льду реки вокруг заранее сделанной большой проруби рисовали разноцветные символы крещения и устанавливали кадушку с речной водой. Сюда приходило из Николаевского собора пышное церковное шествие с хоругвями, и старший из духовенства производил «водосвятие», погружая крест в

кадушку. Находились смельчаки, которые при этом окунались в ледяную воду проруби, иногда при очень сильном морозе. Люди верили, что в этот день не простудятся.

Следующим, еще более торжественным событием в жизни семьи и города была Пасха - всеми любимым праздник. Готовились к нему с большим подъемом. Дети с увлечением раскрашивали пасхальные яйца. В канун Светлого Христова Воскресения, в Великую Субботу, вся семья вечером отправлялась в Николаевский собор на службу, крестный ход и торжественную литургию. В соборе у семьи Москаленко, как и у нескольких других знатных семей, имелось постоянное место неподалеку от алтаря. На Пасху собор был особенно красив и величествен. Множество горящих свечей, торжественное песнопение создавали праздничное настроение. После окончания службы возвращались домой к заранее накрытому столу и начиналось «разговление». В такой день стол был покрыт белоснежной скатертью, сервирован фамильным серебром и украшен специально выращенными к Пасхе гиацинтами. Он просто ломился от изобилия. Были там и творожные пасхи различного цвета и вкуса, и куличи разнообразной формы и размера, которые в Малороссии тоже называли пасхами, и крашеные яйца, и красная и черная икра, и всевозможные сорта копченых рыб, окорока, поросята, фаршированные гречневой кашей и, конечно же, нежинские огурчики. В хрустальных штофах искрились собственные наливки и настойки, различные пунши.

Для освящения всего этого вкусного разнообразия в состоятельные семьи, в том числе к Москаленко и Лазаренко, в субботу приходил священник. Он получал за это рубль. А люди победнее приносили куличи и яйца в церковь, где их освящали бесплатно.

В пасхальную ночь во всех церквях Нежина гудел неумолчный колокольный перезвон: когда он стихал на одной колокольне, его подхватывали колокола на другой.

С утра начинались поздравления. Первыми обычно приходили околоточный полицейский надзиратель и дворник. Однажды произошел курьезный случай. В 1890 г. праздник Пасхи пришелся на первое апреля - день шуток и обманов. Пришедший с поздравлениями полицейский принял за шутку сообщение дворника о том, что «сегодня наша барыня сына родила». Мария Матвеевна была женщиной полной, но энергичной, подвижной до самых родов и незаметно для многих окружающих выносила третьего ребенка. В тот день появился на свет ее младший сын - Василий Николаевич Москаленко.

Мария Матвеевна постоянно заботилась о детях. Мария Николаевна вспоминала, что до пятого класса, то есть до четырнадцати лет, ей не разрешали ездить или ходить без провожатых. Старший брат Юрий имел наказ: «Ты хочешь проводить девушку - пожалуйста, но проводи сначала сестру. Когда она войдет в калитку, ты - свободен».

Среди зимних развлечений в Нежине было катание на коньках: на реке Остер и на озере в Графском саду. На берегу Остра во время катания играл военный оркестр и туда любили ходить кататься сестры Москаленко и Лазаренко. В Графском саду каток был без музыки.

Когда дети переходили в старшие классы гимназии, начинался их «выход в свет». Ходили обычно в Купеческий клуб, всегда вместе с матерью. Этот клуб находился в центре города, на Гоголевской улице. Невдалеке располагался Дворянский клуб, а на Московской улице, где стояла 44-я артиллерийская бригада, - Офицерское собрание. Был еще Народный дом. В Дворянском клубе собирались состоятельные дворяне и разночинцы: судейские и

В доме Москаленко. Мария Матвеевна играет на скрипке для старшего сына Юрия Николаевича и его знакомой. Нежин, 1906 г. Фотография В.Н. Москаленко

почтово-телеграфные чиновники, служащие городской управы, учителя. В Купеческий клуб приходили в основном купцы. В каждом клубе имелись библиотека, ресторан, зал для танцев. Мужчины, как правило, играли в карты и говорили о политике, а для женщин по большим праздникам - на Рождество, Масленицу, Пасху - устраивались вечера с концертами и танцами под музыку. Сами же праздники и семейные торжества нежинцы предпочитали отмечать не в клубах, а дома - в то время культ семьи был высок.

Раза два-три в год устраивались вечера в мужской гимназии, куда приглашали и гимназисток. Для приема гостей освобождали три класса, в одном из которых устраивали гардероб, в другом - буфет, а в третьем на Рождество ставилась елка. Гвоздем вечера всегда бывал концерт силами гимназистов. Вначале выступал гимназический хор, затем следовали мелодекламация, игра на музыкальных инструментах, пение. Концерт продолжался около полутора часов, после чего начинались танцы.

И еще в то время распространены были так называемые «журфиксы» (в переводе с французского - «закрепленные дни»), когда собирались представители отдельных профессий или просто друзья. Например, дружили несколько семей и каждая по очереди проводила журфиксы. Нередко их устраивали в семьях, где была молодежь. В семье Москаленко встречались по воскресеньям. Это были как бы «дни открытых дверей», когда мог прийти любой, но обычно собирались родственники и друзья. Гости располагались в гостиной. Когда дети были еще маленькими, они по очереди входили туда и декламировали стихи, чаще всего Пушкина и Лермонтова. В гимназические и студенческие годы молодежь разыгрывала театральные сцены из греческой или русской драмы, например сцену «У фонтана» с Лжедмитрием и Мариной

Мнишек из пушкинского «Бориса Годунова», а также представляла в лицах басни, создавая «живые картины».

Мария Николаевна, по воспоминаниям Василия Николаевича, очень выразительно читала стихи Некрасова. Особенно любила она поэму «Русские женщины» и так хорошо читала, что кое у кого из слушательниц на глазах выступали слезы. Некоторые стихи читали под музыку. Так, грустные строки Надсона «Спи спокойно, моя дорогая» исполнялись под траурный марш Шопена, «Лесной царь» Гёте - под Бетховена. Музыки на вечерах всегда было много. У Марии Матвеевны был хороший слух, она играла на скрипке танцевальную музыку, а когда пели - аккомпанировала. Немного играл на скрипке Юрий, на фортепиано - Мария, Василий и Анна. Все очень любили Шопена. Танцевали под граммофон. Летом в саду играли в горелки, крокет, городки и в другие игры.

Мария Матвеевна предпочитала, чтобы дети развлекались дома, а не где-то в других местах. Тем более что условия позволяли: большая усадьба, просторная гостиная, всегда сытный, вкусный ужин с небольшим количеством вина и чай с домашним печеньем.

Весной в саду цвели вишни и яблони, благоухал жасмин. Мария Матвеевна разбивала прекрасные цветники и вообще очень любила природу. Эта любовь передалась ее детям и внукам, в том числе моему отцу.

Такой была жизнь в доме наших предков.

Мой прадед Николай Яковлевич Москаленко прожил семьдесят шесть лет и умер 16 июля 1920 г. Похоронен он в Киеве на кладбище Покровского женского монастыря. Быть может, от него мой отец унаследовал порядочность и упорство, которые помогали ему преодолевать все жизненные препятствия и невзгоды.

Прабабушка Мария Матвеевна дожила до 1940 г. И хотя мне в ту пору было меньше пяти лет, я запомнила ее очень доброй, ласковой и всегда улыбающейся. У нее была диабетическая гангрена ноги, и последнее время она уже не вставала с постели. Почувствовав приближение конца, она приняла самоотверженное решение. Безусловно, ей, такой религиозной, хотелось быть похороненной по христианскому обычаю - в земле и с отпеванием в церкви. Но самым главным в ее жизни всегда было благополучие семьи. Она понимала, что в то тяжелое время, когда религиозные обряды не поощрялись, а ее внук Сергей, мой отец, был арестован, церковная церемония могла нанести вред ее детям и внукам. Тревожась за их судьбу, она незадолго до смерти попросила пригласить на дом священника для последних обрядовых молитв, сказав: «Отпевать меня не надо, похороните в крематории». Этим благородным поступком она сняла тяжесть с души своих детей, еще раз продемонстрировав мудрость и заботу о них. Она умерла 8 марта 1940 г. Ушла из жизни умная, честная, добрая женщина, создавшая большую семью, которую вывела на новый, более высокий уровень жизни. И дети ее много раз повторяли: «Спасибо маме!» Несомненно, ее ум, сила воли, любознательность, инициативность, организаторские способности, увлеченность работой, умение смотреть в будущее передались и моему отцу.

Мать моего отца, Мария Николаевна, урожденная Москаленко, родилась 28 февраля 1888 г. В метрической книге Иоанно-Богословской церкви г. Нежина есть запись: «Тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года, февраля двадцать восьмого родилась, а марта пятого крестилась Мария. Родители ее: мещанин г. Нежина Николай Яковлев Москаленко и законная жена его Мария Матвеева, оба православного вероисповедания. Восприемники: козак Михаил Матвеев Фурса и козачка Евдокия Тимофеева Фурсиха».

В семье было четверо детей с разницей примерно в два года. Как это бывает во многих семьях, дружили парами: двое старших - Георгий (Юрий) и Мария и двое младших - Василий и Анна (Нюша). По словам Василия Николаевича, на Марусю все дети смотрели с восхищением: она была красива и обладала уже с детства сильным и властным характером. Интересным в молодости был и Юрий, красивым и изящным - Василий. Нюша, самая младшая, старалась равняться на старшую сестру.

Мальчики учились в мужской классической гимназии, состоявшей при нежинском Историко-филологическом институте князя Безбородко. Она давала хорошее среднее образование. В гимназии была очень строгая дисциплина, за которой следили два надзирателя. Помимо наблюдения за порядком в самой гимназии, они после восьми вечера ходили по улицам, заходили в кино или цирк и задерживали гимназистов, которым гулять в такое время разрешалось только по субботам.

Девочки учились в женской гимназии П.И. Кушакевич на Гоголевской улице. Гимназистки носили коричневую форму с черным, а по праздникам - с белым фартуком. В каждом классе за порядком следила своя классная дама.

Как в мужской, так и в женской гимназиях один-два раза в год устраивались вечера художественной самодеятельности, на которые приглашались гимназисты, студенты, офицеры, а иногда и родители. В гимназии П.И. Кушакевич 15 и 20 марта 1902 г. в присутствии членов Гоголевской комиссии проходили так называемые «Гоголевские утра», посвященные 50-летию со дня кончины великого писателя. Сестры Мария и Анна Москаленко, обладавшие способностями и любовью к декламации, прочли отрывки из «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и из «Мертвых душ». Согласно отзыву членов Гоголевской комиссии, «...благодаря тщательной разработке номеров программы, умело составленной членами комиссии по устройству внеклассных чтений, благодаря любви к делу со стороны членов этой комиссии, и особенно преподавательнице Н.О. Шарко, оба Гоголевских утра женской гимназии сошли в высшей степени удачно, и юные исполнительницы программы награждались дружными аплодисментами».

В доме Москаленко все дети любили читать. В младших классах гимназии Мария увлекалась Фенимором Купером и Майном Ридом. В ее представлении в то время идеальный мужчина должен был быть красивым, сильным и храбрым. Ей нравились «Следопыт» и «Последний из могикиан». Позже она увлеклась фантастикой и стала больше ценить в людях ум, воображение, знания. Она несколько раз перечитывала «20 000 лье под водой» Жюль Верна, любила читать о полетах на воздушном шаре в книге «Воздушное путешествие через Африку» (авторское название - «Пять недель на воздушном шаре»), переживала, успеет ли подняться шар, или негры схватят и растерзают человека, спустившегося к ним с небес.

В старших классах гимназии Мария с наслаждением читала Пушкина, Лермонтова, Тургенева. Татьяна Ларина, тургеневские женщины были для нее тогда идеалом. Она любила читать и Григоровича, зачитывалась историческими романами. Мариин был близок по духу колорит украинской жизни. Она упивалась Гоголем, особенно «Вечерами на хуторе близ Диканьки». Стараясь, чтобы мама не видела, приносила от гимназических подружек романы Вербицкой, Чарской и других авторов «для взрослых». Мария Матвеевна говорила: «Успеешь, в последнем классе прочтешь». После окончания семи классов Мария подала прошение начальнице гимназии о зачислении в число воспитанниц восьмого класса, что давало право в дальнейшем, после окончания гимназии, работать в качестве домашней учительницы русского языка.

Старшие брат и сестра окончили гимназии одновременно, так как Юрий в детстве был болезненным и вялым мальчиком, и его в пятом классе, по совету инспектора гимназии, оставили на второй год. Мать купила ему велосипед, поила парным молоком и за лето он вырос, возмужал, поздоровел, стал хорошо учиться и прекрасно окончил гимназию.

Родительский дом был большой. Мальчики имели по отдельной комнате, а девочки жили вместе. В комнате Юрия располагалась собранная им библиотека с сочинениями любимых классиков. Там же в шкафу был спрятан, например, томик Шевченко, который считался тогда вольнодумцем. Время от времени дети доставали его и читали тайком. Зачастую Юрий приносил от товарищей по гимназии запрещенные книги. Он давал их прочесть брату и се-

Мария Николаевна Москаленко, будущая мать С.П. Королева, в день поступления в гимназию с братом Юрием Николаевичем. Нежин, 1 сентября 1896 г.

Гимназия П.И. Кушакевич в Нежине, где учились сестры Мария и Анна Москаленко. Фотография конца XIX в.

страм, только просил ничего не говорить маме. Это был 1905 год. Наступал период, когда «голова бродили».

События революционного времени коснулись и провинциального Нежина. В марте 1905 г., когда Мария училась в восьмом классе, напротив женской гимназии, расположенной в центре города, собралась демонстрация. Городской полицмейстер, который хорошо знал семью Москаленко и боялся, что дети будут участвовать в демонстрации, а ее было решено разогнать, прислал околоточного сказать Марии Матвеевне, чтобы она увела своих детей. Срочно были посланы гонцы в мужскую гимназию за Юрием и Василием и в женскую - за Марией и Анной с наказом передать им, что маме плохо с сердцем и надо скорее бежать домой. Когда они, запыхавшиеся, вбежали на крыльцо своего дома, Мария Матвеевна встретила их, сказав, что ей уже лучше, но что она просит их никуда больше не уходить. А демонстрацию действительно разогнали, используя брандспойты.

18 октября того же года демонстрация повторилась. Когда она проходила по Гоголевской улице мимо лавки Москаленко, Николай Яковлевич увидел в первых рядах своего старшего сына Юрия, студента Историко-филологического института. Отцу удалось пробиться в ряды демонстрантов и втащить сына в лавку. В память этих событий на здании бывшей женской гимназии впоследствии была открыта мемориальная доска с надписью: «На цій вулиці 19 березня та в жовтні 1905 року відбулися політичні демонстрації трудящих міста Ніжина на підтримку першої Російської революції».

Мария Матвеевна запретила Юрию ходить на студенческие сходки и предложила студентам собираться у них дома. Кончилось это тем, что в один такой вечер в столовую вбежала горничная и сказала, что в парадной звонит пристав, а вокруг дома стоят городовые. Мария Матвеевна сама вышла на парадную лестницу и встретила пристава с распростертыми объятиями и словами:

Г. Макиной **НѢЖИНЪ**

Мария Москаленко в день окончания
6 класса гимназии. Нежин, май 1903 г.

Надпись на обороте

Мария Москаленко в 6 классе гимназии.
Нежин, 1903 г.
Фотография В.Н. Москаленко

Мария Москаленко с братом Василием.
Нежин, 1903 г.
Фотография А.Н. Москаленко

А. Серебряный *Нежинъ*

Мария Москаленко с подругой Соней Мичеевой на катке.
Нежин, 1904 г.

Мария Николаевна с матерью Марией Матвеевной. Нежин, 1905 г., Рождество.
Фотография В.Н. Москаленко

Мария Николаевна (слева), Юрий Николаевич, Анна Николаевна, Василий Николаевич (на переднем плане). Нежин, 1905 г., Рождество.
Фотография М.М. Москаленко

Мария Николаевна. Нежин, 1905 Рождество.
Фотография В.Н. Москаленко

«Ах, как хорошо, дорогой, у нас сегодня именины, собралась молодежь и стол уже накрыт. Прошу выпить с нами рюмочку». Пристав извинился, сказав, что у него есть дела, и он зайдет в другой раз.

Осенью 1905 г. в городе произошел еврейский погром. Семья Москаленко прятала в подвале своего дома соседскую еврейскую семью директора страхового общества «Надежда» и укрывала в саду телеги и повозки с их имуществом. После того как погром закончился, к Николаю Яковлевичу пришла делегация от городской еврейской общины с благодарственным письмом раввина за сочувствие и помощь.

В семье все дети получили высшее образование. Юрий и Василий после окончания гимназии подали прошение на имя директора Историко-филологического института князя Безбородко и были приняты в число студентов. Этот институт - одно из первых на Украине высших учебных заведений - заслуживает того, чтобы о нем рассказать особо.

Он был учрежден двумя братьями: князем Александром Андреевичем Безбородко, который благодаря своим способностям стал при Екатерине II ее первым секретарем, а при Павле I - Государственным канцлером, и сенатором - графом Ильей Андреевичем Безбородко. Их родовое имение находилось в селе Стольном Черниговской губернии, а на принадлежавших им землях располагались окрестные села Нежинского уезда. В 1799 г., незадолго до своей смерти, в «Записке для моего духовного завещания» А.А. Безбородко выделил значительную сумму на содержание «богаделен для престарелых и увечных» в городе Нежине. Через шесть лет после смерти брата И.А. Безбородко решил выполнить волю покойного. Большую роль в определении целевого применения капитала сыграл племянник братьев Безбородко - князь Виктор Павлович Кочубей, который воспитывался в доме князя А.А. Безбородко. Он занимал ответственные государственные посты при четырех (!) императорах: при Екатерине II был камер-юнкером, при Павле I - действительным тайным советником и вице-канцлером, при Александре I - министром внутренних дел, при Николае I - Председателем Государственного Совета и кабинета министров.

По предложению В.П. Кочубея (в 1805 г.) было решено вместо «богаделен, больниц и малых училищ» основать институт, потому что «...Малоросія університетів не має». В том же документе В.П. Кочубей рекомендовал для этой цели город Нежин, так как здесь имелся подходящий большой участок земли с прекрасным парком на берегу реки Остер. 19 июля 1805 г. на имя императора Александра I была подана докладная записка с просьбой о разрешении постройки нового учебного заведения в Нежине. При этом граф И.А. Безбородко передавал на постройку деньги брата и участок земли, пообещав также обеспечить строительство лесоматериалами и рабочей силой. 25 июля 1805 г. сенат после получения «высочайшего соизволения» принял постановление об основании в Нежине «Гимназии высших наук Князя Безбородко».

Здание строилось 12 лет (1805-1817). Граф И.А. Безбородко умер, не дождавшись завершения строительства. Довел дело до конца его внук - граф А.Г. Кушелев-Безбородко. Открытие нового учебного заведения, предназначенного для юношей, состоялось 4 сентября 1820 г. Название «Гимназия высших наук Князя Безбородко» оно носило до 1832 г.

Своими учебными планами гимназия напоминала Царскосельский лицей - то же сочетание предметов средней и высшей школы, а по Уставу приравнивалась к университетам. С ее открытием Нежин стал единственным в России уездным городом, имевшим свое высшее учебное заведение. За 12 лет

*Нежинский Историко-филологический институт и гимназия.
Фотография начала XX в.*

существования гимназии в ней состоялось восемь выпусков. Ее окончили 105 человек и среди них - Николай Васильевич Гоголь. В 1909 г., к 100-летию со дня его рождения, в институте был открыт музей писателя, а на фасаде здания установлена мемориальная доска со словами: «Здесь учился Гоголь с мая 1821 по июнь 1828 г.»

В 1832 г. гимназия была преобразована в Физико-математический лицей, готовивший военных инженеров для артиллерии, а в 1840 г. - в Юридический лицей. С 1875 г. учебное заведение стало называться Историко-филологическим институтом князя Безбородко и готовить учителей для классических гимназий. Обучавшиеся здесь иногородние юноши именовались казенно-коштными студентами. На средства, оставленные князем А.А. Безбородко, их обучали, кормили и одевали, но при этом на обороте выдаваемых дипломов указывалось, что они должны в течение трех лет служить в Министерстве народного просвещения с удержанием расходов за полученное образование. Таким образом первоначальная благотворительная сумма оказывалась неисчерпаемой.

Институт занимал громадное по тем временам трехэтажное здание, фасад которого украшали двенадцать белых колонн и фамильный герб семьи Безбородко со словами: «Labore et Zello» («Трудом и усердием»). В правом крыле первого этажа находились администрация института и больница на 6-8 коек со своим фельдшером. В левом крыле располагались графские покои - несколько комнат с картинами и обстановкой начала XIX в. Здесь же находилась Свято-Александровская домовая церковь с колокольней. Ее священники имели академическое образование и преподавали закон божий в гимназии и богословие в институте. На заутрене в пасхальную ночь студенты читали Евангелие на двенадцати языках. Служба была настолько красивой, что на

нее приезжали даже бывшие студенты из других городов. Студенты ходили в церковь по желанию. Гимназисты же были обязаны присутствовать на службе каждое воскресенье. Они стояли в церкви рядами с правой стороны, а гимназистки из женской гимназии - тоже рядами с левой. Справа от алтаря на специальном коврике располагалось начальство - директор института и рядом с ним директор гимназии. На клиросе пел гимназический хор. Служба обычно продолжалась так долго, что гимназистки иногда падали в обморок.

На втором этаже институтского здания находились учебные классы. Здесь был и актовый зал, со стен которого строго глядели портреты российских императоров и императриц в золоченых рамах, а также братьев Безбородко и графа А.Г. Кушелева-Безбородко. В этом зале ежегодно устраивались балы, на которые приглашались гимназистки последнего, восьмого класса. На балах играл военный оркестр, а на паркетном полу кружились пары. Эти балы были мечтой всех девочек, в том числе и Марии, и надо же, именно тогда, когда она училась в восьмом классе, бал не состоялся! То был мятежный 1905 год.

В 1845 г., к 25-летию института, тогда еще Юридического лицея, его попечитель граф А.Г. Кушелев-Безбородко подарил подопечному заведению 175 картин русских и зарубежных художников. Эта коллекция стала основой великолепной картинной галереи, также расположившейся на втором этаже.

На третьем этаже находились комнаты казеннокоштных студентов. Те же, кто приходил на занятия из дома, в отличие от них назывались своекоштными. Такими своекоштными студентами были братья Москаленко. Девушек в институте не было. Их начали принимать только после революции 1917 г.

В институте имелось два факультета: исторический, который в 1910 г. окончил Юрий, и филологический - его в 1912 г. окончил Василий. Профессорско-преподавательский состав был в основном постоянный, но иногда приезжали читать лекции именитые профессора из Киева. В институте имелась прекрасная библиотека. Настоящим событием стала находка в 1908 г. в одной из книг этой библиотеки подлинного письма Н.В. Гоголя.

Кроме Историко-филологического института, Юрий окончил Нежинское техническое училище Кушакевича. Оно находилось на Киевской улице, рядом с городским садом, и занимало двухэтажное здание с большими окнами и просторными классами. Вначале училище называлось ремесленным, но после получения за представленные работы золотой медали на выставке в Париже в 1905 г. было переименовано в техническое. Оборудование его строительной части и четырех мастерских - кузнечной, литейной, модельной и механической - находилось на самом высоком уровне. Для получения диплома об окончании училища каждый ученик должен был смастерить своими руками какое-либо изделие.

Таким образом, училище давало специальные профессиональные навыки, и человек прогрессивных взглядов, Мария Матвеевна, убедила своего старшего сына пройти параллельно с учебой в Историко-филологическом институте курс практического обучения в училище П.Ф. Кушакевича. Дальновидная мать полагала, что одного педагогического образования недостаточно, нужно, чтобы мужчина умел работать руками. Поэтому днем Юрий занимался в институте, а вечером в училище. Это очень пригодилось ему в жизни. Я помню, что Юрий Николаевич умел мастерить буквально все, и все всегда говорили, что у него «золотые руки».

Мария закончила гимназию лишь с одной четверкой по педагогике и дидактике. Второго июня она получила свидетельство, что «...признается

*Мария Николаевна - выпускница гимназии.
Нежин, июнь 1905 г.*

*Павел Яковлевич Королев, отец
С.П. Королева. Могилев, 1901 г.*

достойною звания домашней учительницы по русскому языку». Еще с шестого класса она мечтала поехать в Петербург на Высшие женские курсы. Ей хотелось хорошо знать языки. В более близком к Нежину Киеве Высшие женские курсы были открыты еще в 1878 г., но с 1889 г. временно закрыты.

Со своей мечтой и с аттестатом в руках юная учительница пришла домой. Но буквально через две недели после окончания гимназии жизнь совершила крутой поворот. Марии сделал предложение Павел Яковлевич Королев, незадолго до этого «окончивший словесное отделение филологического факультета Историко-филологического института.

Павел Яковлевич родился в городе Могилеве 7 января 1877 г. Как следует из полученного им свидетельства, «...в метрической книге Могилевской Епархии Могилевского Кафедрального Иосифовского Собора церкви в части первой о родившихся за 1877 год, в статье под № 4 имеется следующая запись: Павел родился тысяча восемьсот семьдесят седьмого года января седьмого дня, а крещен 8 числа того же месяца. Родители его: бессрочно отпускнуой унтер-офицер Яков Петров Королев и законная жена его Домника Николаева, оба православного исповедания».

Бракосочетание родителей Павла Яковлевича состоялось 2 ноября 1875 г. В свидетельстве о бракосочетании по Кафедральному собору г. Могилева за 1875 г. сказано, что женихом является «временно отпускнуой, служивший в 114-м пехотном Новаторском полку старший писарь Яков Петров Королев, православного исповедования, 32 лет», невеста - «Могилевской губернии и уезда, Толпечицкой волости, деревни Двух речек, крестьянка, девица, незаконнорожденная, Домникия, отчества не имеет, 24 лет».

В семье росло семеро детей: Павел, Мария, Александр, Иван, близнецы

Надежда и Вера, и Алексей. Павел в 1893 г. окончил Могилевское духовное училище. В августе 1893 г. он поступил в Могилевскую духовную семинарию, которую окончил в 1899 г. В полученном им аттестате говорится, что Королев Павел, сын отставного старшего писаря Якова Королева, обучался в семинарии до 14 июня 1899 г. и окончил ее с оценками отлично (5), очень хорошо (4) и хорошо (3), после чего был «причислен педагогическим собранием семинарского Правления к первому разряду воспитанников оной и удостоен звания студента семинарии со всеми преимуществами, присвоенными окончившим полный курс учения в семинарии». В этом же документе было специально оговорено: «В случае непоступления на службу по духовному ведомству или на учебную службу в начальных народных школах Королев Павел, на основании Высочайше утвержденного в 26 день месяца июня определения Святейшего Синода от 28 марта - 18 апреля 1891 года, обязан уплатить сумму за его обучение в семинарии в количестве двухсот двадцати рублей, каковы деньги подлежащее гражданское или военное начальство, в ведении которого будет он состоять, имеет возратить Правлению Могилевской духовной семинарии, производя вычет из получаемого жалования на законном основании».

По окончании семинарии Павел Яковлевич некоторое время служил надзирателем при Могилевском духовном училище, но это поприще его не привлекало, и 9 августа 1901 г. он подал прошение директору нежинского Историко-филологического института о допуске к приемным экзаменам, приложив к нему аттестат об окончании семинарии с копией, метрическое свидетельство, свидетельство о звании студента семинарии, две фотокарточки, а также свидетельство об отношении к воинской повинности (бессрочное), в котором говорилось: «Мещанин губернского города Могилева Королев Павел Яковлевич являлся к исполнению воинской повинности при призыве 1898 г. и по вынужденному им № триста сорок восьмому жребью зачислен по первому призывному участку Могилевского уезда в ратники ополчения первого разряда до 43-летнего возраста, то есть до 1 января 1921 года. Выдано Могилевским уездным по воинской повинности Присутствием 21 сентября месяца 1899 года за № 142».

По особому, установленному для воспитанников духовных семинарий, испытанию зрелости в гимназии, состоящей при институте в Нежине, П.Я. Королев был принят на первый курс и подписал следующее обязательство: «Поступая в Историко-филологический институт Князя Безбородко в Нежине в число казенных воспитанников, я, нижеподписавшийся, обязуюсь на основании § 40 Высочайше утвержденного устава сего Института прослужить, по окончании курса, не менее шести лет в учебных заведениях ведомства Министерства Народного Просвещения по Назначению Министра и соблюдать как в Институте, так и вне одного порядок, установленный особыми для учащихся правилами, составленными конференцией и утвержденными Министром Народного Просвещения. 1 сентября 1901 г. Павел Королев».

По прошествии четырех лет, 13 июня 1905 года, он получил аттестат, где было указано, что Павел Яковлевич Королев, сын мещанина, 28 лет от роду, вероисповедания православного, окончил нежинский Историко-филологический институт князя Безбородко по словесному отделению с одной тройкой по истории римской литературы, что кандидатское сочинение его, представленное по истории русской литературы, признано хорошим: «Вследствие сего, на основании §§ 42 и 40 Устава Института предоставляется ему, Королеву, звание учителя гимназии, дающее все права кандидатов университетов,

с обязательством прослужить не менее шести лет в ведомстве Министерства Народного Просвещения».

В документе подтверждалось требование, обозначенное в аттестате Могилевской духовной семинарии, - необходимость возврата в ее Правление платы за обучение в количестве двухсот двадцати рублей путем вычетов из будущего жалования учителя.

П.Я. Королев часто бывал в доме Москаленко. Он был среднего роста, довольно худощав. Неплохо танцевал, недурно играл на скрипке, был застенчив и, главное, очень самолюбив. Марии он не нравился, она не обращала на него сколько-нибудь серьезного внимания, да он и не был особенно заметен. Были у нее знакомые - более интересные молодые люди и больше нравившиеся ей. Некий удалой офицер сделал ей предложение еще в восьмом классе - она танцевала с ним в офицерском клубе мазурку. Офицер звенел шпорами, падал на одно колено и признавался в любви. Все смотрели с любопытством - красивая была пара. Марию Матвеевну это тревожило: «Ах, эти офицеры! Сегодня он здесь, а завтра его в Сибирь ушлют или еще куда-нибудь. И не увидишь, не услышишь. А потом, это - голытьба, на 75 рублей живут!» Когда галантный кавалер предложил Марии руку и сердце, она и думать об этом не хотела - надо было заканчивать гимназию. Потом он уехал из Нежина и следы его потерялись. Через много лет они случайно встретились в Киеве. «Маруся! Все те же глаза. Я Вас не забыл!» Но пути их уже пошли врозь и больше никогда не соприкасались.

Предложение Павла Яковлевича застало Марию врасплох. Она рассказывала мне, как он пришел к ней домой и попросил пройти с ним в сад. У нее сразу сжалось сердце, а он сказал: «Я предлагаю вам выйти за меня замуж». Она ответила, что замуж пока не собирается, а хочет ехать в Петербург поступать на Высшие женские курсы. Это его несколько озадачило, но не смутило. Он предложил пойти в дом. Войдя в комнату, где сидели родители, он сразу сказал, что просит их благословения. Мария Матвеевна сняла икону и благословила их, говоря при этом: «Все очень хорошо, очень подходяще». У Марии сложилось впечатление, что родители были в курсе дела и не особенно удивились. Однако она продолжала противиться этому браку, поэтому решено было собрать семейный совет, на который вскоре съехались родственники и близкие друзья. Обсуждение ее судьбы было всесторонним, а решение единодушным: «Замуж!». На все возражения девушки, мечтавшей поехать в Петербург учиться, ответ был такой: «А что хорошего? Вот окончила курсы докторша и работает в земской больнице, голых мужиков осматривает. Срам какой. Только этого не хватало!» Докторша была первой или второй курсисткой в городе, и провинция возмущалась. Мария уверяла, что хочет быть учительницей. Ей возражали: «Поедешь в Петербург, там родичей нема, знакомых нема, будешь одна, та який-небудь дурак голову скрутит. Замуж!» Благо было за кого. Удивляться не приходится: вся жизнь в Нежине текла как бы в прошлых веках.

Младший брат моей бабушки, Василий Николаевич, который в 1905 г. еще учился в гимназии, вспоминал, что это был особенно шумный для семьи год: частые гости, интересные вечера, смех, остроты, а в центре внимания - Юрий и Маруся. За Марусей ухаживало много молодых людей. Это были, главным образом, товарищи старшего брата Юрия, и Василий был горд, что они и на него, гимназиста, младшего брата, обращали внимание - по всей вероятности, для того, чтобы он замолвил старшей сестре словечко в их пользу. И вдруг совершенно неожиданно в семье пополз слух, что Маруся выходит

*Мария Николаевна (стоит) с матерью Марией Матвеевной (слева) и сестрой Анной Николаевной на крыльце нежинского дома. Лето 1905 г.
Фотография В.Н. Москаленко*

*Мария Николаевна на крокетной площадке во дворе нежинского дома. Лето 1905 г.
Фотография В.Н. Москаленко*

замуж. И за кого? За Павла Яковлевича Королева. Хотя Королев бывал в доме уже давно, его мало кто толком знал. Кажется, ни у кого, в том числе у Василия, и в мыслях не было, что он может сделать предложение сестре. Сам Василий относился к нему довольно безразлично, скорее холодно. Он вообще не мог понять, зачем Марусе, такой молодой, красивой, веселой, только что окончившей гимназию, надо выходить замуж и, следовательно, покидать родительский дом. Тем более что и сама Маруся не хотела выходить за Королева, и братья с младшей сестрой протестовали, доказывая нелепость этого брака. Отец говорил: «Как хочешь, дочка», - но твердая рука матери победила. Она была непреклонна, считая, что Королев для дочери - подходящая пара. Он хоть и старше Марии на 11 лет, но зато человек с положением, окончил институт, получил место учителя с окладом сразу в 150 рублей. О том, что у него большая и бедная семья, никто не знал - Могилев был далеко. В то же время нравилось, что Королев скромн, играет на скрипке, а иной вроде красивее, да лишнюю рюмку с отцом любит выпить, а третий не только с Марусей танцует, но и с другими девушками. Одним словом, Павел Яковлевич очень обхаживал Марию Матвеевну и показался ей идеальным женихом для старшей дочери, а кроме того, первым попросил родительского благословения - что ж тут думать! Мария плакала, жаловалась подругам, но уговоры продолжались. «Ничего, сживется - слюбится», - говорила Мария Матвеевна. Она сама выходила замуж за человека старше ее - и сжилась, и слюбилась. Конечно, ее муж обладал исключительным характером и удивительным

*Нежин, лето 1905 г.
Сидят за столом (слева направо):
Николай Яковлевич, Юрий Николаевич,
Мария Матвеевна, Мария Николаевна.
Стоит Василий Николаевич.
Фотография А.Н. Москаленко*

*Нежин, лето 1905 г.
Слева направо:
Юрий Николаевич, Мария Николаевна
в студенческой форме старшего брата,
Павел Яковлевич Королев.
Фотография В.Н. Москаленко*

внутренним благородством. Мать надеялась, что у Маруси все повторится. На сетования дочери, что Павел Яковлевич некрасив, она отвечала: «Мужчина трошки краше чорта - уже красавец». При таких доводах отстаивать свое мнение семнадцатилетней девушке было трудно. Понятно, что она не знала жизни, и хотя в седьмом классе гимназии преподавали естествознание, но, как рассказывала моя бабушка, в учебнике лягушке было посвящено несколько страниц, а человеку, строению его тела - одна страница. Да и на той был изображен скелет, скромно повернутый спиной, и написаны какие-то общие фразы. Это было практически все, что знали гимназистки о природе человека. Немудрено, что Маруся не очень представляла, что такое замужество и семья. Сил сопротивляться ей хватило лишь на два месяца. В конце концов Мария Матвеевна призвала на помощь мужа. Бабушка вспоминала, как первого августа отец пришел в сад, где она отдыхала, и сказал: «Ну що, Маруся, а може й краше буде, якщо ти вийдеш замуж. Ну що ті курси? Хто знає, що там буде, а тут вийдеш замуж, уже буде сім'я і будеш хазяйкою. Може, Маша і права. Виходь, бо вона мене з'їсть». И потерявшая последнюю опору, вконец обескураженная дочь обреченно произнесла: «Ну, если и ты, отец, говоришь так, то я выйду». Вопрос о свадьбе был решен.

Получив наконец согласие невесты, Павел Яковлевич обратился к директору Историко-филологического института с прошением о выдаче ему удостоверения, подтверждающего отсутствие каких-либо препятствий для всту-

*Вся семья Москаленко на крыльце
нежинского дома. Сверху вниз:
Мария Матвеевна и Николай Яковлевич,
Мария Николаевна и Юрий Николаевич,
Анна Николаевна и Василий Николаевич.
Лето 1905 г.*

*Мария Николаевна в день свадьбы,
Нежин, 15 августа 1905 г.
Фотография В.Н. Москаленко*

пления его в законный брак с дочерью купца Марией Николаевной Москаленко. Таковое ему было тотчас выдано.

«УДОСТОВЕРЕНИЕ

3 августа 1905 г.

№ 1150

Дано сие за надлежащей подписью с приложением казенной печати окончившему в сем году Историко-филологический Институт Князя Безбородко в Нежине, ныне назначенному г. Министром Народного просвещения преподавателем Екатеринодарской мужской гимназии Павлу Яковлевичу Королеву в том, что, как видно из его документов, он, Королев, происходит из мещан, православного вероисповедания, родился 7 января 1877 года, холост и на вступление его в законный брак с дочерью купца девицею Марией Николаевной Москаленко препятствий никаких не имеется.

За директора института
Инспектор (подпись)».

Две недели ушли на срочную подготовку к свадьбе, которая по-прежнему не радовала невесту. Уложили полный сундук приданого: постельное белье, скатерти, полотенца и многое другое.

В день свадьбы, когда невесту стали одевать, она обливалась слезами. И вот уже пора было ехать к венцу, а невеста недвижно, словно мраморная ста-

туя, стояла в своем длинном белом платье. Тут мать, поняв, наверное, внутренним чутьем, что может принести непоправимое горе любимой дочери, вдруг сказала: «Маруся! Теперь я вижу, что сделала ошибку, которая может испортить тебе жизнь. Давай попросим всех родичей и гостей разъехаться, спрячем твоё платье, я сделаю вид, что заболела, ты не поедешь в церковь, и свадьбы не будет». На что дочь ответила: «Нет, раз уж я согласилась, надо ехать». Приглашенные сели в экипажи, жених с невестой - в карету, которую по такому случаю предоставил архиерей Нежинской епархии, и поехали на венчание.

15 августа 1905 г. Марию Николаевну Москаленко и Павла Яковлевича Королева торжественно обвенчали в Николаевском соборе города Нежина. Оба брата Марии Матвеевны - Василий и Михаил Фурса - были поручителями (как теперь говорят - свидетелями) со стороны невесты. Поручителями жениха стали его брат Иван Яковлевич Королев и муж его сестры Марии, чиновник Могилевского Губернского присутствия Иван Адамович Волосиков. Сын Николая Гавриловича Назаренко Александр, которому тогда было 8 лет, нес длинный шлейф шелкового платья невесты, а потом горько плакал от обиды, что его не пустили на свадебный бал.

После венчания приехали домой. И тут случился неприятный эпизод. В углу гостиной стоял столик и на нем, по обычаю, поставили привезенные из собора образа и свечи, а перед ними - вазочку с пшеницей. Когда молодые входили в дом, их щедро осыпали пшеницей, чтобы, как считалось, в семье поселились богатство и благополучие. Они подошли к столику и сели по обе стороны от него. Вокруг с шумом размещались гости. Горела люстра, горели свечи.

И вдруг дядя Михаил, сидевший неподалеку, позвал Марию Матвеевну и тихо сказал: «Смотри, мышь грызет зерно - плохая примета». И действительно, на столике сидела мышь. В течение нескольких секунд она грызла зерна пшеницы, а потом исчезла. Ее появление было тем более удивительным, что здесь никогда мышей не видели - ведь дом был высокий, на массивном кирпичном фундаменте. И вот в большой комнате, где находилось несколько десятков человек, откуда-то появилась мышь. Шум, яркий свет - и мышь на столе.

Много позднее, когда Мария Николаевна уже ушла от мужа, дядя Миша напомнил ей этот эпизод, сказав: «То была примета, то была твоя судьба. Я сказал тогда твоей маме, что зря мы выдали Марусю за Королева, не будет ей житься. Так и случилось».

И тем не менее свадебное торжество продолжалось. Ужин был заказан в ресторане при ближайшей городской гостинице. Собралось много гостей, играла музыка. Словом, блеснули. Выдавали ведь замуж первую, старшую дочь. Но веселой свадьба уже быть не могла. К тому времени Мария Матвеевна окончательно поняла - и плохая примета только укрепила ее в мрачных мыслях, - что совершила ошибку, что упорством своим загубила, испортила жизнь дочери.

Павел Яковлевич пригласил на свадьбу почти всю свою семью: мать, замужнюю сестру, двух сестер-близнецов и трех братьев. Отец приехать не смог, так как был смертельно болен туберкулезом легких, или, как тогда говорили, чахоткой.

На следующий после свадьбы день молодые уезжали на Кубань, в Екатеринодар (ныне - Краснодар), куда Королев был назначен преподавателем русского языка в мужской гимназии. Павел Яковлевич был не очень доволен

назначением. Но согласно издавна заведенному порядку, студенты, оканчивавшие Историко-филологический институт, выбирали себе место работы из имевшихся вакансий поочередно, в зависимости от успеваемости. Павел Яковлевич делал выбор вторым, так как у него была одна тройка, а студент В.В. Данилов окончил учебу без троек и таким образом заслужил право первого выбора из тех 13 мест (выпускников было тринадцать), которые попечитель округа прислал из Киева для распределения студентов. Данилов, симпатичный, по словам моей бабушки, молодой человек с черными глазами, немного похожий прической и профилем на Гоголя, часто бывавший в доме Москаленко, выбрал Екатеринослав (сегодня - Днепропетровск), который считался среди всех возможных мест наиболее престижным. Самолюбие Королева было уязвлено.

В Екатеринодар, по желанию Павла Яковлевича, взяли с собой его младшего брата Алексея, которому в то время было 13 лет. На вокзале их проводжали Николай Яковлевич, Мария Матвеевна, Юрий, Василий, Нюша и друзья. Бабушка вспоминала, что мать горько плакала, отец тоже смахнул слезу. Юрий крепко обнял сестру - ему тяжело было с ней расставаться. Все это возмутило Павла Яковлевича. Он считал происходящее неестественным, ненормальным: выдали замуж, а теперь оплакивают. Его обуяла ревность - и к матери, и к брату, и даже к отцу своей жены. Это было первое, что резануло мою бабушку по сердцу. А когда приехали в Екатеринодар, Павел Яковлевич вдруг стал настаивать, чтобы она не переписывалась с братом. Ее это удивляло и расстраивало. Так началась семейная жизнь с человеком, которого она не любила и не смогла полюбить никогда.

В Екатеринодаре сначала жили в гостинице, затем переехали в только что построенный дом. Спальня в доме была, как иногда бывает на юге, без окон, лишь матовое стекло в потолке. Бабушку это угнетало. Ну совершенно тюрьма, думала она, ничего не видно вокруг, только голые стены. Спустя месяц по ее настоянию переехали в другой, обычный дом.

Утром Павел Яковлевич и Алексей уходили в гимназию, прислуга выполняла хозяйственные дела, а Мария Николаевна обычно сидела у окна и читала. Часто мимо окон пробегал лотожник с криком: «Свежий жареный миндаль! Бисквиты!». Маруся любила бисквиты и иногда покупала. Но вдруг Павел Яковлевич устроил сцену: «К тебе под окно молодой парень приходит! Ты с ним беседуешь, смеешься в мое отсутствие!» Она была потрясена. Трудно было смириться с тем, что муж настолько ревнив, что ему все не нравится. Он ревновал ее не только к посторонним людям, но и к близким родственникам. Она рассказывала мне, что как-то за обедом он в раздражении бросил на пол тарелку. Потом - еще и еще. Тогда она схватила со стола три тарелки и с размаха тоже бросила на пол. Он изумился: «Что ты делаешь? Перебьешь весь сервиз». - «Да он уже наполовину перебит. Не будешь ты бить тарелки, не буду и я». Он был поражен и даже сделал угрожающий жест. Но жена твердо сказала: «Осторожно! Отец на меня никогда не кричал и руки не поднимал!» Такие сцены усиливали неприязнь к мужу, и она накапливалась все больше и больше.

Возможно, если бы Мария Николаевна любила мужа, то не замечала бы его выходок. Но она его не любила. Понимала, что он человек образованный, не лишенный способностей, но душа и сердце к нему не лежали, а он не умел сколько-нибудь привлечь ее к себе.

Единственным утешением стало знакомство с инспектором гимназий и его женой, у которых Королевы бывали почти каждое воскресенье. Это были,

как казалось моей тогда еще семнадцатилетней бабушке, уже немолодые люди: у него - сильно поседевшая голова, жене его было лет 35. Инспектор играл на виолончели, его жена - на рояле. Павел Яковлевич брал с собой скрипку, Мария Николаевна тоже немного играла на рояле вместе с хозяйкой дома. Получался неплохой квартет. Так они устраивали домашние вечера-концерты. Это доставляло радость и было хоть каким-то развлечением.

На все бабушкины слезные письма домой, на все ее жалобы Мария Матвеевна отвечала: «Маруся, что ж теперь делать, ты вышла замуж, надо быть верной, хорошей женой». Ну, что еще могла сказать мать своей дочери? А жизнь не ладилась. То сцены ревности, то какие-то недоразумения. Павел Яковлевич не хотел, чтобы жена одна ходила гулять. Ему казалось, что она недостаточно уделяет ему внимания. Его раздражало даже то, что она много читает. Вечерами, когда он проверял тетради учеников и готовился к урокам, она должна была сидеть рядом и вязать, благо в то предсвадебное лето Мария Матвеевна пригласила в дом женщину, чтобы вязать детям чулки, и она научила мою бабушку вязать кружева. Тоскливой зимой 1905-1906 гг. бабушка связала много кружев, а потом никогда не брала в руки крючок.

Так проходила жизнь Королевых в Екатеринодаре осенью 1905 г., зимой и весной года следующего. В августе 1906 г. Павел Яковлевич получил новое назначение и семья переехала в Житомир, расположенный в зоне украинского Полесья, на берегу реки Тетерев, в 134 км от Киева.

ЖИТОМИР (1906-1908)

К исполнению служебных обязанностей в Первой мужской гимназии Житомира Павел Яковлевич приступил 2 сентября 1906 г., начав преподавать русский язык и словесность с четвертого по седьмой класс и логику в восьмых классах. Учебная нагрузка оказалась большой - в течение года он должен был дать 618 уроков. Годовой оклад составлял 2010 рублей. К работе молодой преподаватель относился с большой ответственностью и, как следует из табельной ведомости 1906/1907 учебного года, пропустил по болезни и другим уважительным причинам всего 10 уроков - меньше, чем другие учителя. Кроме того, он на общественных началах заведовал гимназической библиотекой. В той же гимназии тогда работала Анна Васильевна Семенова - племянница известного русского географа и путешественника П. П. Семенова-Тян-Шанского, с которой у нового учителя сложились дружеские отношения.

Павел Яковлевич был человеком принципиальным и всегда отстаивал свои убеждения. Так, 9 мая 1907 г. на педсовете в числе других рассматривался вопрос о восстановлении в гимназии исключенного за участие в политических беспорядках гимназиста Лейбы Брискина. Его ходатайство о восстановлении было отклонено, но П.Я. Королев не согласился с таким решением и остался при «особом мнении», что засвидетельствовал записью в протоколе. В дальнейшем Брискин еще не раз ходатайствовал о восстановлении и снова получал отказы. А Павел Яковлевич продолжал оставаться при «особом мнении», считая, что политика и учеба не должны пересекаться. Этот штрих к портрету П.Я. Королева весьма выразителен, особенно если учесть, что он только начинал учительскую карьеру.

Королевы поселились на Дмитриевской улице, в пяти минутах ходьбы от Первой мужской гимназии. Дом, в котором они жили, как и два соседних, принадлежал домовладелице Евгении Федоровне Кохановой. Молодая чета занимала левую половину дома. В правой жила семья преподавателя Второй мужской гимназии Антона Григорьевича Титова. Квартирная плата составляла 300 рублей в год.

Обстановка квартиры Королевых, по описанию моей бабушки, была довольно скромной. Дверь из небольшой прихожей вела в столовую, где находились буфет и обеденный стол с шестью стульями. В простенке между окнами на столике стояла ручная швейная машинка «Зингер» - подарок Марии Матвеевны дочери к свадьбе. Одна из дверей столовой вела в спальню, другая на кухню, откуда был выход во двор. В спальне находились широкая кровать, покрытая белым пикейным одеялом, комод и туалетный столик с зеркалом. Из спальни дверь вела в комнату, служившую гостиной и одновременно

*Житомир. Соборная площадь.
Фотография начала XX в.*

Житомир. Первая мужская гимназия, где в 1906-1908 гг. преподавал Павел Яковлевич Королев. Фотография начала XX в.

Дом в Житомире, в котором родился Сергей Павлович Королев.
 Фотография 1970 годов

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА 1902 ГОД. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. В РОДСТВЕНСКОМ.

№	Имя ребенка.	Мать, имя, отчество и фамилия родителей, и место их рождения.	Мать, имя, отчество и фамилия кормящих.	Вся старшая и младшая сестра.	Родственные лица по линии матери.
1	1 31 1902	Королев Сергей Павлович (ум. 1909) и Мария Александровна Шенорова	Мать: Александровна Шенорова (в.д. 1880)	Сестра: Елена Александровна Шенорова	
1	30 14 1902	Королев Сергей Павлович (ум. 1909) и Мария Александровна Шенорова	Мать: Александровна Шенорова (в.д. 1880)	Сестра: Елена Александровна Шенорова	
5	28 1902	Королев Сергей Павлович (ум. 1909) и Мария Александровна Шенорова	Мать: Александровна Шенорова (в.д. 1880)	Сестра: Елена Александровна Шенорова	

Выписка из метрической книги о рождении С.П. Королева

Космическая композиция, посвященная рождению С.П. Королева

Первая фотография Сережи Королева. Житомир, 21 июля 1907 г.

Сережа Королев с няней Машей. Житомир, 21 июля 1907 г.

Мария Николаевна Королева. Житомир, 1907 г.

кабинетом Павла Яковлевича. Здесь стояли диван, два кресла, письменный стол, этажерка с книгами и круглый столик, покрытый старинной греческой шалью, доставшейся Марии Николаевне в наследство от ее бабушки Евдокии Тимофеевны.

В этом доме поздним вечером 30 декабря 1906 г. (12 января 1907) родился мой отец. В метрической книге Святософиевской церкви вслед за датой рождения отмечен и день крещения - 14 января 1907 г. Крестными были преподаватель Второй мужской гимназии Сергей Елисеевич Базилевич и соседка по дому, жена преподавателя А.Г. Титова, Софья Севериновна Титова. Крестил священник Антоний Середович.

Говорят, каждый человек рождается под своей звездой, которая охраняет его всю жизнь. Может быть, поэтому отец так любил романс «Гори, гори, моя звезда». А у меня в домашнем музее отца есть созданный в 1983 г. уральским инженером-конструктором Г.С. Зархиным удивительный экспонат - «Космическая композиция» с надписью: «Первому почетному гражданину Солнечной системы - Сергею Павловичу Королеву - с любовью». Внутри стеклянного сосуда, на подвеске - ажурная конструкция: шар, символизирующий ноосферу Земли (земной шар, модель атома, человеческий разум). Под ней на горизонтальном диске - словно хаос Вселенной. В верхней части сосуда - символ галактической туманности, прошиваемой космическим кораблем с ярко-красным снопом пламени позади. Композиция смонтирована на постаменте, имеющем форму ракеты, на фоне звезд. Расположение созвездий воспроизводит картину звездного неба над Житомиром 30 декабря 1906 г.

Сохранились первые фотографии отца в полугодовалом возрасте. На одной из них он сидит на руках у няни Маши. На другой - крепенький, большеголовый мальчуган смотрит на мир большими, широко открытыми глазами. Слева внизу рукой Марии Николаевны написано: «Сереже 1/2 года. Снимался 21.07.1907».

Кто бы мог подумать тогда, что этот мальчик через полвека откроет Космическую эру человечества, создав со своими соратниками Первый искусственный спутник Земли, а через 54 года отправит в космос первого человека и тем навечно прославит свою страну?!

Несмотря на рождение сына, отношения между родителями не улучшались. Интересы, привычки были несовместимыми, ссоры по любому поводу возникали почти ежедневно. Мария Николаевна сознавала, что Павел Яковлевич - умный и порядочный человек, но как же трудно жить с нелюбимым, ревнивым - словом, чужим. А ревновал муж потому, что жена была красива, привлекала внимание многих молодых людей. И жизнь не ладилась.

В Житомире Королевы прожили немногим менее двух лет. 28 июня 1908 г. Павел Яковлевич получил новое назначение - в Киев.

Сереже в те дни исполнилось полтора года. Больше в Житомире он никогда не был.

КИЕВ (1908-1910)

В Киеве Павел Яковлевич преподавал русский язык и словесность в Пятой мужской гимназии М.А. Стельмашенко. Королевы сняли небольшую квартиру № 6 во флигеле дома № 31 по Ивановской (впоследствии Тургеневской) улице у Ольги Терентьевны Петрухиной. Кстати, через много лет она еще помнила семью Королевых и отзывалась о них как о хороших, добрых

людях. А маленького Сережу она запомнила вот по какому случаю. Однажды во дворе резвились дети и подняли большой шум. Она сделала им замечание, но те продолжали шуметь. Тогда она спросила, слышали ли они, что было сказано. За всех ответил Сережа Королев: «Слышали, у нас же есть уши». Тогда ему еще не было и трех лет.

Вскоре в Могилеве умер от туберкулеза легких отец Павла Яковлевича, и мать с младшими детьми - двумя сыновьями и дочками-близнецами - осталась без средств к существованию. Павлу Яковлевичу пришлось перевезти всех в Киев. Он поселил их в другом флигеле того же дома и взял на себя заботу о содержании большой семьи. Жизнь супругов Королевых еще более осложнилась. Размолвки, ссоры, сцены ревности происходили все чаще.

В Киеве Мария Николаевна решила наконец осуществить свою давнюю мечту - поступить на Высшие женские курсы, открывшиеся вновь в 1906 г. после 17-летнего перерыва. При повторном открытии в их составе было два отделения (факультета): историко-филологическое и физико-математическое. В 1907 г. прибавились медицинское отделение, преобразованное в 1908 г. в самостоятельное учебное заведение, и юридическое. В 1909 г. открылось экономико-коммерческое отделение. Со времени создания курсов в 1878 г., и в особенности с 1906 года, преподавание там было организовано таким образом, чтобы уровень его соответствовал университетскому. Киевские Высшие женские курсы тесно переплетались педагогическим составом с Университетом Святого Владимира и при составлении учебных планов образцами всегда служили планы, действовавшие в университете.

Павел Яковлевич не одобрял желания Марии Николаевны учиться, считая, что она должна заниматься ребенком и семьей. Тогда она написала о своем решении отцу, который вскоре ответил, что согласен платить за ее учебу и выслал 50 рублей - вступительный взнос. Несмотря на возражения мужа, Мария Николаевна 13 августа 1910 г. подала прошение председателю Педагогического Совета Высших женских курсов о принятии на германо-романское отделение историко-филологического факультета, а в случае отсутствия там вакансий - на славяно-русское отделение. К прошению были приложены необходимые документы, включая свидетельства об окончании семи классов, восьмого дополнительного класса и «метрическую выписку» о рождении и крещении, а также копия паспортной книжки мужа. Просьба Марии Николаевны была удовлетворена и она стала слушательницей курсов.

Учебный год в этом заведении, как и в других вузах, был разделен на осенний и весенний семестры. Каждая слушательница имела семестральную карточку, в которой указывались предметы, число часов, фамилии преподавателей, экзаменационные отметки и сроки сдачи экзаменов. В Государственном архиве г. Киева сохранились документы Высших женских курсов, среди которых удалось найти личное дело Марии Николаевны Королевой и ее семестральные карточки.

После поступления на курсы семейная жизнь разладилась окончательно. Мария Николаевна нервничала и спрашивала себя: «Зачем я здесь, в этой семье, в этом доме? Мужа я не люблю, не понимаю, он несколько мне не дорог». Она решила, что несмотря ни на что будет учиться и работать, тем более что родители и старший брат Юрий обещали помочь. Павел Яковлевич угрожал обратиться к администрации курсов. Тогда Мария Николаевна сама пошла к директору, профессору Г.К. Сулову, и рассказала ему о положении дел в семье. Тот посоветовал: «Пусть ваш муж ко мне придет, я с ним поговорю. В наш век странно такое слышать. Он педагог и должен понять».

Флигель во дворе дома № 31 по Тургеневской улице Киева, где жила семья Королевых после переезда из Житомира. Фотография С.И. Карацубы. 1973 г.

Но Павел Яковлевич идти к директору отказался. Мария Николаевна продолжала заниматься на курсах, а он был недоволен, и крупные ссоры стали постоянными. И вот однажды, после особенно неприятного разговора Мария Николаевна пришла к заключению, что жизнь нужно менять. Она опасалась прежде всего за сына - ведь в такой обстановке мальчик будет расти нервным, это может отразиться на его характере. Решив, что сама сумеет вырастить сына, которому шел тогда четвертый год, она сказала мужу, что уходит, так как считает совместную жизнь невозможной. Павел Яковлевич пытался удержать ее, но безуспешно. Взяв ребенка, Мария Николаевна ушла к Титовым - бывшим соседям по житомирскому дому, которые к тому времени переехали в Киев и жили в двух кварталах от них. Вечером того же дня пришел Павел Яковлевич и с угрозами стал требовать ее возвращения домой. Разразился скандал, невольными свидетелями которого оказались хозяева дома. Антон Григорьевич вошел в комнату и сказал примерно следующее: «Павел Яковлевич, вы недостойно ведете себя по отношению к жене и вполне естественно, что она не хочет возвращаться. Мы ее поддерживаем. Уходите и больше ее не беспокойте». И тот ушел ни с чем. Однако на следующий день пришел снова. Но несмотря на угрозы мужа, Мария Николаевна твердо стояла на своем. Она послала телеграмму брату Юрию, работавшему в то время в Лодзи преподавателем гимназии, с просьбой срочно приехать в Киев. Он приехал через два дня. Обсудив сложившуюся ситуацию, они решили, что Юрию нужно съездить к родителям в Нежин и с ними поговорить. Ведь в то время разводы случались редко и неизвестно было, как воспримут эту новость старики Москаленко, которые, правда, давно понимали, что дочери живется с мужем плохо. На следующий день Юрий вернулся с сообщением: «Папа и мама просили, чтобы я привез мальчика в Нежин. Он будет

Сережа Королев. Киев, 1909 г.

Сестры Анна Николаевна Москаленко и Мария Николаевна Королева. Киев, 1910 г. Пасха

жить у них, а ты будешь учиться. Переезжай к сестре Нюше». Так и сделали. Оставили вещи Марии Николаевны у сестры Анны Николаевны, которая с 1909 г. занималась на славяно-русском отделении историко-филологического факультета Высших женских курсов и снимала небольшую комнату в доме № 10 по Фундуклеевской улице, принадлежавшем наследникам известного в Киеве домовладельца Ф.Г. Михельсона. После этого Юрий Николаевич и Мария Николаевна с Сережей поехали в Нежин. Родители встретили их очень радушно, сказав дочери: «Что делать! Это была не столько твоя ошибка, сколько наша, и мы тебе поможем. Учись, а мальчика мы вырастим». На помощь, как всегда, пришла семья.

НЕЖИН (1910-1914)

Так осенью 1910 г. в нежинском доме появился трехлетний Сережа. И хотя уклад жизни здесь остался прежним, но с приездом мальчика многое изменилось и старый нежинский дом зажил иначе. В дом вошел ребенок, и теперь все было подчинено ему. Он жил в комнате, которую раньше занимали сестры, и находился на попечении бабушки Марии Матвеевны и экономки, а теперь и няни Варвары Ивановны, с юных лет жившей в семье Москаленко. Варвара Ивановна одевала, кормила и купала ребенка, гуляла и играла с ним. Характер у нее был строгий и настойчивый, она приучала малыша к порядку

и усидчивости. Бабушка с дедушкой учили мальчика, как вести себя за столом, опрятно одеваться, быть вежливым, уметь хорошо держаться.

Маленького Сережу любили все. По отзывам окружающих, это был красивый, шустрый мальчонка, умный, любознательный и ласковый. В то время у него были длинные, густые, золотистые волосы. Со временем они потемнели и он стал шатеном. Привлекали внимание большие черные глаза. Однажды он засыпал их песком, и Мария Николаевна повезла его в Киев к профессору-окулисту Беляеву. В темном кабинете профессор направил на лицо ребенка лампу-рефлектор, посмотрел и сказал: «Мальчик, какие у тебя хорошие, ясные глаза! Ты должен хорошо учиться!»

Активное участие в воспитании Сережи принимал дядя Вася - Василий Николаевич, который тогда еще учился в нежинском Историко-филологическом институте и жил в родном доме. Двадцатилетний дядя, веселый, жизнерадостный, очень любил маленького племянника, чувствуя и его ответную привязанность. Он катал мальчика на велосипеде, учил играть в крокет, сажал рядом с собой при проявлении и печатании фотографий, устраивал качели и снежные горки. Дядя много ему рассказывал, учил читать и бережно хранил его подарок ко дню рождения - фото пятилетнего Сережи с первой собственноручной надписью печатными буквами: «Дорогому Васюне от Сережи» и датой «1912» в зеркальном изображении. Эту надпись можно считать первым сохранившимся автографом моего отца (фото на с. 69).

Василий Николаевич приобщал племянника к музыке — он сам в то время увлекался игрой на рояле. Во время каникул из Лодзи приезжал дядя Юра и привозил племяннику подарки: кубики, елочные игрушки, детские книжки. Тетя Нюша тоже о нем заботилась, бабушка и дедушка во внуке души не чаяли, а он все-таки тянулся к матери и она нежно любила его. К тому же сын был еще очень маленьким и оставлять его без себя она считала не вправе и не хотела. Зимой 1910—1911 гг. Мария Николаевна жила в Нежине и редко посещала курсы. На 2-3 дня уедет в Киев, сдаст зачеты, побудет немного на занятиях и возвращается обратно. Весной она не смогла сдать все экзамены, поэтому семейный совет решил, что с начала нового учебного года Мария Николаевна должна жить в Киеве и полностью отдаться учебе. Но в Нежин она и потом приезжала регулярно - на выходные и, конечно же, на праздники. Какая это была взаимная радость! Она мчалась домой в надежде увидеть своего мальчика, а он нетерпеливо ждал ее, выглядывая в окошко, выходя за калитку с Варварой Ивановной или Марией Матвеевной. Увидев, бросался к ней с криком: «Мамочка! Скорей посмотри, какой я тебе построил замечательный дом!» Она, возбужденная, входила в его комнату, посередине которой стоял дом из кубиков, ростом с ее маленького сына. Чтобы достать до верха, он становился на скамеечку и достраивал свой дом, используя не только кубики, но и различные дощечки и деревянные брусочки. В такие моменты он был полностью поглощен своей работой. Но случалось и так, что старательно построенный дом вдруг рушился. Мальчик готов был расплакаться, а мама его утешала: «Сереженька, ты же сам его построил, значит можешь построить и другой, еще лучше и красивее». Ребенок успокаивался, и они вдвоем принимались за сооружение нового дома. Василий Николаевич вспоминал радость мальчика, его смех и возбуждение, когда в Нежин приезжала Мария Николаевна. Маму он обожал и в такие дни не отходил от нее ни на шаг.

*Сергея Королев
с бабушкой Марией Матвеевной
и мамой Марией Николаевной.
Нежин, 1910 г.*

*Сергея Королев
с няней Варварой Ивановой Марченко.
Нежин, 1910 г.*

По вечерам дедушка Николай Яковлевич обычно сидел в столовой и при свете большой керосиновой лампы читал газету. Внук заглядывал в нее и спрашивал, какие там буквы. К пяти годам он знал алфавит и мог писать каракулями. Некоторые из букв, правда, смотрели в обратную сторону, но усвоение грамоты уже началось. У мальчика было много книг, в основном привезенных дядей Юрой. Мама тоже старалась что-то купить сыну - книжки с картинками, игрушки. Уезжала обратно в Киев она по возможности утром, когда сынишка еще спал, - вначале он тяжело переносил расставания. Но потом постепенно привык, провожал ее за калитку и долго махал ручкой.

Мальчик рос воспитанным и послушным, но самостоятельный характер его проявлялся уже и тогда. Мать всячески старалась развить в нем мужество, смелость, инициативу. Если он говорил ей вечером: «Там, в большой комнате, в углу, у меня осталась лошадка, пойдем со мной», она отвечала: «Пойди, возьми сам». Он начинал плакать, жаловаться, что там темно, но она настаивала на своем: «Какие пустяки! Ты же мужчина! Ты должен быть смелым!» Труднее было уговорить его пойти в темный сад. Если вечером, убирая свои игрушки, он вдруг вспоминал, что в дальнем углу сада осталась его любимая сабля, Мария Николаевна говорила ему: «Пойди и возьми». Они вместе доходили до калитки. Дальше он шел один, а она наблюдала за ним, боясь, что яркие глаза затаившейся кошки могут действительно его испугать. Поначалу ему было страшно, а потом он осмелел и уже не боялся ни темной

*Семья Москаленко. Слева направо:
Анна Николаевна, Николай Яковлевич,
Василий Николаевич, Сережа,
Мария Матвеевна, Юрий Николаевич,
Мария Николаевна. Нежин, 1910 г.*

*Сережа Королев
с няней Варварой Ивановой.
Нежин, 1910 г.*

комнаты, ни темных углов. Все это воспитывало в нем мужество и привычку к самостоятельным решениям и поступкам.

Мальчик рос среди взрослых. Друзей-сверстников у него не было. Выпустить его одного на улицу боялись - Павел Яковлевич грозился увезти сына. Однажды он сказал Марии Николаевне: «Я заставлю тебя вернуться - заберу ребенка!» А так как она не возвращалась, он подал в нежинский суд заявление с ходатайством, чтобы ему отдали сына, поскольку от него ушла жена и он считает необходимым сам его воспитывать. Аргументировал тем, что мать ребенка учится и поэтому не может уделять сыну достаточного внимания, бабушка же и дедушка уже старые люди. В те времена, если от мужа уходила жена, дети по желанию отца могли оставаться с ним. Но члены нежинского суда, хорошо знавшие семью Москаленко и историю замужества Марии Николаевны, посоветовали ей подать встречный иск на оплату расходов по воспитанию ребенка. Суд отказал П.Я. Королеву в его ходатайстве и обязал выплачивать ежемесячно 20 рублей на воспитание сына. Эти деньги он прислал только однажды, но Мария Николаевна по такому поводу больше к нему не обращалась. Однако, несмотря на то, что судом добиться своего Павлу Яковлевичу не удалось, он грозил, что все равно увезет ребенка. Именно поэтому калитка усадьбы всегда была на запоре, Сережу со Двора никуда не выпускали и он рос один. Когда же ему становилось скучно, он перелезал с высокого крыльца дома на крышу погреба, возвышавшуюся над забором, и оттуда смотрел на улицу. А там было много людей,

Слева направо: Николай Яковлевич, Сержа, Анна Николаевна, Мария Матвеевна. Нежин, 1911 г. Фотография В.Н. Москаленко

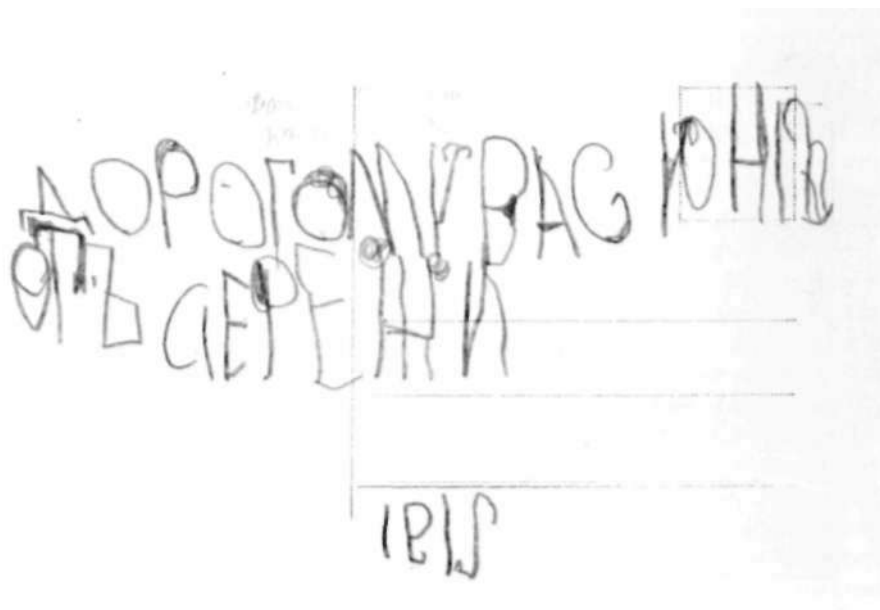

Семья Москаленко. Слева направо: Василий Николаевич, Сержа, Мария Матвеевна, Юрий Николаевич, Анна Николаевна, Николай Яковлевич. Нежин, 1911 г.

*Сергея Королев.
Нежин, 1912 г.*

*Первый автограф
Сергея Королева,
обращенный к дяде
В.Н. Москаленко.
Нежин, 1912 г.*

*Мария Николаевна Королева-курсистка.
Нежин, 1912 г.*

подвод, ехавших на базар и с базара, бегавших ребятишек. Все очень интересно, но ... недоступно.

По вечерам мальчик слышал разговоры взрослых и они причудливо преломлялись в его детской головке: споры о причинах и последствиях поражения страны в русско-японской войне, о реформах, о будущем России. Однажды ярким солнечным утром его внимание привлекла центральная дорожка сада, обсаженная с обеих сторон красными пионами. Мальчику чудилось, что наступают японцы, и он, вооружившись игрушечной саблей, бросился крушить «врагов» - красные цветы. Довольный победой, он прибежал к бабушке Марии Матвеевне с криком: «Пойдем скорее в сад, посмотри - я всем японцам головы отрубил!». Увидев, что красные ГОЛОВКИ ЕСТЬ ЛЮБИМЫХ пионов валяются на дорожке, бабушка ахнула, но нашла в себе силы

сказать: «Ты молодец, ты смелый мальчик!».

Во время приездов в Нежин Мария Николаевна старалась проводить с сыном все время: гуляла с ним в сквере, играла и читала ему книжки. Она с детства любила сидеть между колоннами высокого парадного крыльца дома, читать, любоваться небом и садом, просто мечтать. Когда же теперь приезжала к сыну, они садились вечером, перед сном, у этих колонн и он просил: «Мама, расскажи мне сказку!». Вместе смотрели они на красивое южное небо, усыпанное звездами, и всегда искали любимое созвездие Кассиопеи в виде опрокинутой буквы М, такое завораживающее и манящее.

Перед каждым новым годом для Сережи наряжали большую елку и зажигали на ней свечи - электричества в Нежине тогда еще не было. Однажды зимним вечером, когда Мария Николаевна гуляла с сыном и они, как всегда, смотрели на небо, мальчик сказал: «А ведь звездочек на небе больше, чем свечек на моей елочке!». Особенно было красиво, когда всходила луна и мимо нее неторопливо проплывали облака. Сережа смотрел на луну и спрашивал: «А что там за пятна?» Мама отвечала, что это моря и горы, - объясняла, как умела. Тогда она, конечно, и думать не могла, что все мечты его жизни будут стремиться туда - к Луне и звездам. Она рассказывала ему сказки, которые слышала от своей бабушки: об Аленушке и Иванушке, о ковре-самолете, о Коньке-Горбунке, одним словом, обо всем, что было доступно его пониманию и что, возможно, развивало его фантазию и любовь к природе. Мальчуган, выросший на украинской земле, среди цветущих растений, любовно выращенных бабушкой Марией Матвеевной, тоже полюбил их и уже взрослым человеком, приезжая на нашу дачу в Барвиху, всегда любовался цветами, напоминавшими ему детство.

Здесь же, в Нежине, произошло необычайное для тех лет событие, которое произвело огромное впечатление на моего отца и, возможно, повлияло на

его дальнейшую судьбу. 4 июня 1911 года в Нежин приехал один из первых русских летчиков, популяризатор воздухоплавания и авиации Сергей Исаевич Уточкин. Он происходил из купеческой семьи. С детства его тянуло к небу. Уже в 1907 г. Уточкин летал на воздушном шаре над Одессой и египетскими пустынями. 15 марта 1910 г. он совершил в Одессе свой первый полет на самолете «Фарман-4», а затем сам построил такой же биплан, на котором в декабре 1910 г. многократно летал над Одессой и Черным морем. В 1910-1911 гг. Уточкин демонстрировал полеты на своем самолете в городах России и за рубежом. Мария Николаевна хотела увидеть это зрелище в Киеве, однако ей не повезло: самолет пыхтел, пылил, но что-то не сработало и в воздух он не поднялся.

В Нежин самолет доставили поездом. С вокзала его на лошадях перевезли на ярмарочную площадь и там подготовили к полету. В городе были развешаны объявления с указанием стоимости билета - 1 рубль. Желающих оказалось много - ведь самолета никто в Нежине еще не видел. Правда, нежинцы однажды наблюдали полет на воздушном шаре. Лет двадцать тому назад с территории пивоваренного завода поднялись в небо два человека и пролетели над городом три квартала. Шар приземлился на Миллионной улице, а аэронавты выпрыгнули на высокое дерево в усадьбе Почеки. Николай Яковлевич и Мария Матвеевна ходили тогда смотреть этот полет. Отец держал на плечах свою старшую дочь Марию. Неудивительно, что и в этот раз старики Москаленко решили пойти посмотреть диковинное зрелище. Мария Матвеевна любила новое, ей все хотелось увидеть своими глазами.

И вот дедушка и бабушка отправились с внуком на ярмарочную площадь. Она была уже ограждена и до отказа заполнена народом. Полет назначили на три часа дня, но на всех близких к площади крышах, столбах и деревьях с

*Один из первых летчиков России Сергей Исаевич Уточкин.
Фотография 1910-х годов*

*Мария Николаевна Королева.
Нежин, 1912 г.*

*Первая учительница Сережи Королева
Лидия Мавриевна Гринфельд.
Нежин, 1913 г.*

утра сидели безбилетные зрители. Дедушка усадил внука на плечи, как некогда его маму, и Сережа все хорошо видел. А видел он большое черное сооружение, вокруг которого сустились солдаты. Уточкин подошел к нему, натянул на голову кожаный шлем и забрался в плетеное кресло - кабины в самолете не было. Одни солдаты стали крутить пропеллер, другие удерживали аппарат за хвост и крылья, не давая ему взлететь раньше времени. Запуск и прогрев двигателя продолжались около получаса. Наконец мотор заревел, самолет со страшным шумом и грохотом, подпрыгивая и поднимая клубы пыли, побежал по земле и вдруг оторвался от нее. Постепенно набрав высоту до уровня крыши трехэтажного дома, он пролетел по прямому направлению около двух километров и опустился на поле возле леса, неподалеку от скита женского монастыря. Вся безбилетная публика хлынула к месту посадки, а обладатели билетов выражали недовольство тем, что не выполнена обещанная программа - круговой облет ярмарочной площади.

Тем не менее полет произвел на всех огромное впечатление. Маленький Сережа был потрясен: на его глазах сказочный ковер-самолет стал реальностью. Когда приехала Мария Николаевна, он взволнованно рассказывал ей, что сам видел, как полетела машина с крылышками и в ней сидел человек. В семье еще долго говорили об этом событии и Мария Матвеевна заявила: «Пока не полетаю на самолете, не умру». К сожалению, ее мечта так и не сбылась. А Сереже Королеву открылось необычайное: «Оказывается, не только птицы, но и человек может летать!»

Годы шли и наступило время, когда мальчику самому захотелось читать. Научившись складывать буквы, он уже стремился к грамоте. Как раз тогда, в июне 1912г., младший брат моей бабушки, Василий Николаевич, окончил не-

жинский Историко-филологический институт и был направлен по распределению в Оренбург учителем русского языка и словесности в мужской гимназии. И в двух освободившихся комнатах, которые раньше были заняты сыновьями, Мария Матвеевна поселила учительницу - Лидию Маврикиевну Гринфельд с матерью. Лидия Маврикиевна преподавала в женской гимназии немецкий язык. Это была милая женщина, не имевшая своей семьи. Мария Матвеевна договорилась, что она будет обучать внука арифметике и русскому языку. Он оказался способным учеником: быстро усвоил числа в пределах ста, овладел четырьмя действиями арифметики, решал маленькие задачи. Ему больше нравился устный счет, чем письменный. По русскому языку также охотнее читал и пересказывал прочитанное, чем писал. Легко запоминал стихи - память у него была прекрасная. Но не механически заучивал, а спрашивал: «Что это значит? Что это такое?». Лидия Маврикиевна вспоминала, что когда она учила с ним басню Крылова «Ворона и лисица», он просил объяснить, что означает «вешунья голова» и другие непонятные выражения. Когда ему читали вслух, он тоже всегда интересовался значением непонятных слов. Одним словом, радовал своей любознательностью и желанием понять окружающее.

Летом 1913 г., после окончания своего первого учительского года в Оренбурге, в Нежин к родителям приехал Василий Николаевич Москаленко. Он не видел племянника целый год и был поражен происшедшей в нем переменой. Василий Николаевич вспоминал потом, что увидел серьезного, чинного, немного замкнутого мальчика с умными, пытливыми глазами, резко отличавшегося от тех ребят, которых он только что учил в Оренбургской гимназии. В нем было что-то свое, только ему присущее. В то лето они подружились вновь. Василий Николаевич учил племянника искусству фотографии, которая была тогда достаточно новым делом, играл с ним в крокет. Они вместе катались на велосипеде, бросали через сетку мяч, вместе помогали Марии Матвеевне и Варваре Ивановне по хозяйству. Однажды Сережа спросил его: «Почему меня не пускают за калитку?» И Василий Николаевич растерялся от этого вопроса, не зная, что ответить.

Среди детских фотографий отца есть одна, где запечатлена вся семья в то последнее лето 1913 г., когда дети проводили каникулы в родительском доме. Сережа сидит на коленях у Василия Николаевича с необъяснимо грустным выражением лица. Почему? Несмотря на всеобщее обожание мальчика в семье, на благополучную жизнь в доме бабушки и дедушки, отчего он так грустен? Оттого, что мало видит свою мать, которую страстно любит? Что нет отца, сверстников, а рядом только

Мария Николаевна Королева.
Нежин, 1912 г.

*Серезжа Королев с дедушкой
Николаем Яковлевичем,
бабушкой Марией Матвеевной и няней
Варварой Ивановной. Нежин, 1913 г.*

*Серезжа Королев с бабушкой
Марией Матвеевной
и няней Варварой Ивановной.
Нежин, 1913 г.*

*В саду нежинского дома Москаленко. Слева направо: Анна Николаевна,
Мария Матвеевна, Николай Яковлевич, Мария Николаевна, Серезжа,
Василий Николаевич. Лето 1913 г.*

взрослые? Кто знает. А быть может то серьезное, большое, что выявилось позднее, уже тогда как-то проявлялось в нем, в выражении лица, запечатленного на снимке?

Летом 1914 г. пришли тяжелые времена. Мировая война заставила срочно ликвидировать «дело» Марии Матвеевны - стало невозможно пользоваться транспортом. В первый же месяц войны старшие Москаленко оказались разорены. Этому способствовало и появление конкурента. Нежинский предприниматель А.Я. Гольдин, открывший в 1910 г. паровую хлебопекарню и разбогатевший на хлебопечении, решил тоже заняться солением огурцов. Поставив дело на промышленную основу, он привел к разорению ряд купеческих семей, в частности семью Москаленко. Юрий Николаевич, старший и наиболее практичный, сразу увидел приближающуюся катастрофу: долги оказались значительно большими, чем стоимость всего имущества. И дети решили уговорить родителей продать лавку отца и нежинский дом. Конечно, тяжелее всего было расстаться с домом. Здесь прошла большая часть жизни, здесь родились и выросли дети. Дом любили все и всем хотелось, чтобы он перешел в хорошие руки. Уговорили купить дом брата Марии Матвеевны Михаила Матвеевича, а имущество продали. В августе 1914 г. Сережа вместе с бабушкой и дедушкой, а с ними Варвара Ивановна Марченко и ее сестра Анна Ивановна - верные друзья и помощницы по хозяйству - переехали в Киев.

Так закончился нежинский период жизни моего отца. Больше в этом городе он никогда не был. А мне после рассказов бабушки Марии Николаевны очень хотелось побывать в городе, где жили наши предки и где провел свои детские годы отец.

Впервые я проезжала Нежин летом 1978 г. Второй раз была там в феврале 1988 г. вместе с нашим дальним родственником Александром Николаевичем Назаренко, который, как и Мария Николаевна, здесь родился и вырос, являясь участником и свидетелем истории тех далеких лет. В этот раз я поехала из Киева в Нежин поездом. Мне хотелось самой повторить и почувствовать путь, который в бытность курсисткой еженедельно совершала моя бабушка, чтобы повидаться со своим маленьким сыном. Мы ехали два с половиной часа, а в то время путешествие длилось около четырех. Вокзал в Нежине остался прежним - небольшое кирпичное здание восьмидесятых годов позапрошлого теперь уже столетия. Оттуда мы прежде всего поехали на бывшую улицу Кушакевича, переименованную позднее в улицу Я.П. Батюка. Здесь некогда стоял дом с высоким крыльцом, на котором сфотографирован Николай Яковлевич и где так любили сидеть вечерами Мария Николаевна и ее маленький Сережа. Очень жаль, что во время немецкой оккупации Нежина 1941-1943 гг. дом сгорел. На его месте после войны построили здание райкома партии. Сейчас в нем располагается районная администрация.

Неподалеку расположен магазин «Сільгосппродукти» - бывшая лавка моего прадеда Н.Я. Москаленко, напротив нее - «Трикотаж» - бывшая лавка Н.Г. Лазаренко.

Я зашла в среднюю школу № 7 - бывшую женскую гимназию П.И. Кушакевич. Красивое двухэтажное здание с большими окнами, широкими лестницами и коридорами. И словно бы звучат еще здесь голоса юных воспитанниц, среди которых сестры Мария и Анна Москаленко.

Но особенно поразил меня нежинский Педагогический институт имени Н.В. Гоголя - бывший Историко-филологический институт князя Безбородко.

Бывший магазин Н.Я. Москаленко - в 1997 г. «Сельгоспродукты» - на фоне Благовещенского собора на Гоголевской улице Нежина. Фотография автора

Прекрасное здание отлично сохранилось и выглядит вполне современно, а ведь оно построено в начале XIX в. И уж совсем непостижимо смотрится здесь не утраченная великолепная картинная галерея, насчитывающая десятки замечательных полотен.

К счастью, в Нежине сохранились старинные соборы и греческие церкви. Особенно красив Николаевский собор, в котором когда-то венчались мои бабушка и дедушка. Во все времена тихий, провинциальный Нежин старался не отставать от жизни центральной России. Здесь много десятилетий назад были созданы памятники русской и украинской культуры. Здесь жили выдающиеся деятели страны - братья Безбородко, В.П. Кочубей, Н.В. Гоголь, М.К. Заньковецкая. Здесь корни и нашей большой семьи.

Еще раз я посетила дорогой моему сердцу Нежин в дни празднования его 1000-летнего юбилея 17-18 сентября 1993 г. Старинный город выглядел нарядным и красивым. В те дни была освящена Всехсвятская греческая церковь, открыты памятники Богдану Хмельницкому и Марии Заньковецкой.

В марте 1997 г. я приехала в Нежин четвертый раз. Это был год 90-летия отца и меня попросили рассказать о его жизни и деятельности преподавателям и студентам нежинского Педагогического института. Теплая встреча состоялась в лекционной аудитории нового корпуса, но я, конечно, не могла не побывать и в старом здании института князя Безбородко, не пройти в который уж раз по таким близким мне Гоголевской и другим улицам города, не зайти в величественные соборы.

Я ходила по Нежину, городу моих предков, и старалась представить себе их жизнь много лет назад.

Нежинский Педагогический институт им. Н.В. Гоголя. Фотография автора. 1997 г.

Николаевский собор в Нежине. Фотография автора. 1997 г.

В августе 1914 г. начался второй киевский период жизни моего отца. В то время в Киеве уже находились Василий Николаевич, переведенный из Оренбурга преподавателем русского языка в Императорскую Александровскую гимназию, и Мария Николаевна с Анной Николаевной, которые учились на Высших женских курсах, а с 1914 г. еще и работали в канцелярии курсов. Эта работа давала им право освобождения от платы за обучение, что было немало важно, особенно в трудное военное время.

В канцелярии работали 10 служащих - все женщины. Мария Николаевна была среди них самой молодой мамой. Ей все сочувствовали, понимали ее проблемы и старались помочь.

Мои воспоминания о тете
Нюше!

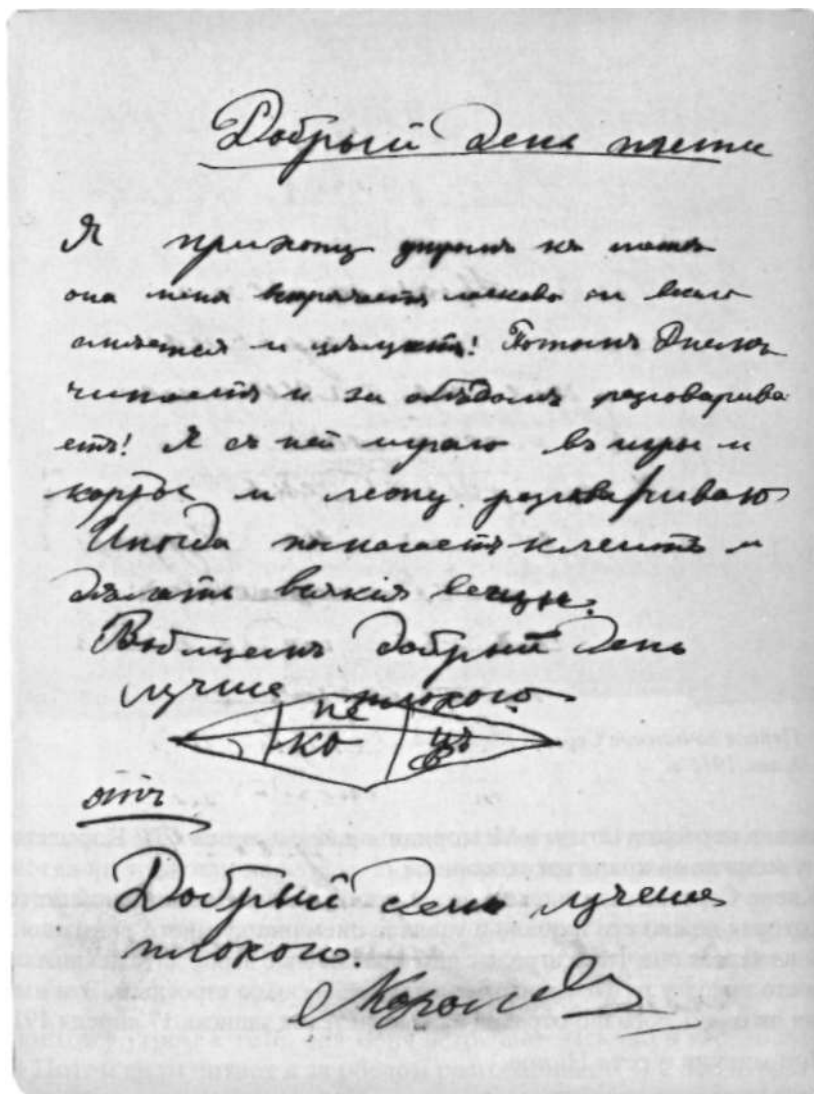
Блохой день тети
Нюши!

Тетя Нюша стала
серьезная и мрачная!
Она уже не смеется
так же весело как в
свой добрый день.
Она уходит на курсы.
Оттуда возвращается
усталая и недовольная.
Молча пообедает и идет
отдыхать. Отдохнувши она
снова идет снова на
курсы или на курсы. И
возвращается опять такой
для боюсь скажите мне
слово. Корнеев

Записи Сережи Королева о тете Нюше (Анне Николаевне Москаленко).
Киев, 17 апреля 1915 г.

Вскоре в Киев переехал из Лодзи и Юрий Николаевич с молодой женой Ольгой Яковлевной — преподавательницей немецкого языка. Василий Николаевич снял в центре города, на третьем этаже четырехэтажного дома № 6 по Некрасовской улице, недалеко от Высших женских курсов, пятикомнатную квартиру № 5, и вся семья разместилась там. С тех пор дом на Некрасовской надолго стал общим семейным центром, пока судьба не разбросала его обитателей по свету.

К моменту переезда в Киев Сереже исполнилось семь с половиной лет. Пора было всерьез подумать об учебе. Бабушка и дедушка благословили внука на трудный путь познания и подарили ему икону Христа Спасителя в окладе с надписью: «Благослови тебя бог. Благословен. Дорогому внуку Сереже от дедушки и бабушки Москаленко. 2 сентября 1914 г.» Эту икону Мария

Верну в число=
повителюный класс
Сергей Королев
Дядушка.
Дядушка мой
был давний охот-
ник. Мил отъ въ сво-
емъ домъ. Тамъ
был оранжый дворъ
и большыя сестр.
Дворъ весь заросъ
травой. Около воротъ

Первое сочинение Сергея Королева.
Киев, 1915 г.

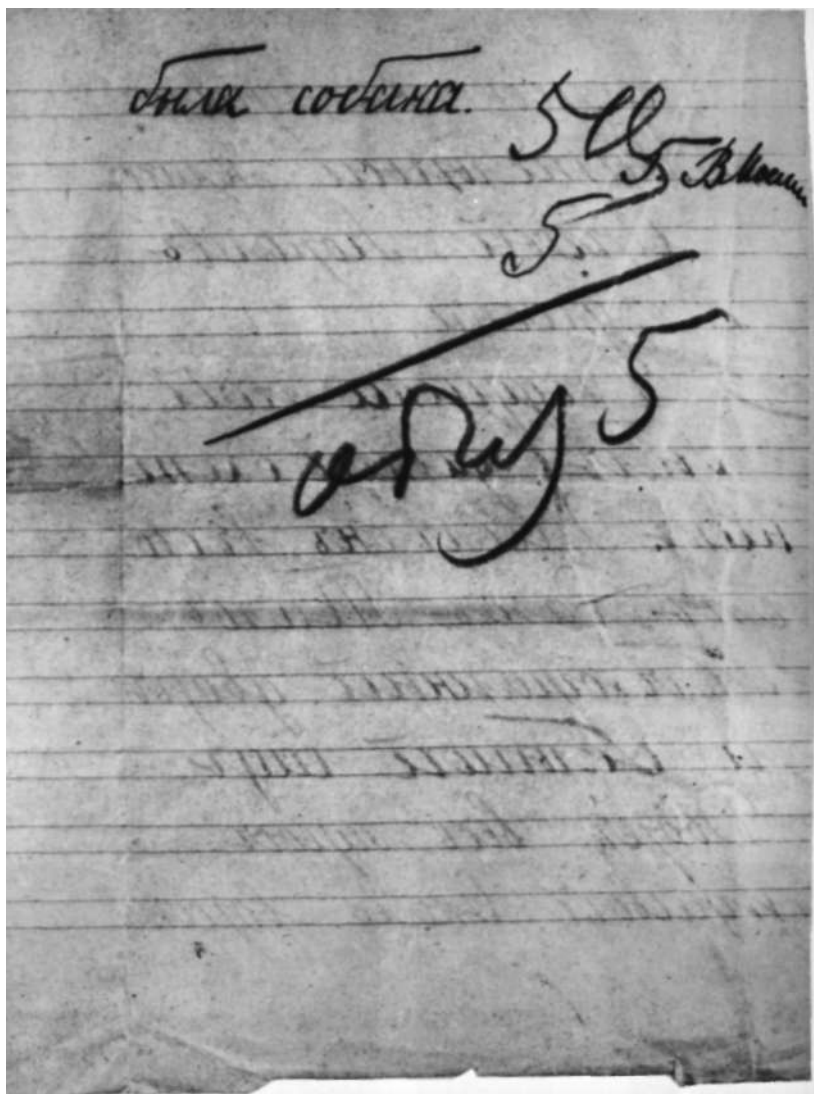
Николаевна передала потом в Мемориальный дом-музей С.П. Королева в Москве, а у меня дома хранится ее копия.

В Киеве Сережа сблизился со своей тетей Анной Николаевной (тетей Нюшей), которая нежно его любила и уделяла племяннику много внимания. После занятий на курсах она часто играла с ним в различные игры, читала книжки, наконец, просто подолгу разговаривала с мальчиком, как со взрослым. Эти взаимоотношения он очень образно отразил в своих детских записях 17 апреля 1915 года:

«Мои мнения о тете Нюше.

Плохой день тети Нюши.

Тетя Нюша встала серьезная и мрачная! Она уже не смеется так весело, как в свой добрый день. Она уходит на курсы. Оттуда возвращается усталая

и недовольная. Молча пообедала и идет отдохнуть. Отдохнувши, она снова идет иногда на урок или на курсы. И возвращается мрачнее тучи! А я боюсь сказать лишнее слово.

С. Королев

Добрый день тети Нюши

Я прихожу утром к тете, она меня встречает ласково и весело смеется и целует! Потом днем читает и за обедом разговаривает! Я с ней играю в игры и карты и лежу - разговариваю. Иногда помогает клеить и делать всякие вещи. В общем, добрый день лучше плохого.

С. Королев».

Дом на Некрасовской улице № 6 (ныне - № 3) в Киеве, где жил Сережа Королев в 1914-1917 гг. Фотография автора. 1997 г.

Икона Христа Спасителя, которой дедушка и бабушка Москаленко благословили Сережу на учебу. Киев, 2 сентября 1914 г.

Летом 1915 г. Юрия Николаевича назначили заведующим интернатом мужских гимназий города Киева. Интернат располагался в окрестностях Киева, в дачной местности «Плюты» на Днепре. На лето Юрий Николаевич пригласил туда Марию Николаевну с Сережей. Он отвел им комнату на втором этаже дома, стоявшего в густом лесу, в полукилометре от интерната. Однажды Мария Николаевна с сыном, идя из интерната домой, решили немного погулять в лесу и заблудились. Наступили сумерки. Они стали искать дорогу, но безрезультатно. Вдруг Сережа остановился возле какого-то пня и сказал: «Мамочка, а ты знаешь, ведь это тот пень, мимо которого мы шли. Я тогда посмотрел на него и подумал, что он похож на медведя. Вот здесь мы с тобой и потеряли дорогу». Получив ориентир, они благополучно пришли к дому, встретив по дороге Юрия Николаевича с группой людей, которые с фонарями шли их искать. Приключение окончилось благополучно благодаря наблюдательности и хорошей зрительной памяти восьмилетнего мальчика.

В конце того лета Сергей готовился к поступлению в младший подготовительный класс гимназии. Сохранилось написанное им тогда сочинение с отличной оценкой Василия Николаевича, который в то время с ним занимался: «Держу в приготовительный класс. Сергей Королев. Дедушка. Дедушка мой был давний охотник. Жил он в своем доме. Там был огромный двор и большой сад. Двор весь зарос травой. Около ворот была собака». Так отразились на бумаге запечатленные в памяти мальчика воспоминания о нежинской усадьбе.

Осенью 1915 г. Высшие женские курсы в связи с неблагоприятной военной обстановкой эвакуировались из Киева в Саратов, и Мария Николаевна с Анной Николаевной оказались вынуждены переехать туда. Сережа вновь оказался на попечении бабушки и дедушки. Правда, остались и дядя Юра, и тетя Оля, и дядя Вася, и Варвара Ивановна с Анной Ивановной, но он скучает о тете Нюше и, конечно же, о своей дорогой маме. Об этом свидетельствуют его письма.

«Милая и дорогая мама и тетя Нюша. Приезжайте скорее к нам. Я очень скучаю. Я здоров, учусь у тети Оли. Прошу писать чаще мне. Кланяются, целуют наши все. Целую крепко. Сережа». Это письмо написано на открытке с изображением брата милосердия и надписью: «Мало лет, но милосердия много».

«Милая мама и тетя Нюша. Получили вы мои письма или нет? Напишите мне. Очень благодарю вас за конфетки и за книжечки. Книжечки очень интересные и конфетки вкусные. Уже до Рождества осталось три недели и мы скоро увидимся. Я это письмо посылаю тебе, мама, и тете Нюше на 10 коп. марку, а твою, мама, я, заказную, разменял, она за двадцать копеек, а я ее разменял на две марки по десять копеек и посылаю тебе это письмо, и за ним одно за другим другие письма, так как у меня есть много марок и бумаги, такой, как я пишу это тебе письмо. Прошу писать чаще, а то я, когда дней десять не получу письма, то уже начинаю скучать и беспокоиться о вас. То поэтому прошу писать чаще. Целуют крепко, крепко вас бабушка, дедушка, Юра, Вася, тетя Оля. Кланяются вам Анюта и Варя. Целую крепко, крепко.

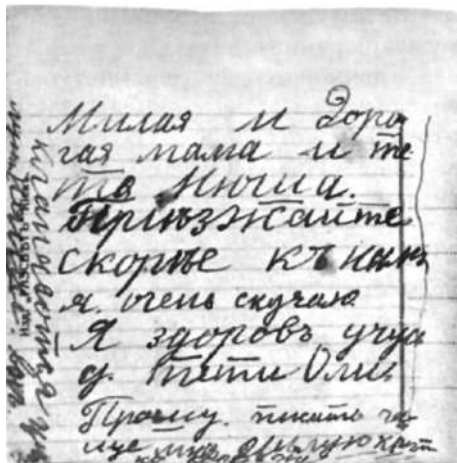
3 декабря 1915 г. Сережа К.

Жду тебя с дороги и дарю тебе подарок».

Сережа любит раскрашивать картинки и посылает их маме с надписью: «Милой и дорогой маме на память от сына Сережи. 1916 г. 3 февраля. 11 часов вечера». Он очень скучает по маме, помнит, что 25 марта день ее именин и пишет новое письмо:

Мария Николаевна Королева.
Киев, 1915 г.

Письмо-открытка Сережи Королева
Марии Николаевне и Анне Николаевне
в Саратов. Киев, 1915 г.

«Милая и дорогая мама! Мне было очень скучно 28 февраля и теперь не-весело, учиться трудно, очень трудно, и грустно о тебе, что тебя нету. Я здо-ров и хожу гулять. Вот все, шишек больше нет. Милая и дорогая мама! Я сде-лаю 25 марта крем, на свои деньги куплю сметаны на 90 коп. и устрою уго-щение, а Юра мне обещал рубль. Погода то плохая, то хорошая. Милая тетя Нюша! Мне очень, очень трудно учиться по закону божьему и арифметике. Простите меня, что не писал так долго. Все, что ты прислала, очень красиво, письма получил и очень благодарю. Целую крепко, крепко. Целует бабушка и все. Сережа К. За марки благодарю».

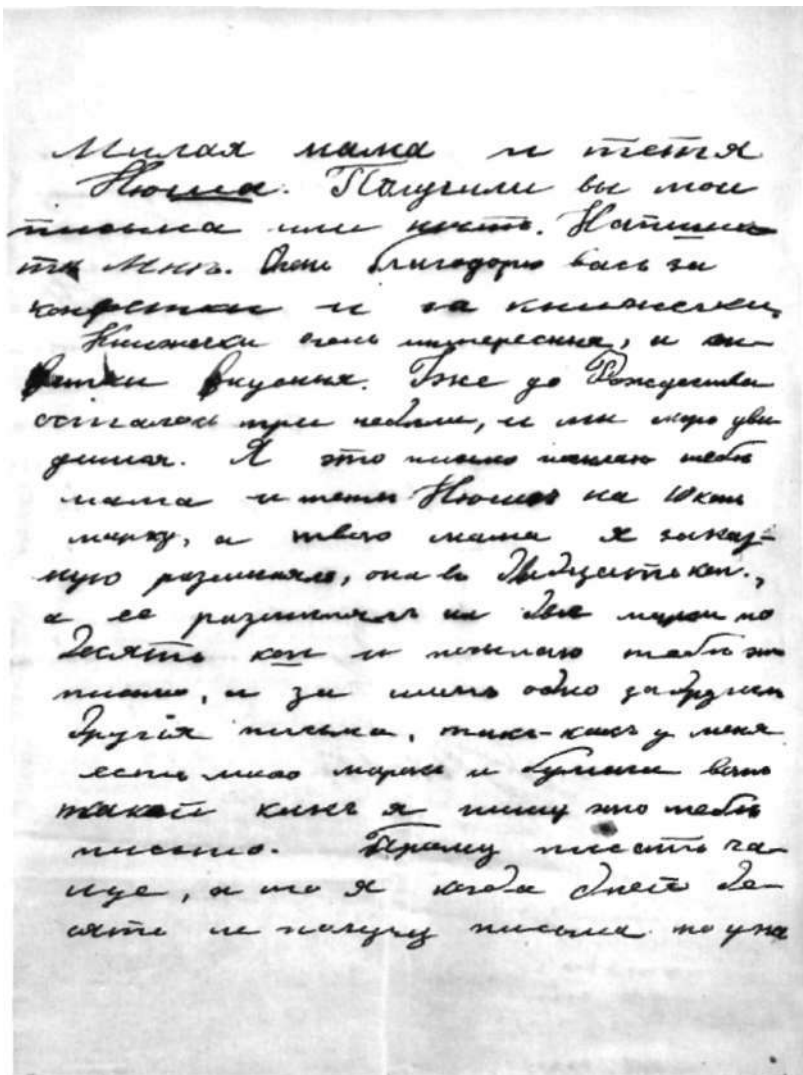
Следующее письмо написано также в марте 1916 г. К этому времени Юрий Николаевич и Ольга Яковлевна переехали в отдельную квартиру на Костельной улице в центре Киева.

«Милая, дорогая мама! Прости, что я так долго не писал. Я уже занима-юсь с дядей Юрой и с ним интересней заниматься. Милая мама! Я о тебе не скучаю и прошу писать, как твое здоровье, а то мне снилась ты нехорошо. Милая Нюша! Я ел за вас блины и съел штук восемь, а перед этим штук 5. Я здоров и прошу тебя писать мне, а то скучно, я давно ждал письма. За жур-нал очень благодарю и с нетерпением жду другого, и прошу не скучать. Бабушка здорова, дедушка, Варя, Анюта, также. Юра и Оля здоровы и хо-дят к нам. Целую вас крепко, крепко. Ваш Сережа К. Буду писать больше. Это со скуки».

Шишек нету. Посылку получил, благодарю очень. Аэроплан склеил, очень красивый. Ответь, получила ли ты мое письмо и другие».

В письме маме и тете Нюше 1 апреля 1916 г. он пунктуально отвечает на все заданные ему вопросы, стараясь быть предельно точным.

«Милая и дорогая мама и тетя Нюша! Письмо твое я, мама, получил 31 числа, а пишу 1 апреля. Ну, буду отвечать на твои вопросы: 1) день этот я про-вел очень весело. 2) письмо получил и деньги 50 коп. 3) деньги я еще не от-нес, так как не получил 5 р., теперь же я получил их и еще отнесу. 4) тетя бы-ла, за посылку очень благодарю. Там я нашел конфетки и цветочки, кажется твоего изделия. Но за носки пока не получил сведений и поэтому не знаю,

Милая мама и теща
Нюша. Ставились бы мои
письма или некие. Хотел
бы Маме. Дочь Григория Вася за
конфетками и за книжечками,
Книжечки очень интересные, и они
очень красивые. Также до Волгодонск
отправляю три письма, и они скоро ука-
жутся. А это письмо написанное тебе
мама и теща Нюша на 10-ю
июль, а тебе мама я заказ-
ную рассылал, она в Индустриальн.,
а ее рассылал на две недели по
десяти коп и почтало тебе от
письма, и за ними одно за другим
будет писан, так как у меня
есть много марок и бумага была
также как я пишу то тебе
письма. Друзья писали ка-
кие, а ты я когда сделаю де-
сять и передаю письма по почте

Письмо Сережи Королева маме и тете Нюше в Саратов.
Киев, 3 декабря 1915 г.

только один воротничок видел, да и тот будто бы прислали дяде Васе. У нас погода очень хорошая, с утра холодно...».

В это время Сережа коллекционирует марки и в письме от 20 апреля 1916 г. просит маму и тетю Нюшу о пополнении коллекции:

«Милая и дорогая мама и тетя Нюша! Я здоров и учусь, хожу гулять. Мы, то есть дяди и я, собираемся в Межигорье*. Почему не пишет тетя? Напиши. И прошу выслать марок. Целую. Сережа К.».

Лето 1916 г. Сережа вновь провел в Плютах, только теперь без мамы, которая еще находилась в Саратове. Жена Юрия Николаевича, Ольга Яковлевна,

Межигорье - живописная местность вблизи Киева на правом берегу Днепра. Там находились монастырь, знаменитая фабрика фарфора и кирпичный завод.

С. Королева
19-10-16

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА.
CARTE POSTALE

Место
для
марки.

Милой и до-
рогой маме
на память
от сына
Серенки

14-16-2. Завтра
11 часов вечера.

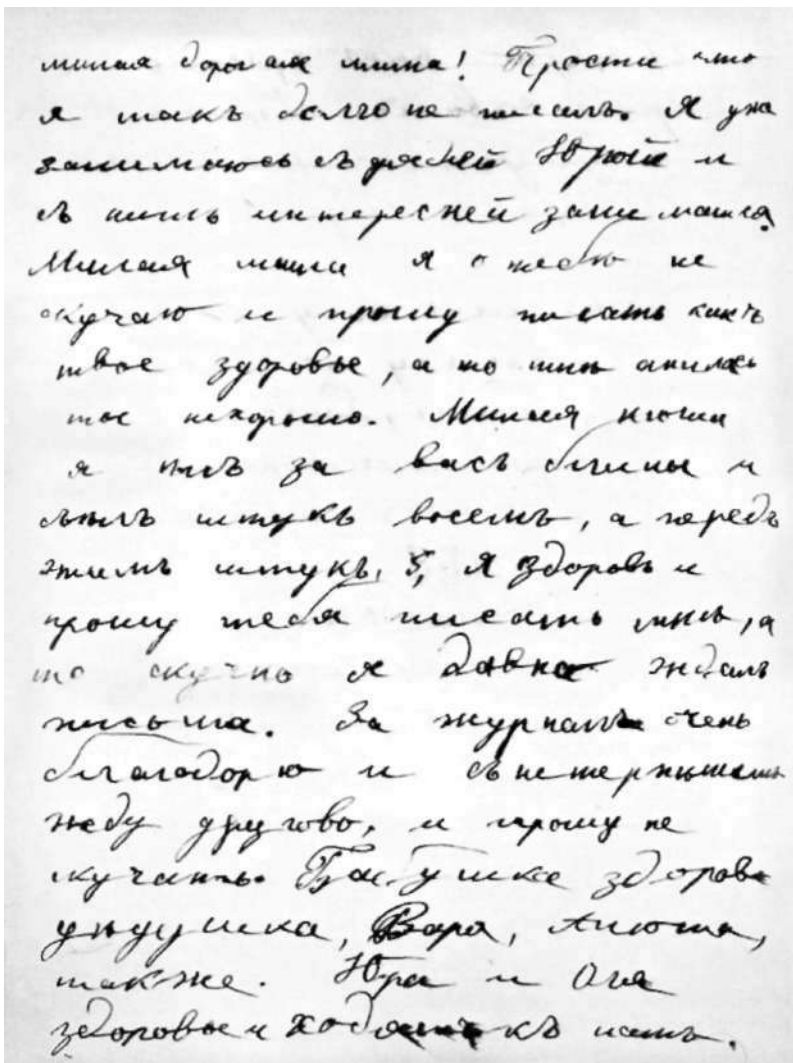
Серия № 3.
Рис. № 8.

Письмо-открытка Серенки Королева Марии Николаевне в Саратов.
Киев, 3 февраля 1916 г.

милая и дорогая мамочка! Мне было
очень скучно 28 февраля и теперь на
всёмо, учиться трудно очень скучно
и грустно о тебе что тебе пишу. Я
здоров и вот пишу тебе, вот все,
мне не хочется писать. Милый
и дорогой мамочка я получила 25 мартов
письмо, на свои деньги купила
амплетте на 30 коп. и удорого
угрошение, а 10 рублей обещала
рубли. Когда то пришла, то обра-
дана. Милые тебе письма! Мне
очень, очень трудно учиться. По
Закону Божьему и Арифметике
кн. Простите меня что не
пишала тебе давно. Все это ты
примамла очень красиво, спасибо
получила и очень благодарю.
Целую крепко крепко,
Сергея. Н.

за мамочку

Благодарю

милая дорогая мама! Прости что
я так долго не писала. Я уже
занялась в высшей школе и
в кино интересней занятием.
Милая мама я о тебе не
забываю и прошу написать как
твое здоровье, а то мне очень
тебе хочется. Милая мама
я так за вас люблю и
люблю и так люблю, а пере-
даю и так, а здоровья и
прошу тебе писать мне, а
то скучно я давай тебе
писать. За туркменами
благодарю и очень люблю
тебя друзья, и прошу не
забывать бабушкин здоровье
дедушки, Вера, Аня,
также. Юра и Аня
здоровы и любят тебя.

Письмо Сережи Королева маме и тете Нюше в Саратов.
Киев, март 1916 г.

привезла из Саратова погостить на летние каникулы свою шестнадцатилетнюю племянницу - сироту Маргариту Рудомино. Детей поселили рядом с интернатом на одной из дач, где Юрий Николаевич снял комнату с террасой. Маргарите как старшей поручили присматривать за мальчиком. Она вспоминала, что Сергей оказался трудным подопечным: упрямым, непослушным, несговорчивым. Ей приходилось вечно искать его в лесу и с трудом находить где-нибудь в чащах, одного или с приятелями. Ее поражало, что он совершенно не боялся темноты.

Мария Николаевна и Анна Николаевна вернулись в Киев в конце лета 1916 г. Во время эвакуации они не только учились, но и работали в канцелярии курсов. Об этом свидетельствует удостоверение от 23 августа 1916 г., в

Цыблугу баев криво
криво ваниа Серета. к.
буду писать тебе
это со шутки

миленько пишу
тебе по
улице, Блуде
дорого тебе в Яковлеве
скучно, тебе криво
Н.Б.
ответь
и напиши мне
мое письмо
и друзей

котором говорится, что Мария Николаевна «состоит на службе на Киевских Высших Женских Курсах, эвакуированных в г. Саратов, и возвращается в Киев, куда переведены курсы».

Той осенью определилась ее личная судьба - она вышла замуж за человека, который фактически стал для ее сына отцом. Еще в 1911 г., после того как Мария Николаевна ушла от Павла Яковлевича и поселилась с сестрой на Фундуклеевской улице, у сына хозяев квартиры появился репетитор - студент Киевского политехнического института Григорий Михайлович Баланин. Он родился 21 сентября 1881 г. в подмосковных Химках в семье унтер-офицера запаса Михаила Андриановича Баланина. Детские и юношеские годы Григория Михайловича прошли в Вологодской губернии. В 1900 г. он окончил в городе Тотьме учительскую семинарию, дававшую право преподавания в начальной школе. За успехи в учебе юноша был премирован книгой песен Генриха Гейне с надписью: «Достойному ученику III-го класса Тотьменской учеб-

10
Милых и дорогих мам
и тетя Нюша!
Письмо свое я сделала
получить 31 числа, и вы
уже прочли. Ну буду
отвечать на свои вы-
просы! 1) денежки и еще
очень много. 2) Письмо со-
общить и денежки 50к.
3) денежки и еще не стес-
нась пока не поделит.
Меняете и поделит на
два и еще стес-
нясь была, за посылку.

*Письмо Серёжи Королева маме и тете Нюше в Саратов.
Киев, 1 апреля 1916 г.*

ной семинарии, воспринятому в лоно Православной Церкви сыну Григорию Баланину, на память. Директор Семинарии Н. Соболев. 4 мая 1899 г. г. Тотьма».

Григорий Михайлович в течение года работал учителем в деревне Кимасозеро в одном из отдаленных районов Архангельской губернии. Однако его не оставляло желание получить высшее образование. И уже летом 1901 г. он поступает в Петербургский учительский институт, который успешно оканчивает в 1904 г. Затем в течение двух лет работает преподавателем в училище г. Тальсена Курляндской губернии. Но его влекло к электротехнике и получению технического образования. В 1906 г., накопив необходимую сумму денег, он уезжает в Германию и поступает на электромеханический факультет

очень благодарю. Спасибо
и нашим кофеткам и
сувениркам кажется твоего
~~идеи~~ идеям.

Но за последние годы
не получил сведений
и поэтому не знаю,
только одним вероятием
хочу видеть, где и в какой
будущей предании
уезд Ваш. У нас
погода очень жаркая
и уже жгло, но
таждно и в 61. Вскр

инженерного училища в городе Митвайде в Саксонии. Там он в совершенстве овладевает немецким языком, что позволяет ему перевести с немецкого на русский книгу инженера Эрнста Прессера «Исследования радия», которая затем была издана в 1907 г. в Санкт-Петербурге. В 1909 г. Григорий Михайлович заканчивает обучение в Митвайде, получив специальность инженера-электромеханика, и возвращается на родину. Однако немецкий диплом не давал права занимать инженерную должность в России. Поэтому, вернувшись, Григорий Михайлович сразу же поступает для завершения образования на третий курс механического факультета Киевского политехнического института. В 1913 г. он оканчивает его как инженер-технолог с дипломом первой степени. Образование Григория Михайловича - три высших учебных заведения, из них одно за границей - нельзя не назвать блестящим.

20 апреля 1916 г. 5
Милая и дорогая мама и
тетя Нюша! Я здоров
и пишу, пишу письмо.
Мы вместе с дяди и я соби-
раемся в Мятки горе.
Потому же пишет письмо
нашим. И пишу всякой
мелочью.
Целую Сережи. А.

*Письмо Сережи Королева маме и тете Нюше в Саратов.
Киев, 20 апреля 1916 г.*

Красивый, высокообразованный и эрудированный, Баланин сразу привлек внимание сестер. Они обе в него влюбились, но он предпочел старшую - Марию. Анна Николаевна вначале переживала, но потом не могла не радоваться за любимую сестру. Молодые люди решили пожениться, однако сделать это оказалось непросто, так как Павел Яковлевич на развод не соглашался. Узнав, что Мария Николаевна собирается замуж, он вновь стал умолять ее вернуться к нему, клялся в любви, иногда даже подстерегал на улице или у ворот дома, хватал за руки, увлекая к извозчику. Однажды, в мае 1913 г., он прошел через черный ход в квартиру, где жили сестры, и стал требовать, чтобы Мария Николаевна, находившаяся в тот момент у соседей, вышла к нему.

*Рита Рудомино и Сережа Королев (четвертая и пятый слева во втором ряду).
Молодежный лагерь в Плютах на Днепре. Лето 1916 г.*

Встревоженные настойчивостью и упорством Павла Яковлевича, сестры тогда решили, что Марии Николаевне лучше на время уехать в Нежин к родителям. Опасаясь, что Павел Яковлевич может поехать следом, она села на вечерний поезд не на главном вокзале Киева, а на промежуточной станции. Приехав в Нежин, увидела знакомого извозчика, который быстро доставил ее домой. Этим же поездом, как оказалось, приехал и Павел Яковлевич, появившийся в скором времени в доме Москаленко. Он вновь убеждал Марию Николаевну вернуться, взывал к разуму и чувствам родителей. Однако те сказали: «Мы вам отдали свою дочь. Не сумели удержать - пеняйте на себя!» В итоге Павел Яковлевич уехал ни с чем, но согласие на развод, как и ранее, дать отказался.

Все это время Григорий Михайлович терпеливо ждал. После окончания в 1913 г. Киевского политехнического института он работал заведующим зернохранилищем Государственного Большого банка в Петербурге. Очень любя бабушку, часто навещал ее и мечтал о том, чтобы она стала свободной.

Шли годы. Все просьбы Марии Николаевны к Павлу Яковлевичу о разводе оставались безответными. Тогда она обратилась за помощью к известному киевскому юристу А.И. Драгунову, специалисту по бракоразводным делам. Тому в конце концов удалось убедить Павла Яковлевича дать согласие на развод, взяв вину на себя. В метрической книге Николаевского собора города Нежина рядом с записью о бракосочетании 15 августа 1905 г. Павла Яковлевича Королева и Марии Николаевны Москаленко написано: «Согласно указу Черниговской Духовной Консистории от 28 августа 1915 г. за № 19262 по определению Киевского Епархиального начальства от 27 ноября - 7 декабря 1914 г., утвержденного Священным Синодом от 13 июля 1915 г. за № 9516, брак супругов Павла Яковлева и Марии Королевы расторгнут по

*Отчим Серезжи Королева
Григорий Михайлович Баланин.
Санкт-Петербург, 1913 г.*

ты потомственный дворянин Глеб Александрович Рышков и студент Киевского политехнического института Императора Александра Михаил Павлович Стефанович». Мария Николаевна и Григорий Михайлович прожили вместе сорок семь счастливых лет.

Павел Яковлевич Королев в том же 1916 г. женился на Марии Харитоновне Кваша, подруге его сестры Надежды Яковлевны. По воспоминаниям Евгении Андреевны Зенченко-Зражевской, дочери Надежды Яковлевны, второй брак Павла Яковлевича оказался более удачным.

У Павла Яковлевича и Марии Харитоновны в 1925 г. родился сын Николай. Его судьба сложилась трагично. Во время Великой Отечественной войны, в период оккупации Украины фашистами, он был вывезен в Германию, где работал на военном заводе. Вместе с ним уехала и его мать. В 1944 г. после покушения на Гитлера Николай в ходе последовавших затем массовых репрессий был казнен. Мария Харитоновна после окончания войны вернулась в Киев, где умерла в 1962 г. в возрасте 69 лет.

Так сложилось, что своего родного отца Сергей Павлович с трехлетнего возраста больше не видел. Павел Яковлевич Королев продолжал работать в Киеве. После мужской гимназии М.А. Стельмашенко он преподавал словесность в женской гимназии М.К. Батцель Первого Общества преподавателей на Московской, 15, затем в Киевском коммерческом училище Первого Общества преподавателей на Терещинской, 25. В 1918 г. давал уроки латинского языка учащимся восьмых классов Киевского Первого коммерческого училища.

Павел Яковлевич Королев умер 10 ноября 1929 г. на пятьдесят втором году жизни от туберкулеза легких, как и его отец, и похоронен в Киеве на Лукьяновском кладбище рядом со своей матерью и другими родственниками.

вине прелюбодеяния первого, с правом обоих супругов вступить в новый брак, причем ответчику Павлу Королеву, по выполнении положенной семилетней епитимий». Даты развода в записи нет, но, по воспоминаниям бабушки, он произошел осенью 1916 г.

От гонорара за выигранное дело адвокат отказался, сказав, что причитающиеся большие деньги он позволить себе взять со студентки не может.

11 ноября 1916 г. Мария Николаевна Королева и Григорий Михайлович Баланин обвенчались во Владимирском соборе Киева. В метрической книге записано: «Поручителями со стороны жениха были преподаватель Императорской Александровской Киевской гимназии Василий Николаевич Москаленко и учитель гимназии Георгий Николаевич Москаленко, со стороны невесты

*Павел Яковлевич Королев (справа) с братом Александром Яковлевичем.
Киев, 1916 г.*

*Павел Яковлевич Королев (в центре). Крайняя слева - Мария Харитоновна Кваша.
Киев, 24 ноября 1924 г.*

*Брат Сергея Павловича
Николай Павлович Королев.
Киев. Фотография конца
1930-х годов*

*Павел Яковлевич Королев
(второй слева во втором ряду)
среди выпускников женской
гимназии М.К. Батцель. Киев,
1918 г.*

Милые мама и
папа!

Я бегу еще немножко
болеть. Но скоро я
собираюсь в отпуск и
уже после завтра я еду
в Углич. Температуры
устойчивая, обещают
36,9 град. Праздники я
проведу весело, ~~как~~ ^{как} обычно и сражу
и в это время.

Но праздники проведу
весело ^и ~~как~~ ^{как} обычно и сражу
я куплю на
подарки маме
картинки для
сестры Зины
подарю маме и папе
что-то из этого.

6 января 1917 года

Ваше крестное
крестное

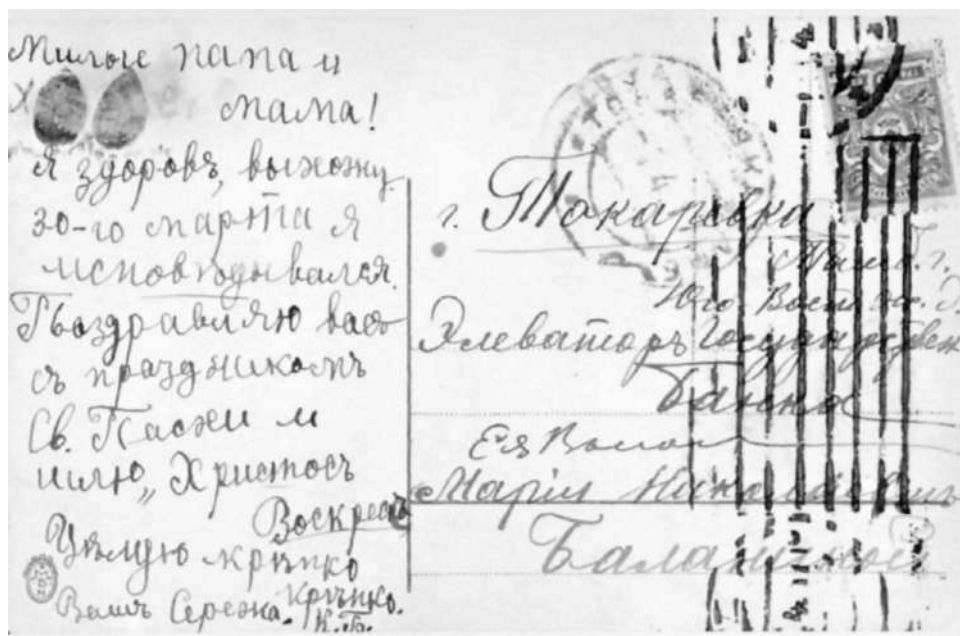
Ваше крестное

Ваше крестное

Ваше крестное

1917 16 января

Письмо Сережи Королева Марии Николаевне и Григорию Михайловичу Баланиным в Токаревку. Киев, 6 января 1917 г.

Пасхальная открытка, отправленная Сережей Королевым Марии Николаевне и Григорию Михайловичу Баланиным в Токаревку. Киев, 7 апреля 1917 г.

Фактически отцом для Сергея Павловича, вырастившим и воспитавшим его с девятилетнего возраста, стал отчим Григорий Михайлович Баланин. Между ними быстро установились дружеские отношения. Григорий Михайлович внимательно и ласково относился к мальчику. Еще перед женой он сказал Марии Николаевне: «Если я люблю тебя, я буду любить и твоего ребенка. Твой сын будет моим сыном и я сделаю для него все, что смогу». Григорий Михайлович был человеком слова - он уделял воспитанию Сережи много внимания и душевного тепла. В свою очередь мальчик очень приветливо воспринял появление Григория Михайловича в семье, называл его папой и некоторые письма даже подписывал фамилией Баланин.

На рождественские каникулы 1917 г. Мария Николаевна уехала к Григорию Михайловичу в город Токаревку Тамбовской губернии, где он в то время заведовал элеватором. Сережа пишет письмо, обращаясь уже к маме и папе:

«Милые мама и папа! Я был еще немножко болен. Но теперь я собираюсь в гимназию, уже послезавтра я пойду учиться. Температура установилась обыкновенная, 36,9 на 8 день. Праздники я провел весело, очень весело. Деньги получил, очень благодарю. Но случилось несчастье: тети Оли брат (Яша) заболел тифом и она уехала. Только не пиши об этом, что я сказал тебе эту весть. Дядя Юра расстроился и все тоже. Но праздники провели весело, очень весело. Я получил на Новый Год новые подарки - картинки для склеивания, слоника, 30 штук марок иностранных и меня поздравляли. Извини, что не смог писать, не успел. 6 января 1917 года. Целую крепко, очень крепко и папу, и маму. Ваш Сережа Баланин».

Милый мой!
А и наша здрова!

Гван!

Моего пращу здрова!
Живь транзисо. Милаго твоего
те здрова и акля норма!
не в ольде мей мейса / Бг/в/
з хуу камио тв мейса тв мейса

акчанаго художествомъ
в ристо фресиво
картинку в мей
картинку и
картинку в мей

Пилии пале а то мейса
сизаск. Малеко пожито
если мейса не везе тв
здрова мейса то тв
з уже здуу скоро здрова
ка мейса и пряду здрова
мейса пряду мейса

Въ кузнице
Видать мейса тв мейса
Ихри мейса тв мейса
Съ мейса тв мейса
Мейса мейса тв мейса

Мейса мейса тв мейса
Мейса мейса тв мейса
Мейса мейса тв мейса
Мейса мейса тв мейса

Прости то мейса
У мейса мейса
Сережа Виласко

1917 г.
26-го
апреля

Письмо Сережи Королева отчиму в Токаревку.
Киев, 26 апреля 1917 г.

На праздник Пасхи Мария Николаевна вновь поехала в Токаревку к мужу. Сохранилась пасхальная открытка, датированная 7 апреля 1917 г., посланная десятилетним Сережей родителям.

«Милые папа и мама! Я здоров, выхожу, 30 марта я исповедовался. Поздравляю вас с праздником Св. Пасхи и шлю «Христос Воскресе». Целую крепко, крепко. Ваш Сережа К.Б. (Королев-Баланин. - *Н.К.*)».

В апреле 1917 г. Мария Николаевна готовится к экзаменам на Киевских Высших женских курсах. 29 апреля она должна сдавать экзамен по психологии профессору А.Н. Гилярову и двум его ассистентам. Сережа пишет об этом в письме Григорию Михайловичу в Токаревку. Он проявляет трогательную заботу о маме, прося папу не сердиться на нее, если она экзаменов не выдержит.

«Милый папа! Я и мама здоровы. Я тебя очень прошу сделать мне трапезию. Мама готовится к экзаменам и поэтому мы выедем числа 15-го - 16-го. Я хочу написать тебе стихотворение.

В КУЗНИЦЕ

Падает молот тяжелый,
Искры летают снопом,
С песней веселой
Плут мы на славу куем.
Бейте же крепко, покрепче,
Здесь не жалеите труда.
Пахарю будет полегче,
Вознаградит всех земля.

Я занимаюсь художеством и рисую красивые картинки. Я и тебе нарисовал картинку и написал к ней стишок. Пиши чаще, а то мама и я скучаем. Только, пожалуйста, если мама не выдержит экзаменов, то ты не сердись. Я уже буду скоро в первом классе и приеду к тебе первоклассником. Прости, что мамо написал. Целую крепко, крепко. Сережа Баланин».

В мае 1917 г. Мария Николаевна сдала экзамены, а Сережа окончил старший подготовительный класс гимназии и стал первоклассником.

В середине мая Сережа с мамой приехали из Киева в Токаревку. Жили они с Григорием Михайловичем на окраине города, рядом находилось поле. Там колосилась рожь, ставшая вскоре такой высокой, что десятилетнего мальчика в ней было не найти. Сережа любил бегать туда прятаться. Но особенно нравились ему большие мельницы, превращавшие зерно в муку.

В начале августа 1917 г. Григория Михайловича перевели в Одессу с назначением старшим инженером Одесского отделения Юго-Западной железной дороги. Мария Николаевна с сыном вернулась в Киев и подала прошение директору Высших женских курсов об увольнении от занимаемой ею в канцелярии должности. 21 августа она получила уведомление о том, что ее просьба удовлетворена. Теперь, когда формальности улажены, можно было готовиться к отъезду.

И вскоре поезд увез семью Баланиных на Юг.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К НЕБУ

ОДЕССА (1917-1924)

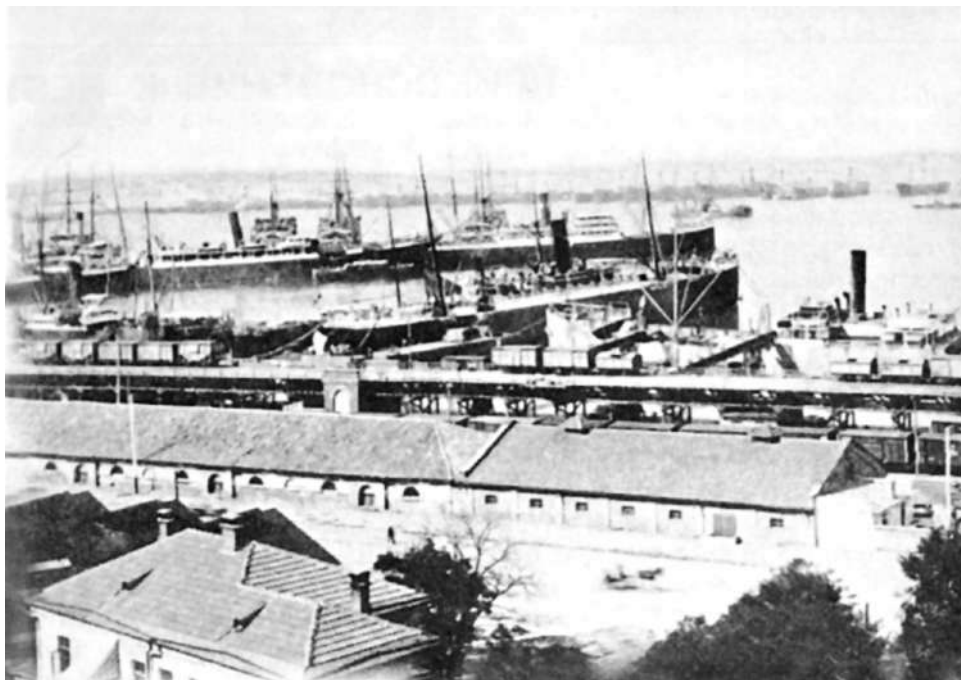
В августе 1917 г. начался новый период в жизни отца. Некоторое время семья жила на Канатной улице, а затем поселилась в порту, на Платоновом молу. Позади дома находилось здание таможни, а дальше, на возвышении, располагался город. Жили в трехкомнатной казенной квартире на втором этаже двухэтажного дома. Часть вещей привезли с собой, а потом купили мебель, которая сохранилась донныне и теперь находится в моей квартире и на даче: шесть мягких массивных стульев, два больших кресла и огромный, покрытый красным сукном, двухтумбовый письменный стол с большим креслом перед ним. Окна квартиры и балкон выходили на море. Правда, это было не открытое море, а акватория порта, но за волноломом виднелась бесконечная морская даль. Из окон интересно было наблюдать за судами, которые заходили в порт и выходили из него.

Неподалеку от дома находилась электростанция, которой позднее, с 1922 по 1925 год, заведовал Григорий Михайлович Баланин, а рядом с электростанцией - высокая труба. Однажды во время обеда Сергей обратился к маме с просьбой дать ему две крепких простыни. «Зачем?» - удивилась она. Он ответил, что хочет забраться по скобам трубы наверх, привязать простыни к рукам и ногам, взмахнуть и полететь. У нее «упало» сердце. «Это невозможно, ты разобьешься!» А в ответ услышала: «Почему невозможно? Птицы ведь летают?!» Ей стоило большого труда отговорить от безрассудного поступка своего десятилетнего сына, объяснив ему, что у птиц жесткие крылья и они ими управляют, а у него будут лишь мягкие простыни, которыми он взмахнет, камнем упадет на землю и разобьется. Сын внял доводам матери, но полет птиц продолжал вызывать у него особый интерес. Он мог подолгу смотреть, как они летают. Мальчику хотелось постигнуть тайну полета, и в глубине души он затаил мечту полететь когда-нибудь самому.

Всентябре 1917г. Сережа пошел учиться в 1 - й класс 3 - й мужской гимназии. Павел Яковлевич Королев в то время работал преподавателем женской гимназии в Киеве и прислал в Одессу удостоверение от 19 октября 1917 г., согласно которому Сергей, как сын преподавателя, освобождался от платы за учебу.

«УДОСТОВЕРЕНИЕ.

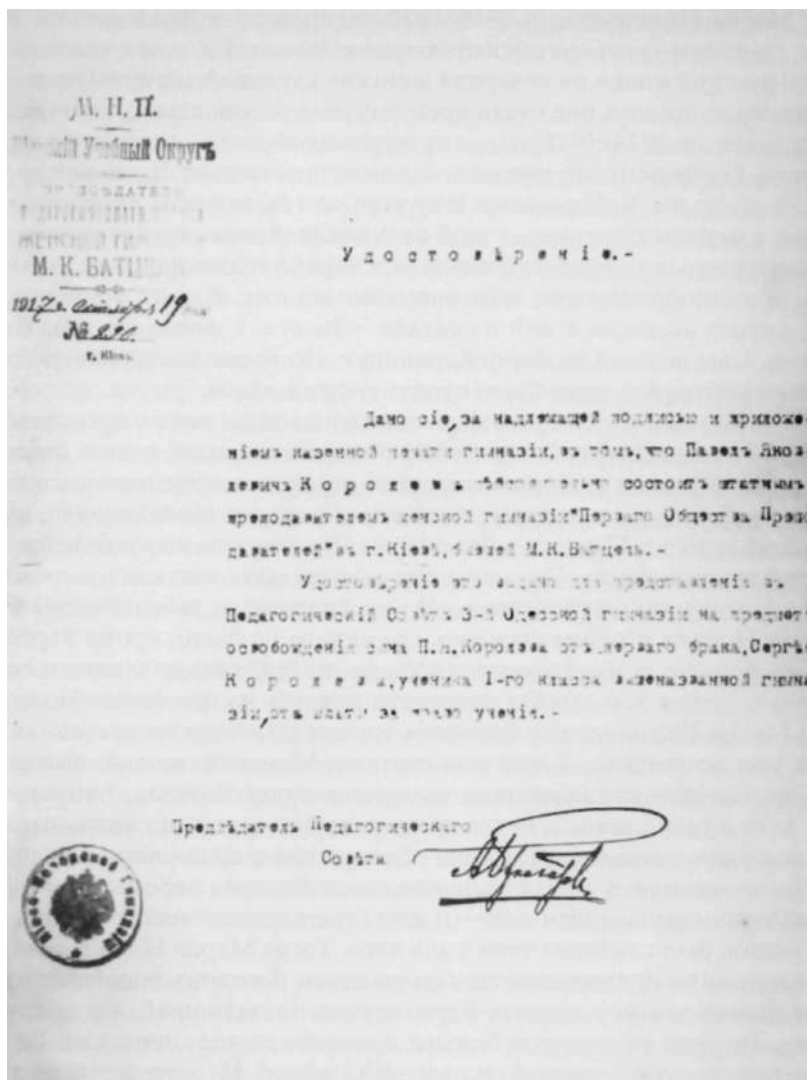
Дано сие, за надлежащей подписью и приложением казенной печати гимназии, в том, что Павел Яковлевич Королев действительно состоит штатным преподавателем женской гимназии «Первого общества Преподавателей» в г. Киеве, бывшей М.К. Батцель.

Одесский порт. Фотография 1920-х годов

Дом на Платоновом молу в Одессе, где в 1917-1924 гг. жил Сережа Королев. Фотография автора. 1998 г.

Удостоверение на право освобождения Сергея Королева как сына преподавателя от платы за учебу. Киев, 19 октября 1917 г.

Удостоверение это выдано для предоставления в Педагогический Совет 3-й Одесской гимназии на предмет освобождения сына П.Я. Королева от первого брака, Сергея Королева, ученика 1-го класса вышеназванной гимназии, от платы за право учения.

Председатель Педагогического Совета».

Но вскоре пришла революция, и многие одесские гимназии, в том числе та, где учился отец, закрылись. Он вновь оказался дома в своем собственном мире. Правда, теперь у него появились друзья, и начало приходить понимание происходящего вокруг. Он видит, что жизнь в Одессе трудная и родители должны много работать. Григорий Михайлович не только работает, но еще преподает. Он читает лекции и проводит занятия по электротехнике в четырех техникумах: железнодорожном, морском, электротехникуме и гидротех-

никуме. Мария Николаевна в 1918-1920 гг. преподает французский язык в женской гимназии Третьего общества преподавателей и одновременно французский и русский языки на вечерних женских курсах. А когда в Одессе начали открываться школы, она стала преподавать русский язык в школах № 149 и 119, а затем, в 1924-1925 гг., - на курсах рабочего юношества водного транспорта. Одновременно она сама закончила годичные Высшие курсы украинского языка им. В. Науменко. В ту пору она была очень привлекательна. Стройная, в черном костюме - узкой полудлинной юбке и удлиненном жакете, - высоких серых замшевых башмаках и черной гладкой шляпе, которая ей очень шла, она обращала на себя внимание многих. Как-то одна из слушательниц курсов подошла к ней и сказала: «Знаете, хорошо бы ваш портрет нарисовать - вы похожи на Анну Каренину». Но время наступило такое, что стало не до портретов, надо было думать о куске хлеба.

В Одессе в годы революции и гражданской войны дело с продовольствием обстояло плохо. Приходилось, дабы прокормить семью, ходить пешком на Хаджибеевский лиман за солью, ездить в деревни и немецкие колонии под Одессой, чтобы поменять старые костюмы Григория Михайловича, курточки, из которых вырос Сережа, юбки Марии Николаевны и другие вещи на муку, картофель или масло. Однажды сын убедил мать взять его с собой. Она его отговаривала, но он настаивал: «Я уже большой, я тебе помогу!» Поехали вдвоем. Попали в такую деревню, где ничего не было, кроме картофеля. Выменяли больше полмешка картошки, но не догадались завязать его, как переметную суму с тем, чтобы разделить тяжесть на две части. Полпути до станции Мария Николаевна с большим трудом пронесла мешок, но на большее сил уже не хватало. Тогда сын сказал: «Мамочка, ну дай, пожалуйста, мне!» Она сначала отказывалась, но потом почувствовала, что не может дальше идти с такой ношей. В это время они находились на каком-то мостике. Мешок упал у нее с плеч, и она, обессиленная, прислонилась к перилам моста. Через много лет она вспоминала, как сын стоял перед ней - шупленький мальчуган одиннадцати лет - и пытался поднять мешок, но не тут-то было - мешок был слишком тяжел для него. Тогда Мария Николаевна сказала: «Так ничего не получится и ты надорвешься. Я не могу видеть, как ты мучаешься. Давай возьмем вдвоем. Бери за угол, за один край, а я за другой, и понесем». Так они этот мешок больше проволокли, чем пронесли. Вдруг услышали позади себя мужской голос: «Ей, жінка! Ну, що ж ти на малого хлоп'ягу таку нагрузку дала? Хіба ж він може це потягнути?» Мария Николаевна сокрушенно ответила: «Что ж нам делать? Мы из Одессы, у нас там ничего нет. Приехали поменять вещи на еду, выменяли один картофель, но как теперь донести?» - «А куди вам, до вокзалу? Ну, давай допомогу». Взвалил мешок на плечо - такой здоровый украинец, молодой еще, и понес, а они за ним вдогонку. Когда дошли до станции, Мария Николаевна хотела отблагодарить его, дать что-нибудь из оставшихся вещей - спички или папиросы, но он категорически отказался, сказав: «Ні, їжте собі на здоров'є!» И ушел.

В Одессе их встречал уже беспокоившийся Григорий Михайлович. Больше Мария Николаевна с собой сына в деревню не брала - мал он был еще, а с Григорием Михайловичем ездила еще раза два-три.

Семья жила дружно. Состояние неустроенности, вызванное вынужденной разлукой Марии Николаевны с сыном в то время, когда он жил в Нежине у бабушки с дедушкой, а мать должна была учиться и работать на курсах в Киеве, сменилось семейным счастьем. Когда Баланины переехали жить в

Одессу, Мария Николаевна полностью отдалась воспитанию сына. Этому способствовало и заботливое отношение к Сергею Григория Михайловича, который заменил ему отца.

Григорий Михайлович неизменно полагался на все решения и советы Марии Николаевны, но в вопросах образования и формирования личности Сергея влияние отчима было очень весомым. Надо сказать, что Григорий Михайлович был человеком высокой культуры и чрезвычайно спокойного характера. Сережа сразу привязался к нему, а когда вырос, их отношения стали дружескими. Для Сережи отчим был примером инженера, научного работника, своим упорным трудом добившегося высшего образования по интересовавшей его специальности.

Григорий Михайлович с самого начала проявил себя как талантливый конструктор, эрудированный специалист, разработавший ряд изобретений и технических усовершенствований. Его кругозор был очень широк, в семье он являлся ходячей энциклопедией. Наиболее известными его проектами, получившими внедрение в период восстановления нашего экспорта зерна, были элеваторы и механизированные амбары. Впоследствии он занялся научно-исследовательской работой в области механизации подъемно-транспортных сооружений, защитил кандидатскую диссертацию и, посвятив себя педагогической деятельности, работал доцентом в московских технических вузах.

В воспитании мальчика Григорий Михайлович никогда не предъявлял категорических требований, а спокойно, путем убеждения, сам или через Марию Николаевну, старался внушить ему нужное решение. Своими знаниями и жизненным опытом отчим всегда делился с Сережей, помогал ему в учебе. Это постоянное желание помочь и дружеское взаимодействие с моим отцом сохранились до самой смерти Григория Михайловича.

Сережа рос помощником, старался, как мог, принимать участие в хозяйстве: что-то поднести, выполнить какую-то просьбу. Гордился тем, что умеет чистить картофель. «Я не пропаду ни где, я умею чистить картошку!» - с гордостью говорил он.

В двадцатые годы одной из главных забот Марии Николаевны и Григория Михайловича было не только прокормить семью, но и избежать случайной, шальной пули, а также уберечь Сережу от дружбы с беспризорниками, которых в то время в городе было видимо-невидимо. Это были дети разного возраста, по различным причинам оставшиеся без родителей. Они бродили по улицам и площадям, ночевали под мостами, пробирались на морские суда и баржи. К ним примыкали иногда городские ребята, соблазненные «вольной» жизнью. Они ездили из конца в конец Одессы на подножках и крышах трамвайных вагонов, нападали на прохожих, воровали. Однажды у Сабанеева моста Мария Николаевна купила десяток свежих бубликов и неслала их домой. Это была большая удача и она предвкушала, какое удовольствие доставит своей семье. Но путь преградили беспризорники. Они бросились к ней и пытались отнять бублики. Тогда она стала увещевать их: «Ребята, так вы все поломаете и испачкаете. Давайте поделим: половину отдам вам, половину оставляю себе. Ведь я иду домой, у меня тоже есть мальчик и нужно что-то ему принести. Возьмите часть бубликов и разделите между собой». Они согласились. Так мирно закончился этот инцидент. Но встреча с беспризорниками встревожила ее - как бы не связался Сережа с такой компанией. В то время школы были закрыты и детвора предоставлена сама

себе. Нужно было чем-то заинтересовать мальчика дома, отвлечь от улицы и ее соблазнов.

У Сережи было много оловянных солдатиков. Сначала он играл один, потом стали приходиться знакомые мальчишки. Он забирался с приятелями в свою комнату, где они устраивали целые бои. Позднее ему захотелось сделать что-то своими руками - крейсер, миноносец, - одним словом, какой-то морской военный корабль. Все можно было смастерить, кроме мотора. Отсутствовали необходимые детали и достать их было невозможно. Тогда, захваченные стремлением строить, ребята притащили в дом много различного металлолома. Увы, ничего путного из этого не получалось. Мария Николаевна давала им различные катушки, Григорий Михайлович что-то мастерил из проволоки, но такие модели не могли по-настоящему передвигаться, и это очень огорчало Сережу.

В воскресные дни семья собиралась за столом, и Мария Николаевна читала вслух Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Шевченко. Сережа всегда внимательно слушал. И вдруг однажды тихо и застенчиво сказал: «Мамочка, ты знаешь, я написал стишок...» Это было не лишнее своеобразие подражание известному стихотворению Лермонтова «На севере диком...». Мария Николаевна купила сыну альбом, в который он стал переписывать свои стихотворения. Одно из них, довольно большое, очень патриотичное, называлось «Россия». Конечно, в нем ощущалось влияние великих поэтов, но мысль и чувства были окрашены детской индивидуальностью. Стихотворение, несомненно навеянное классическими творениями, вместе с тем, соответствовало духу нового времени. В подаренный альбом Сергей записал десятка полтора стихотворений. Мария Николаевна читала стихи сына и думала, что надо бы их переписать. Однако, прежде чем она собралась это сделать, Сережа все уничтожил. По-видимому, кто-то из друзей-мальчишек увидел альбом, посмеялся над тем, что Сергей пишет стихи, и он свой альбом сжег. Но любовь к поэзии, особенно к Пушкину и Лермонтову, осталась у него на всю жизнь.

Семья жила на самом берегу моря. Вместе ходили купаться на «дикий» пляж в трех-пяти минутах ходьбы от дома. Мария Николаевна плавать не умела, а Григорий Михайлович плавал прекрасно и учил этому Сережу. В результате тот быстро научился плавать и нырять. Однажды, уже будучи подростком, он сумел спасти тонущую женщину. Это случилось утром. Народу на пляже было немного. Сережа поплыл от берега, и следом поплыла женщина. Он оглянется - она плывет, он дальше - она за ним, еще дальше - она опять за ним. Наконец он заплыл уже далеко и решил, что надо возвращаться. Когда повернул обратно, она тоже повернула. Вдруг, еще сравнительно далеко от берега, он оглянулся и обнаружил, что женщины нет. Нырнув, увидел, что она опускается на дно. Он ухватил женщину за волосы и вынырнул на поверхность. Поддерживая ее одной рукой, другой рукой греб. Когда до берега осталась какая-то сотня метров, почувствовал, что не выплывет. Начал кричать, чтобы на берегу обратили внимание. Оказалось, за ними следили, видели, как они возвращались, но не сразу поняли, что он поддерживает свою нечаянную спутницу из последних сил. Люди в лодке бросились навстречу и вытащили обоих. Женщина была без сознания. Ее стали откачивать, вызвали врача, и в этой суете мальчик тихо исчез. Прибежал домой бледный, усталый. На вопрос мамы: «Что с тобой, Сереженька, устал очень?» - ответил: «Да, мамочка, я только что вытащил утопленницу». - «Кто же она?» - «Не

знаю, я не стал ждать. Слышал, как люди спрашивали: где тот мальчик, который ее вытащил, - а я тихонечко схватил одежду и убежал». Мария Николаевна обняла сына - он растрогал ее своим мужеством и скромностью. Вечером о смелом поступке Сергея она рассказала мужу. «Слава богу, - обрадованно воскликнул он, - это очень хорошо. Скромность - дороже золота. Она - кузнец характера». Как выяснилось потом, женщина осталась жива. А спасший ее подросток так и остался неизвестным.

Сережа становился уже серьезным юношей, привыкшим к самостоятельности, а Мария Николаевна была молодой, красивой, энергичной, жизнерадостной женщиной, и он рос рядом с ней как друг, как брат, а не как ребенок, нуждающийся в каждодневной опеке. Эта дружба матери и сына прошла через всю их жизнь вплоть до последней встречи в Кремлевской больнице, куда лег отец на роковую для него операцию.

В 1918 г. в Одессе стали открываться школы, получившие названия трудовых. В одной из них с 1 сентября 1918 г. учился отец. Однако через полтора месяца в связи с гражданской войной и интервенцией школа закрылась. И четыре последующих года Сережа занимался дома. Его учителями были Мария Николаевна и Григорий Михайлович. Сын получил хорошую подготовку по русскому языку и словесности, математике и физике. Мама учила его французскому языку. Дома было много книг и он увлекался чтением. Такое домашнее обучение как-то компенсировало ему пропущенные годы учебы. Зимой 1920-1921гг., когда мальчику было тринадцать лет, он попытался учиться игре на скрипке, но вскоре понял, что слишком поздно взялся за инструмент, да и денег это стоило немалых. И занятия прекратились.

Летом 1922 г. Сережа приехал погостить в Киев к бабушке Марии Матвеевне и дяде Василию Николаевичу, которые продолжали жить на Некрасовской улице. В то время в Киеве, в семье своей тети Ольги Яковлевны и ее мужа Юрия Николаевича Москаленко проводила свой отпуск Маргарита Ивановна Рудомино - будущая жена Василия Николаевича. Маргарита Ивановна вспоминала, что со времени ее первого знакомства с Сережей в Плутах в 1916 г. он очень изменился: вырос, возмужал и мало походил на тех мальчишек, с которыми росла она. В этот раз он поразил ее своей любознательностью и бойкостью. Она приехала из Москвы и его интересовало все, что происходило в столице. Они гуляли по киевским улицам и паркам, много говорили о происходящем - в общем стали друзьями.

В августе Василия Николаевича послали в командировку в Канев и Ртищев - небольшие города на Днестре, недалеко от Киева. Маргарита Ивановна и Сережа поехали с ним. И вот во время этой поездки произошел эпизод, едва не стоивший всем троим жизни.

Случилось это в Каневе. По вечерам после работы Василий Николаевич обычно брал с собой Маргариту и Сережу, они шли на Днепр, садились в какую-нибудь рыбацью лодку и переправлялись на другой берег. Там лежали на песке, купались, потом возвращались домой. В один из таких вечеров, на обратном пути, они вдруг заметили, что на дне лодки появилась вода. Вначале это их не испугало - показалось даже романтичным. Они со смехом вычерпывали воду, ощущая себя героями приключенческого фильма. Однако вода быстро прибывала и грозила затопить лодку, которая еще не достигла и середины очень широкой в этом месте реки. Василий Николаевич плавать не умел, Маргарита долго держаться на воде не могла. Ни одной лодки, которая

могла бы оказать им помощь, поблизости не было. Дело принимало нешуточный оборот. И вот тут силу воли, решительность и спокойствие проявил Сергей. Маргарита Ивановна рассказывала, что он крикнул: «Без паники!», а потом, быстро сориентировавшись, властно сказал: «Слушаться меня. Все будет в порядке... Дядю Василия я беру на себя и доставлю его на берег при условии - не хватать меня за шею, руки или ноги. Вы, Маргарита, когда очень устанете, можете слегка держаться моей руки. Во всяком случае, поплывем рядом, и я вам тоже помогу добраться до берега. Главное - спокойствие, без моего сигнала ничего не делать. Сейчас продолжаем вычерпывать воду, а ты, Василий, веди лодку к берегу». Сам он энергично работал веслами. Лодка продолжала наполняться водой, Василий Николаевич и Маргарита с трепетом ждали сигнала Сергея прыгать в воду. Внезапно из-за поворота появился бакенщик, заживавший огни на реке. Услышав крики, он подплыл к терпящим бедствие и помог перебраться в его лодку. Буквально через несколько мгновений все увидели, как покинутая дырявая лодка быстро уходит под воду. Так удалось избежать катастрофы - в значительной степени благодаря мужеству и самообладанию подростка, его умению с юных лет взять ответственность на себя, предотвратить панику и необдуманные поступки испуганных людей. А ведь в ту пору ему было всего 15 лет! Жизнь потом неоднократно предоставляла ему возможность проявить эти сильные стороны своего характера.

Вернувшись из Киева, Сергей узнал, что в Одессе открывается строительство-профессиональная школа № 1 и решил поступить туда. Выдержал вступительный экзамен и был принят. Здесь, в стройпрофшколе, он познакомился со своей будущей женой, моей мамой Ксенией Максимилиановной Винцентини - Лялей, как все ее звали. Ей в то время тоже исполнилось 15 лет. По описанию Марии Николаевны, это была «высокая, стройная, красивая девушка с чудесной золотой косой, буквально в руку толщиной, прекрасным цветом лица и очаровательными голубыми, как небо, глазами в черных ресницах. Хороший овал лица, красивые зубы и очертания губ. Вообще головка ее напоминала изображение с английской гравюры. И умница была. Хорошо училась, из интеллигентной семьи».

Сведений о далеких предках по линии Винцентини и об истории этой редкой в нашей стране фамилии в семье не сохранилось. Самые ранние сведения относятся к моему прадеду, Николаю Викентьевичу Винцентини, известному в России виноделу. Будучи по происхождению римско-католического вероисповедания, Максимилиан Викентиев Винцентини в 25-летнем возрасте подал прошение на имя архиепископа Херсонского и Одесского Димитрия и 1 декабря 1870 г. был «присоединен к Православной церкви с наречением имени Николай». В 1874 г. он окончил Уманское училище садоводства, получив звание ученого садовника. В последующие два года проходил практику в отделе виноделия Императорского Никитского сада, что предопределило его будущую специальность. Затем преподавал ботанику, садоводство и виноградарство в Бессарабском училище садоводства, основанном в Кишиневе в 1842 г., а с 1 января 1878 г. в течение 15 лет был директором этого училища, не оставляя и преподавательской деятельности. В 1890-1891 гг. его командировали за границу для ознакомления с виноградарством в винодельческих районах Франции и Германии, а также с организацией учебных заведений по виноградарству и виноделию. По инициативе Н.В. Винцентини Бессарабское училище садоводства было преобразовано в училище виноделия. Со временем оно

*Максимилиан Николаевич Винцентини,
будущий тесть С.П. Королева.
Ромны, 1914 г.*

*Софья Федоровна Винцентини,
будущая теща С.П. Королева.
Ромны, 1914 г.*

превратилось в крупнейшее в России учебное заведение своего профиля. Научные труды Н.В. Винцентини пользовались большой популярностью среди виноделов. За заслуги перед городом ему было присвоено звание Почетного гражданина Кишинева. При советской власти училище стало одним из основных винодельческих учебных заведений в СССР. К сожалению, никаких фотографий Николая Викентьевича в семье не осталось - они погибли вместе с имуществом семьи во время гражданской войны.

Женился Николай Викентьевич 2 февраля 1879 г. Сохранилось свидетельство Кишиневской Свято-Ильинской церкви о бракосочетании директора Бессарабского училища садоводства Николая Викентьевича Винцентини, православного вероисповедания, тридцати трех лет, с девицею Амалией-Агнессой двадцати лет, римско-католического вероисповедания, дочерью жителя города Кишинева Франца Гефингера. Ее отец, Франц Гефингер, являлся купцом 3-й гильдии. Мать, Луиза, урожденная Менкини, из дворян, владела имением, полученным по наследству от отца, отставного унтер-офицера Уланского полка Австрийской империи Петра Менкини, родом из Италии. Она была акушеркой. В декабре 1858 г. было возбуждено «Дело о несостоятельности купца Франца и жены его Луизы Гефингер», которое привлекло к себе внимание и даже вошло в Сборник судебных решений Бессарабского статистического комитета.

В семье Гефингер кроме дочери Амалии были сын Андрей и дочь Луиза. Андрей учился в Санкт-Петербурге и в 1885 г. получил звание зубного врача. Он работал в Санкт-Петербургской больнице Покровской Общины сестер милосердия. Луиза окончила в 1881 г. Женские врачебные курсы при Медико-хирургической академии Санкт-Петербурга в одном из первых выпусков

Ксения Максимилиановна Винцентини (Ляля), будущая жена С.П. Королева. Ромны, 1914 г.

Юрий Максимилианович Винцентини, брат будущей жены С.П. Королева. Ромны, 1914 г.

женщин-врачей в России. С конца 1880-х годов она работала врачом городской больницы в Кишиневе.

Николай Викентьевич Винцентини умер 12 сентября 1893 г. в возрасте 47 лет от болезни почек и похоронен вместе со своей женой в Кишиневе на Армянском кладбище, недалеко от церкви.

У Николая Викентьевича и Амалии Францевны было трое детей: сын Максимилиан, мой дедушка, и две дочери - Елизавета и Мария. После смерти мужа Амалия Францевна, оставшаяся с тремя малолетними детьми, обратилась к Императору Александру III с просьбой о назначении ей за службу мужа «усиленной» пенсии, необходимой для оплаты обучения в гимназии двух старших детей. Ее просьба была удовлетворена в «знак уважения к полезной деятельности личного почетного гражданина Винцентини, оставившего свое семейство без всяких средств к существованию». Со дня смерти мужа его вдове была назначена «усиленная» пенсия в размере 450 рублей в год.

Семья Винцентини была дружна с семьей Федора Ивановича Трофимова, преподавателя женской гимназии, и его жены Надежды Алексеевны. Их единственная дочь Софья родилась в 1883 г. когда Максимилиану было 3 года. Уже тогда родители решили, что их дети в будущем поженятся. Так и вышло. Дети дружили, полюбили друг друга и в 1904 г., когда Максимилиан окончил Московский институт инженеров транспорта и приехал в Кишинев, они обвенчались. Получить высшее образование Софье, несмотря на ее горячее желание (а она хотела стать врачом), не удалось, так как родители были против. Она окончила с золотой медалью гимназию, прекрасно играла на фортепиано, в совершенстве владела французским языком. Максимилиан

тоже хорошо играл на фортепиано и обладал красивым баритоном. Однажды, в студенческие годы, он аккомпанировал даже самой А.В. Неждановой, которая пела на концерте в его институте. Благодаря любви к музыке и общению, всюду, где бы ни жили мои дедушка и бабушка, у них в доме постоянно звучала музыка, собирались друзья и устраивались домашние концерты. В дружбе, любви и согласии они, несмотря на жизненные трудности и невзгоды, прожили вместе 51 год, отметив в 1954 г. свою золотую свадьбу.

После окончания института Максимилиан Николаевич получил назначение в литовский город Поневеж, а затем в Гомель, где в 1905 г. в семье Винцентини родился сын Юрий. Через полтора года, 16 (29) августа 1907 г., в Кишиневе родилась моя мама. Из Гомеля семья переехала в город Осиповичи, а потом в Ромны, куда Максимилиан Николаевич был назначен начальником дистанции пути. Жили рядом с вокзалом в большом казенном доме с садом и оранжереей. В этом же доме находились контора и служебный кабинет Максимилиана Николаевича. В Ромнах моя мама училась в женской гимназии, а ее брат Юрий - в реальном училище. Но эта учеба во время революции и гражданской войны не была регулярной, поскольку власть тогда постоянно менялась. Мама вспоминала, что каждый раз, просыпаясь утром, все спрашивали, какая сегодня власть. Вскоре Максимилиан Николаевич направили в Одессу на строительство железнодорожной линии, которая должна была соединить Одессу с Днестром и обеспечить топливом днестровскую водонасосную станцию. Благодаря этому жители Одессы получали бы в достаточном количестве питьевую воду. Летом 1918 г. семья Винцентини переехала в Одессу. Не имея постоянной квартиры, временно жили в железнодорожном вагоне на станции Пересыпь. Однажды, возвращаясь из города, они с ужасом увидели, что горят вагоны с их домашней утварью и имуществом знакомого инженера, также направленного на работу в Одессу. Оказалось, что поджог совершили белогвардейцы. В результате пожара из вещей не осталось почти ничего, и жизнь моей мамы, ее родителей и брата, и без того непростая, стала еще труднее. Многие одесситы занимались в то время обменом и продажей вещей, им же продавать и менять было нечего. В довершение всего мама заболела сыпным тифом и ей пришлось перейти в предоставленный в связи с карантином другой вагон. Родители выбивались из сил, чтобы как-то обогреть помещение, где лежала больная, снимали вагонные полки, пилили их, жгли в железной печке. Брата Юрия на время болезни сестры переселили к знакомым. Между тем состояние мамы долгое время оставалось тяжелым. Длительный срок она находилась без сознания. Никаких лекарств не было. Изредка приходивший врач считал положение почти безнадежным, но благодаря самоотверженному уходу родителей мама выжила.

В скором времени Максимилиан Николаевич получил две смежные комнаты на Софиевской улице в бывшем барском особняке, хозяин которого продолжал жить в одной из комнат. В остальных поселилось много разных жильцов, в том числе семья Александра Матвеевича Кованько, генерал-лейтенанта русской армии, видного организатора военного воздухоплавания и авиации, возглавлявшего в течение тридцати трех лет (с 1885 по 1918 гг.) единственное в то время в России воздухоплавательное учебное заведение (Воздухоплавательный парк, с 1910 г. - Офицерская воздухоплавательная школа). Сам А.М. Кованько совершил 80 свободных полетов на воздушном шаре. Тогда говорили: «Глянь-ка, Ванька, летит Кованько!» В 1985 году в

Ленинграде к столетию создания учебного воздухоплавательного парка на здании бывшего офицерского собрания в память о А.М. Кованько была установлена мемориальная доска.

В семье Кованько росла дочь Варвара, ровесница моей мамы, с которой ее в дальнейшем связывала многолетняя дружба. В той же квартире жил с семьей бывший начальник Рижского порта Михаил Михайлович Фонзервайде, имевший охранную грамоту, подписанную В.И. Лениным, за помощь революционерам в Риге. Вместе с одной из его дочерей, Марией, мама летом 1920 г. продавала на базаре стаканами воду. «Товар» подруги приносили в бидонах из дома, а покупателей зазывали восклицаниями: «Кому воды холодной с ледом?». Мария Михайловна (в дальнейшем Терницкая) обладала прекрасным голосом и позже пела в театре оперетты. До конца своих дней она оставалась близким другом нашей семьи.

В Одессе в тот период было очень голодно и холодно. Софья Федоровна не могла работать из-за частых приступов желчнокаменной болезни. Максимилиан Николаевич работал в правлении Одесской железной дороги. Отапливались тогда железными печками-«буржуйками», которые требовали много дров. Поэтому исключительную ценность представляли деревья, росшие возле дома. Было даже установлено дежурство жильцов - а в доме их было довольно много - около каждого дерева, находившегося во дворе или на улице. Все опасались, что в темноте кто-нибудь из другого дома срубит «их» дерево, которое они сами уже наметили спилить. Ночью дети стояли на страже, а взрослые пилили дерево, потом разрезали его на мелкие части и делили между собой. Однако от холода это спасало ненадолго, и мама с братом стали ходить по дворам наниматься пилить и колоть жильцам дрова. За заготовку довольно большого количества дров они получали «чурку», которую торжественно приносили домой. Повезло еще, что во дворе дома на Софиевской улице жила мамина подруга Люся Соболева, мать которой держала корову. И вот две семьи - моей мамы и генерала Кованько, которого уже не было в живых (он умер в 1919 г.), - загодя, летом, покупали у Соболевых навоз, смешивали с водой и соломой, выкладывали в деревянные коробки без дна и без крышки - изложницы (формочки), утаптывали ногами и затем сушили «продукт» на солнце. Полученные таким образом брикеты, так называемые кизяки, зимой использовали в качестве топлива. Потом им посоветовали смешивать навоз с мелкими фракциями угля и угольной пылью - штыбом. Надо было идти в порт, где разрешалось брать штыб, приносить его, смешивать с водой и навозом, лепить руками шарики и затем высушивать их. Получалось отличное топливо, почти не уступавшее углю. Его использовали, чтобы согреть помещение и что-нибудь приготовить. Но готовить было практически нечего. Максимилиана Николаевича с семьей, как и других жителей Одессы, прикрепили к одной из столовых недалеко от дома, вблизи Соборной площади, куда мама вместе с братом и соседями по квартире, в том числе с детьми генерала Кованько, отправлялись каждый день. Там, простояв довольно долго в очереди, они получали в судки по специальной норме паек: «пер. суп - яч. ка» (перловый суп - ячневая каша), на следующий день «яч. ка - пер. суп» или «пер. каша» и т.д. Это было пропитание, которое Софья Федоровна умудрялась оставлять еще и на ужин.

В большом дефиците в то время была соль. Как правило, служащим выдавали немного соли и лаврового листа, но этого было недостаточно. Мама с братом ездили на Куяльницкий лиман и собирали соль там. Она была гряз-

ная, темная, почти черного цвета. Ее приходилось долго промывать там же в морской воде, потом сушить. В результате получались серые кристаллики. Эту соль, конечно, совсем не такую, какую мы употребляем сейчас, уже можно было использовать для обмена и в пищу.

Большие трудности были и с питьевой водой. В ту пору ее в городе было недостаточно. Именно поэтому началось строительство железнодорожной ветки для обеспечения топливом водонасосной станции, находившейся на берегу Днестра, которая дала бы Одессе воду. Чтобы снабжать водой семью, Максимилиан Николаевич с другом, инженером Николаем Еремеевичем Мысливым, служившим его помощником еще в Ромнах, нанимали тачку с бочкой для воды и вчетвером, вместе с мамой и ее братом, спускались по крутому Нарышкинскому спуску в грузовой порт. Там они набирали воду и везли в город. Часть воды из бочки дети продавали, так как у каждого дома стояли люди с ведрами и ждали, что кто-то привезет воду. Еще часть отдавали хозяину бочки, остальную воду везли домой. В дальнейшем появилась возможность нанимать бочку на двух колесах. Ее можно было катить по рельсам, которые тогда в Одессе были двойными, с желобком. Эту бочку мама с братом везли из порта по Военному спуску уже без помощи взрослых. Юрий впрягался спереди, мама подталкивала бочку сзади. Рукавиц не было, а погода бывала разной. Однажды холодной зимой мама отморозила руки.

В Одессе довольно долго лимитировалось электрическое освещение. Керосиновые лампы были роскошью. Приходилось ограничиваться примитивными карбидными или масляными коптилками. Проблема была и с одеждой, особенно зимой. В основном перешивали и чинили старые вещи. Первое новое крепдешинное платье маме сшили лишь к окончанию института - в 1930 г. Особенно плохо обстояло дело с обувью. Летом ходили в «деревяшках» - самодельных сандалиях. Для своей семьи Максимилиан Николаевич делал их сам. «Деревяшки» состояли из двух частей. Передняя часть соединялась с задней кожаной полоской. Пятка упиралась в металлический задник, что обеспечивало устойчивость конструкции. В такой обуви ходили до холодов, и бойкое цоканье «деревяшек» разносилось по всей округе. Зимой мама носила допотопные бабушкины ботинки с высокой шнуровкой, а ее брат - старые ботинки отца.

В общем, жизнь была трудной. Она осложнялась еще и тем, что в начале 1920-х годов Максимилиана Николаевича трижды арестовывали органы советской власти. Никто не мог понять, в чем дело, но в квартире производили обыски, которые ничего не давали. Максимилиана Николаевича забирали на 2-3 недели в тюрьму, потом выпускали, и он продолжал работать на прежнем месте.

Через некоторое время семья переехала на улицу Островидова, бывшую Новосельскую, в квартиру, где жил один из друзей Максимилиана Николаевича по гимназии профессор В.Е. Ставраки. Заняли две комнаты несколько большего размера, чем на Софиевской, хотя тоже в коммунальной квартире - с длинным коридором, выходом из кухни на черный ход и антресолями для прислуги, которые теперь использовались как чулан.

Когда в Одессе открылись трудовые школы, маме и ее брату учиться в них не пришлось. Юрий, правда, некоторое время занимался в реальном училище им. Святого Павла, достопримечательностью которого была отгороженная красным бархатным шнуром парта с надписью: «Здесь сидел Лейба Бронштейн-Троцкий». Мама в тот период не училась нигде.

*Дом на улице Островидова М 66 в Одессе, где жила семья Винцентини.
Фотография автора. 1998 г.*

Об открытии стройпрофшколы № 1 Софья Федоровна узнала от своей гимназической подруги Варвары Александровны Пора-Леонович, которая дружила с несколькими преподавателями этой школы и настоятельно рекомендовала ей определить туда детей - Юру и Лялю. Чтобы выдержать экзамен - сочинение, - Варвара Александровна, окончившая историко-филологический и археологический факультеты, некоторое время занималась с моей мамой, образование которой к тому времени ограничивалось старшим приготовительным и тремя начальными классами гимназии. Брат и сестра были приняты в один класс стройпрофшколы, который назывался там первым курсом. А второй, последний, год обучения носил название второго курса, или «клуба стажеров».

Стройпрофшкола заняла помещение бывшей Второй Мариинской женской гимназии («ведомства императрицы Марии») на углу Старопортофранковской и Торговой улиц. Это было прекрасное двухэтажное здание с высокими потолками, просторными классами, стройными окнами и большими чугунными лестницами. Позади него находился большой двор с баскетбольной и волейбольной площадками. Левое крыло школы занимал завуч Александр Георгиевич Александров, исключительно эрудированный, талантливый преподаватель и организатор. Он жил в двухкомнатной квартире с верандой и небольшим садом. Заведующим школой был назначен одесский архитектор В.А. Бортневский. Он мало интересовался школьными делами и был слабым педагогом. Фактическим руководителем и организатором всего учебного процесса являлся А.Г. Александров.

Эта школа была первым, но не единственным открывшимся в городе учебно-профессиональным заведением. Она отличалась от других очень

Здание стройпрофшколы в Одессе, где учились С.П. Королев, К.М. и Ю.М. Винцентини. Фотография начала XX в.

сильным составом преподавателей, притом исключительно мужчин. Будучи человеком широких взглядов, А.Г. Александров стремился собрать в своей школе лучших педагогов и организовать учебу так, чтобы она давала ребятам обширный круг знаний. И это ему удалось. Многие педагоги до революции были преподавателями и даже профессорами вузов и теперь, когда институты не работали, оказались не у дел. Так, профессор и доцент Одесского политехнического института Борис Леопольдович Николаи и Владимир Петрович Твердый преподавали: один - строительную механику и сопротивление материалов, другой - физику и теоретическую механику. Старший преподаватель строительного института Федор Акимович Темцуник вел математику, бывший заведующий кафедрой латинского языка медицинского института, литературовед Борис Александрович Лупанов - курс русского языка и литературы, ученик И.Е. Репина и К.К. Костанди, выпускник Одесского художественного училища и Петербургской академии художеств Александр Николаевич Стилиануди - живопись и черчение. Это благодаря А.Н. Стилиануди чертежи моего отца уже в то время отличались законченностью, характерной для выпускника технического вуза. Учителем немецкого языка был немец Готлиб Карлович Аве.

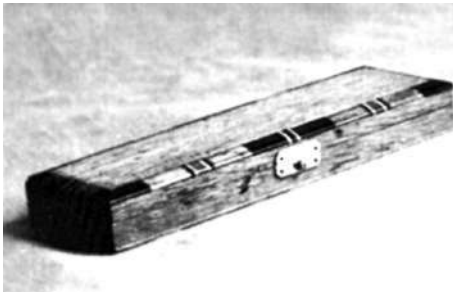
Столь квалифицированный состав преподавателей для учащихся школы был особенно важен, учитывая, что они, не получившие систематического образования, должны были за два года пройти практически весь курс средней школы и подготовиться к обучению в высших учебных заведениях. Кстати, в то время стройпрофшкола № 1 была единственной в Одессе, дававшей своим выпускникам право поступления в вузы без экзаменов. Преподавателей стройпрофшколы отличал не только высокий профессионализм, но и широ-

кая общая культура, которую они старались привить своим ученикам. Почти все педагоги знали иностранные языки, многие играли на музыкальных инструментах. Так, В.П. Твердый прекрасно играл на фортепиано, А.Г. Александров - на скрипке. С целью расширения кругозора учащихся в школе были организованы всевозможные кружки: математический, физический, литературный и другие. Был и драматический кружок, которым руководили учитель П.С. Златоустов и в ту пору никому неизвестная, а в дальнейшем одна из ведущих актрис Малого театра, народная артистка РСФСР Дина Васильевна Зеркалова. Там не только интересно ставили пьесы А.Н. Островского, но и занимались дикцией, часами декламируя фрагменты гомеровской «Илиады».

Класс, в котором учились мои родители, находился на первом этаже. В ту пору впервые было введено совместное обучение мальчиков и девочек, но, в отличие от современной школы, мальчики не сидели за одними партами с девочками: два ряда парт были для девочек, два ряда - для мальчиков. Мама сидела за второй партой во втором ряду от окон рядом со своей близкой подругой Лидой Гомбковской, в дальнейшем женой завуча школы А.Г. Александрова. Отец сидел за третьей партой в следующем, третьем от окон ряду со своим другом Валею Божко. Вале во время гражданской войны взрывом оторвало кисть правой руки, но это не помешало ему хорошо заниматься, научиться чертить левой рукой и в дальнейшем стать инженером-строителем.

Возрастной состав учащихся был пестрым, встречались даже двадцатилетние. Самой младшей была моя мама - ей только что исполнилось 15 лет. Занятия были организованы так, что помимо общеобразовательных предметов ученики проходили специальные производственные дисциплины, поскольку школа имела приставку «стройпроф». На ее архитектурно-строительном и санитарно-строительном отделениях готовились каменщики, штукатуры, плотники, кровельщики, водопроводчики. Конечно же, в школе имелись мастерские. Оборудовать их было нелегким делом. А.Г. Александров ездил по различным предприятиям, добывал верстаки, станки, материалы, инструмент. Кое-кто из учеников принес что-то из дома. А самое главное, удалось приобрести деревообрабатывающую мастерскую. Ее разместили под лестницей, и занятиями учеников руководил бывший владелец мастерской старый опытный мистер-столяр Константин Гаврилович Вавизель. Мальчики были в восторге, а девочкам эти занятия не очень нравились - казались ненужными. Тем не менее все обязаны были там работать: строгать, долбить, пилить, красить. К окончанию школы каждый должен был уметь самостоятельно сделать табуретку, скамейку или стул. Занятия эти развивали производственные навыки и творческие способности. Кстати, именно там, в школьной мастерской, мама научилась держать долото и молоток, что пригодилось ей в будущей работе травматолога-ортопеда. Несмотря на разное отношение к работе в мастерской, все ученики уважали и даже любили старика Вавизеля, который очень переживал, если его подопечные делали что-то не так. В таких случаях он только горестно вздыхал, сокрушенно оценивая работу своих воспитанников.

Одним из самых прилежных учеников, по рассказам мамы и других стройпрофшкольцев, был Сережа Королев, принимавший активное участие в оборудовании мастерской, перевозке и установке станков, работе на них. Он сразу отдался этому делу, что называется, «с головой», пропал в мастерской

Пенал, которым пользовался Сережа Королев в стройпрофшколе в Одессе. 1922-1924 гг.

Карандашница, сделанная Сережей Королевым из корпуса гранаты в Одессе. 1923 г.

день и ночь, строгал, пилил, точил - всячески старался научиться понимать дерево. Не брезговал никакой работой. Расстегнет воротничок сорочки, засучит рукава - и за дело. И в дальнейшем на многих студенческих фотографиях он в таком же виде - за работой над планером или самолетом. Физический труд никогда не мешал ему учиться, а производственные навыки, полученные в школе, пригодились в жизни. Когда кому-то из девочек было трудно что-либо смастерить, им помогали мальчики и среди них всегда - Сережа. Ладные табуретки и прочие немудреные изделия, сделанные его руками, вызывали радостную улыбку старика Вавизеля. Одной из таких поделок была карандашница, изготовленная из корпуса гранаты. Она хранится в домашнем музее моего отца. Здесь же деревянный пенал, которым он пользовался во время учебы в стройпрофшколе.

В классе все учились хорошо. Во всяком случае, не было никаких отстающих. Если кто-то чего-либо не знал и получал плохую оценку, это казалось неожиданным, случайным событием. Никто никого не подтягивал, просто все друг другу помогали. В школе было настолько интересно, что даже через много десятков лет мама и ее брат с восторгом вспоминали эпизоды своей школьной жизни, в частности диспуты, которые устраивал прекрасный преподаватель литературы Б.А. Лупанов. Сам он очень любил Льва Толстого и всячески прививал любовь к нему своим ученикам. Диспуты проводились по всем крупным произведениям писателя. Много споров и дискуссий возникло, например, в связи с романом «Воскресенье». Мнения мальчиков и девочек были различными, а мой отец сказал, что «воскресенье сегодня еще не значит, что завтра не наступит понедельник». Это врезалось в память, и в классе потом вспоминали о «понедельнике» Сережи Королева.

Много переживаний было по поводу «Анны Карениной». Постоянно возникали споры о поведении главной героини и других персонажей романа. Спорили, даже выйдя из класса, и подчас получали замечания за шум и крики.

Сергея Королев. Одесса, 1922 г.

Вообще класс был энергичным и шумным. Иногда приходили преподаватели из других классов и высказывали недовольство не только ученикам, но и учителю. Занятия были интересными, поучительными, и я думаю, что мои родители с тех ранних пор полюбили Толстого потому, что его произведения не просто читали, а осмысливали. Любимой героиней моего отца была Наташа Ростова, и именно поэтому меня назвали ее именем. Мария Николаевна рассказывала, что незадолго до моего рождения она слышала разговор сына по телефону со своим товарищем. Отец говорил: «Знаешь, у меня ведь будет ребенок, будет дочь!» Очевидно, тот усомнился в точности такого прогноза, но отец сказал: «Нет, нет, только дочь, обязательно дочь, и я ее назову Наташей». И действительно родилась я, и меня назвали Наташей. Несомненно, что любовь отца к Тол-

стому, оставшаяся на всю жизнь, была привита ему в школе.

Отец по всем предметам занимался хорошо. Изредка он обращался за помощью к отчиму Григорию Михайловичу, и тот объяснял ему непонятное по математике, а потом говорил: «Ну вот, теперь тебе все ясно, дальше решай сам». Если задача все же не поддавалась, Григорий Михайлович терпеливо объяснял еще раз, но никогда не решал за Сергея. Мария Николаевна и Григорий Михайлович придерживались мнения, что ребенок должен добиваться всего самостоятельно. Только однажды Мария Николаевна услышала от сына реплику: «Мне кажется, мама, папа не хотел решить задачу потому, что я не его родной сын». Она ответила: «Неправда, папа тебя любит. Он с тобой занимается, он работает для того, чтобы тебя растить, заботится о тебе. Ты же его называешь папой, и он действительно тебе как отец». Сын замолчал и больше таких слов не говорил.

Сергей не был отличником, не старался выделиться среди других, не поднимал сам руку, но когда его вызывали, обычно все знал и у математика был, можно сказать, в резерве. Он занимался охотно, серьезно и всегда помогал другим. Не всем давалась математика, особенно высшая, которую проходили в последнем классе. К тому же многие считали, что дифференциальное и интегральное исчисления им не пригодятся, так как не были настроены поступать в технические вузы, а собирались учиться в гуманитарных. Соученики отца вспоминали, что он не кичился знаниями, но если кому-то бывало трудно выполнить задания по математике или сопротивлению материалов, всегда подсаживался и с удовольствием, совершенно не стараясь казаться героем, объяснял все, иногда проще и доходчивее, чем преподаватель. Он учился хорошо не только благодаря своим способностям, но и потому, что с детства был приучен к систематической работе.

Одним из любимых предметов было черчение. Чертил отец быстро, легко, его работы отличались точностью и тщательностью исполнения, их даже отправляли на выставки. У него явно проявлялось тяготение к технике. Он с особым усердием осваивал технические дисциплины, которые, по его мнению, могли быть необходимы в овладении задуманной профессией. Из школьных кружков посещал только те, которые считал полезными для себя: математический, астрономический и физкультурный. А на занятиях, которые были ему неинтересны, сидел безучастно, с невидящими глазами и думал о чем-то своем, уверенный, что ненужным предметам не стоит уделять внимание. Так что он не был образцовым учеником, но в общей массе мальчиков и девочек выделялся целеустремленностью, любознательностью, трудолюбием и, по выражению соученицы Надежды Абезгус, «большими карими глазами, в которых всегда светилась мысль». Отец был постоянно поглощен собственными мыслями. Конечно, он не думал тогда о ракетах и космических полетах - его мысли и мечты были обращены к авиации. Он чувствовал, что должен и сможет сделать в этой области что-то полезное, а иначе - зачем жить? Рано или поздно каждый человек задумывается о смысле жизни. Для моего отца в 15-16 лет этот вопрос был решен. Вместе с тем, он понимал: чтобы добиться желаемого, необходимы сильная воля и знания, много знаний. И нельзя терять ни минуты - ведь жизнь так коротка. Уже тогда отец научился планировать свое время, что другим ребятам было в диковинку. Но не прочь был и пошалить. Например, любил перемещаться по коридору во время перемен на руках, ногами вверх, а потом сделал себе деревянные опоры для рук, какими пользуются безногие калеки. И вот на этих деревяшках он путешествовал по всей школе. Это была только его затея, и все знали, если слышали издали характерный стук и видели ноги, поднятые кверху: идет Сережа Королев. Он поражал всех этим постоянным хождением вверх ногами. Возможно, нечто и помимо мальчишеской шалости было в этом его необычном занятии.

Сергей не любил пустой болтовни и когда девочки собирались в классе перед началом занятий, смотрел на них осуждающе или даже обрезаю, если кто-то говорил, как ему казалось, глупости. А «глупости» девочки говорили нередко, им надо было все обсудить, даже мальчиков, сидевших рядом в классе, - они ведь становились уже девушками, и интерес к своим соученикам был естествен. Мальчики тоже оценивали соучениц не только «по уму», но и по внешности. Девочки это чувствовали и старались быть «на уровне». Никто из них не пользовался косметикой, не красил губы, никто не имел особенной прически - в ту пору это не было принято. Школьную форму тогда не носили, каждый ходил, в чем мог. Ученики были неважно одеты - денег в каждой семье не хватало, но все старались быть опрятными и причесанными. У мамы была огромная золотая коса, которую она закладывала большим пучком сзади и украшала бантом - черного, желтого или другого цвета.

Девочки постоянно выясняли, кто самый красивый в классе - Юра Винцентини или Сережа Королев. Мальчики же сопоставляли двух наиболее красивых девочек: Лиду Гомбковскую и Лялю Винцентини. Мнения, как обычно, не совпадали.

Класс, в котором учились мои родители и мамин брат, подобрался дружный и веселый. В свободное время часто собирались у кого-нибудь дома или всей компанией шли на море. Не раз ходили пешком на дачу к старосте класса Иде Тетельбаум, жившей на 16-й станции Большого Фонтана. Бывали там

почти всем классом. Вместе купались, пили чай, приготовленный родителями Иды, ночевали на сеновале. Иногда ходили купаться на Пересыпь, на «дикие» пляжи, укрытые среди скал. Мои родители всегда бывали вместе со всеми. На море стояли старые пароходы и баржи, и самым большим удовольствием отца и его школьного друга Жорки Калашникова было проплыть под широкой баржей и вынырнуть по другую ее сторону, а потом забраться на борт и насладиться восторгом и аханьем девчонок по поводу их геройства. А вечером шли на Соборную площадь («Соборку») - гуляли, веселились, что-то рассказывали, придумывали разные развлечения. Однажды нацепили на отца неизвестно где взятую большую косу, прикололи ее под шапочку Софьи Федоровны, он одел на себя чьи-то юбку и кофточку и торжественно под руку с мальчишками прогуливался под смех и восторженные возгласы окружающих.

Одним из забавных эпизодов юности моих родителей было их участие с группой школьников в постановке балета «Корсар». Пригласила их туда одноклассница Нина Дадашвили, танцевавшая в кордебалете оперного театра. Участие ребят заключалось в том, что они, находясь под огромным ковром и непрерывно двигаясь, должны были изображать бушующее море, по которому «плыл» корабль. Не обошлось без курьеза, притом на премьере. По сюжету корабль должен был утонуть, но сделанное в полу отверстие не соответствовало его габаритам и он никак не хотел туда провалиться. Оркестр вынужден был повторить соответствующий музыкальный фрагмент, а «артисты» продолжали изображать волны до тех пор, пока отверстие не было увеличено до нужных размеров. Ребята вылезли все в пыли, но страшно гордые тем, что участвовали в спектакле знаменитого театра.

Иногда собирались на Платоновом молу, в квартире отца. Там в день его шестнадцатилетия, 12 января 1923 г., моя мама и ее брат впервые познакомились с

Марией Николаевной. Ей тогда было 34 года, а выглядела она еще моложе. Живая, энергичная, веселая, она была очень хороша собой. На праздновании 92-летия бабушки 13 марта 1980 г. Юрий Максимилианович признался: «А знаете, Мария Николаевна, все школьники из нашего класса в Одессе были вашими обожателями, я же был просто влюблен в вас и в школе, и даже в студенческие годы. Мне казалось, что вы - самая интересная, самая красивая женщина!».

Но чаще все-таки собирались на улице Островидова, в доме № 66, в квартире, где вместе со своими родителями жили мама и ее брат Юрий. Одноклассники любили бывать у них, потому что здесь всегда было тепло, уютно и весело. Такую обстановку создавали прежде всего Максимилиан Николаевич и Софья Федоровна. Оба краси-

Яхта «Маяна». Одесса, 1920-е годы.

вые, музыкальные, гостеприимные, они как магнит притягивали к себе мальчишек и девчонок - товарищей их сына и дочери. Умные родители считали друзей своих детей своими друзьями, умели понять волнения, переживания, стремления подростков и те платили им неизменным уважением и любовью. Здесь пели, танцевали, разгадывали шарады, читали стихи, обсуждали новинки театральной жизни и... ели мамалыгу, которую лучше всех умел готовить Юрий Винцентини. Максимилиан Николаевич пел и играл на пианино. Он отличался большим чувством юмора и всегда был душой общества. Хорошо играли на пианино Софья Федоровна, Юрий, моя мама, Лида Гомбковская и другие. Сергей бывал здесь постоянно и сразу преображался, становился жизнерадостным и остроумным. Неспроста мамина подруга Люся Меликова придумала такие стихи:

Вот Сережа Королев. Делать ласточку готов
Он хоть каждую минуту. И подобно парашюту
Через стол его несет, он летает как пилот!
Я б желала поскорее ему крылья приобрести,
Чтоб летать он мог быстрее в дом, где цифры 6 и 6!

Уже тогда, в самом начале учебы в стройпрофшколе, у отца зародилось чувство влечения к моей маме. Она была девушкой его мечты, и он влюбился в нее с первого взгляда. Но влюблен был в маму не только он - за ней ухаживало много юношей. В тот период никаких особых отношений между моими будущими родителями не было, но он ужасно ревновал ее ко всем. Если видел рядом с ней какого-то парня, говорил ему грубости и дерзил. А за ней ухаживали не только стройпрофшкольцы, но и студенты Одесского политехнического института, со многими из которых она познакомилась на квартире своей подруги Наташи Лапкиной, - ее брат, Сережа Лапкин, был студентом, и дома собирались его товарищи. С ними она бывала в яхт-клубе и даже научилась управлять яхтой. У Лапкиных была моторная лодка «Квакушка», на которой иногда ходили без мотора, под парусом и участвовали в соревнованиях. В яхт-клубе бывали Жорка Калашников, Жорка Назарковский, Володя Бауэр и, конечно, мой отец, который ходил на яхте «Маяна». Несколько раз он брал с собой мою маму, и они вдвоем уходили на быстроходном красивом судне далеко в море.

В те времена в Одессе было три спортивных клуба, где занималась молодежь. Спортклуб № 1 «Сокол» посещали мой отец, мамин брат, Калашников и другие. Мама еще до поступления в стройпрофшколу начала заниматься в клубе № 2 «Турн ферейн» (в переводе с немецкого - «Гимнастическое общество»). Третий клуб назывался «Макаби». Во всех клубах имелись спортивные снаряды, проводились занятия по гимнастике, устраивались внутри- и межклубные соревнования. Отец усердно занимался гимнастикой, но думаю, что увлекался спортом, главным образом, потому, что считал это важным для своей будущей профессии авиатора. Кстати, уже в те юные годы он строго выполнял им самим составленный режим дня: 6 часов - подъем, 6.15 - гимнастика, 6.30 - завтрак, 7.00-8.00 - плавание в море, 8.30-13.00 - стройпрофшкола, 13.00-15.00 - спортклуб, 15.00 - обед и т.д. Он уже тогда старался разумно и максимально организованно использовать свое время.

На первом курсе стройпрофшколы мама начала изучать стенографию, считая, что это может помочь ей в студенческие годы, - а она мечтала получить высшее медицинское образование - и, кроме того, пригодится для заработка. Окончив курсы, мама действительно периодически подрабатывала по-

том, стенографируя выступления на конференциях и съездах в Одессе, ездила в Балту и другие города, получая за короткий срок подчас столько же, сколько ее отец, инженер, за целый месяц. Когда мой отец узнал, что мама ходит на курсы стенографии, он немедленно записался туда же. Обучались по звуковой системе «Тэрнэ». Для занятий надо было иметь слух, так как все основывалось на звуках. Мои родители, находясь в одной группе, соревновались друг с другом в скорости записи знаков. Будучи очень самолюбивым, отец стремился не только не отстать от мамы, но и быть всегда впереди. Они занимались несколько месяцев и вместе закончили курсы, получив соответствующие свидетельства.

«Н.К.П.
Одессгубпрофобр
Курсы
по подготовке технических
сотрудников
правительственных
и общественных
коммерческих учреждений
12 июня 1924 г.
№ 29/829
гор. Одесса
Новосельская № 87

Свидетельство

Настоящее свидетельство выдано педагогическим советом курсов по подготовке технических сотрудников правительственных, общественных и коммерческих учреждений в городе Одессе Сергею Павловичу Королеву в том, что он прослушал общий курс стенографии по слуховой системе М.А. Тэрнэ и на выпускном испытании 5 мая 1924 года показал Отличные успехи.

Председатель педагогического совета
Заведующий курсами /Иванов/ подпись
Секретарь совета подпись».

Позднее, после ареста отца, знание стенографии помогало моим родителям общаться. В записочках, которые отец умудрялся передавать маме из мест заключения, он нередко писал несколько строчек именно стенографически. Даже на модели первой советской ракеты, запущенной в Нахабино в 1933 г. и находящейся сейчас в Мемориальном доме-музее отца в Москве, есть его монограмма «СК», написанная стенографически. И на письмах, которые мама получала от него из разных мест, он подписывался «Сергей», а сбоку часто, специально для нее, ставил знакомый стенографический символ.

В какой-то момент девочки из класса решили, что нужно заниматься танцами. Тогда такие занятия были не в моде, но все же кружки по изучению балетных танцев существовали. Мама с группой своих подружек записалась в такой кружок, находившийся в районе Греческой улицы. Причем сделали они это по секрету от мальчишек, чтобы те не знали туда хода и над ними не смеялись. Но тайна быстро была раскрыта. Так как девочки на какое-то время пропадали, мальчишки решили выследить, где они бывают. И вот, когда заговорщицы выходили после третьего занятия из танцевального класса, у дверей они встретили ехидно улыбающихся моего отца, Юру Винцентини, Жорку Калашникова, Жорку Назарковского и других. Те были страшно возмущены, что девочки танцуют, а они нет. В тот же день мальчишки тоже записались в кружок и все стали заниматься вместе. Учили чарльстон, вальс-бостон и даже «малопристойный», по воззрениям тогдашних бабушек, фокстрот. Занятия продолжались около полутора месяцев. Мама, кроме обучения танцам, училась еще и игре на фортепьяно во 2-м музыкальном техникуме на Пушкинской улице.

Каждый день видя из окон квартиры море, отец не мог не обратить внимания на базу гидросамолетов в Хлебной гавани. Самолеты взлетали с обо-

Н. Н. К.
 Киевский университет
 Курсы
 по подготовке специалистов
 с высшим образованием
 в области культуры и искусства
 2 июня 1924 г.
 № 29/329
 г. Одесса
 Новобатальон 187

№ 3

Свидетельство
 Настоящим свидетельствую
 выдаю педагогическим
 советом курсов по подготовке
 работников техникумов
 сотрудников правительственных
 школ, общепромышленных и казенных
 учебных учреждений в
 городе Одессе Сергею Павловичу
 Королеву в том, что
 он прослушал общий курс stenographii
 по учебнику системы М. А. Корнута и на
 экзамене состоявшем 5-го июня 1924 года
 сдал отличную оценку

Заведующий курсами (подпись)
 Подпись

Свидетельство об окончании С.П. Королевым курсов стенографии.
 Одесса, 12 июня 1924 г.

собленной молотом водной глади и кружились над морским простором. Однажды отец с Жоркой Калашниковым и двумя другими ребятами пошли туда посмотреть. Однако это оказалось непросто, так как вход на мол был перекрыт колючей проволокой, а за ней ходил часовой, не разрешавший подойти поближе. Но удержать ребят было невозможно. По соседству с молотом находилась затопленная землечерпалка. Друзья подплыли к ней, сложили на выступавшей из воды ее части одежду и поплыли вдоль мола. А дальше можно было увидеть много интересного. Так продолжалось день, другой, третий. Наконец, это всем надоело. Всем, кроме моего отца, который продолжал туда ходить, подплывать к молу, цепляться за какие-то конструкции и наблюдать. Однажды часовой на него прикрикнул: «Что ты здесь вертишься? Зачем

торчишь тут, парень?» На что тот простодушно ответил: «А мне интересно. Хочу посмотреть, как эти машины летают». - «Ну, интересно, так полезай сюда, помогать будешь». А ему это и нужно было. Он моментально пролез под проволоку, стал приглядываться и помогать. Вышел начальник базы, военный летчик, спросил: «Откуда этот парень?» - «Да он тут без конца глаза мозолит, я позвал его, чтоб помогал», - ответил часовой. В общем, отец там прижился. Механик начал обучать его собирать мотор, летчики беседовали с ним о премудростях авиации и стали брать в полеты. Сначала Мария Николаевна ничего не знала, потому что он говорил: «Мамочка, пойду поплавать с Валей Божко или с Жорой Калашниковым». - «Ну, что ж, идите». «Ребята растут, какая-то самостоятельность им уже необходима», - думала она. И вдруг однажды выяснилось, что сын летает. А выяснилось так. Однажды она шла с ним по Пушкинской улице. День стоял чудесный. Над морем на небесной голубизне медленно плыли кучевые облака. Мария Николаевна взволнованно сказала: «Посмотри, Сереженька, до чего красивы облака на фоне неба!» И вдруг у него сорвалось: «Если бы ты видела, какие они красивые вблизи, когда солнце их золотит!» Она остановилась в изумлении. - «Ты что, летал?» Он на секунду смутился - ведь раньше никогда не врал, а мама всегда учила смотреть в глаза и говорить правду. Он повернулся к ней и сказал: «Да, мамочка, я летал и когда буду хорошо летать, возьму тебя с собой. Ты увидишь, какое наслаждение смотреть оттуда вниз на землю и на облака!» Так она узнала, что он летает. Эта новость стала источником многих тревог - ведь в газетах часто писали об авариях самолетов. Вскоре стало известно о гибели гидросамолета, пилотируемого Александром Алатырцевым, который обещал моему отцу: «Я тебя покатаю, и мы пролетим через ворота Вайнштейна». Эти «ворота» находились в скальном массиве, и летать там было запрещено. Алатырцев был смелым человеком и прекрасным летчиком, но однажды, пролетая сквозь «ворота», разбился насмерть. Трагедию переживал весь город.

Когда Мария Николаевна и Григорий Михайлович узнали, что сын летает, они тоже стали интересоваться полетами, чтобы лучше понять ту сторону его жизни, которая была им совсем неизвестна. А самой первой его тайну узнала моя мама. Ей, единственной из девочек, поверял он свои мысли и мечты. В тот день, когда отец впервые поднялся в воздух, он прибежал к ней домой. Они сидели на балконе, и он с восторгом рассказывал об этом первом своем полете, о том, как у него замирало сердце - но не от страха, а от радости и восторга. Мама вспоминала, что была поражена выражением его лица, - он был необыкновенно возбужден и по-настоящему счастлив. Говорил, что мечтает снова подняться в небо, мечтает летать. Она слушала удивленно и недоверчиво. Но вскоре поняла, что это очень серьезно, что он бесповоротно выбрал свой жизненный путь.

В дальнейшем отец все больше увлекался авиацией, все чаще летал на гидросамолетах и постепенно стал своим в компании летчиков. Однажды они, отмечая какое-то событие, даже взяли его с собой в погребок «Гамбринус», названный так в честь покровителя пивного дела короля Гамбринуса и оставшийся с дореволюционных времен. В этот погребок на Преображенской улице забегали иногда и стройпрофшкольцы, возвращаясь с Австрийского пляжа или из яхт-клуба, - не столько, чтобы выпить пива, сколько погрызть вкусных черных сухариков. В памяти мамы остались длинные полутемные залы, куда посетители спускались прямо с улицы по узкой каменной лестнице. Столами служили огромные дубовые бочки, стульями - небольшие

Агитационный плакат. 1923 г.

бочонки. Необычная обстановка нравилась ребятам, и отец с удовольствием заходил в погребок вместе со всеми. Но то, что его взяли туда взрослые, военные летчики, что они считают его своим, придавало ему вес и в собственных глазах, и особенно в глазах изумленных сверстников.

Увлечение отца небом шло в ногу со всеобщим интересом к авиации, необыкновенно развившимся в 20-е годы в нашей стране и, конечно же, в Одессе. Молодежь увлекали призывы «Даешь крылья!», «Даешь мотор!», «Трудовой народ! Строй воздушный флот!», «Пролетарий - на самолет!» В стройпрофшколе висел плакат: «От моделей - к планеру, от планера - к самолету!» Повсюду были развешаны обращения, призывавшие помогать созданию отечественной авиации. Шел сбор средств на постройку самолетов.

В 1923 г. были организованы ОДВФ (Общество друзей воздушного флота) и ОАВУК (Общество авиации и воздухоплавания Украины и Крыма). Вступительный взнос в ОАВУК составлял 50 копеек. Отец, решивший немедленно вступить в новое общество, попросил их у своей мамы. Конечно, Марии Николаевне было уже ясно, что интерес сына к авиации - не просто юношеское увлечение. Чтобы находиться ближе к подростку и лучше понимать его, Григорий Михайлович тоже записался в ОАВУК. Однажды туда пришла посылка - целый ящик книг, в основном на немецком языке, в которых никто не мог разобраться. Отец составил их список и принес несколько наиболее важных, с его точки зрения, книг домой. Он изучал немецкий язык в школе и попытался переводить с помощью словаря. Ему стал помогать отчим, который в молодости учился в Германии и свободно владел немецким. Эта работа была должным образом оценена - вскоре председатель общества Борис Владимирович Фаерштейн поручил отцу читать лекции по авиации для рабочих. Мария Николаевна вспоминала, что как-то сын сказал, чтобы его не

ждали к обеду, так как он, наверное, вернется поздно. И объяснил, что идет в порт читать лекцию рабочим. Она с удивлением посмотрела на него: «Какую лекцию ты им можешь читать?» - «Лекцию по планеризму», - не без гордости ответил юноша. Однажды на одну из его лекций неожиданно пришел Григорий Михайлович и был поражен интересом и вниманием, с каким взрослые люди слушали 16-летнего паренька. А он, изучая специальную литературу, вскоре начал читать лекции на судоремонтных заводах имени Марти и Бадина (ранее - Белено Фендриха), Чижикова и других и даже получать за это деньги.

На этих лекциях бывала и моя мама. Она вспоминала, что ее удивляло не только внимание старых и молодых слушателей, но необыкновенное вдохновение и убежденность, с которой говорил юный лектор. Это внушало чувство гордости за него.

Председателю Одесской Губспортсекции ОАВУК 165

Настоящим прошу оплатить лекторский труд
инструктора т. Королева, читавшего лекции 2 раза в неделю
в течение времени с 15/VI по 15/VII с.г. в вверенной мне
группе. Итого за 8 (восьмью) лекций.

Красноенмор
Иванов

30. VIII. 24 г.
г. Одесса.

Просьба об оплате лекторского труда инструктора Сергея Королева. Одесса, 30 августа 1924 г.

«Председателю Одесской Губспортсекции ОАВУК

Настоящим прошу оплатить лекторский труд инструктора т. Королева, читавшего лекции 2 раза в неделю в течение времени с 15 /VI по 15 /VII с.г. в вверенной мне группе.

Итого за 8 (восемь) лекций.

Красноенмор
Иванов

30/VIII-24 г.
г. Одесса».

Эти занятия отец всегда проводил с увлечением. Побывав однажды на такой лекции, моя мама была потрясена его знаниями, логикой мышления и красноречием. По ее словам, она почувствовала силу и мощь его натуры, ей захотелось всегда и во всем ему помогать. И время не заставило себя ждать. В ту пору стройпрофшкольцы постоянно ходили заниматься в Одесскую публичную библиотеку, которую они по-своему называли «публичкой». В этой прекрасной библиотеке имелись книги по всем разделам науки. Многие из того, что было рекомендовано прочесть и что читали другие ученики, например из греческой мифологии, отца не интересовало, вернее, он считал, что не мо-

жет тратить попусту время. Он обычно просил мою маму прочесть это самой и потом рассказать ему. Мама честно все читала, конспектировала, а он в это время изучал книги и журналы по конструированию планеров и самолетов. По дороге домой она рассказывала ему прочитанное. Иногда они присаживались где-нибудь под фонарем и он записывал самое главное. Таким образом, изучала мифологию мама, а отец, благодаря ее обстоятельному рассказу и своей прекрасной памяти, всегда мог ответить на вопросы преподавателя и получить хорошие отметки. Мама помогала ему еще и тем, что по его просьбе подбирала в каталоге необходимую техническую литературу и таким образом экономила его время, которого ему уже тогда не хватало. Наверное, многим соученикам отца была непонятна его внешкольная жизнь, его одержимость, но мама его хорошо понимала.

Летом 1923 г., во время каникул между первым и вторым курсами стройпрофшколы, мама, ее брат и группа одноклассников, в том числе Лида Гомбковская, Жора Калашников и другие, в течение полутора месяцев работали на строительстве железнодорожной линии Выгода-Днестр. Они устроились туда через биржу труда благодаря Максимилиану Николаевичу, который был начальником этого строительства. Ребята с пользой провели время и заработали немного денег. Отец туда не поехал. Увлеченный авиацией, он с головой окунулся в дело, ставшее смыслом его жизни, и расстаться с ним даже на короткое время уже не мог.

Мама с удовольствием вспоминала лето 1923 года. Работа на строительстве была интересной. Занимались нивелировкой железнодорожного полотна. Мальчики работали с нивелиром и вели записи, а девочки держали рейки. Жили в немецкой колонии Карлсталь (Долина Карла) среди богатых немцев, у которых было много молока и масла. Но ребята на заработанные деньги могли купить у них только «сколотину» - то, что оставалось после приготвления масла. И вот эту сколотину в бидонах на телеге (поезда еще не ходили) они везли под выходной день домой своим родителям. При этом не каждому удавалось самому сесть на телегу, иногда приходилось идти за ней 20-25 километров. В Одессе был голод. Родители зарабатывали мало, служащим обычно выдавали только соль с лавровым листом, и помощь детей имела большое значение.

Во время пребывания в Карлстали школьники стали свидетелями необычайного зрелища - шествия огромного количества мышей. Влекомые неведомым инстинктом, голодные мыши строем бежали из Одессы к Днестру. Остановить их было невозможно. По мере продвижения необычного полчища в населенных пунктах били в набат, оповещая жителей, призывая закрывать помещения и не выходить на улицы. Но ребята, конечно, эти требования не выполняли. Они увидели поистине удивительную картину - в первый и последний раз в жизни, - и она осталась в памяти навсегда. А выглядело все так. Вдоль широкой песчаной дороги, по сторонам которой располагались дома немцев, двигалось многотысячное полчище мышей. Грызуны бежали, поднимая клубы пыли. Некоторые пытались проникнуть в дома и амбары. Поток был плотным и казался бесконечным. Не обошлось без курьезов. На следующий день Максимилиан Николаевич одел фуражку, в которой оказалась мышь, а Юрий, надевая сапог, раздавил в нем мышонка ногой. В тот день Максимилиан Николаевич повез ребят на берег Днестра, где находилась водонасосная станция, посмотреть, чем закончилось мышиное шествие. А там произошло нечто невероятное: все отстойники станции были забиты мыша-

Сергей Королев (справа). В центре - краснофлотец Г. Иванов. Одесса, август 1924 г.

ми. Мыши стремились переплыть Днестр, который в этом месте был не очень широк, и какому-то числу их это, видимо, удалось, но множество мышей погибло в отстойниках. По словам мамы, зрелище было ужасающим. Все это произвело такое неизгладимое впечатление, что, собираясь через много лет в Москве, мамы школьные друзья всегда со смехом вспоминали «мышиную эпопею» лета 1923 г.

В сентябре вновь начались занятия в школе. А отец все больше и больше увлекался авиацией. Он ходил на лекции, не пропускал ни одного заседания Губспортсекции, участвовал в работе 1-й конференции планеристов, открывшейся 13 апреля 1924 г., и расширенного президиума Черноморской авиагруппы - 15 июля того же года, являлся членом Черноморской авиагруппы и технической комиссии кружка воздухоплавания Военморбазы, сам выступал перед рабочими с лекциями по авиации и планеризму и руководил планерными кружками на заводах имени Марти и Бадина и имени Чижикова, а также на Одесской военно-морской базе.

На заседании Губспортсекции при Одесском Губотделе ОАВУК 27 мая 1924 г. одним из вопросов повестки дня был отчет отца о работе кружка на заводе имени Чижикова. Вот выдержка из протокола:

«Об организации кружка при судоремонтном заводе им. т. Чижикова. Организатор кружка тов. Королев информирует ГСС о количественном и качественном составе кружка, указывает на низкий уровень знаний по авиации и сильное стремление его членов к работе. Кружок предполагает строить планер своей конструкции. Необходимы лектора для теоретических занятий».

Отдавшись любимому делу, отец ослабил внимание к учебе. Он скептически относился к школьным дисциплинам, которые отвлекали его от занятий в

38 26

Протокол № II
заседания Губспортсекции при Одесск. Губотделе САВУК. -
27-го мая 1924 года, гор. Одесса.

Присутствовали: БАЕРШТЕЙН, КУРСИС, КОМАРОВСКИЙ, ИСКРА, РАЙОВАНОВ, БЕНТА-
ТО, МОЧУРНО, СТИЦАНОВ, НИКЕЛЬНАЯ, НАСИМ, ГОЛЬДБЕР, КОРО-
ЛЕВ, ЛЯСКИН, СОКОЛОВ, ВИДЛОВСКИЙ, ШЕКТЕР А. и Д.

Председатель - БАЕРШТЕЙН. Секретарь - КОМАРОВСКИЙ.

С л у ш а л и:

1. Протокол заседания ГСС № 10.
2. Протокол заседания ЦОС от 9/7.
3. Об организации кружка при судоремонтном заводе им. т. Чижикова. Организатор кружка тов. Королев информирует ГСС о количественном и качественном составе кружка, указывает на высокий уровень знаний по авиации и сильное стремление его членов к работе. Кружок предлагает строить планер своей конструкции. Необходимы лектора для теоретических занятий.
4. О работе кружка Ляв. мастеров. Т. Искра информирует о том, что кружком оборудовано помеще-ние длястройки планера и что необходимо лишь технический руководитель. Тов. Курсис предлагает выде-лать в кружок одного члена Спорт-секции, кому вменить в обязан-ность посещать занятия кружка и руководить его работой. Ответственность за работу кружка возложить на него.
- ТЕКУЩИЕ ДЕЛА: 1/ О литературе. Тов. Баерштейн информирует о принятии литературы на Ларкова. 2/ Об экскурсиях. Т. Баерштейн информирует о при-бытии "Дорье-Комети" и ожида-ющемся принятии 2-х самолетов отряда "Альфа" для торжествен-ной передачи.

П о с т а н о в и л и:

1. Утвердить без поправок.
2. Принять к сведению руководству.
3. В виду незначительно количе-ственного состава кружка АЭР и ввиду организуемого кружка и обра-ниченности лекторских сил прикре-пить кружок завода Чижикова к круж-ку АЭР с тем, чтобы руководством ра-ботой его велось спортсекцией при содействии членов кружка АЭР.
4. Признать необходимым выделить технического руководителя для работ по постройке планера. Пред-ложить кружку возобновить теоре-тические занятия, для чего предла-гаемому Спорт-Секции выделить лек-торов. -
5. 1/ Предложить кружкам закупить по одному экз. книги проф. Прескура "Теория Авиации и Воздухоплавания". 2/ Предложить кружкам организо-вать экскурсии. -

Председатель / БАЕРШТЕЙН /

Секретарь / КОМАРОВСКИЙ /

Протокол заседания Губспортсекции с отчетом Сергея Королева о работе кружка на заводе им. Чижикова. Одесса, 27 мая 1924 г.

планерных кружках и авиаспортивной секции, от самостоятельного штудирова-ния теории воздухоплавания. Это, естественно, привело к снижению успева-емости. Мария Николаевна вспоминала, как однажды к ним домой, на Плато-нов мол, неожиданно пришел преподаватель математики Федор Акимович Темцуник, чтобы поговорить с родителями об учебе сына. Это встревожило их и они решили воздействовать на Сергея, с тем чтобы он больше занимался в школе и меньше уделял времени авиации. Они убеждали, что он должен пре-жде всего стать грамотным, культурным человеком, получить хорошее общее

образование, и тогда любая специальность будет ему доступна. Но когда поняли, что сын занимается авиацией всерьез - работает с какими-то чертежами, которые он поначалу прятал, боясь, чтобы ему не запретили, - когда стало ясно, что это не прихоть, не каприз, а твердо поставленная цель, отчим стал всячески ему помогать. А помощь нужна была прежде всего по математике, так как отец в свои 16 лет решил сам сконструировать планер. И хотя школа давала неплохое образование, самостоятельно сделать все расчеты ему было нелегко. Думаю, что именно тогда он научился по-настоящему ценить время, и это стало одной из характерных черт его кипучей натуры. И в самом деле, нужно было успеть все: уроки, ОАВУК, планер. И не погулять тоже было невозможно - молодость брала свое. По последней причине шли насмарку все «графики времени». Мама вспоминала, что появляясь поздним вечером у нее дома, отец каждый раз извинялся за опоздание. Они шли гулять, и он взахлеб рассказывал об основах авиационной техники и планеризма, о своих первых шагах в небе, о полетах на самолетах и планерах и о людях, которые занимались этими необыкновенными делами. Он увлеченно говорил о задуманном проекте планера, о том, что будет не только летать, но и строить необыкновенные аэропланы. В ту пору мама никак не могла понять, как тяжелая машина может подняться в воздух, да еще парить там без всякого мотора. Это казалось ей странным, но он говорил с такой убежденностью, что нельзя было не поверить. Он заражал своей энергией, увлеченностью, уверенностью в важности дела, которым занимался. Конечно, они говорили не только о серьезных вещах. Она с нетерпением ждала встреч, а он не мог не прийти - они были влюблены друг в друга. Мария Николаевна вспоминала, как в день своего семнадцатилетия, 12 января 1924 г., отец пригласил учеников из школы. Дабы не было толчеи у стола, она решила разложить записочки, кто где будет сидеть, стараясь, чтобы мальчики и девочки располагались парами и при этом так, чтобы им это было приятно. Она более или менее представляла себе, кого к кому влечет. Во время этого занятия в комнату вошел отец и с беспокойством спросил, не забыла ли она посадить его рядом с Лялей Винцентини. Она ответила, что, конечно, не забыла, и он с такой благодарностью посмотрел на нее, что Мария Николаевна запомнила этот взгляд на долгие годы.

Весной, на последнем курсе обучения, Юрий Винцентини заболел скарлатиной, и маму временно переселили на Нарышкинский спуск, к другу семьи - инженеру Николаю Еремеевичу Мысливому. Ее комната находилась на полуторном этаже с окнами на улицу. Мама вспоминала, что вечерами Жора Назарковский и Жора Калашников почти ежедневно являлись туда ее проводить. Я помню их обоих уже пожилыми, когда они - заслуженный врач Украины Георгий Павлович Калашников и главный режиссер первого русского драматического театра в Кишиневе Георгий Яковлевич Назарковский - приезжали к нам домой в Москву в 50-е годы. Будучи солидными людьми, они покоряли меня своим остроумием, энергией и, конечно, необыкновенной преданностью моей маме, преданностью, пронесенной через столько лет. А тогда, в 1924 г., это были просто два Жорки - спортсмен и острослов Калашников и красавец-весельчак Назарковский, оба влюбленные в красивую шестнадцатилетнюю девочку с удивительно синими глазами и золотой косой.

Позже всех к маминому дому приходил мой отец, потому что был занят своими делами, а она как раз ждала его больше, чем других. Мальчики сиде-

ли обычно до глубокой ночи. Мама вспоминала, что ей было даже неудобно перед жильцами квартиры, так как ребята громко разговаривали и смеялись, а выпроводить их она никак не могла. Наконец все трое уходили к большому удовольствию соседей, однако вскоре, по одному, появлялись вновь, но уже не через дверь, а в открытое окно. И каждый хотел пересидеть остальных. Отец очень ревниво относился к своим соперникам и всегда сердился, когда кто-либо из них возвращался.

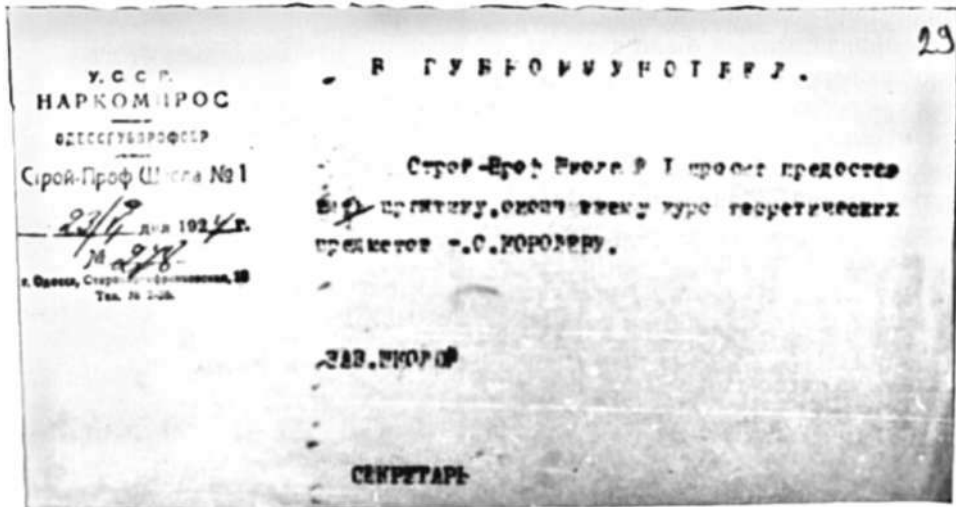
Эту фотографию с надписью, сделанной стенографическими символами, мама подарила моему отцу, когда он уже учился в Киеве. В день своего 70-летия, 29 августа 1977 г., на обороте ее копии она написала: «Наташенька, родная! Это была любимая фотокарточка твоего отца, в ту пору меня очень любившего. Пусть напоминает она тебе о нашей с ним юности и становлении».

Незадолго до окончания школы произошел малоприятный эпизод. Ученики поместили в стенгазете заметку с критикой заведующего школой В.А. Бортневского, которого не любили. А тот, прочитав газету, сорвал ее, что вызвало возмущение учеников и учкома школы, членом которого состояла моя мама. И ребята решили ему отомстить. Подкараулив у выхода из школы, они посадили его в тачку, колеса которой были приспособлены для езды по трамвайным рельсам, и повезли по улице. На следующий день фамилии всех участников этой выходки значились на доске объявлений в списке исключенных из школы. Конечно, и ребята, и их родители очень переживали - ведь до конца учебы оставались считанные дни. Выручил из беды завуч школы А.Г. Александров, который вызвал ребят к себе, поговорил с ними по душам и предложил извиниться перед заведующим. «Мстители» тут же отправились на Дерибасовскую, где жил В.А. Бортневский, и инцидент был исчерпан.

Наступила пора зачетов. И хотя их принимали по всей строгости, они не представляли особой сложности для стройпрофшкольцев, поскольку класс был достаточно сильным. Правда, существовали некоторые трудности с высшей математикой, но тут девочкам помогали мальчики, в частности, маме во время подготовки и сдачи зачета, как всегда, помогал мой отец. Сам он часто делал уроки и готовился к зачетам вместе со своим другом Валею Божко. Поскольку школа была строительно-профессиональной, ученикам, или, как их в конце учебы называли, стажерам, предстояло пройти производственную практику по строительному делу. Организуя ее, руководство школы направляло по различным адресам свои предложения.

*Ксения Винцентини.
Одесса, 23 сентября 1924 г.*

*Письмо стройпрофшкола о предоставлении практики С. Королеву.
Одесса, 23 июня 1924 г.*

«У.С.С.Р.
НАРКОМПРОС
Одессгубпрофобр
Стройпрофшкола № 1
23/VI дня 1924 г.
№ 278

г. Одесса, Старопортофранковская, 18
Тел. 2 - 26

В ГУБКММУНОТДЕЛ

Стройпрофшкола № 1 просит предоставить
практику окончившему курс теоретических
предметов т. С. Королеву.

Зав. школой
Секретарь».

В конечном счете десять учеников архитектурно-строительного отделе-
ния школы, в том числе и мои родители, были направлены для участия в ре-
монте здания Медицинского института.

«У.С.С.Р.
НАРКОМПРОС
ОДЕССГУБПРОФОБР
Стройпрофшкола № 1
8 / VI I дня 1924 г.
№ 329

Старопортофранковская, 18
Тел. 2 - 26

В Мед'ин

Согласно Вашему отношению за № 4972 от
27.VI. с.г. при сем препровождается список
10 чел. стажеров на практику строительных
работ при Медине.

Приложение: одно

1. Калашников	6. Розман
2. Королев	7. Шульцман
3. Крейсбург	8. Боршевская
4. Винцентини Ю.	9. Марченко
5. Винцентини К.	10. Загоровский».

Часть учеников работала в группе штукатуров, другая - в группе черепич-
ников. Мои родители входили в бригаду черепичников, они ремонтировали
крышу главного институтского корпуса. Мама потом, смеясь, говорила, что
свое высшее медицинское образование она начала с крыши медицинского ин-
ститута. Никто из ребят не сетовал, что пришлось работать. Наоборот, они гор-
дились тем, что им поручили настоящее дело. Через много лет мама утвержда-

конечно, советуясь с мастерами-инструкторами, деревянную дверь в одной из арок главного корпуса Медина. За это он получил благодарность от дирекции института, а один из мастеров даже посоветовал ему идти в строители - работа всегда на воздухе, а каждый построенный дом - доброе дело людям и ради этого стоит жить. Отец ответил, что тоже так думает и обязательно станет строителем, только не домов, а самолетов.

Девочки некоторое время работали еще и в группе штукатуров. По окончании практики мама получила свидетельство о том, что выполнила практические работы по штукатурной специальности, и справку, что соответствует квалификации подручного штукатура. В свидетельстве отца было написано, что он выполнил практические работы по черепичной специальности.

Итак, учеба в школе подошла к концу. Надо было думать о будущем. Справка об окончании школы давала право на поступление в любое высшее учебное заведение без экзаменов. Но в вузы в то время поступали по командировкам профсоюзных комитетов предприятий. Поскольку школьники не были членами профсоюзов, такие командировки они могли получить только через учреждения и профсоюзы своих родителей. А это было нелегко и не быстро. И вот, пока родители занимались добыванием нужных документов, ребята решили подзаработать немного денег. Как и в предыдущем году, им помог мамин отец. Он устроил их на полевые работы в районе Пересыпи. Мальчики занимались земляными работами и нивелировкой, девочки работали на виноградниках. Собирали виноград в огромные корзины и при этом можно было есть его сколько угодно, так что юные сборщицы в шутку называли свою работу «вкусной». Мама вспоминала, как однажды их угостили молодым вином, сделанным из того сорта винограда, который они собирали. Это было прекрасное вино и они пили его с удовольствием, но вскоре у всех появилось ощущение, будто отнялись ноги. Голова оставалась светлой, а ноги не двигались. Вернулись домой уже поздно вечером вместе с родителями, которые, волнуясь, приехали за своими детьми.

Отец не участвовал в этих работах. В то время он заканчивал конструирование своего первого планера и не мог «попусту» тратить драгоценное время. Проект его обсуждался на общем собрании кружка морского воздушного спорта «А.Э.Р.» и морской группы планеристов еще 3 июня 1924 года, и теперь работа шла к концу. Чертить помогал Валя Божко. Наконец проект был готов. Отец назвал свою первую конструкцию «К-5». В протоколе июльского заседания Одесской Губспортсекции, в разделе о работе кружков сказано: «Кружок управления порта. Теоретические занятия закончены. Создан проект т. Королева. После утверждения проекта необходима помощь материалами для осуществления постройки планера». Вскоре проект был рассмотрен Авиационно-техническим отделом ОАВУК, одобрен и признан годным к постройке. Автору его в то время было 17 лет.

Теперь требовалось определить дальнейшую дорогу. Впрочем, для отца она уже была ясна - строить и летать. Мария Николаевна вспоминала, как он пришел однажды домой и сказал: «Я кончаю школу, теперь надо думать, куда поступать». Она спросила: «Куда же ты думаешь?» Он ответил: «В Академию воздушного флота в Москве» (в настоящее время - Военно-воздушная инженерная академия имени профессора Н.Е. Жуковского). Мария Николаевна всполашилась: «Боже мой, зачем тебе идти в летчики, сколько их погибает,

*Група учеников у знамени стройпрофшколы. Сергей Королев – 6-й справа в верхнем ряду.
Ксения Вицентини – 5-я слева среди стоящих во втором (сверху) ряду. Одесса, 1924 г.*

сти». Он написал заявление, и в июле 1924 г. Мария Николаевна сама повезла его в Москву в Академию.

Это учебное заведение было создано в сентябре 1919 г. Через год приказом Реввоенсовета его преобразовали в Институт инженеров Красного воздушного флота во главе с выдающимся ученым, «отцом русской авиации», Николаем Егоровичем Жуковским. Еще через два года институт был переименован в Академию воздушного флота имени Н.Е. Жуковского и в 1923 г. переведен в красивое дворцовое здание, расположенное на Ленинградском шоссе напротив Ходынского поля, получившее тогда гордое название - «Дворец красной авиации».

Когда Мария Николаевна туда пришла, начальник академии сказал, что ее сын слишком молод, чтобы быть слушателем этого учебного заведения, и, кроме того, в академию принимают только кадровых военных - не ниже младших командиров. Тогда она решила использовать последний шанс - сказала, что мальчик способный, что в свои 17 лет он уже сконструировал планер. Начальник ответил, что это заслуживает внимания, но сам он такой вопрос решить не может. И пообещал передать заявление в вышестоящую инстанцию. Если разрешат - пришлют вызов. Выйдя во двор, Мария Николаевна встретила там слушателя академии и решила посоветоваться с ним. Тот сказал, что, по его мнению, 17-летнему пареньку здесь будет учиться трудно - ведь надо усвоить и военные дисциплины. Посоветовавшись с мужем, который в это время находился в Москве в командировке, Мария Николаевна написала письмо старшему брату Юрию в Киев с просьбой разузнать все о профиле обучения в Киевском политехническом институте (КПИ) и вернулась в Одессу. Вскоре Юрий Николаевич ответил, что на механическом факультете КПИ открылось авиационное отделение. Теперь нужно было уговорить сына поступать именно туда. Она сказала: «Сережа, заявление в академию я подала, но оно пойдет по инстанциям, ответ ты получишь неизвестно когда. Если и будешь принят, то придется, во-первых, проходить военные дисциплины, а кроме того, вообще может прийти отказ, и ты потеряешь год. А вот дядя Юра пишет, что в Киеве открылась авиационная специальность, поступай туда. Если захочешь, потом перейдешь учиться в Москву». Сын согласился с этими доводами и решил ехать в Киев. Но, как оказалось, академия о нем не забыла. В ноябре 1924 г. в Одессу пришло письмо, извещавшее, что Сергей Королев зачислен слушателем академии. Однако на семейном совете решили, что он останется в Киеве.

Маме тоже нужно было определять свою судьбу. Она с детских лет мечтала о медицинском институте, так как очень любила родную сестру своей бабушки Луизу Францевну Гефингер, известную в медицинских кругах, принимавшую участие в 1897 г. в работе 8-го Губернского съезда врачей и представителей земств Бессарабской губернии, умную, образованную женщину, имевшую большой авторитет среди жителей Кишинева. Маму, тогда еще девочку, поразило, когда Луизу Францевну, шедшую по городской улице, многие узнавали, здоровались и благодарили. Всеобщее уважение к труду и личности врача покорило маму, зародило у нее желание тоже стать врачом, чтобы именно так приносить пользу людям.

Но на пути в медицинский институт у мамы возникли трудности. Дело в том, что она окончила школу одновременно со своим братом Юрием, который был старше ее на полтора года и для которого Максимилиан Николаевич, естественно, старался получить путевку в институт в первую очередь.

Получить в одном и том же профсоюзе вторую путевку еще и для дочери было довольно трудно. Мама очень переживала, тем более что многие мальчики и девочки из ее класса были уже устроены - почти все поступили в различные институты, а Максимилиан Николаевич ничего добиться для нее не мог. Тогда она в один из последних дней распределения путевок сама направилась в его профсоюз и попросила, чтобы ей все-таки дали направление. Так как в медицинский институт направлений уже не было, ей предложили единственную оставшуюся путевку - в институт, который назывался Химфарин. Она даже сначала не поняла, что это означает. Оказалось - Химико-фармацевтический институт. Ее направили на химический факультет. Мама пришла туда со справкой об окончании школы, но так как ей не исполнилось еще 17 лет, ректор сказал, что принять ее не может. Мама очень расстроилась, но потом подумала, что в решении ректора виноват ее внешний вид - она пришла с распущенной косой и, вероятно, произвела впечатление маленькой девочки. Поэтому на следующий день она надела туфли своей мамы на высоком каблуке, сделала, уложив косу, прическу и направилась в институт снова, но уже не к ректору, а к политкомиссару. Тот посмотрел на нее довольно внимательно и сказал: «Девочка, куда вам в институт, вы же еще совсем ребенок!». Она ответила, что нет, не ребенок, что уже окончила школу и имеет строительный рабочий стаж. Его удалось убедить, и в результате ее все-таки приняли на химический факультет Одесского химико-фармацевтического института. Мама была несказанно этому рада, так как другой возможности поступить в высшее учебное заведение для нее тогда не существовало.

Вечером мама встретила с моим отцом. Поскольку он был очень ревнив и раздражался, когда кто-то к ней подходил, они всегда гуляли там, где, как он знал, никто из знакомых не встретится. Это было их последнее свидание перед его отъездом из Одессы. И произошло оно на Торговом спуске, на одной из площадок между маршами крутой каменной лестницы, где располагались скамейки для отдыха. Мама рассказывала, что в тот последний вечер отец сказал, что любит ее и хочет, чтобы она стала его женой. Она ответила, что тоже любит его, но выходить замуж пока не собирается - ведь им не на что будет жить и она не понимает, как можно начинать совместную жизнь, если они еще даже не начали своей студенческой жизни. Ее доводы не убеждали, отец настаивал и требовал согласия, она же доказывала, что время еще не пришло. Объяснение было очень бурным, отец счел себя оскорбленным полученным отказом. Он молча довел маму до дома и на следующий день уехал в Киев, не попрощавшись.

На вокзале его провожали мать и отчим. Отец грустно смотрел на них через открытое окно вагона. Но вот состав тронулся, Мария Николаевна стала махать сыну платком и даже всплакнула. Григорий Михайлович утешал ее: ничего не поделаешь, это закономерно, да и будет ведь Сергей недалеко. Но она сердцем чувствовала, что ее 17-летний сын навсегда уходит в самостоятельную жизнь.

Вскоре началась переписка. Отец писал из Киева о новостях, о своих заботах, о новых знакомых. Потом он часто приезжал домой, но уже не был рядом постоянно, как прежде.

Разрыв с моей мамой был недолгим. Очень скоро, устроившись в Киеве, отец приехал в Одессу. Мама с нетерпением его ждала. Она верила, что, поразмыслив, он согласится с ее доводами. Так и произошло. Они встретились.

лись как добрые друзья, как очень близкие друг другу люди, у которых все впереди.

Мама училась в Химфарине, но продолжала мечтать о медицинском институте. Так случилось, что Максимилиан Николаевич в 1925 г. был переведен из правления Одесской железной дороги на работу в Харьков начальником службы пути Донецкой железной дороги. Летом 1925 г. моя мама вместе с ним переехала в тогдашнюю столицу Украины, а Софья Федоровна временно осталась в Одессе, где в Политехническом институте учился Юрий. К удаче мамы, химико-фармацевтического института в Харькове не было. Это давало ей возможность перейти в любой другой институт, в том числе и медицинский. И она перешла после окончания первого курса Химфарина с потерей года на первый курс лечебного факультета Харьковского медицинского института. Так закончился одесский период жизни моих родителей.

Я несколько раз бывала в прекрасном городе на берегу Черного моря. По мере того как я все глубже и глубже вникала в жизнь мамы и отца, у меня крепло желание пройти по всем местам, где жили и бывали они, прикоснуться к стенам, которые видели их молодыми, ощутить дух того времени, проникнуться мыслями и чувствами, владевшими ими много лет назад. Эту мечту удалось осуществить в сентябре 1989 г. Особую, неповторимую ценность поездки в Одессу приобрела потому, что я приехала туда вместе с мамой - живым свидетелем и участником всех описываемых событий.

Прежде всего мы отправились в порт, в дом на Платоновой молу, где жил когда-то отец. Теперь здесь располагается военизированная охрана порта. Конечно, за прошедшие 65 лет многое было изменено: большая комната в квартире разделена на две части, небольшой открытый балкон расширен и превращен в лоджию. Из окон уже не видно моря - его заслоняют построенные в порту здания. Но эта квартира все-таки существует, и я, переступая ее порог, испытала волнение и душевный трепет. Ведь здесь жила, училась и уже в юности мечтал о покорении неба мой отец. Потом побывали в местах, где жила мама. Дом на Софиевской улице оставил угнетающее впечатление своей запущенностью, многочисленными пристройками и скученностью живших в его коммуналках людей. Мы посетили квартиру на Островидова, 66, где мало что изменилось за прошедшие годы, побывали у дома на Нарышкинском спуске, у Публичной библиотеки, у Медина, на Торговом спуске, постояли на площадке между маршами лестницы, где отец сделал маме предложение. Наконец, осмотрели здание бывшей стройпрофшколы. Теперь здесь располагается Одесский хладокомбинат № 2. На первом и втором этажах, где раньше находились классы, разместились цеха. В здание теперь входят не по широкой чугунной лестнице со стороны Старопортофранковской улицы, а со двора, через узкие неприметные двери. Двор тоже изменен. На месте бывших спортивных площадок сооружены небольшие деревянные складские помещения. И только высокие арочные окна здания глядят из-за сплошного бетонного забора по-прежнему величаво. Мама с грустью ходила по своей родной школе, бывшей Мариинской гимназии, которую, к сожалению, сохранить в прежнем виде и использовать по назначению не удалось. А я старалась представить себе 15-17-летних мальчиков и девочек, которые некогда учились здесь и потом через всю жизнь пронесли любовь к Alma mater.

В 1982 г. бывший преподаватель математики Федор Акимович Темцуник написал стихи к 60-летию стройпрофшколы, посвященные своим ученикам.

*«Сверстникам Сергея Королева
по Одесской Стройшколе № 1
1922-24 годов посвящает их
бывший преподаватель
математики*

ПО СЛЕДАМ ЮБИЛЕЯ

Это было давно, год двадцать второй,
Когда сидя за партой вдвоем,
Все Вари и Люси, следя за доской,
Мечтали о счастье своем.

И были волненья и грусть расставанья
Со Стройпрофтехшколой родной.
Но старт уже взят, не страшны расстоянья,
Коль страсть овладела душой.

Но Клио зовет и в книгу запишет
Имена лишь великих людей.
И табло всего мира засветят:
Королев - его имя Сергей!

4/Ш-1982 г.
Темцуник Ф.А.»

С мечтой о звездах

КИЕВСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ (1924-1926)

Итак, начался третий, последний киевский период жизни отца. Он приехал в Киев в августе 1924 г. и поселился у своего дяди Юрия Николаевича Москаленко - в квартире 6 дома № 6 по Костельной улице, принадлежавшего домовладельцу А.Л. Козеровскому. Трехкомнатная квартира была расположена на третьем этаже шестиэтажного дома. Одну из комнат занимали Юрий Николаевич и Ольга Яковлевна, другую - их трехлетняя дочь Светлана с няней. Отца поместили на диване в третьей, проходной комнате с балконом, служившей столовой. Это, конечно, его стесняло: боялся, что рано утром, уходя из дома, потревожит спящих, а вечером неловко было возвращаться поздно. Отец всегда стремился к самостоятельности, и хотя в семье дяди относились к нему хорошо, он сразу решил, что со временем подыщет себе отдельное жилье. Сейчас же главным было поступление в Политехнический институт, ради чего он и приехал в Киев.

Киевский политехнический институт был основан в 1898 г. Вначале он имел четыре отделения: механическое (109 студентов), инженерное (101 студент), сельскохозяйственное (87 студентов) и химическое (63 студента). На механическом отделении в двадцатые годы открылась авиационная специальность. Именно здесь и хотел учиться отец.

10 августа, найдя приемную комиссию, он отдал написанное еще 5 августа в Одессе заявление.

«В Киевский политехнический институт
КОРОЛЕВА Сергея, окончившего 1 - ю строительную профшколу

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу принять меня в КПИ.

Окончил в настоящем году 1 - ю строительную профшколу в Одессе. Отбыл стаж на ремонтно-строительных работах по квалификации подручного черепичника.

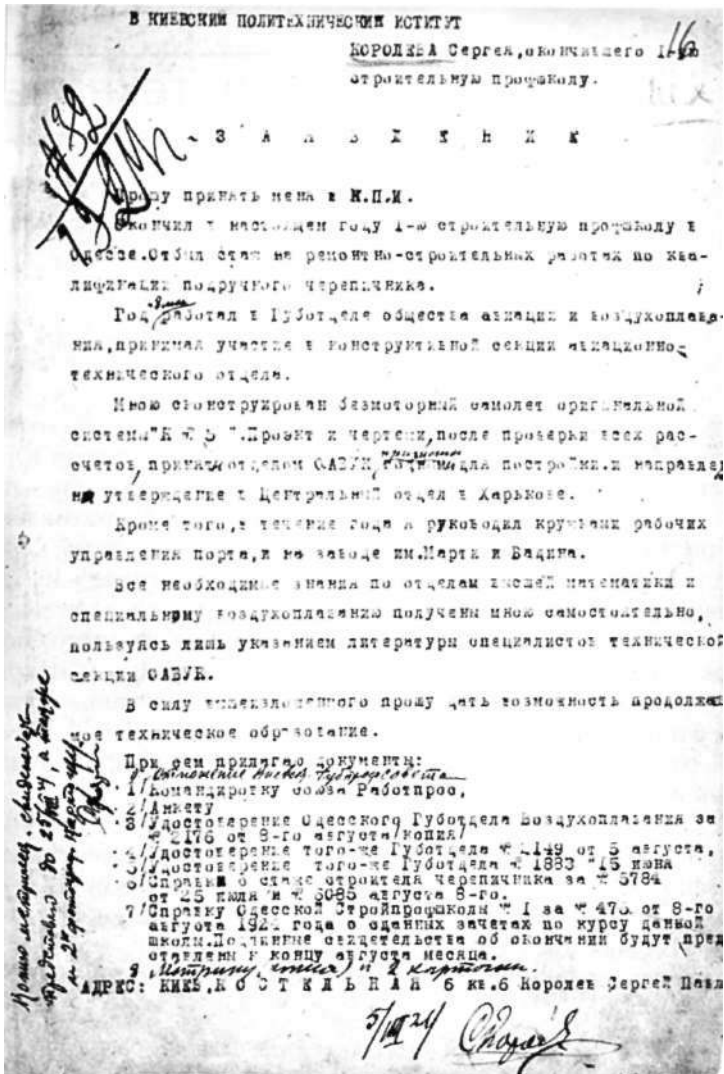
Год 8 мес. работал в Губотделе Общества авиации и воздухоплавания, принимая участие в конструктивной секции авиационно-технического отдела.

Мною сконструирован безмоторный самолет оригинальной системы «К № 5». Проект и чертежи, после проверки всех расчетов, приняты отделом ОАВУК, признаны годными для постройки и направлены на утверждение в Центральный отдел в Харькове.

Кроме того, в течение года я руководил кружками рабочих управления порта и на заводе им. Марти и Бадина.

Все необходимые знания по отделам высшей математики и специальному воздухоплаванию получены мною самостоятельно, пользуясь лишь указанием литературы специалистов технической секции ОАВУК.

В силу вышеизложенного прошу дать возможность продолжать мое техническое образование.

Заявление Сергея Королева о приеме в КПИ. 5 августа 1924 г.

При сем прилагаю документы:

- 1) Отношение Киевского Губпрофсовета
- 1/ Командировку Союза Работпрос.
- 2/ Анкету
- 3/ Удостоверение Одесского Губотдела воздухоплавания за № 2176 от 8 августа (копия)
- 4/ Удостоверение того же Губотдела № 2149 от 5 августа
- 5/ Удостоверение того же Губотдела № 1883 от 15 июня*
- 6/ Справки о стаже строителя-черепичника за № 5784 от 25 июля и № 6085 августа 8-го.
- 7/ Справку Одесской стройпрофшколы № 1 за № 470 от 8-го августа 1924 года о сданных зачетах по курсу данной школы.

*Ошибка. Правильно - 15 июля. - Н.К.

*Дом на Костельной улице в Киеве,
где в 1924 г. жил Сергей Королев.
Фотография автора. 1997 г.*

*Главное здание Киевского
политехнического института.
Фотография 1990-х годов*

Подлинные свидетельства об окончании будут представлены к концу августа месяца.
8 / Метрику (копия) и 2 карточки

Адрес: Киев, Костельная 6 кв. 6
КОРОЛЕВ Сергей Павлович.

Копию метрического свидетельства представляю до 25/VIII 24, а также и 2-ю фотографическую карточку.

5/VIII.24 г.

С. Королев».

Всякий раз, перечитывая это заявление, поражаюсь его содержанию. Каждая фраза о проделанной работе показывает целеустремленность заявителя. Кажется, что написавший заявление - взрослый, опытный человек, а ведь ему в то время было всего 17 лет!

Кроме заявления отец представил три документа, выданные ему Одесским губотделом ОАВУК. В одном из них, датированном 15 июля 1924 г., говорилось о его работе по руководству планерными кружками двух крупных одесских заводов и военно-морской базы.

«Общество авиации и воздухоплавания
Украины и Крыма
Одесский Губернский
отдел по части
Спортсекции
Июля 15 дня 1924 г.
№ 1883
г. Одесса
Пушкинская 29 тел. 2-05

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие члену Губспортсекции тов. Королеву С.П. в том, что ему поручена работа по инструктированию и руководству в планерных кружках завода им. Марти и Бадина, им. Чижикова и Одвоенморбазы.
Председатель Г.С.С.

Член правления Губотдела ОАВУК

/Б. Фаерштейн/

Секретарь /Комаровский/».

Еще одно удостоверение свидетельствовало об активном участии отца в кружке планеристов и давало ему лестную характеристику.

«Общество авиации и воздухоплавания
Украины и Крыма
Одесский Губернский отдел
по части Спортсекции
августа 8 дня 1924 г.
№ 2176
г. Одесса
Пушкинская 29 тел. 2-05

Трующийся, строй свой воздушный флот УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие тов. Королеву Сергею Павловичу в том, что он состоял в кружке планеристов Губотдела АОВУК с июня 1923 г., принимая активное участие во всех работах. В последнее время тов. Королев состоял членом Губспортсекции, руководя кружком планеристов

рабочих управления порта. Тов. Королевым сконструирован планер, который после проверки всех расчетов признан авиационно-техническим отделом ОАВУК годным для постройки и принят Губспортсекцией для постройки. Одесская Губспортсекция рекомендует тов. Королева как энергичного, способного и хорошего работника, могущего принести большую пользу как по организации, так и по руководству планерными кружками.

Председатель Губспортсекции

Член правления /Фаерштейн/

За секретаря /Максимов/».

Фотография Сергея Королева
в личном деле студента КПИ,
Киев, 1924 г.

Удостоверение Сергея Королева
о руководстве планерными
кружками в Одессе.
15 июля 1924 г.

Общество авиации
и воздухоплавания
Украины и Крыма
Президиум Украинского общества
аэрогазет
№ 1883
г. Одесса
А. Уманский 29.7.24 12-05

Копия!

Удостоверение
Дано мне г-ну Кубену С. П.
в том, что ему поручена
работа по техническому
и руководству в планерных кружках завода
им. Мартина Тадиша, им. Инженкова и
Одесского завода.

Председатель Т. С. С.
Г-ну Кубену С. П. / Б. Парусов /
секретарь / Комаровский /
Заместитель секретаря /
Михайлов /

У.С.С.Р.
НАРКОМПРОС
Одесгубпрофобр
Строй-Проф-Школа № I
8/VIII дня 1924 г.
к 175
г. Одесса, Старопортофранковская 18.

СПРАВКА.

Дана сия т. КОРОЛЕВУ С. в том что он действительно состоял учеником стажир. триместра Строй-Проф. Школы в 1922-24 году уч. и сдал зачеты по следующим предметам:

1/ Политграмота	7/ история культуры
2/ русский язык	8/ украинский язык
2/ математика	9/ немецкий " "
4/ сопромат	10/ черчение
5/ физика	11/ работы в мастерских
6/ гигиена и охрана труда	

Место печати

Зав Школой /подпись/

за Секретарь /подпись/

Справка Одесской стройпрофшколы о сданных Сергеем Королевым зачетах. 8 августа 1924 г.

К этим документам отец приложил справки из стройпрофшколы о стажировке по специальности строителя-черепичника от 25 июля и 8 августа 1924 г., а также о сданных зачетах. Вот одна из них:

«У.С.С.Р.
НАРКОМПРОС
ОДЕСГУБПРОФОБР
Строй-Проф-Школа № I
8/VIII дня 1924 г.
№ 475
г. Одесса,
Старопортофранковская 18

СПРАВКА

Дана сия т. КОРОЛЕВУ С. в том, что он действительно состоял учеником стажир. триместра Строй-Проф. Школы в 1922-1923-24 году уч. и сдал зачеты по следующим предметам:

1/ Политграмота	7/ история культуры
2/ русский язык	8/ украинский язык
3/ математика	9/ немецкий " "
4/ сопромат	10/ черчение
5/ физика	11/ работы в мастерских
6/ гигиена и охрана труда	

Место печати

Зав. школой

/подпись/

Секретарь

/подпись/».

В КПИ абитуриенту предложили заполнить анкету, в которой он отметил, что имеет профессию лектора-стенографиста и уже зарабатывает деньги собственным трудом.

«ДЛЯ ПОСТУПЛЕНИЯ В УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ПРОФОБРА

В Вуз - КПИ гор. Киев командирован в счет мест, представленных Г.С.П.С. Киевск. Губпрос, КОРОЛЕВ Сергей Павлович рождения 1906 г. 30 декабря, украинец, холост, член союза Работпрос, билет № 13966, социальное положение - учитель (*дописано - лектор*).

б/крестьянин, занят-ли сельским хозяйством непосредственно или на предприятиях сельско-хозяйственной промышленности

в настоящее время сельским хозяйством не занимается, указать с под

в/к у с т а р ь

г/служащий/указать год и характер служб: учитель, врач и т.п.

мать, учительница

д/прочие и торговцы и т.п.

25. На какой факультете желаете поступить... Механика Авиации

26. Снабжен ли средствами к существованию и на какой период, сум

... С. Соболев до ноября с.г.

27. Имеет-ли квартиру по месту Вуза... да

П о д п и с ь ... С. Соболев ... 10/11/24 год. 1924 г.

Правильность данных в анкете подтверждаю

Председатель командирской организации

Секретарь

Прибыл в приемочную комиссию

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПРИЕМОЧНОЙ КОМИССИИ:

*Принимается
С. Соболев
17/11/24*

13. Основная профессия - лектор-стенографист.
14. Образование - профтехническая школа.
19. Общественная политическая работа - с июня 23 г. активный руководитель рабочих кружков на заводах им. Марти и Бадина, Чижикова и Одвоенморбазы.
20. На чьи средства живет - лекционная оплата.
21. Сколько времени живет собственным трудом - 3 года.
22. Место последней работы - Губотдел ОАВУК.
23. Был кружководом авиационной группы Одвоенморбазы.
24. Социальное положение родителей: отец - учитель, мать - учительница.
25. На какой факультет желаете поступить - механический, авиац. отд.
26. Снабжен ли средствами существования, на какой период - снабжен до ноября с.г.

Подпись: С. КОРОЛЕВ
10.VIII. 1924 г.».

Правильность данных в анкете подтвердили председатель командирующей организации и секретарь.

Для поступления в КПИ необходимо было иметь еще и направление Киевского Губотдела профсоюза работников просвещения, и 18 августа 1924 г. отец пишет заявление с просьбой принять его в число членов Союза.

«В орготдел Губработпроса
от Сергея Королева

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу принять меня в число членов союза по категории руководителя кружков по воздухоплаванию и как стенографа. Как видно из приложенных мною документов, я с июня 1923 г., учась в профшколе, руководил планерными кружками на заводах Марти и Бадина, Чижикова и Одвоенморбазы. Кроме того, был пом. руководителя планерной авиационной группы при 3-м разведыват. Гидро-авиа отряде. Мною сконструирован самостоятельно планер типа «К-5», принятый к постройке на Николаевском Госзаводе. Адрес мой - Костельная 6 кв. 6.

18/VIII24

С.Королев».

На следующий день он заполняет анкету-вступительный бланк, в котором, кроме своей работы «кружковод и стенограф», отмечает также знание украинского, немецкого и английского языков.

В Киеве отцу пришлось получить еще два документа, необходимых для поступления в вуз. Один из них - удостоверение, выданное 19 августа правлением Киевского Губотдела профсоюза работников просвещения, - свидетельствовал, что он - член союза Работпрос - командирован для поступления в КПИ в счет разверстки Губернского совета профсоюзов (ГСПС) с допуском к экзамену 23 августа 1924 г.

«У.С.С.Р.
Правление
Киевского Губотдела
Профсоюза
Работников Просвещения
19/VIII-1924г.
№ 10519

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие тов. КОРОЛЕВУ Сергею, члену союза Работпрос № 13266 в том, что он командирован для поступления в К.П.И. в счет разверстки ГСПС

Председатель /подпись/

Секретарь /подпись/

На сей командировке должна быть виза Губ. и Окр. Контрольной Комиссии.

Культотдел Киевского

/м.п./

Губпрофсовета

/подпись/

"Допустить к экзамену пр. № 8 п. 1. 23/VIII-24 г."

Верно:

»

У.С.С.Р.
Правление
Киевского Губотдела
Профсоюз
Работников Просвещения

Копия.

У д о с т о в е р е н и я . -

19/УШ-1924 г.

№ 10519.

Дано сия тов. КОРОЛЕВУ Сергею члену союза
Работпрос № 13266 в том, что он командирует-
ся для поступления в К.П.И. в счет разверстки ГСПС

Председатель /подпись/

Секретарь /подпись/

На сей командировке должна быть виза Губ. и Окр. Контрольной
Комиссия.

Культотдел Киевского
Губпрофсовета /подпись/
/м.п./

" Допустить к экзамеу пр. № 8 п. I. 23/УШ-24 г."

В а р и с:

Командировочное удостоверение Сергея Королева в связи с поступлением в КПИ.
Киев, 19 августа 1924 г.

Киевский
Губпрофсовет
Десрца Труда ул. Короленко
31/33
Тел. № 1-83, 15-36, 17-69.

Копия.

Августа дня 19 1924 г. № 2959.

В К.П.И.

В виду определенных успехов тов. КОРОЛЕВА С. в ра-
ботах по звания Приемочной Комиссия при ГСПС не возре-
шает против только 1 1/2 годичного его стажа по приему
на соответствующее отделение К.П.И.

Председатель ГСПС /подпись/

/м.п./

Завкультотделом /подпись/

" В К.П.И. 31 своего боку раху, по торебе було-б прийняти до I-ту на Мех.
сек. тов. КОРОЛОВА. Це необхідно ще й з тих причин, що більшість наших
планеристів швидко закінчують Інститут. А треба, щоб енергійне праця
планеристів, котру так важко налагодити на припинялася, а неспокій було
розвивалася в інтересах розвитку власного авіо-будівництва.-
Відпов. Секр. Губвідділу ОАВУК доцент КПИ /підпис/ 19/УШ-24 р.

В а р и с:

Письмо Киевского Губпрофсовета в отношении приема Сергея Королева в КПИ.
19 августа 1924 г.

220
19/8/24

Трудающийся, строй свой возд. флот. -
В Центральную Спорт-Секцию: -

Препровождал при сем проект плане-
ра КОРОЛЕВА и об'яснительную записку,
прошу проверить расчет и прислать воз-
можно скорее обратно. -
ПРИЛОЖЕНИЕ: 12 листов чертежа и
об'яснительная записка. -

Предс. Губ спортсекции
Секретарь

ФАЕРШТ Е

1352

20/8/24 Киев

М. Колебаеву, Киев, друзья мои!
Надеюсь, что ты сейчас находишься в
Одессе и работаешь в спортсекции.
Я пишу тебе письмо, чтобы ты как можно
скоро прислал мне проект плана и
об'яснительную записку, которую я тебе
приложил. Пожалуйста, не забудь
приложить к проекту 12 листов
чертежа и об'яснительную записку.
Надеюсь, что ты получишь мое
письмо и ответишь на него. Если ты
не сможешь ответить, пожалуйста,
напиши мне, почему ты не можешь
ответить. Мне очень интересно
знать, как тебе нравится работа в
спортсекции. Если ты работаешь
там, пожалуйста, напиши мне, как
тебе нравится работа. Если ты не
работаешь там, пожалуйста, напиши
мне, почему ты не работаешь там.
Я очень жду твоего ответа. Если ты
не сможешь ответить, пожалуйста,
напиши мне, почему ты не можешь
ответить. Мне очень интересно
знать, как тебе нравится работа в
спортсекции. Если ты работаешь
там, пожалуйста, напиши мне, как
тебе нравится работа. Если ты не
работаешь там, пожалуйста, напиши
мне, почему ты не работаешь там.

220
С. Королев

Сопроводительное письмо
к первому проекту
Сергея Королева,
направленному
на заключение
в Центральную
спортсекцию Украины.
Одесса, 19 августа 1924 г.

Письмо Сергея Королева
Б.В. Фаерштейну
с просьбой направить его
на планерные состязания.
Киев, 20 августа 1924 г.

К этому удостоверению отец приложил письмо Киевского Губпрофсовета, в котором сообщается: «Ввиду определенных успехов тов. Королева С в работах по авиации Приемочная Комиссия при ГСПС не возражает против только 1 1/2 годичного его стажа по приему на соответствующее отделение К.П.И.»

На письме ответственный секретарь Киевского Губотдела ОАВУК, доцент КПИ А.И. Касьяненко добавил: «Со своей стороны считаю, что нужно было бы принять в институт на мехфак тов. Королева. Это необходимо еще и потому, что большинство наших планеристов вскоре заканчивают институт. А нужно, чтобы энергичная работа планеристов, которую так трудно наладить, не прекращалась, а, наоборот, бурно развивалась в интересах развития собственного авиастроения».

Собирая необходимые для поступления документы и почти ежедневно бывая в КПИ, отец не мог не видеть развернувшейся там подготовки ко II Всесоюзным планерным испытаниям (ВПИ), открытие которых было намечено на 7 сентября 1924 г. в Коктебеле. Первые ВПИ состоялись там 1-20 ноября 1923 г. Тогда в них участвовало всего девять планеров, на которых было произведено 35 полетов общей продолжительностью 2 часа 5 минут 30 секунд. Тем не менее те испытания имели важное пропагандистское значение. Было решено проводить такие слеты ежегодно, а 1923 г. считать годом начала отечественного планеризма. И вот теперь планеристы КПИ готовили к отправке на II ВПИ свой планер, сконструированный студентами Н.А. Железниковым и Д.Л. Томашевичем - «КПИР-1». Конечно, отцу тоже хотелось поехать в Крым, попробовать свои силы, поучиться летать на планере. Но как этого добиться?

Он решает поговорить с руководителем планерного кружка, рассказать ему о планере собственной конструкции и попросить включить его в число членов делегации КПИ. Разговор был коротким и безрезультатным - для киевских планеристов абитуриент Королев еще чужой. Получив отказ, отец 20 августа пишет письмо в Одессу Борису Владимировичу Фаерштейну в надежде, что Одесский Губотдел ОАВУК сможет его командировать, учитывая прежние заслуги по руководству планерными кружками. Он обосновывает важность и необходимость этой поездки для дальнейшей работы в области авиации и планеризма.

«Многоуважаемый Борис Владимирович! Напоминая Вам о Ваших словах при моем отъезде, обращаюсь к Вам с просьбой: устройте мне командировку на состязания в Феодосии. Из Киева едет большая группа и я как новый человек настаивать на командировке из Киева не могу. Т.о. я рискую и в этом году не увижу состязаний, посещение которых дало бы мне очень много, и я с большим успехом мог бы работать в области авиации и планеризма. Надеюсь, что Одесский Губотдел ОАВУК сочтет возможным и нужным отправить меня на состязания, помня мою прежнюю работу по руководству планерными кружками. Кроме того, эта командировка позволила бы мне устроить некоторые мои личные дела и увеличила бы в Киеве влияние и вес Одесского Губотдела. Прилагая при этом марки, надеюсь получить скорейший ответ по адресу: Киев, Костельная 6-6, Москаленко - для С.П. Королева. Между прочим: я кончу свои дела до 27-8/VIII и тогда смогу выехать, чтобы быть 30-го в Феодосии. Если дело выгорит, то напишите мне, пожалуйста, о деталях моего путешествия: где, как и каким образом это устраивается.

Уважающий вас С. Королев.

Интересно, какова судьба моего проекта и чертежей? С».

Отец спрашивает о судьбе своего планера, не зная, что накануне, 19 августа, его проект был направлен в Центральную спортсекцию в Харьков с таким сопроводительным документом:

«19/VIII-24

Трудящийся, строй свой воздушный флот!

В Центральную Спорт-Секцию

Препровождая при сем проект планера КОРОЛЕВА и объяснительную записку, прошу проверить расчет и при-слать возможно скорее обратно.

ПРИЛОЖЕНИЕ: 12 листов чертежей и объяснитель-ная записка.

Председатель Губспортсекции

/Фаерштейн/

Секретарь

/Россиевский/».

На письме отца начертано наискось сухое, казенное указание Фаерштейна:

«Известить тов. С. Королева, что имеется определенное положение, по которому избирают на состязания правлением ОАВУК. Часть уехала, остальные уезжают 30/VIII. Банковских средств ЦС не ассигновал, мест в Одессе нет.

Фаерштейн».

И отец получает вежливый, но формальный ответ:

«Тов. Королеву

Относительно командировки на Всесоюзные состязания имеется определенное положение, в силу которого для участия в состязаниях избираются правлением ОАВУК т. т., имеющиеся налицо при губспортсекции.

У нас такие выборы уже произведены и часть участников уже выехала в Феодосию. Остальные отправляются 30 августа.

Все места, предоставленные Одесской губспортсекции, заняты, средств на дополнительные командировки не отпускается, а потому просьба ваша, к сожалению, исполнена быть не может.

Председатель губспортсекции, член правления Одесского губотдела ОАВУК

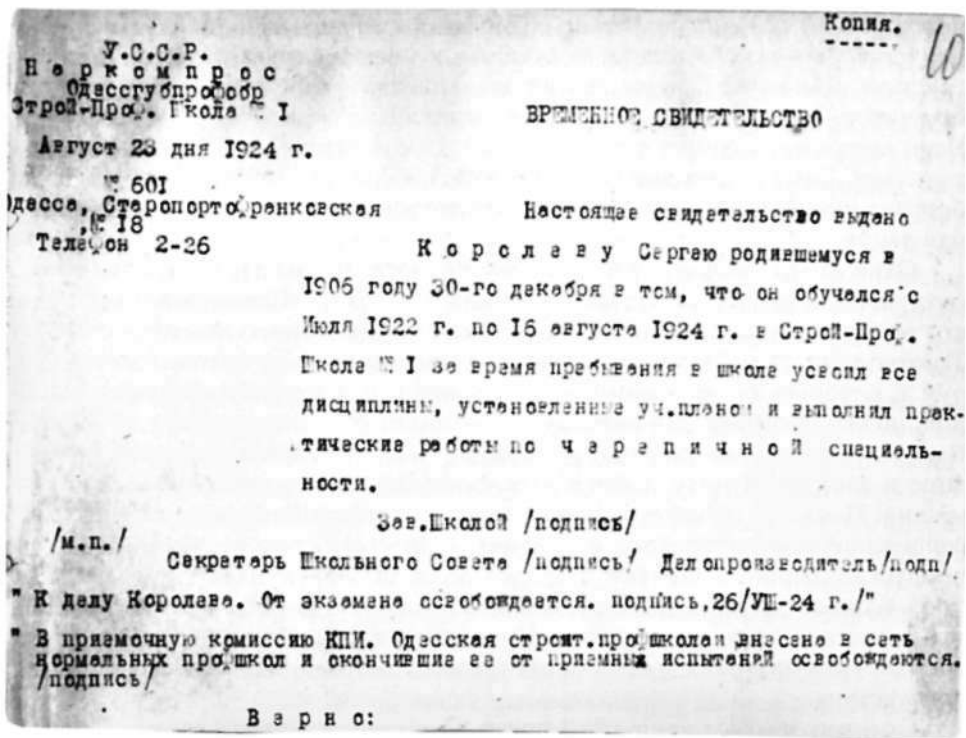
Фаерштейн.

23/25 августа 1924 г., гор. Одесса

№ 2362».

Этот ответ обидел отца, ведь во время работы в Одесском ОАВУК ему казалось, что он был в числе ведущих работников, а теперь получилось, что уехал и стал никому не нужен. Но он с ранних лет умел переносить неудачи, не падая духом. Поняв, что рассчитывать в текущем году больше не на что, он ставит целью добиться своего участия в будущих состязаниях уже от КПИ.

Как раз в это время Мария Николаевна присылает сыну последний нужный для поступления в институт документ: свидетельство об окончании школы и прохождении практики по черепичной специальности. В нем же подтверждается освобождение его от приемных испытаний, как окончившего профессиональную школу.

Свидетельство Сергея Королева об обучении в Одесской стройпрофшколе № 1. 23 августа 1924 г.

«У.С.С.Р.
НАРКОМПРОС
ОДЕССГУБПРОФОБР
Строй-Проф. школа № 1
Август 23 дня 1924 г.
№ 601
Одесса,
Старопортофранковская
№ 18
Телефон 2-26
/М.п./

ВРЕМЕННОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Настоящее свидетельство выдано Королеву Сергею, родившемуся в 1906 году 30-го декабря, в том, что он обучался с июля 1922 г. по 16 августа 1924 г. в Строй-Проф. Школе № 1. За время пребывания в школе усвоил все дисциплины, установленные уч. планом, и выполнил практические работы по черепичной специальности

Зав. школой /подпись/
Секретарь школьного Совета /подпись/
Делопроизводитель /подпись/

К делу Королева. От экзамена освобождается. Подпись. 26/VIII-24 г.

В приемочную комиссию КПИ. Одесская строит, профшкола внесена в сеть нормальных профшкол и окончившие ее от приемных испытаний освобождаются /подпись/».

26 августа отец проходит медицинское освидетельствование, получает личную карту № 49 с заключением о возможности обучения в КПИ, студенческий билет № 1064 и зачетную книжку № 2809/849.

Начались занятия. Обучение в высших учебных заведениях велось тогда необычно. Ведь одновременно с выпускниками средних школ учились рабочие, которые окончили только начальную школу или училище, после этого где-то работали, затем занимались два года на рабфаке и без экзаменов зачислялись на 1 курс. Таким образом, рядом с отцом сидели люди старше его

иногда на 10 лет, но подготовленные значительно слабее. Поэтому метод обучения был такой: оценки не ставили, а зачеты сдавали не поодиночке, а группой. Для сдачи зачета приходила бригада - обычно из четырех-пяти студентов - и профессор или доцент задавал вопросы. Отвечать мог любой. Если никто из сдающих ответа не знал, все должны были уйти и снова готовиться. Так могло повторяться несколько раз, и только после того как бригада наконец давала правильные ответы на все вопросы, каждый получал зачет.

Отец входил в бригаду из четырех человек. В институте он подружился со студентом Михаилом Пузановым, бывшим токарем, который был старше его на 8 лет и еще до революции работал в авиационных мастерских КПИ. Товарищами отца были, кроме того, вольнослушатели-летчики Иван Савчук, с которым он познакомился в Одесском гидроотряде, и Алексей Павлов, позже построивший авиетку, на которой разбился в 1928 г. в Москве. Вместе они и составили бригаду. Пузанов был ведущим по высшей математике и электротехнике, Савчук - по начертательной геометрии и деталям машин, Павлов - по истории классовой борьбы и политэкономии, отец - по сопротивлению материалов и механике. Он полностью отдался учебе - не пропускал лекций и занятий, старался сесть за первую парту, так как хотел быть ближе к преподавателю, чтобы все услышать, увидеть, усвоить. Если что-то не понимал, не стеснялся задавать вопросы. Для него всегда важно было понять материал, а не просто отсидеть положенные часы с видимостью присутствия.

Помимо учебы, отец продолжал увлекаться планеризмом. В конце сентября вернулись из Коктебеля киевские планеристы. Они рассказали, что в соревнованиях участвовали 42 планера, на которых было выполнено 572 полета общей продолжительностью 27 часов 3 секунды. Пилот Константин Арцеулов на планере «Икар», построенном по его чертежам в Одессе, продержался в воздухе 1 час 17 минут 55 секунд и получил специальный приз «За красоту и продуманность полета». Наибольшую продолжительность парения - 5 часов 15 минут 32 секунды - продемонстрировал на планере «Москвич» конструкции Н.Д. Лучинского и А.В. Чесалова Леонид Юнгмейстер. Ровно на час меньше парил на «КПИР» студент КПИ Константин Яковчук, в прошлом военный летчик. Он получил третий приз за продолжительность и высоту полета. Всего в испытаниях участвовали 36 пилотов, 23 из которых были удостоены звания пилота-планериста и 9 - пилота-парителя. Пилоту-планеристу необходимо было выполнить пять полетов суммарной продолжительностью не менее 60 секунд, причем один из них должен длиться не менее 30 секунд. Пилоту-парителю предстояло продержаться в воздухе не менее 3 минут без потери высоты. В числе получивших звание пилотов-парителей были К.К. Арцеулов и К.Н. Яковчук.

Но радость от этих достижений омрачилась трагедиями. 11 сентября на планере «Комсомолец» собственной конструкции на южном склоне горы Узун-Сырт разбился Петр Клементьев - слушатель Академии воздушного флота. Машина разрушилась в воздухе. Гору Узун-Сырт, что в переводе с тюркского означает «Долгая спина», позже переименовали в «Гору Клементьева». А через две недели после гибели Клементьева там же потерпел катастрофу на харьковском планере «Бумеранг» военный летчик К.А. Рудзит.

Однако эти печальные вести не могли охладить энтузиазм планеристов. Киевский политехнический институт был зачинателем и первым распростра-

нителем авиационных идей в Киеве. Еще в 1899 г., через год после основания КПИ, началась кампания за открытие в нем пятого, воздухоплавательного, отделения. Возглавил ее ученик профессора Н.Е. Жуковского профессор электротехники Н.А. Артемьев. По его инициативе при механическом кружке была основана воздухоплавательная секция, которую в 1908 г. преобразовали в самостоятельный воздухоплавательный кружок с секциями аэропланов, вертолетов, орнитоптеров и двигателей. Бесшумным руководителем секции, а затем и кружка был также ученик Н.Е. Жуковского профессор механики Николай Борисович Делоне, вице-председателем - тогда студент, а с 1914 г. ректор КПИ - Виктор Флорианович Бобров. В 1909 г. было основано Киевское общество воздухоплавания (КОВ), в которое вошел воздухоплавательный кружок КПИ в составе около 200 человек. За короткий период до начала Первой мировой войны в Киеве было сконструировано около 30 типов самолетов. В те же годы член Киевского общества воздухоплавания Ф.Ф. Андерс спроектировал и построил один из первых в России дирижаблей. 27 августа 1913 г. на Сырецком аэродроме близ Киева член КОВ военный летчик Петр Николаевич Нестеров впервые в мире совершил на самолете «мертвую петлю», названную впоследствии его именем.

Война 1914-1918 гг., а затем Гражданская война прервали деятельность КОВ, но уже весной 1922 г. возобновляет свою работу авиационный кружок, на базе которого создается Авиационное научно-техническое общество (АНТО) и открывается авиационная специальность с кафедрами самолетов и авиадвигателей. В 1920 г. возникла идея создания авиационного факультета, однако он был организован лишь в 1930 г. в Киевском машиностроительном институте, созданном на базе механического факультета КПИ. В 1933 г. этот факультет был преобразован в Киевский авиационный институт. Одним словом, в Киеве отец нашел то, что искал. Он попал в бурный поток авиационной жизни, в сильный творческий коллектив энтузиастов авиации, имевший богатую историю, стойкие традиции, техническую и производственную базу.

После II планерных испытаний 1924 г. и успеха планера «КПИР-1» планеристы КПИ с еще большим энтузиазмом взялись за создание и постройку новых планеров. Большое внимание работе планеристов уделял ректор КПИ В.Ф. Бобров и такие крупные ученые, как академик Д.А. Граве, проф. И.Я. Штаерман, проф. Н.Б. Делоне. Отец не сразу вступил в планерный кружок КПИ. Он переживал отказ Одессы и Киева отправить его в Коктебель и беспокоился за судьбу своего планера, в который вложил столько труда. Своими переживаниями он поделился со школьным другом Валею Божко. 4 октября 1924 г. отец отправил ему письмо и свою фотографию, снятую во дворе КПИ, с надписью «Дорогому другу Вале на память от Сережи Королева. 4/X 24 г.». И внизу приписал: «Помнишь наши разговоры в Одессе?» Вообще Одессу он вспоминал постоянно. Ведь там остались самые дорогие и близкие ему люди: мать, которую он очень любил, отчим, которого уважал и ценил, и любимая девушка. После памятного объяснения на Торговом спуске отец не мог успокоиться и, поступив в институт, примчался в Одессу. Мама тоже глубоко переживала размолвку. Встреча была радостной. Они оба поняли, что любят друг друга, что им трудно не быть вместе, но что надо немного подождать. Отец вернулся в Киев окрыленный.

В течение 1924-1925 учебного года отец приезжал в Одессу еще несколько раз на праздники и каникулы - навестить родителей и, конечно,

Дорогому
друзю, Вал,
на память от
4/24. Сергея Королева
команды нашей
районной в
Одессе?

*Фотография Сергея Королева,
подаренная им школьному другу
Валериану Божко. 4 октября 1924 г.
Надпись на обороте*

повидаться с моей мамой. А в промежутках между встречами была большая дружеская переписка.

В 1925 г. в Киеве образовался «Кружок по изучению мирового пространства» во главе с академиком Д.А. Граве. В него входили известные киевские ученые и инженеры. Ими были организованы лекции по проблемам межпланетных полетов, а также выставка в киевском Музее революции. Однако отец тогда не принимал участия в этой деятельности, занимаясь более важными, по его мнению, практическими делами. 15 февраля 1925 г. при планерной секции АНТО открылись курсы инструкторов планерного спорта, на которые он сразу же поступил. Программа курсов предусматривала изучение истории и теории авиации, материальной части планеров, сопротивления материалов, аэронавигации и была рассчитана на 6 месяцев. Несмотря на трудности в организации занятий (отсутствие постоянного помещения, нехватка специальной литературы), курсанты проявляли к ним огромный интерес. Отец участвовал в заседаниях планерной секции АНТО, занимался в авиамузее и в кабинете двигателей, регулярно посещал занятия. Особенно нравились ему лекции по теории планерного полета, которые читал ведущий конструктор по планерам Д.Л. Томашевич. Отец слушал, смотрел, спрашивал, записывал. Вскоре в связи с прекращением финансирования теоретические занятия были заменены практическими, проходившими в мастерских КПИ и не требовавшими дополнительных средств. Из 60 поступивших на курсы слушателей остались 20, в числе которых был и отец.

С.И. Карацуба, тогда студент 3 курса КПИ, рассказывал, как весной 1925 г. в планерном кружке, на участке сборки планера «КПИ-Зуч» (учебный), одним из авторов проекта которого он был, вдруг раздался возглас: «Пришел работать. Прошу место и задание!». В ответ послышались одобрительные возгласы и аплодисменты. Это был мой отец. Рукава его белой рубашки были закатаны выше локтей и весь вид выражал желание действовать. По словам очевидцев, работал он не покладая рук, самостоятельно, организованно, грамотно, хорошо разбирался в чертежах, «чувствовал дерево», ловко владел инструментом. Он был из тех, кому не требовалось что-то многословно объяснять или напоминать. Достаточно сказать, что сделать, а

как сделать - это была уже его забота. Ничего не делал сгоряча. Не было случая, чтобы за ним что-либо приходилось переделывать. Он говорил: «Деталь нужно сделать так, чтобы она самому себе нравилась». С.И. Карацуба вспоминал, что у отца была привычка держать руки на бедрах, поэтому его прозвали «Сергей-руки-в-боки», да и весь он запомнился ему таким - крепким, готовым взяться за любое, самое трудное дело.

В бригаду по сборке учебного планера отец пришел не случайно: он выбрал ее сам - здесь была верная возможность полетать. Рекордные планеры в Киеве летных испытаний не проходили, а учебный планер проходил. По неписанному закону каждый работавший на сборке имел право на полет.

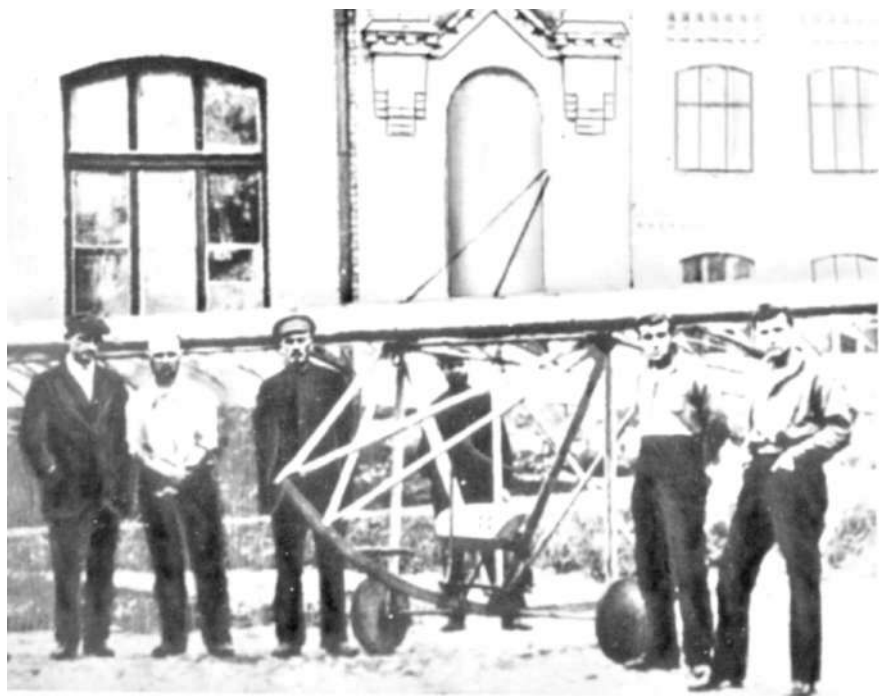
Летные испытания проводились на аэродроме авиаремонтного завода «Ремвоздух-6», рядом с КПИ. Надежда отца построить спроектированный им в Одессе планер «К-5» не осуществилась, так как проект его, посланный в Харьков, был утерян. Но мечта полетать на планере сбылась: он летал наряду с другими и даже потерпел аварию - при посадке задел торчавшую из земли трубу. Площадка для посадки планеров была небольшой, на краю ее находился всякий мусор - камни, ржавые металлические детали. Оказался там и обрезок старой водопроводной трубы. Во время полета отца в воздухе находился еще один планерист. Случилось так, что на посадку они пошли одновременно. Чтобы не столкнуться с товарищем, отец протянул дальше, чем положено. Увидев перед собой внезапно возникшую опасность, он мгновенно

Курсанты школы инструкторов планерного спорта. Во втором ряду первый справа Алексей Грацианский, второй - Сергей Королев. Киев, весна 1925 г.

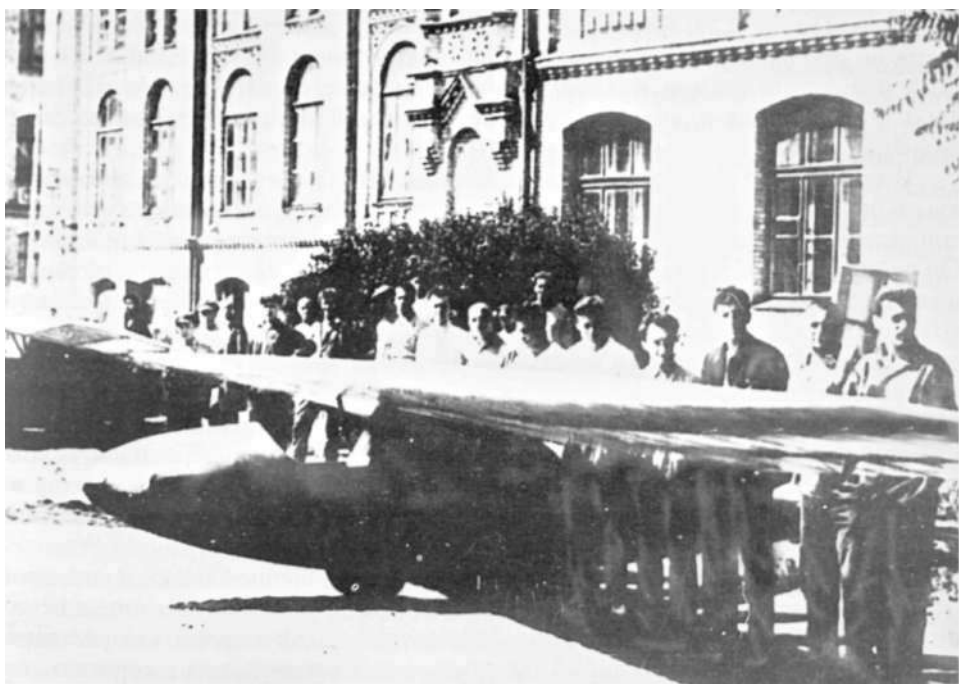
Планер «КПИ-3», в сборке которого и полетах на нем участвовал студент КПИ Сергей Королев. Киев, август 1925 г.

Группа планеристов возле учебного планера «КПИ-3». Второй справа Сергей Королев. Киев, август 1925 г.

Возле учебного планера «КПИ-3». В группе лежащих на земле крайний слева Сергей Королев. Киев, август 1925 г.

У планера во дворе КПИ. Пятый справа Сергей Королев. Киев, август 1925 г.

отстегнул ремни. Сильным ударом его выбросило из сиденья. К счастью, он отделался лишь трещиной ребра и легкими ушибами, правда, разбил наручные часы - подарок отчима к окончанию школы. Часы разбились вдребезги, но рука осталась цела. Отец отлежался несколько дней у дяди Юрия, ничего не сообщая родителям. И лишь позднее, когда поправился, со свойственным ему юмором описал этот так удачно завершившийся эпизод.

Юмор и склонность к мальчишеству не оставляли его и потом. Алексей Николаевич Грацианский, тогда студент 4 курса, а в дальнейшем известный полярный летчик, Герой Советского Союза, с которым отец сблизился во время работы в планерном кружке, вспоминал, что в ожидании своей очереди на полет отец развлекал всех хождением на руках - любимым занятием школьных лет.

Работая на сборке учебного планера, отец одновременно изучал конструкции рекордных планеров, особенно в процессе их окончательной сборки и регулирования. Прислушивался к мнениям и суждениям старших студентов, все больше и больше углубляясь в работу и увлекаясь ею.

В 1925 г. планерный кружок КПИ насчитывал около 60 человек и имел свои мастерские с тремя металлообрабатывающими и пятью деревообрабатывающими станками. К июню 1925 г. студенты отремонтировали планер «КПИР-1», который участвовал во II планерных испытаниях в Коктебеле, построили «КПИР-1-бис», «КПИ-3-учебный», «КПИР-4». Кстати, проект последнего, созданный студентами КПИ Н.А. Железниковым, В. Савинским и Д.Л. Томашевичем, получил первый приз на конкурсе в марте 1925 г. и на его реализацию ОАВУК даже выделило тысячу рублей. Планер был построен и отправлен на Шестые Ронские планерные состязания в Германии, проходившие в августе 1925 г. Это было первое зарубежное выступление наших планеристов. Пилот К.Н. Яковчук занял там второе место после Л.А. Юнгмейстера по продолжительности полета на одноместном планере. Работа Киевской планерной секции получила международное признание. На фотографиях того времени планеристы - и среди них мой отец - сняты возле своих планеров перед главным корпусом КПИ.

В том же 1925 г. отец стал делать вырезки из газет и журналов, посвященные вопросам авиации и планеризма, воздухоплавания и парашютизма, стратонавтики и ракетного дела, общественной и политической жизни страны. Он собирал и бережно хранил печатные материалы о планеристах, летчиках и авиаконструкторах, со многими из которых его в дальнейшем связывали не только служебные, но и личные отношения. При этом он отмечал издание и дату, подчеркивая наиболее важные, с его точки зрения, строчки текста или отчеркивая заинтересовавшие его места, делал заметки на полях. Он вырезал также некрологи и другую траурную информацию о погибших летчиках и планеристах, знакомых и незнакомых, смерть которых переживал как глубокое личное горе. Первая вырезка сделана им из газеты «Красная звезда» от 24 февраля 1925 г. В ней говорилось о трагической гибели военного летчика Б.В. Хведкевича, которого отец знал по Одесской морбазе.

Эти многочисленные вырезки хранились в специальной папке, купленной отцом в писчебумажном магазине конторских, чертежных и канцелярских принадлежностей А.Ю. Теуфеля на Крещатике, 20. Во время конфискации имущества после ареста отца в 1938 г. маме удалось незаметно спрятать эту очень ценную папку, благодаря чему она не была увезена вместе с другими документами, письмами, бумагами и таким образом сохранилась. В 1957-1958 гг., после запуска первого искусственного спутника Земли, отец

добавил в эту папку еще ряд вырезок, включив и свои статьи. После смерти сына Мария Николаевна передала папку в музей предприятия, где последние 20 лет своей жизни работал отец. Там все вырезки были систематизированы и переплетены в два объемистых тома заведующим отделом научно-технической информации К.Н. Козловым и его сотрудниками. Эти материалы представляют большую биографическую ценность, поскольку дают представление о круге интересов, которыми отец жил в 20-30-е годы. В феврале 1925 г. ему едва исполнилось 18 лет, но широта интересов была подстать взрослому, опытному человеку.

Весной 1925 г., незадолго до окончания первого курса отец прочитал в институте объявление о начале съемок фильма «Трипольская трагедия», куда в качестве статистов приглашалась молодежь. Это сулило дополнительный заработок и он сразу же записался в группу желающих. Снимали эпизод Гражданской войны, повествующий о расстреле киевских комсомольцев атаманом Зеленым. Реально эти события происходили в июле 1919 г. под Киевом, в Триполье, и съемки велись там же. Киевский караульный полк, в составе которого находилась большая группа комсомольцев, вступил в неравный бой с отрядом атамана Зеленого. Часть полка попала в окружение, и его бойцы были расстреляны на крутом берегу Днепра. Перед киносъемкой ребятам выдали длинные красноармейские шинели, обмотки и винтовки. Режиссер объяснил задачу. Началась «пальба». «Красные» дрались с «зелеными», повсюду были крики, дым. Отец так вошел в «роль», что чувствительно саданул кого-то из «зеленых» прикладом, и тот даже пожаловался режиссеру, что «Королев дерется по-настоящему». Ночью в сарае снимали сцену ожидания комсомольцами приговора, а утром - его исполнения. Отец, умевший хорошо плавать и нырять, прыгал за главных героев с крутого берега в Днепр, поражая всех своей смелостью. В 1966 г., когда его уже не было в живых, моя бабушка, Мария Николаевна, вспомнила об этих съемках и по ее просьбе нам показали фильм «Трипольская трагедия». Мы с трудом, но все же нашли отца среди таких же, как он, «киноартистов».

Тогда же, летом 1925 г., отец в течение полутора месяцев проходил производственную практику в Конотопском паровозном депо в качестве помощника машиниста паровоза. Наставником его был машинист И.М. Гулин. Он помогал отцу изучать паровоз и несколько раз брал с собой на линию. Иван Матвеевич вспоминал, что хотя их общение было недолгим, в памяти запечатлелись «сообразительность и внимательность ученика, жажда познать технику». Жена машиниста, Клавдия Михайловна, рассказывала, что Сергей несколько раз приходил на улицу Буденного, где они жили в небольшом уютном домике, и разговаривал с Иваном Матвеевичем. Видела она

Сергей Королев на практике после окончания первого курса КПИ. Конотоп, лето 1925 г.

Во время подготовки планеров КПИ для отправки в Коктебель. На переднем плане слева направо: К.М. Яковчук, Н.А. Железников, В. Савинский, С.И. Карацуба, Д.Л. Томашевич. На дальнем плане: (?), Н.К. Скржинский и С.П. Королев - «руки-в-боки». Киев, сентябрь 1925 г.

его и с книгами за столом возле цветника на территории депо, где занимались практиканты. Жил он в комнате для приезжих. Клавдия Михайловна там убирала и даже подкармливала ребят. Она запомнила «черноглазого, живого, скромного, просто державшегося со всеми людьми, подвижного юношу». Словом, он оставил о себе в Конотопе приятные воспоминания.

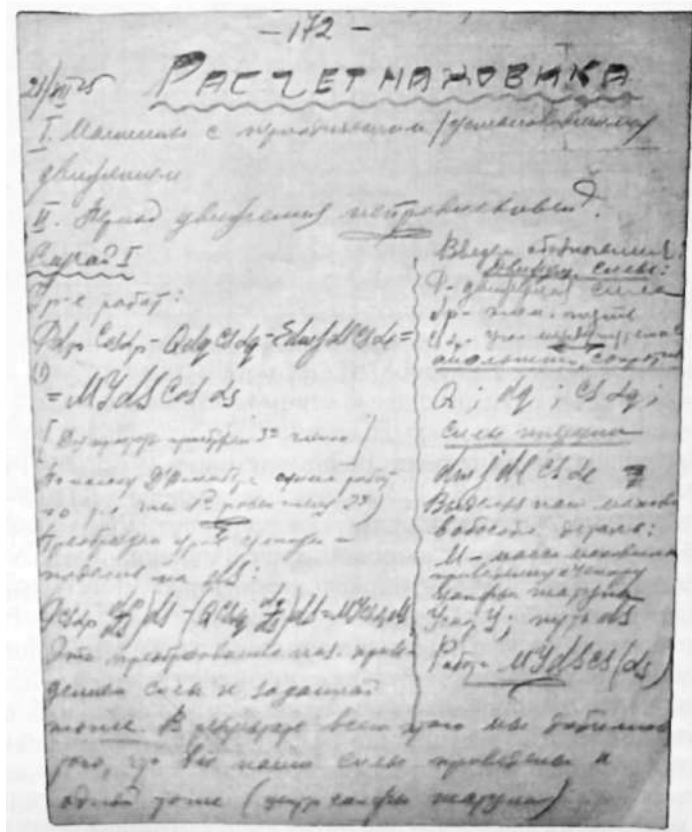
Вернувшись с практики, отец вновь с головой окунулся в работу с планерами. Темп работы был напряженным - к 10 сентября готовые к полетам планеры надо было доставить в Коктебель на гору Клементьева. Там с 27 сентября по 11 октября должны были проходить III Всесоюзные планерные состязания - так они теперь назывались. Работы было много. Часто приходилось, экономя время, ночевать в мастерских на древесных стружках, и отец оставался вместе со всеми. В последние дни он участвовал в упаковке планеров перед отправкой в Коктебель. Конечно, ему, как и прежде, очень хотелось поехать в Крым, но эта мечта вновь не сбылась. Мест оказалось мало, а планеристов, участвовавших зимой в проектировании и постройке планеров, много. Поехать смогли далеко не все достойные. На состязаниях в Коктебеле планеры КПИ проявили себя с самой лучшей стороны. На них было совершено наибольшее число рекордных полетов, и, по отзывам очевидцев, они не имели себе равных среди советских планеров.

На состязаниях вместе со студентами КПИ в составе киевской группы выступали военлеты А.Б. Юмашев и В.К. Грибовский, которые строили свои рекордные планеры в содружестве с планеристами Киевского политехнического института. В соревнованиях принимали участие и немецкие планеристы во главе с Фердинандом Шульцем, учителем из Восточной Пруссии, который 2 октября на планере «Мориц» установил новый мировой рекорд продолжительности

Тетрадь по термодинамике студента второго курса мехфака КПИ Сергея Королева. 1925/26 уч. г.

Конспект лекций по прикладной механике и термодинамике студента второго курса КПИ Сергея Королева. 1925 г.

С. Королев

СБОРНИКЪ ЗАДАЧЪ

ПО
ПРОСТРАНСТВЕННЫМЪ СИСТЕМАМЪ.

AUFGABEN-SAMMLUNG AUS DEN RAUMFACHWERKEN

СОСТАВИЛЪ И ИЗДАЛЪ

П. В. Рабцевичъ.

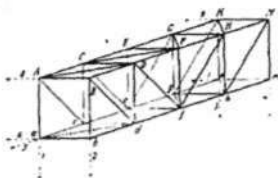
ИНЖЕНЕРЪ-СТРОИТЕЛЬ

Преподаватель Кіевскаго Политехническаго Института
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

подъ редакціей

С. П. Тимошенко

Ординарнаго Профессора Кіевскаго Политехническаго Института
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

117 задачъ, изъ которыхъ 65 съ рѣшеніями.

КІЕВЪ.

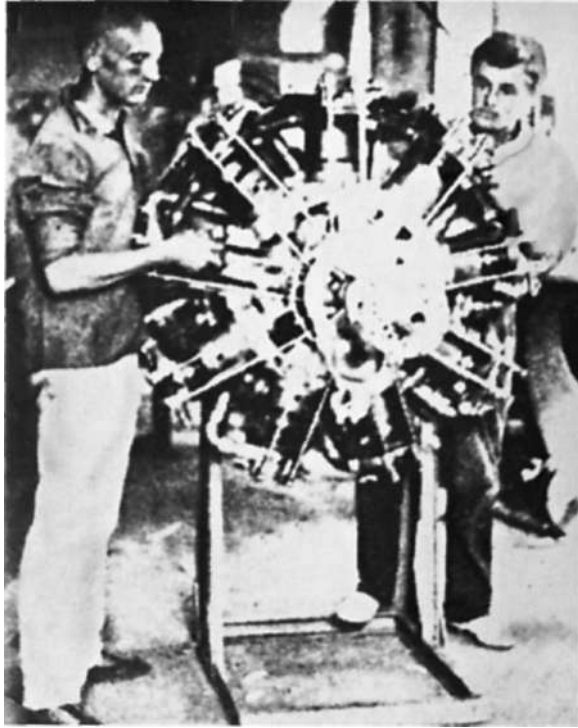
Типографія А. М. Поникарева п. у. И. И. Врублевскаго, уг. Крестъ и Б.-Бульв., № 58-2.
1911.

*Сборник задач по пространственным системам
студента второго курса КПИ Сергея Королева.
Киев, 1925/26 учебный год*

полета: он парил на своем планере 12 часов 6 минут 25 секунд. Руководитель планерного кружка КПИ К.Н. Яковчук на планере «КПИР-1-бис» продержался в воздухе 9 часов 35 минут 15 секунд, установив всесоюзный рекорд. Победителю вручили первый приз Реввоенсовета Украинского военного округа - бюст Ленина и присвоили звание «героя безмоторных полетов».

Однако радость от успешного выступления была омрачена драматическим эпизодом: в ночь с 4 на 5 октября ураган уничтожил все планеры киевской группы. Надо было начинать все сначала, а это оказалось почти невозможным, так как многие ведущие кружковцы были дипломниками, заканчивали институт и готовились к отъезду из Киева. Планеристам удалось восстановить только два планера: «КПИР-1-бис» и «КПИР-3». В работе планерного кружка наметился спад.

*В кабинете авиационных двигателей КПИ.
Сергей Королев (справа)
и П.Д. Андриенко. Киев,
1925 г.*

Между тем учеба в КПИ шла полным ходом - занятия, лекции, зачеты. В октябре 1925 г. институт проводил регистрацию студентов. Сохранилась анкета, заполненная отцом на украинском языке 27 октября 1925 г. с указанием номера студенческого билета и зачетной книжки. В анкете он пишет, что родной язык его - украинский, что зарабатывает он 20 карбованцев, стипендии не получает (на первом и втором курсах стипендию платили только рабфаковцам), а за учебу платит (уже заплачено 40 карбованцев), поскольку имеет непролетарское происхождение. Отец получал из Одессы от родителей ежемесячно 15 карбованцев, но для самостоятельной жизни этого было мало. Мария Николаевна рассказывала, как однажды он написал ей, что ему нужны башмаки. Она срочно продала за 25 карбованцев дубовый, обшитый зеленым сукном стол, стоявший в комнате сына, и послала ему эти деньги. Но то было, пожалуй, исключение. Обращаться с просьбами о помощи отец не любил смолоду. Будучи по характеру очень самостоятельным, он сразу же по приезде в Киев решил, что будет где-то подрабатывать. В ноябре 1924 г. ему удалось устроиться в Правобережное издательство газеты «Правда» разносчиком газет. Он работал там 8 месяцев и с гордостью написал об этом своей маме в Одессу: «Встаю рано утром, часов в пять. Бегу в редакцию, забираю газеты, а потом бегу на Соломенку, разношу. Так вот зарабатываю восемь карбованцев. И думаю даже снять угол».

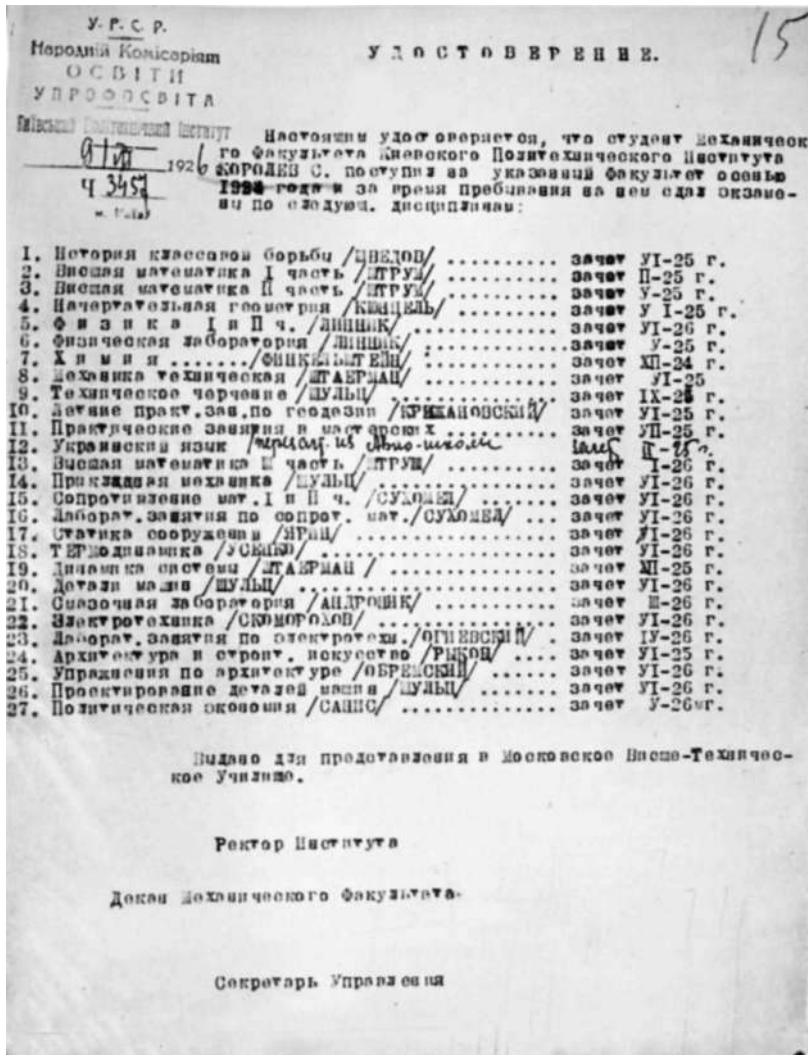
Осенью 1925 г. институт предоставил отцу общежитие на Боггоутовской улице, в доме № 25, рядом с кабельным заводом. За койку надо было платить 8 карбованцев в месяц. Денег опять не хватало, но работать где-то постоянно отец не мог - учеба и занятия планеризмом требовали много времени. Пришлось довольствоваться нерегулярным приработком: крыть крышу на здании института, какое-то время работать грузчиком на вокзале и в порту,

*Общежитие КПИ на Богготовской, 25 в Киеве.
Фотография С.И. Карацубы. 1973 г.*

*Бинокль, подаренный Сергею Королеву его бабушкой Марией Матвеевной в 1925 г.
в Киеве*

Удостоверение о сдаче Сергеем Королевым экзаменов во время учебы в КПИ. Киев, 9 июля 1926 г.

столяром в столярные мастерских КПИ. Благодаря этому удавалось иметь некоторую сумму денег, которая обеспечивала независимость и не очень шикарную, не очень сытую, но все же самостоятельную жизнь. Кое-какую поддержку оказывали и еженедельные воскресные обеды у бабушки Марии Матвеевны на Некрасовской улице. Но еще важнее было само общение с бабушкой, которую он любил и пользовался ответной любовью. Добрая, заботливая бабушка была частью его прежней домашней жизни, его родной семьи. Он уходил от нее всегда в хорошем настроении, отдохнувшим и физически, и морально. Как раз в то время Мария Матвеевна подарила внуку старинный бинокль, которым он пользовался многие годы. Важной психологической поддержкой были также поездки в Одессу, а потом в Харьков, куда летом 1925 г. переехала моя мама со своим отцом. Чувство, возникшее между моими роди-

Ректору К.Т.И.
 Студ. Королева С.П.
 Заввесе. Мехфак.

Постановлением приемной комиссии
 Высшей Московской Технической
 Школы и приняты в число
 студентов последнего курса
 ставлю Вас в известность.

27/9/26
 Кому по делу
 и следствию
 Торо

Скорее

Полковник Демис
 За № 1259 от 27/9/26

КИСЬ-А.П. :
 ИНСТИТУТ.
 27 ВЕР 1926
 № 9161

Заявление Сергея Королева ректору КПИ о переводе в МВТУ.
 Киев, 27 сентября 1926 г.

телями, с разлукой не только не угасло, но стало еще сильнее. Уже тогда они решили, что обязательно будут вместе, условившись, однако, что прежде обоим необходимо получить высшее образование.

Мама с сентября 1925 г. училась в Харьковском медицинском институте. Вдвоем с Максимилианом Николаевичем они занимали две комнаты в коммунальной квартире на Примеровской улице. Когда на праздники или каникулы приезжали из Одессы София Федоровна и Юрий Максимилианович, а из Киева - мой отец, мальчиков размещали в маминой комнате, а она перебиралась в комнату к родителям. Так как отец часто бывал в Харькове, он знал всех маминых друзей и был своим человеком в мамином доме. Когда он приезжал, они много гуляли, ходили в городской парк, зимой катались на санях.

15 августа 1925 г. Григорий Михайлович был переведен из Одессы в Москву на должность старшего инженера по механизации портов Центрального управления морского транспорта Наркомата путей сообщения. В октябре того же года в Москву переехала и Мария Николаевна. Она была очень рада этому переезду, так как к тому времени в Москве уже жили оба ее брата с семьями. Таким образом, разросшаяся семья Москаленко, за исключением Анны Николаевны, вновь собралась вместе, но уже в Москве. В столице в то время был сильнейший жилищный кризис. Баланины жили вначале в маленькой комнатухе коммунальной квартиры на Красносельской улице. Там было много соседей и очень тесно. Вскоре Юрий Николаевич нашел выход из положения - переехали в заброшенную церковь, которую поделили перегородкой на два помещения. В одном жили Мария Николаевна с Григорием Михайловичем, в другом семья Юрия Николаевича. Там отсутствовали кухня и другие удобства, но все же было лучше, чем в перенаселенной коммуналке. Под сводом церкви жили около года. В ноябре 1926 г. Юрий Николаевич помог Баланиным получить двухкомнатную кооперативную квартиру в доме № 38 на бывшей Александровской (теперь Октябрьской) улице в Марьиной Роще. Там поселился и мой отец, который осенью 1926 г. перевелся из Киевского политехнического института в Московское Высшее техническое училище (ныне им. Н.Э. Баумана).

Причиной перевода было снижение интереса к авиации в КПИ и закрытие там авиационной специальности. Отец понял, что в Киеве он более не сможет обучаться любимому делу - конструировать планеры и самолеты и летать на них. В автобиографии от 19 июня 1952 г. он пишет, что «учился на аэромеханическом отделении Киевского Политехнического института и, в связи с закрытием в КПИ этого отделения, был переведен на аэромеханический факультет МВТУ». Кроме того, в Москве теперь жили мать и отчим - его семья, которую он любил, без которой скучал, и это, несомненно, тоже возымело свое действие. В одном из писем Мария Николаевна написала ему,

Запрос МВТУ о документах студента КПИ Сергея Королева. Москва, 29 октября 1926 г.

В Московское Высшее Техническое Училище.

При сем препровождаются следующие документы бывшего студента К.П.И. КОРОЛЕВА С.П.:

- 1/ Временное свидетельство, выданное Одесской Строй-Профшколой № 1-23/УЩ-24 г. за № 601.
- 2/ Копия метрической выписи за № 3.
- 3/ Справка о прохождении стажа за № 6085.
- 4/ Удостоверение за № 2149.
- 5/ Командировочное удостоверение № 10519.
- 6/ Отношение Киевского Губпрофсовета за № 2959.
- 7/ Одна фотографическая карточка.

Ректор Института

Секретарь студдел *Сосналова*

XI - 26/

1421

Список документов студента КПИ Сергея Королева, отправленных в МВТУ Киев, 11 ноября 1926 г.

Р. С. Ф. С. Р. — Н. К. П.

МОСКОВСКОЕ ВЫСШЕЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ.
Москва, Коронный Брод, 3. ☎ Тел.: Рязань Уч. 4-30-78
Киев. 4-40-200

В КИЕВСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ.
ДЕКАНУ МЕХАНИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА.

На Ваш № _____ от _____ и/ Вх. _____ № _____ Дата 26-V-24
(Смодельте при ответе).

Содержание: Студент Мех.фак. Киевского Политехнического Ин-та КОРОЛЕВ С.П. осенью 1926 г. перевелся на Мех.фак. Московского Высшего Технического Училища. Для перезачета КОРОЛЕВУ выполненных им в КПИ графических работ по прикладной механике, необходимо представить факультету чертежи его работ. В виду этого, Мех.факультет просит Вас сделать распоряжение о занеске в МВТУ работ студента КОРОЛЕВА.

СЕКРЕТАРЬ МЕХАНИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА: *М.С. Семенов*
М. СЕМЕНОВ-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ

А. Д. Андреев
Мех.фак. МВТУ
Киевский политех. ин-т
К. П. Королев
Бюч. Корол.
Визирь
С. П. Королев
15/11-27

Запрос МВТУ о чертежах, выполненных студентом КПИ Сергеем Королевым Москва, 26 мая 1927 г.

В Московском Высшем Техническом Училище
 Довожу по почте сего дня
 студ. мехфака К. П. И.
 Н. М. Зайденяеву
 Вследствие Вашей просьбы при сем
 препровождается чертеж бывш. студента
 МВТУ Сергея Королева, состоящего ныне студентом
 КПИ.
 27-го мая 1927 г.
 Сергей Королев

Доверенность студента МВТУ Сергея Королева студенту КПИ Н.М. Зайденяеву на получение чертежей. Москва, 27 мая 1927 г.

У. Р. С. Р.
 Народный Комиссариат
 ОСВІТИ
 У П Р О С В І Т А
 В МОСКОВСКОЕ ВЫСШЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ
 УЧИЛИЩЕ
 Деканат Механического факультета
 Вследствие Вашей просьбы при сем препро-
 водается чертеж бывш. студента КПИ т. КОРО-
 ЛЕВА, состоящего ныне студентом МВТУ.
 18.06.1927
 3310
 Секретарь Управления
 /Папировный

Письмо в МВТУ, сопровождающее чертежи бывшего студента КПИ Сергея Королева. Киев, 18 июня 1927 г.

*Аудитория имени академика
С.П. Королева в КПИ.
Фотография автора. 1997 г.*

*Портрет С.П. Королева работы
заслуженного художника Украины
А.А. Горбенко в аудитории
имени академика С.П. Королева в КПИ*

*Парта студента КПИ
Сергея Королева.
Фотография автора. 1997 г.*

что, по ее сведениям, в МВТУ есть авиационное отделение и что отчим должен в скором времени получить в Москве двухкомнатную квартиру. Она тосковала по единственному сыну и намекала на возможность снова жить вместе. И отец решился. 9 июля 1926 г. он получил удостоверение о сданных им за 2 года обучения в КПИ предметах и послал его в МВТУ. Получив положительный ответ из Москвы, написал 27 сентября заявление ректору КПИ, в котором сообщил, что постановлением приемной комиссии при МВТУ принят в число студентов Училища. 29 октября из МВТУ в КПИ был направлен запрос с просьбой выслать документы бывшего студента КПИ Королева С.П., на котором 6 ноября ректор Бобров поставил свою визу. 11 ноября эти документы были отправлены в МВТУ. Однако этого оказалось недостаточно. Для перерасчета выполненных графических работ по прикладной механике МВТУ 26 мая 1927 г. просит выслать чертежи бывшего студента КПИ Королева. К этой просьбе прикладывается сопроводительное письмо от 27 мая, в котором отец пишет, что доверяет получить его чертежи студенту механического факультета КПИ Н.М. Зайденыеву. 18 июня необходимые чертежи направляются в МВТУ. На этом деловая переписка между двумя вузами, касающаяся моего отца, заканчивается. Отныне все его учебные дела связаны только с МВТУ.

Так закончился последний киевский период жизни отца. Больше на Украине он никогда не жил, хотя приезжал к моей маме в Харьков и в Донбасс, много раз бывал в Крыму, в последние годы жизни посетил Киев. Украину он любил всегда. Ему нравились мелодичная украинская речь, задушевные украинские песни. У него навсегда остались самые теплые воспоминания о прожитой в этих краях части своей жизни. Ведь здесь он сделал первые шаги на земле и в небе, здесь зародилась его первая любовь, здесь он определил путь, по которому шел в дальнейшем всю жизнь.

Я тоже очень люблю Украину. С одной стороны, с ней связана жизнь нашего рода и, возможно, во мне говорит голос крови. С другой - этот край сам по себе, независимо от семейных корней, заслуживает любви всех, кто хоть раз там побывал. Поэтому каждый приезд на Украину для меня праздник.

Проходя по ступеням жизни отца, я не раз была в Киеве - городе, где он начал самостоятельную жизнь. И, конечно, всегда старалась посетить те места, которые в той или иной степени связаны с моим отцом или нашей семьей. Очередной раз я посетила Киев в марте 1997 г. За прошедшие десятки лет многое изменилось. Нет уже старого дома на Тургеневской, куда Королевы переехали из Житомира. На его месте построен новый многоэтажный дом. Снесено здание бывшего общежития КПИ на Богоутовской - теперь это территория кабельного завода. По-прежнему стоят дома на Некрасовской, где жила семья Москаленко с 1914 г., и на Костельной. Я побывала на Лукьяновском кладбище и положила цветы на могилы моего деда Павла Яковлевича Королева, его матери и сестер, а также на территории Покровского женского монастыря, где покоится прах моего прадеда Николая Яковлевича Москаленко. В Киевском политехническом институте, где я уже бывала не один раз, состоялась встреча с ректором, преподавателями и студентами. Она прошла в аудитории № 249 главного корпуса КПИ, где чаще всего проходили занятия во время учебы здесь отца и которая с 1984 г. стала называться «Аудиторией-музеем памяти академика С.П. Королева», а затем «Аудиторией имени академика С.П. Королева». В ней создана экспозиция, посвященная жизни и деятельности отца, и висит его портрет, написанный украинским художником А.А. Горбенко. Я рассказала слушателям об отце - бывшем

*Н.С. Королева и Президент АН Украины Б.Е. Патон.
Институт электросварки им. Е.О. Патона. Киев, 1997 г.*

студенте КПИ - и посидела за партой в первом ряду, где он сидел более 60 лет назад, с волнением пытаюсь представить черноглазого юношу, жадно впитывавшего в себя поток столь необходимых ему знаний.

Незабываемая встреча произошла в Институте электросварки им. Е.О. Патона с Президентом Академии наук Украины Б.Е. Патоном и его сотрудниками. Борис Евгеньевич вспоминал встречи с моим отцом и, как всегда, отзывался о нем с большим уважением и любовью.

Приятно сознавать, что, несмотря на многие прошедшие годы и политические потрясения, имя отца живет в памяти украинского народа, который гордится им как своим национальным героем.

Итак, в ноябре 1926 г. отец переехал в Москву - город, с которым с тех пор была связана вся его жизнь. Он приехал из Киева как раз в тот момент, когда Григорий Михайлович уже получил ордер на квартиру - осталось только натереть там полы. По дороге к дому отец нашел на улице подкову и первое, что сделал, - прибил ее над дверью квартиры. Ведь по народному поверью прибитая подкова способствует тому, чтобы в дом приходили люди и все в нем было благополучно. И надо сказать, что за полвека через этот гостеприимный дом прошло немало людей.

В квартире на Александровской улице отец прожил 10 лет. Там было две комнаты: 22 м² и 18 м². Вначале в меньшей комнате располагалась спальня родителей, а отца поместили в большую комнату, служившую столовой и кабинетом. Но вскоре стало ясно, что такое размещение неудобно - к отцу приходили товарищи по учебе и работе, засиживались допоздна. Ему необходима была отдельная комната. Тогда Мария Николаевна и Григорий Михайлович перешли в столовую, а отец со своими чертежными досками и книгами расположился в меньшей комнате. В ней находились старинный буфет с резными птицами на дверцах второй половины XIX в. (из приданого бабушки Марии Матвеевны), кушетка, на которой спал отец, и небольшой письменный стол, за которым он занимался. Над столом висела увеличенная фотография моей мамы. Мария Николаевна вспоминала, как однажды сын позвал ее и, глядя на эту фотографию, сказал: «Мамочка, посмотри, какие у нее чудесные синие глаза! Ты видишь?». Она ответила, что, конечно, видит, хотя снимок был черно-белым. Бабушка знала, что глаза у моей мамы действительно синие и не хотела разрушать поэтическое настроение сына.

В большой комнате находилась привезенная из Одессы мебель: длинный широкий диван, два глубоких кресла с красным бархатным верхом, обеденный стол с шестью массивными мягкими стульями, обитыми кожей темно-вишневого цвета, книжный шкаф, вращающаяся этажерка с толстыми старинными книгами и огромный письменный стол, за которым на большом кресле обычно восседал Григорий Михайлович, уткнувшись в разложенных на столе книгах и чертежах. На стене, за его спиной, в старинной овальной раме висел искусно выполненный итальянским художником Сальватором Тончи портрет греческой красавицы Софьи Потоцкой, проданной в 13-летнем возрасте ее матерью в Турцию польскому королевскому послу и ставшей впоследствии графиней. Портрет был выполнен пастелью, потом отгравирован и воспроизводился множество раз. Его можно было встретить в старых петербургских, московских и киевских квартирах как символ красоты и женского

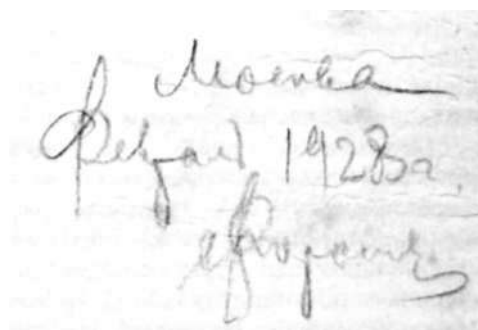
очарования. У балконной двери стояла высокая металлическая «тренога» - подставка для цветов, которые красовались на ней в удлиненной фарфоровой вазе с львиными головами и вставной внутренней емкостью для воды. На крашеном полу лежала шкура медведя.

Благодаря усилиям и вкусу Марии Николаевны квартира была очень уютной. В ней любили собираться родственники: Юрий Николаевич с Ольгой Яковлевной и дочерью Светланой, Василий Николаевич с Маргаритой Ивановной и сыном Адрианом, приходили сослуживцы Григория Михайловича, знакомые и друзья. В таких случаях отец приветствовал пришедших, но потом уходил в свою комнату и углублялся в собственные занятия, считая невозможным тратить время на то, что не имеет непосредственного отношения к его делу. Он умел трудиться в любой обстановке - при шуме, разговорах, погружался в работу целиком, ничего не видя и не слыша вокруг. Это умение сосредоточиться на своем, выработанное с ранних лет, очень помогало ему в жизни. Он любил зрительно представлять и ощущать свои конструкции. Мария Николаевна вспоминала, как однажды отец попросил ее сесть на стул, а на другом стуле вроде бы располагались необходимые приборы, и он как бы проверял удобство пользования ими. Она гордилась тем, что тоже принимает какое-то, пусть минимальное, участие в его работе.

Руководящая роль в жизни семьи безоговорочно принадлежала Марии Николаевне. Она умела вникать в интересы своих мужчин, учитывала их психологию и всегда находила такие решения трудных вопросов, которые устраивали всех.

Основное свое время отец отдавал учебе в МВТУ. Сохранилась фотография главного корпуса училища с автографом отца. Он перевелся сразу на 3 курс аэромеханического отделения механического факультета, так как много общих предметов прошел в КПИ. Училище поразило его своей грандиозностью. Это было более старинное, чем КПИ, учебное заведение, имевшее почти столетнюю историю. Оно основано в 1830 г. как ремесленное училище для «подготовки искусных мастеров с теоретическими сведениями» на базе Московского воспитательного дома и занимало здание слободского двorca, построенного в середине XVIII в. на берегу Яузы. Во время войны 1812 г. дворец сгорел. В 1826 г. знаменитому архитектору Д. Жилярди было поручено перестроить бывший дворец под Московское ремесленное учебное заведение. Здание переоборудовали и отреставрировали. До сих пор изумляют красотой сохранившиеся кое-где сводчатые потолки и арки, чугунная решетка и белокаменные львы, а также два красивых зала - Актный и для заседаний Ученого совета. Все работы были закончены к 1830 г. С 1860 г. учебное заведение стало называться Императорским московским техническим училищем, а в 1868 г. получило статус высшего учебного заведения с механическим и химическим факультетами. В 1917 г. появилось новое название: Московское высшее техническое училище (МВТУ) - с последующим присвоением ему в 1930 г. имени российского революционера Н.Э. Баумана, убитого в 1905 г. в этом районе черносотенцем. В 1918 г. в училище были открыты новые факультеты - электротехнический и инженерно-строительный, а в 1925 г. на механическом факультете организовано аэромеханическое отделение, в 1930 г. преобразованное в аэромеханический факультет, на базе которого в том же году был создан Московский авиационный институт.

С годами авторитет училища непрерывно возрастал, и оно прочно заняло место ведущего технического учебного заведения страны, крупнейшего центра научно-технической мысли. В течение почти полувека (1874-1921) в

*Главный корпус Московского высшего
технического училища.
Фотография начала XX в.
Надпись на обороте*

МВТУ преподавал выдающийся русский ученый Николай Егорович Жуковский, основоположник современной гидроаэродинамики, «отец русской авиации». Его труды по аэродинамике явились фундаментом, на котором строилось обучение студентов аэромеханического отделения. По инициативе Н.Е. Жуковского в декабре 1918 г. недалеко от МВТУ был создан Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), первым руководителем которого он стал и в котором после окончания училища работал отец. Н.Е. Жуковскому принадлежат мудрые слова, начертанные на памятнике у его дома-музея на улице Радио, 17: «Человек полетит, опираясь не на силу своих мускулов, а на силу своего разума». Н.Е. Жуковским была основана крупнейшая научно-конструкторская школа страны. Выдающиеся представители ее - А.Н. Туполев, В.П. Ветчинкин, Б.С. Стечкин, Б.Н. Юрьев, А.М. Черемухин и другие - преподавали в МВТУ.

Андрей Николаевич Туполев, известный авиаконструктор, академик, генерал-полковник-инженер, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, сам окончил МВТУ. Вместе с Н.Е. Жуковским он был организатором ЦАГИ и в 1918-1935 гг. являлся за-

местителем руководителя института. В 1922 г. он сформировал в составе ЦАГИ и возглавил конструкторское бюро, занимавшееся созданием тяжелых сухопутных и морских, боевых и гражданских самолетов, торпедных катеров и аэросаней. Значительная часть жизни моего отца связана с этим замечательным человеком, который был его учителем, руководителем дипломного проекта, наставником, наконец, товарищем по несчастью в тяжелые предвоенные и военные годы во время работы в так называемой «Туполевской шарашке».

Владимир Петрович Ветчинкин, ближайший ученик и продолжатель работ Н.Е. Жуковского, крупный специалист в области аэродинамики, самолетостроения и ветроэнергетики, доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, преподавал динамику полета самолета, а также теорию и расчет гребных винтов. В.П. Ветчинкин всячески способствовал развитию планеризма в России. В начале 20-х годов он читал лекции слушателям курсов планеризма, в 1921 г. с его участием был создан планерный кружок «Парящий полет». В 1923 и 1924 годах он возглавлял техническую комиссию на I и II Всесоюзных планерных испытаниях в Коктебеле. Отец тесно взаимодействовал с ним, особенно после организации Группы изучения реактивного движения, которой В.П. Ветчинкин оказывал консультативную помощь.

Борис Сергеевич Стечкин, известный ученый в области гидроаэромеханики и теплотехники, создатель теории воздушно-реактивных двигателей, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, также преподавал в МВТУ. Отец слушал его лекции, а в годы заключения находился вместе с ним в ЦКБ-29 НКВД и в дальнейшем имел с ним многочисленные деловые контакты.

Посещение лекций в МВТУ не было обязательным, но большинство их были настолько интересными и полезными, а материал преподносился так увлекательно, что аудитории, как правило, оказывались переполненными. Методика преподавания на аэромеханическом отделении предусматривала, помимо лекций, еще и практические занятия, в том числе в лабораториях находившегося по соседству ЦАГИ. Работе в ЦАГИ придавалось не меньшее значение, чем учебе. Благодаря возможности свободного посещения занятий многие студенты успевали подрабатывать на различных заводах, приходя только на особо важные лекции или для сдачи зачетов. Отец, который, стремясь к самостоятельности, работал с юных лет и в Одессе, и в Киеве, вплоть до отъезда в Москву, первое время полностью отдавался учебе. Он старался вжиться в новый для него коллектив, быть в курсе всех дел и начинаний. И только в мае 1927 г., уже освоившись с учебой в МВТУ и московской жизнью, поступил работать конструктором на авиационный завод № 22 в Филях, так как хотел практически осваивать свою будущую специальность и, кроме того, уже привык иметь заработанные собственным трудом деньги. На этом заводе до 1926 г. строились самолеты Юнкерса, а с 1927 г. завод начал выпускать самолеты конструкции А.Н. Туполева.

В первые же дни своей учебы в МВТУ отец узнал, что в Москве работает планерная школа. Оказалось, что начальником ее является студент того же факультета Владимир Титов. Отец сразу же разыскал его и записался на летное отделение. Эта первая московская школа летчиков-планеристов была создана по инициативе планерной группы авиационной секции Общества друзей воздушного флота (ОДВФ), организованного весной 1923 г. В тот период молодое советское государство решало задачу массовой подготовки

кадров для авиации, притом в кратчайшие сроки и при наименьших затратах. Тогда и была одобрена идея отбора лиц, годных к летной службе, через обучение на планерах, а для этого следовало сначала подготовить необходимое число инструкторов-планеристов. Московская планерная школа положила этому начало. 27-летний В.М. Титов стал студентом МВТУ после демобилизации из Красной армии. С детства он увлекался математикой и физикой, а слушая лекции профессора Н.Е. Жуковского, был покорен ими и решил посвятить свою жизнь авиации. Будучи уже студентом, он в 1922-1923 гг. принимал участие в постройке планера в планерном кружке МВТУ. В 1923 г. его командировали от МВТУ в планерную группу авиасекции ОДВФ, которая поручила ему организацию обучения инструкторов планерного дела. В январе 1925 г. школа начала работать.

Московская планерная школа была организована на общественных началах. Все, от ее начальника и его помощника до преподавателей и инструкторов-летчиков, зарплаты за свою работу не получали. Теоретические занятия в здании аэродинамической трубы МВТУ и работа в производственных мастерских проходили ежедневно в нерабочее время с 18 часов 30 минут до 22-23 часов. Вначале школа располагалась в подвале дома на углу Орликова переулка и Садово-Спасской улицы, 19. В дальнейшем, в связи с расширением ее деятельности, а популярность школы с каждым годом росла, ей предоставили просторное помещение в Никитниковом переулке. Здесь силами курсантов и преподавателей были оборудованы классы для теоретических занятий и производственные мастерские. На занятиях изучались основы теории летания. Лекции по аэродинамике планера читал тогда один из ведущих инженеров ЦАГИ Н.Н. Фадеев. Несмотря на загруженность основной работой, он все свое свободное время отдавал планерной школе и еще вел занятия по постройке планеров в руководимом им планерном кружке МВТУ.

Другим лектором по аэродинамике был В.Г. Фролов, изобретатель, автор ряда научных трудов, тоже работавший инженером в ЦАГИ. Практические занятия по аэродинамике вел С.И. Афанасьев - один из инженеров, работавших в то время в ЦАГИ над проблемой устойчивости полета самолетов. При школе имелось и конструкторское отделение, где занятия по теории прочности и по проектированию планеров вели Д.Н. Колесников и Д.А. Ромейко-Гурко - высококвалифицированные инженеры, работавшие в конструкторском бюро А.Н. Туполева. Все эти люди проявляли удивительное трудолюбие - ведь после основной работы они еще вечерами ежедневно по 5-6 часов занимались с курсантами планерной школы. Это были энтузиасты, видевшие цель жизни в передаче своих знаний будущим летчикам и конструкторам. Они отдавали школе все свободное время, даже выходные и отпускные дни, так как школа работала без перерывов. В производственных мастерских школы курсанты строили новые и ремонтировали старые учебные планеры. Работа шла под руководством слушателя Воздухоплавательной школы ГВФ Ф.М. Дубака, который вел еще и большую административную работу, выполняя обязанности помощника начальника школы.

Обучение полетам проводилось на так называемых летных станциях. Одна из таких станций, начавшая функционировать в ноябре 1926 г., находилась в Горках Ленинских. Ее «хозяйство» включало деревянный ангар, где хранились планеры, и избу местного крестьянина дяди Вани, возившего эти планеры по снегу на дровнях к горе и иногда подкармливавшего планеристов после полетов горячей картошкой. Место для планерной станции выбирали долго и оно оказалось удачным. Здесь имелась подходящая горка с ровной

площадкой перед ней, да и добираться от находившейся неподалеку железнодорожной станции было удобно. Занимались по выходным, с раннего утра до позднего вечера, в любую погоду. Занятия не прерывались и зимой, даже при морозах ниже 20°C. Чтобы в стужу не обморозить лицо, смазывали его вазелином или глицерином.

Кроме планерной школы, увлеченные авиацией студенты старших курсов МВТУ организовали АКНЕЖ - Аэродинамический кружок имени Николая Егоровича Жуковского, целью которого стало изучение проблемных вопросов развития авиации. При АКНЕЖ была создана даже своя библиотека с авиационными журналами и книгами. Разумеется, отец сразу же в этот кружок записался. В декабре 1926 г. АКНЕЖ организовал экскурсию в Ленинград для ознакомления с его достопримечательностями. Отец никогда не бывал в этом городе и очень обрадовался такой возможности. Он принимал активное участие в организации поездки и был назначен старшим группы. Тогда и произошло его знакомство с будущим другом и единомышленником Петром Васильевичем Флеровым.

П.В. Флеров учился на том же факультете МВТУ, но на втором курсе, ранее они друг друга не знали. Позднее Флеров вспоминал и образно описывал первую встречу с моим отцом на Ленинградском вокзале: «К месту сбора группы подошел молодой человек в демисезонном пальто, картузе и каких-то обрабатывающих на себя внимание глубоких калошах». Это и был мой отец. В поезде он как руководитель группы пошел посмотреть, как все устроились, и разговорился с П.В. Флеровым. Оказалось, что у них много общего: оба бредили авиацией и приобщились к ней с 15 лет, оба помогали механикам обслуживать самолеты, оба уже летали и даже попадали в аварии. Отец посоветовал новому знакомому поступить в планерную школу, в которой занимался сам. Договорились в ближайшее после Нового года воскресенье поехать в Горки Ленинские. П.В. Флерову занятия в планерной школе понравились, и с тех пор они всегда ездили туда вместе. Однажды отец пригласил П.В. Флерова домой. Из комнаты вышла Мария Николаевна, а ей тогда еще не было сорока и она выглядела очень молодо. Петр Васильевич подошел к зеркалу, поправил волосы и сказал: «Сергей! Познакомь же меня со своей девушкой!» - «Это моя мама», - последовал ответ. Я помню, как Петр Васильевич, описывая эту сцену, говорил, что был поражен, увидев, какая молодая и красивая у Сергея мать.

Летная станция в Горках успешно работала уже около двух месяцев, когда было назначено ее официальное открытие. Это произошло 22 января 1927 г. Вблизи деревни Белеутово, где стоял ангар, из простых досок сколотили трибуну. На торжество приехали высокие гости, в том числе заместитель наркомвоенмора С.С. Каменев, командующий Московским военным округом Г.Д. Базилевич, а также представители Осоавиахима. Все это говорило о большом значении, которое придавалось тогда планеризму как важному этапу в освоении полетов на самолетах.

В день открытия станции заведующий воздухоплавательной школой Осоавиахима инструктор В.Г. Гараканидзе задумал перелететь из Москвы в Горки на аэростате объемом 300 м³, построенном под его руководством. Таким образом он решил отметить начало Первого Всесоюзного съезда Авиахима, которому собирался подарить свое детище. Для облегчения аэростата он полетел без корзины, разместившись на дощечке, прикрепленной к основанию шара, а так как полет предполагался непродолжительным, не взял с собой ни часов, ни компаса, ни карты. Однако в Горках подарка не дождались. Из-за сильного шквалистого ветра аэростат не смог приземлиться и продер-

жался в воздухе 15 часов, пройдя расстояние в 702 км. Аппаратуры связи он не имел, и первое известие от В.Г. Гараканидзе было получено лишь 28 января, когда все уже считали его погибшим. Газета «Известия» 29 января 1927 г. рассказала об этом полете в статье Еф. Бабушкина «Еще одна победа». «Вечерняя Москва» 31 января отметила: «По мнению авторитетнейших специалистов воздухоплавания, тов. Гараканидзе установил этим полетом мировой рекорд продолжительности и дальности полета для аэростата подобной кубатуры». Вырезки из этих газет хранились моим отцом в его личной папке.

После официального открытия летная станция стала работать еще более интенсивно. В распоряжении энтузиастов были четыре планера. Вначале ученикам, или, как их тогда называли, «учлетам», предстояло летать на «Пегасе» - простейшем учебном планере, подаренном нашим парителям немецкими планеристами в 1925 г. на состязаниях в Коктебеле. Аппарат не имел кабины - планерист садился на дощечку, пристегивался широким поясом и ставил ноги на педали. После освоения полетов на «Пегасе» учеников переводили на планер «Мастяжарт», построенный в 1923 г. в кружке при мастерских тяжелой артиллерии - отсюда и название планера. Автором его был всемирно известный в будущем авиаконструктор Сергей Владимирович Ильюшин, создатель знаменитых «Илов» - штурмовых, бомбардировочных и пассажирских самолетов, - академик, генерал-полковник инженерно-технической службы, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР. Планер «Мастяжарт» участвовал в I Всесоюзных планерных испытаниях в Коктебеле в 1923 г., а сам С.В. Ильюшин был председателем оргкомитета II ВПИ в 1924 г.

Для обучения планеристов в Горках использовали и другие учебные планеры: «Закавказец» конструкции А.В. Чесалова, изготовленный по заданию Закавказского Авиавиахима для международных планерных испытаний в Германии в 1925 г., и «Старайся вверх» конструкции Д.А. Ромейко-Гурко, на котором летали очень редко.

Отцу нравилось летать на планерах. Он говорил Марии Николаевне, что испытывает ни с чем не сравнимое наслаждение, когда отрывается от земли и летит, даже если это продолжается всего несколько секунд. По отзывам очевидцев, он летал уверенно, спокойно, может быть немного резковато, но выдержанно.

В начале марта 1927 г. в планерной школе состоялся экзамен, в связи с которым туда снова приехало начальство из Осоавиахима. Планеристы должны были подняться на планере «Мастяжарт», сделать два разворота и сесть. Вызывали по алфавиту и ко всеобщему удовольствию с заданием справились все. После этого в Мосоавиахиме учлетам выдали дипломы пилотов-планеристов.

«ДИПЛОМ

Выдан настоящий диплом ученику планерных курсов МОСОАВИАХИМА тов. Королеву, успешно закончившему теоретическое обучение на курсах и летную практику на Планерной станции имени Ленина МОСО АВИАХИМА в дер. Белеутово.

Тов. Королевым совершено 24 полета общей продолжительностью в 5 мин 43 сек без всяких поломок планеров.

Комиссией по проверке испытаний курсантов-планеристов тов. Королев был признан достойным получить звание ПИЛОТА-ПЛАНЕРИСТА

Председатель	МОСО	АВИАХИМА	/Базилевич/
Ответствен,	секретарь	МО АХ	/Черницкая/
Председатель	авиа-спорт. секции		/Межак/».

Д И П Л О М.

Выдан настоящий Диплом ученику Планерных курсов
МССО АВИАХИМА тов. *Королеву* успешно
закончившему теоретическое обучение на курсах и лет-
ную практику на Планерной Станции имени "ЛЕНИНА" МССО
АВИАХИМА в дер. Белеутово.

Тов. *Королеву* совершено *24* поле-
тов, общей продолжительности в . . . *5* . . . мин. *43* с.
без всяких поломок планеров.

Комиссией по проверке испытаний курсантов-плане-
ристов тов. *Свистун* был признан
достойным получить звание ПИЛОТА - ПЛАНЕРИСТА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МССО АВИАХИМА *Трусов* / НАЗЛЕГ ИЧ /
ОТВЕТСТВЕН. СЕКРЕТАРЬ МОАХ *Аншун* / ЧЕРНИЦАЯ /
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ АВИА-СПОРТ. СЕКЦИИ *Минаев* / МЕНАК /

Свидетельство Сергея Королева о получении звания пилота-планериста. Москва, 1927 г.

Этот документ в числе других был конфискован после ареста отца в 1938 г. 27 января 1977 г. Комитет Государственной безопасности СССР передал его Мемориальному музею космонавтики в Москве.

Но вернемся в 1927 год. В середине марта снег начал таять и полеты в Горках пришлось прекратить - земля «аэродрома» предназначалась под пашню. Надо было искать новое место. Его нашли у станции Красково Казанского направления железной дороги. Посадочная площадка там была хуже, но зато гора выше. Ангара строить не стали, а хранить планеры решили в разобранном виде в сараях местных жителей. Официальное открытие станции состоялось 18 марта 1928 г. После короткого митинга были проведены показательные полеты. Об этом писала «Рабочая газета» 20 марта 1928 г., поместив коллективную фотографию планеристов Моисеева, Флерова, Толстых, Люшина и Королева на фоне летящего планера. Аналогичное сообщение с

фотографией напечатал журнал «Огонек». Вырезки из этих изданий отец сохранил в своей личной папке.

В Красково тренировались в основном на «Пегасе» и «Мастяжарте», реже использовали «Закавказец». Обучение полетам в Горках Ленинских и в Красково проводили такие известные летчики, как К.М. Венслав, Д.А. Кошиц, В.А. Степанченко, А.Б. Юмашев и Л.А. Юнгмейстер. С каждым из этих замечательных людей в той или иной степени была связана в дальнейшем жизнь моего отца. Особенно теплые отношения сложились у него с Д.А. Кошицем, В.А. Степанченко и А.Б. Юмашевым. Дмитрий Александрович Кошиц - военный летчик-испытатель, планерист - в 1930 г. испытывал самолет «СК-4», созданный отцом в качестве дипломного проекта. Василий Андреевич Степанченко - известный летчик-испытатель - в 1930 г. выполнил «мертвые петли» на планере «Красная Звезда» конструкции моего отца. Андрей Борисович Юмашев был для моих родителей не только выдающимся летчиком-испытателем, рекордсменом мира по полетам с грузом на предельные высоты, генерал-майором авиации, Героем Советского Союза, совершившим в 1937 г. вместе с М.М. Громовым и С.А. Данилиным беспосадочный перелет через Северный полюс в Америку, но еще и хорошим товарищем, нашим соседом по даче.

В Красково работали инструкторами и бывшие курсанты Московской планерной школы - А.А. Сеньков, Е.А. Грунауэр, М.Ф. Романов, А.В. Козлов и другие. Много полезных рекомендаций получили курсанты от легендарного летчика-испытателя и планериста К.К. Арцеулова, который провел с ними несколько показательных занятий. К Константину Константиновичу Арцеулову отец относился с особым уважением. Внук замечательного художника-мариниста И.К. Айвазовского, он сам прекрасно рисовал и мог стать известным художником. Однако его с раннего детства влекло небо и он посвятил себя авиации. Будучи исключительно смелым человеком, К.К. Арцеулов прославился еще в 1916 г., первым в России выполнив преднамеренный штопор на самолете. Особенно велика его роль в развитии отечественного планеризма. В 1921 г. он стал руководителем планерного кружка «Парящий полет», в 1922 г. сконструировал и построил планер «А-5», получивший высокую оценку специалистов. Именно по инициативе К.К. Арцеулова в Коктебеле с 1923 г. стали проводиться Всесоюзные слеты планеристов, в ходе которых он испытывал как свои конструкции, так и планеры других конструкторов, установив при этом ряд рекордов высоты, дальности и продолжительности полета. В 1923 г. К.К. Арцеулову был вручен диплом пилота-парителя № 1. В 1929 г. он первым испытал в полете планер «Коктебель», созданный моим отцом и С.Н. Люшиным.

К.К. Арцеулов, Л.А. Юнгмейстер, Д.А. Кошиц и В.А. Степанченко разработали программу учебных полетов на планерах и подробную методику обучения полетам, устав планерной школы и программы теоретических занятий. Преподаватели и инструкторы поддерживали в школе крепкую дисциплину. За пропуск двух занятий без уважительной причины курсант подлежал отчислению. И, надо сказать, моральный дух и настрой курсантов были таковы, что за восемь лет работы Московской планерной школы (1925-1933) такое случалось лишь дважды. В тот период на летных станциях не произошло ни одной катастрофы, не было ни одного случая травматизма. Это говорит о высокой культуре подготовки и проведения полетов - ведь через школу прошли многие сотни курсантов. За годы своей работы Московская планерная школа выпустила целый отряд летчиков-инструкторов планеризма. Они разъеха-

лись по стране и принялись на местах создавать планерные кружки, строить планеры и обучать новых планеристов. Окончили школу и те, кто занимался на конструкторском отделении. Школа помогла им выбрать направление деятельности и специальность. Немало выпускников школы стали известными в дальнейшем летчиками и конструкторами. Среди них заслуженный летчик-испытатель, заслуженный мастер спорта СССР, Герой Советского Союза, лауреат Государственной премии СССР Сергей Николаевич Анохин, установивший множество мировых и всесоюзных рекордов и выполнивший на планере все фигуры высшего пилотажа; летчик-испытатель Игорь Иванович Шелест - автор популярных книг «С крыла на крыло» и «Лечу за мечтой»; замечательный мастер планерного спорта, сама подготовившая сотни планеристов, рекордсменка Союза, летчица Маргарита Карловна Раценская; создатель многоместных планеров и их снаряжения, использовавшихся в Великой Отечественной войне, известный конструктор авиационной и ракетно-космической техники, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, лауреат Ленинской премии Павел Владимирович Цыбин, много лет в дальнейшем работавший вместе с моим отцом; конструктор планеров и авиеток, создатель первого в нашей стране экспериментального самолета с носовым колесом шасси Игорь Павлович Толстых, семья которого дружила с нашей семьей, а также другие известные конструкторы авиационной и оборонной промышленности.

Работа школы постоянно находилась в поле зрения командования армии. Так, на параде школы 2 мая 1931 г. присутствовали начальник Военно-воздушных сил РККА Петр Ионович Баранов и будущий (с 1932 г.) председатель ЦС Осоавиахима Роберт Петрович Эйдеман.

Многое о работе планерной школы в 30-х годах мне довелось узнать от ее бывшего начальника В.М. Титова. Я встречалась с Владимиром Михайловичем в 1989 г. у него дома в Жуковском. Несмотря на преклонный возраст, он еще работал в ЦАГИ и порадовал меня прекрасной памятью, собранностью и человеческим обаянием. В.М. Титов с удовольствием рассказывал о Московской планерной школе, хотя к тому времени прошло 56 лет, как она перестала существовать, вспоминал, что выполняя обязанности начальника школы, сразу обратил внимание на курсанта Королева, выделявшегося своей деловитостью и активностью. Он не устраивал «перекуров», использовал каждую минуту для изучения планера, на котором летал, отличался хорошей памятью, задавал многочисленные вопросы преподавателям и инструкторам, хотел в совершенстве постичь искусство полета и не оставлял мечты о создании планера своей конструкции. Однажды отец обратился к В.М. Титову с просьбой посоветовать, где бы получить консультацию по расчету и конструированию планеров. Тот направил его в конструкторское отделение школы, которое отец посещал затем до 1929 г.

Меня приятно удивило, что, оказывается, в 1947 г. В.М. Титов, который к тому времени уже забыл о существовании Королева, неожиданно получил от него приглашение приехать в Конструкторское бюро. Отец радушно встретил гостя, показал цех, где собирали первую баллистическую ракету, и предложил ему должность начальника отдела по исследованию аэродинамики ракет. Владимир Михайлович был поражен масштабами производства, но от предложения отказался - в то время он работал над проблемами аэродинамики в ЦАГИ. В 1957 г. отец снова пригласил его, показал межконтинентальную ракету, сборку первого спутника и снова предложил должность начальника экспериментального аэродинамического отдела. Владимир Михайло-

вич, к тому времени уже почти 30 лет работавший в ЦАГИ, вновь отказался, но был тронут вниманием бывшего ученика.

В то время, когда отец переехал из Киева в Москву, мама продолжала учиться в Харьковском медицинском институте. Они и раньше регулярно переписывались, а теперь, когда из-за расстояния и занятости встречи стали редкими, письма писались чаще. Мама рассказывала отцу о своем житье-бытье, об учебе и познании таинств медицины, а он описывал ей свою жизнь в столице и в каждом письме приглашал в гости, обещая показать много интересного. И вот в 1927 г., в зимние студенческие каникулы, мама впервые приехала в Москву. Приехала вместе с Софьей Федоровной, которая побоялась отпустить свою девятнадцатилетнюю дочь одну. Разместились в квартире Марии Николаевны. В меньшей комнате, на кушетке отца, спала Софья Федоровна, там же на раскладушке - моя мама, а отца временно перевели на кухню. Каждый день мои родители гуляли по Москве, которая поразила маму своими несравнимыми с Харьковом масштабами. Мама вспоминала о грандиозном впечатлении, которое произвел на нее Храм Христа Спасителя. Побывали они в Охотном ряду, где еще работали торговые лавки, поднялись оттуда мимо Иверской часовни на Красную площадь. У Белорусского вокзала отец показал маме Триумфальную арку, и она удивилась, что сквозь ее узкий проем проходит двухпутная линия трамвая. Но самое большое впечатление произвел на маму Большой театр. Первым спектаклем, который им удалось посетить, была опера СС Прокофьева «Любовь к трем апельсинам». Билеты купить было почти невозможно. Отец достал места на «кукушке» - ложе последнего яруса над сценой. С высоты были видны только оркестр да огромные шляпы актеров. В антракте отцу удалось договориться с контролером бельэтажа, откуда было видно намного лучше. В филиале Большого на Большой Дмитровской улице слушали «Севильского цирюльника» Д. Россини. Ну и, конечно, отец сводил маму в Аэрохиммузей (ныне - Центральный дом авиации и космонавтики им. М.В. Фрунзе). Он разместился в здании бывшего загородного ресторана «Аполло» на Красноармейской улице. Официальное открытие его состоялось 18 января 1927 г. В музее было представлено большое количество натуральных экспонатов: 4 самолета, авиамоторы, парашюты, планер, построенный немецким инженером Отто Лилиенталем и полученный из Германии стараниями Н.Е. Жуковского, предметы воздухоплавательной техники, химическое, авиационное и наземное вооружение. Отец водил маму по залам музея, открывая ей неведомый дотоле мир. Он с увлечением рассказывал о планерной школе, о том, что уже сам летает, что хочет построить свой планер, а затем и самолет. И говорил так горячо, что у нее не возникало сомнений в том, что все это сбудется. Слушая отца, мама еще раз убедилась, что авиация стала главным смыслом его жизни и что он в этом абсолютно уверен, несмотря на свои только что исполнившиеся 20 лет. В те дни они строили совместные планы на будущее - пожениться после окончания учебы, но до этого было еще далеко, и пока решили провести вместе хотя бы часть летних каникул. А поскольку в сентябре в Коктебеле планировались IV планерные состязания, в которых отец непременно хотел участвовать, договорились встретиться в Крыму. С мечтами о будущих встречах они и расстались - каникулы кончились, пора было вновь приниматься за учебу.

Весной 1927 г. в жизни большой семьи Москаленко произошло важное событие: Мария Николаевна и ее братья Юрий и Василий построили небольшой дом, вступив в только что созданный в Барвихе, в 25 км от Москвы,

*Сергей Королев. Москва, весна 1927 г.
Фотография В.Н. Москаленко*

дачно-строительный кооператив «Новь». С тех пор в летний период братья и сестра со своими семьями ежегодно снова оказывались под одной крышей, как когда-то в Нежине. И это очень сблизило, соединило их самих, их детей, а впоследствии внуков и правнуков.

Место для дачного строительства было выбрано по предложению Юрия Николаевича, который с 1923 г. снимал комнату в одном из домов деревни Барвиха для своей маленькой дочери Светланы. Под застройку была отведена опушка и часть соснового леса на возвышенности недалеко от Москвы-реки, между деревней Барвиха и железнодорожной станцией Раздоры. До революции там располагались владения Зачатьевского женского монастыря. В этом красивейшем уголке Подмосковья летом 1927 г. вырос поселок - в основном из

фанерных построек и нескольких срубов. На нашем участке площадью 60 соток установили бревенчатый дом, привезенный Григорием Михайловичем из Архангельской губернии, из тех мест, где он когда-то учительствовал. Отец тоже участвовал в общей работе - помогал разгружать бревна и собирать дом. Его разделили на две равные части - между старшим братом и сестрой, а младшему брату сделали небольшую пристройку и отвели второй этаж. Марии Николаевне теперь принадлежала 19-метровая комната в торцевой стороне дома, обращенной на северо-запад, и открытая терраса. Дом отапливался дровяной печью и не имел никаких удобств. На участке соорудили общую кухню и летний водопровод. Вода подавалась из артезианской скважины водоканалом - она и поныне сохранилась в поселке.

Из Москвы на дачу добирались поездом, который ходил редко и шел больше часа. В воскресные дни из-за большого скопления людей, приехавших гулять в лесу и купаться в Москве-реке, уходящие в Москву вечерние поезда были переполнены. Усовская ветка железной дороги, построенная в 1920 г., имела довольно крутой профиль между станциями Ромашково и Барвихой. Осилить такой подъем маломощный паровоз с перегруженным составом не мог. Поэтому он доставлял в Барвиху вначале передние вагоны, а затем возвращался за остальными. В поселке устроили волейбольную площадку, и когда отец приезжал с работы, то обычно быстро перекусывал и шел играть. Волейбол он очень любил с юношеских лет. Играли сначала на нашем участке, потом на даче у инженера П.С. Дурново. Волейбольная команда поселка иногда выезжала на состязания с командами деревни Усово или Барвихинского детского дома, расположенного недалеко в бывшей усадьбе барона Майендорфа. Участвовал в этих состязаниях и мой отец. Другим его увлечением было купание в Москве-реке. Иногда он брал с собой своего маленького двоюродного брата Адриана.

Дачный кооператив в то время представлял собой единую семью, в которой все помогали друг другу и старались сделать что-то полезное для всех. Были построены общественные кухня и столовая, оборудована детская площадка, организован пионерский отряд, разбит общественный сад, устраивались вечера отдыха с чаем и пирогами, самодеятельностью и маскарадами. Юрий Николаевич принимал участие в строительных работах, Василий Николаевич - в озеленении поселка, его жена Маргарита Ивановна вместе с Марией Николаевной организовали общественную библиотеку. Одним словом, с 1927 г. жизнь отца и всей семьи была тесно связана с дачей.

В начале сентября 1927 г. отец стал готовиться к поездке в Крым на IV Всесоюзные планерные состязания. Наконец-то сбылась его мечта: он заслужил право участвовать в слете наравне с другими планеристами. По дороге в Коктебель он заехал в Алупку, где отдыхала моя мама со своими родителями. Они снимали там комнату на самом берегу моря. Отец жил у них 5 дней. Он и мама гуляли по Алупке, любовались Воронцовским дворцом и парком, совершали прогулки в Симеиз. Оба любили ходить пешком и жадно впитывали в себя все новое - ведь в этих местах они были впервые. Много купались в море, заплывали вдвоем далеко от берега. А вечерами сидели на скалах, любуясь морем, небом, звездами, - любили это с детства. Еще в Одессе, будучи школьниками, они нередко проводили свободное время на «диком» пляже Пересыпи - лежали на песке и подолгу смотрели на полеты чаек.

Пять дней пролетели как один миг. Вновь пришла пора расстаться: мама уехала в Харьков, отец - в Коктебель. После беззаботного времяпрепровождения в Алупке начались сосредоточенные коктебельские будни. Утром приходилось рано вставать, быстро завтракать в столовой и ехать на мажарах (телегах, запряженных волами) на гору Узун-Сырт, или Клементьева, как она

IV Всесоюзные планерные состязания в Коктебеле. Установка палаток на горе Клементьева. Сентябрь 1927 г.

Упланера И.П. Толстых и С.Н. Люшина "Мастяжарт-3". Сергей Королев крайний слева. Коктебель, сентябрь 1927 г.

теперь называлась. Гора находилась в семи километрах от поселка и протянулась на 7,5 км с запада на восток. Она имела форму подковы и вместе с Баракольской впадиной образовывала словно бы чашу. Такая конфигурация благоприятствовала возникновению восходящих воздушных потоков, столь важных для полетов планеров. Рассказывали, что К.К. Арцеулов, прогуливаясь как-то по Узун-Сырту вместе со старожилом Коктебеля, известным поэтом Максимилианом Волошиным, в какой-то момент предложил ему бросить вверх шляпу. К удивлению Волошина, шляпа не упала, а взлетела ввысь, подхваченная невидимыми потоками воздуха. По инициативе Арцеулова, возглавлявшего безмоторный центр в Обществе друзей воздушного флота, для планерных состязаний и было выбрано именно это место. Когда в Коктебель стали приезжать планеристы, М.А. Волошин всячески помогал им, а Арцеулову подарил свою акварель с видом Узун-Сырты и надпись: «Дорогому К.К. Арцеулову, зачинателю Узун-Сырты». Эта акварель теперь хранится в Доме-музее Волошина в Коктебеле.

На горе отец вместе с другими планеристами устанавливал палатки и собирал планеры. Все приходилось делать самим, но ни у кого не возникало вопроса: «А почему это должен делать я?» Планеристы любили свое дело и были готовы работать день и ночь, бескорыстно помогая друг другу. Общее настроение подъема и воодушевления нарушали тогда только многократно повторявшиеся толчки землетрясения, пугавшие своей непредсказуемостью. Особенно неприятно было находиться в доме, под крышей, которая представляла в той ситуации не защиту, а опасность. Самые сильные толчки произошли уже в первую ночь. Одноэтажный кирпичный дом, в котором поселили моего отца, их выдержал, а стена национализированной каменной дачи в центре поселка, на втором этаже которой жили планеристы С.Н. Люшин, В.К. Гри-

*Участники IV планерных состязаний на берегу Черного моря.
Пятый слева Сергей Королев. Коктебель, сентябрь 1927 г.*

бовский и А. Н. Павлов, дала трещину. Дом оказался непригодным для жилья, и С Н . Люшина переселили к отцу. Они узнали друг друга, поскольку ранее виделись на занятиях в планерной школе, и оба обрадовались соседству. С того времени началась многолетняя дружба двух Сергеев - энтузиастов и единомышленников. Люшин тоже учился в МВТУ, но был на 5 лет старше и опытнее: он уже участвовал в планерных состязаниях в Коктебеле и имел планеры собственной конструкции. Иногда вечерами они гуляли по берегу моря, делясь своими планами, проектами, мечтами. А планов у обоих было много и все казались осуществимыми - ведь молодость не знает преград.

Участниками IV Всесоюзных состязаний были планеристы из разных городов страны. Они привезли свои планеры: из Москвы - «Мастяжарт» и «Закавказец», а также «ИТ-4» конструкции И.П. Толстых, «АВФ-20» А.С Яковлева, «КиК» А.А. Сенькова, «Г-2» В.К. Грибовского, «Дракон» Б.И. Черановского, «Жар-птицу» М.К. Тихонравова, В.С. Вахмистрова и А.А. Дубровина, из Киева - старый «КПИР». Приехали со своими летательными аппаратами планеристы из Харькова, Белгорода, Симферополя, Воронежа, Смоленска. По сравнению с III состязаниями планеров было меньше - семнадцать. Правильность расчетов аппаратов и их готовность к полетам проверяла техническая комиссия, в состав которой входили опытные авиационные инженеры, а председателем в течение нескольких лет был С.В. Ильюшин. Руководил состязаниями начальник ВВС Московского военного округа И.У. Павлов.

Не все всегда шло гладко. Однажды руководство решило провести пробные полеты с южного склона Узун-Сырта на планере «ИТ-4». Но день оказался неудачным - планеристы летели всего несколько метров и садились. Не смог полетать и мой отец. Будучи очень самолюбивым, он не на шутку огорчился. В последующие дни успешно летали на «Мастяжарте», уже ставшем

Участники IV планерных состязаний у штаба планеристов. В верхнем ряду второй справа - С.П. Королев. В центре второго сверху ряда - Е.А. Грунауэр. В центре второго снизу ряда - И.У. Павлов (прикрылся рукой), справа от него - С.В. Ильюшин, слева (через одного, в майке) - И.П. Толстых. В третьем ряду снизу (слева от мальчика, закрывшего лицо рукой) - С.В. Гризодубов. Коктебель, 1 сентября. 1927 г.

У планера А.С. Яковлева «АВФ-20». Слева направо: Карапалкин, И. Крысинов, С.П. Королев, В. Ефимов, И. Гродзянский, А.А. Сеньков (инструктор), С.Н. Люшин, К.М. Венслав (инструктор), П.В. Флеров, М. Моисеев. Коктебель, сентябрь 1927 г. Эта фотография и сейчас находится на стене домашнего кабинета отца в Останкино

родным в планерной школе. Отец воспрянул духом, к нему вернулись обычные спокойствие и уверенность.

Официальное открытие состязаний состоялось 18 сентября, но с утра в тот день, к огорчению участников и многочисленных зрителей, подул сильный ветер, что сделало полеты невозможными. Однако позже ветер стих, все пошло успешно и даже был установлен рекорд дальности полета: К.М. Венслав на «Жар-птице» пролетел 15 км и сел на окраине Феодосии. Всеобщий интерес вызвали полеты В.К. Грибовского на его планере «Г-2» - с нижнего старта у подножия горы до верхнего старта на ее вершине и от горы Узун-Сырт до штаба состязаний в центре Коктебеля.

Полеты проходили днем, а вечерами молодость брала свое. После ужина планеристы спешили на дачу, где жили три девушки: Галина Беликова, Екатерина Грунауэр и Валентина Гризодубова с отцом Степаном Васильевичем и матерью Надеждой Андреевной. У них был граммофон и можно было танцевать или слушать музыку. Потом шли к морю, любовались лунной дорожкой, купались, а затем возвращались на дачу, где Надежда Андреевна устраивала чай с сухарями и коржиками. И снова танцевали.

Степан Васильевич Гризодубов известен как авиаконструктор, изобретатель и летчик, один из организаторов Осоавиахима Украины и Крыма и основателей планеризма в нашей стране. Валентине было всего два года, когда отец поднял ее в воздух на своем самолете. Это стало началом крылатой жизни будущей знаменитой летчицы, Героя Советского Союза и Социалистического Труда Валентины Степановны Гризодубовой. Она говорила, что небо для нее приблизил планер. С 1924 г. Валентина с отцом и матерью ежегодно приезжала на Всесоюзные планерные слеты в Коктебель и сама летала на планерах.

Отец познакомился с Гризодубовыми в Коктебеле в 1927 г. Валентина Степановна вспоминала, что ее родители с первой встречи отнеслись к нему с большой симпатией. Он всегда старался помочь младшим, особенно девушкам, и казался им таким взрослым, самостоятельным, хотя был старше их всего на 3-4 года. На фотографиях того времени запечатлены многие будущие выдающиеся конструкторы и летчики-испытатели. Среди них - мой отец, еще юноша, в белых брюках, белой рубашке и белой кепке. Кто бы мог подумать тогда, что знакомство с В.С. Гризодубовой сыграет важную роль в трудный период жизни нашей семьи. Первая женщина - Герой Советского Союза, совершившая в 1938 г. вместе с М.М. Расковой и П.Д. Осипенко беспосадочный перелет от Москвы до Дальнего Востока на самолете «Родина», приложила немало усилий для пересмотра дела отца после его ареста.

15 октября 1927 г. состязания в Коктебеле завершились и планеристы разъехались по домам. Об этих, первых в жизни отца соревнованиях парителей у него осталась память на всю жизнь. Напоминают об этом и фотографии, одну из которых он повесил в кабинете своего останкинского дома: группа молодых ребят сфотографирована в сентябре 1927 г. у планера А.С. Яковлева «АВФ-20».

Вскоре после возвращения из Коктебеля, в октябре 1927 г., возобновились тренировки в Красково. Летали на «Мастязарте» и «Закавказце». В ноябре 1927 г. планерной школе ко всеобщему восторгу ее учеников передали самолет «Анрио» - двухместный французский аппарат с двигателем мощностью 80 лошадиных сил. Ученик садился впереди, а инструктор - им был К.М. Венслав - сзади. Однако полетать на этом «чуде техники» удалось

*Сергей Королев. Харьков, лето 1928 г.
Фотография Ю.М. Винцентини*

из выходных дней поехали в Красково и она впервые увидела, как он летает на планере. Ей было страшно за него и в то же время сердце наполнялось гордостью: он, Сергей, самый близкий друг, которого любит ее и которого любит она, так смел и решителен. Каникулы пролетели быстро. Мама уехала в Харьков, отец с головой ушел в учебу и работу. Летом 1928 г. отец выкроил несколько дней, чтобы съездить в Харьков. К тому времени он сильно загорел и подарил маме свою фотографию с надписью: «Негр из средней Африки, случайный родственник».

После долгих разговоров с мамой на медицинские темы профессия врача представлялась отцу очень важной и престижной. Ему казалось, что с усиками, да еще в широкополой шляпе, он сам похож на доктора. В августе 1928 г. он презентовал свою фотографию Марии Николаевне с надписью: «Дорогой маме на память от ее сына «доктора»».

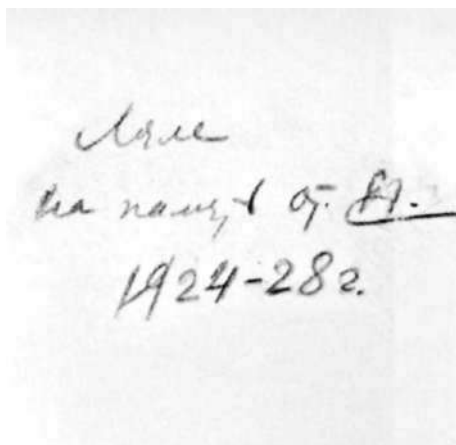
В сентябре 1928 г. отец вновь поехал в Коктебель на V Всесоюзные планерные состязания. По дороге он, как и в прошлом году, встретился с мамой, которая отдыхала со своими родителями в доме отдыха «Вилла роз» в Алуште. И опять выкроенные для краткого отдыха дни были заполнены разговорами о планеризме и медицине, осмотром достопримечательностей и купанием в море. Они пролетели как одно мгновение. Отец уехал в Коктебель, а маме оставил на память свою фотографию в летной форме с надписью: «Ляле на память от Сергея. 1924-1928 г.» Слово «Сергея» он заменил стенографическим знаком.

Состязания 1928 г. были скромнее предыдущих - привезли всего десять планеров. Руководил ими, как и в 1927 г., начальник ВВС Московского военного округа И.У. Павлов. Отец поселился в одной комнате с П.В. Флеровым. С.Н. Люшина пригласил к себе М.А. Волошин. Жили на самом берегу моря и вечерами после полетов всей гурьбой бежали купаться. Питались в частной столовой бывшего шеф-повара «Его Императорского Величества» с импера-

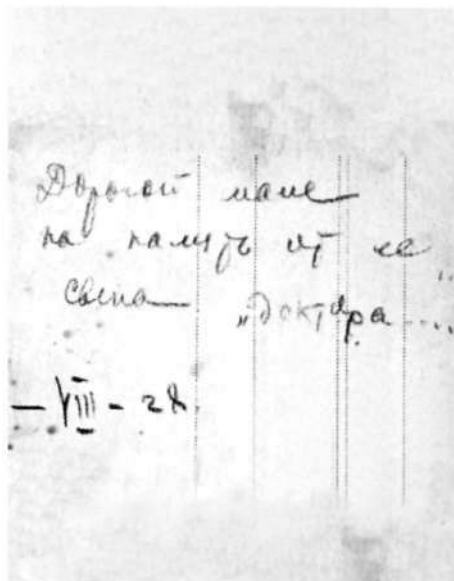
лишь несколькими счастливым, так как мотор у него был старый и быстро «забарахлил». Самолет увезли в ремонт и больше его никто не видел.

По выходным отец вместе с товарищами тренировался в Красково на планерах. Остальные дни были заняты учебой в МВТУ, работой на заводе и занятиями в конструкторском отделе школы - он твердо решил сконструировать и построить собственный планер.

Зимой 1928 г. во время студенческих каникул в Москву из Харькова приехала моя мама, теперь уже одна. Отец встречал ее на вокзале. Как и в прошлом году, она остановилась на квартире у Баланиных. Разговору не было конца. Мама рассказывала о своей учебе, о харьковской жизни, отец - о планерах и самолетах, о своих планах и мечтах. Как и прежде, они много гуляли по Москве, а в один

Сергей Королев. Москва, 1928 г.

Сергей Королев. Москва, август 1928 г.

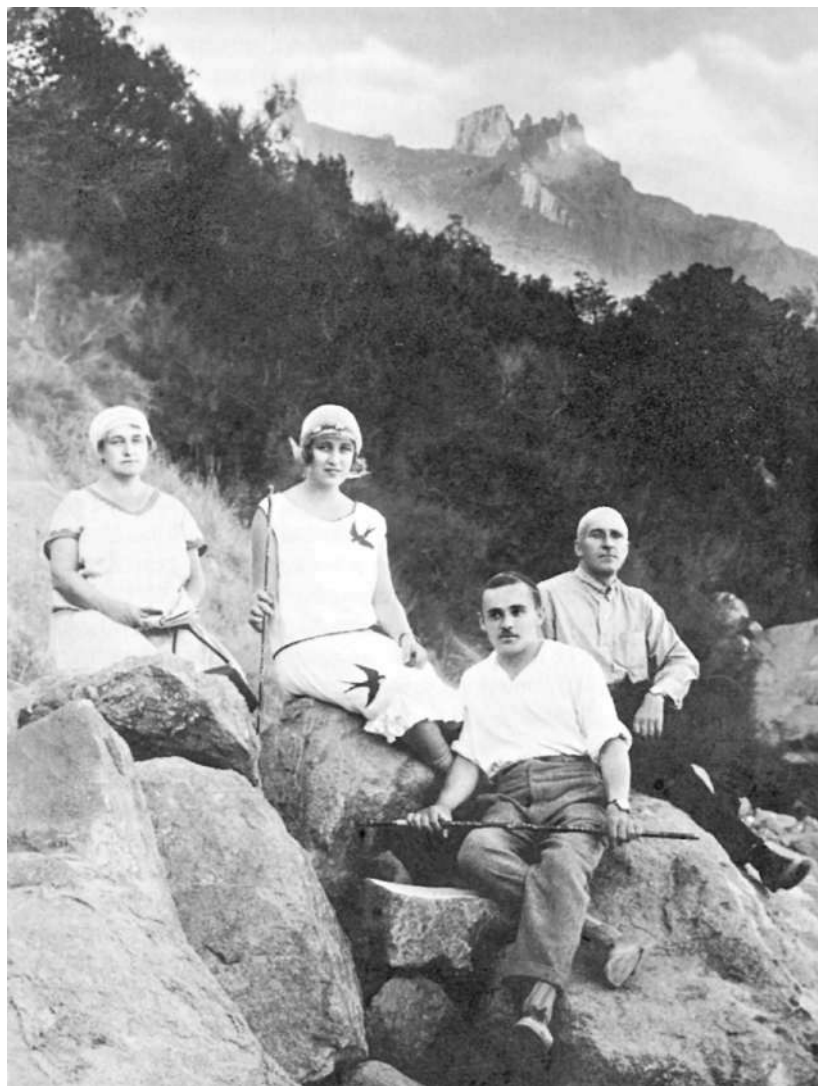
торской яхты «Штандарт». Кормили там сытно и вкусно. На гору теперь ездили не на волах, а на грузовике. Наверху установили большую самолетную палатку, в которой хранили планеры. Планеристов разделили на группы по 10 человек. Отец оказался вместе со своими друзьями - Петром Флеровым и Сергеем Люшиным. Их группе предоставили два планера: учебный «КиК» конструкции А.П. Сенькова - для тренировок и «Дракон» Б.И. Черановского - для полетов с верхнего старта и обучения парению. Полет обычно продолжался полторы-три минуты, а везти планер наверх приходилось около часа. Так что за день удавалось полетать один, редко два раза. Но высота полетов была достаточно большой - около 200 м, и полеты производили на планеристов сильное впечатление. Инструктором группы, в которую был включен отец, оказался

Сергей Королев в гостях у Ксении Винцентини в Харькове. Лето 1928 г. Фотография Ю.М. Винцентини

Шуточный снимок: будущий врач Ксения Винцентини у постели «больного» Сергея Королева. Харьков, лето 1928 г. Фотография Ю.М. Винцентини

Сергей Королев с семьей Винцентини. Слева направо: Софья Федоровна, Ксения, Сергей, Максимилиан Николаевич. Алушка, сентябрь 1928 г. Фотография Ю.М. Винцентини

Василий Андреевич Степанченко, работавший вначале в Качинской летной школе под Севастополем, а затем в Московской планерной школе, - очень опытный летчик и инструктор, один из самых одаренных наших планеристов. Ребята были им довольны, хотя он отличался строгостью и требовал неукоснительного соблюдения дисциплины. Полеты в первый день на «КиК» оказались для всей группы неудачными. Планеристы приуныли, но возлагали надежды на «Дракон». На следующий день подул подходящий северный ветер и Степанченко опробовал этот планер, однако группу вновь посадил на «КиК» - хотел еще раз оценить летную подготовку планеристов. В один из дней ветер резко усилился. Метеостанция в Феодосии предсказывала ураган. Необходимо было

срочно разобрать планеры и укрыть их в овраге. В этой сложнейшей ситуации проявились, по воспоминаниям С.Н. Люшина, организаторские способности моего отца, который, работая наравне с другими, расставил всех по местам и наладил четкую и дружную эвакуацию планеров. Не разобрали и оставили в палатке только «КиК», отчасти из-за недостатка времени, отчасти - умышленно, в надежде избавиться от него и летать на «Дракон». Так и произошло. На следующее утро ураганный ветер стих и все помчались на гору. Укрытые в овраге планеры были невредимы, а на полу рухнувшей под напором ветра палатки лежала груда обломков «КиК». Целый день ушел на восстановительные работы - вновь ставили палатки, собирали планеры, приводили все в порядок. На ночь на горе оставили дежурных и на следующий день полеты возобновились. В.А. Степанченко выбрал для своей группы старт у подножия северного склона горы. Он перегнал туда «Дракон», объяснил ученикам особенности пилотирования этого планера, а потом стал вызывать их по списку для полетов. Все волновались - ведь на этом планере они еще не летали, но вскоре волнения закончились: управлять «Драконом» было явно легче, чем «КиК». Когда вся группа завершила полеты, В.А. Степанченко выбрал новый старт - на четверти склона, на следующий день еще выше - с половины склона. И вот наступил момент, которого с нетерпением ждали все, - можно было стартовать с вершины Узун-Сырты и парить над землей. Ветер этому благоприятствовал. Радостному волнению не было границ. П.В. Флеров вспоминал, что отец, которому выпало лететь раньше него, приземлившись, не преминул поделиться чувствами «первооткрывателя»: «До чего же красив Узун-Сырт сверху! Ты и представить себе не можешь!». В этот день отец ощутил, что планер ему послушен, подчиняется его воле, что он может стать пилотом-парителем. Но чтобы доказать это, нужно было в течение не менее 25 минут совершить полет выше старта и сесть на точку взлета. Это было еще впереди, но казалось теперь вполне реальным. Однако на следующий день один из участников состязаний повредил «Дракон», совершив неудачную посадку на склоне. Планер требовал серьезного ремонта и полеты группы пришлось прекратить. Но все же планеристы возвращались в Москву удовлетворенными, горячо обсуждая достижения и неудачи соревнований. Достижениями являлись два всесоюзных рекорда дальности и высоты, установленные А.Б. Юмашевым на планере «Гамаюн» конструкции М.К. Тихонравова, В.С. Вахмистрова и А.А. Дубровина. Дальность от точки взлета до места посадки по прямой составила 14 км, высота над точкой взлета - 375 м. На этих состязаниях отец окончательно утвердился в своем желании построить к следующим состязаниям собственный планер и летать на нём.

В октябре 1928 г. отец, будучи студентом 5 курса МВТУ, был назначен начальником конструкторской бригады Всесоюзного авиаобъединения и перешел работать на авиационный завод № 28 на Красной Пресне. Летом 1928 г. завод был отдан под производственную базу французскому авиаконструктору Полю Ришару, которого пригласили в Москву с группой конструкторов для постройки гидросамолета - «торпедоносца открытого моря» (ТОМ). Его конструкторское бюро располагалось в Столярном переулке. Здесь начинали свой путь замечательные авиаконструкторы: О.К. Антонов, Г.М. Бериев, М.И. Гуревич, Н.И. Камов, С.А. Лавочкин. В течение полутора лет отец работал на заводе, а практически - у Поля Ришара. Между ними установились хорошие, дружеские взаимоотношения и однажды Ришар с женой даже были у отца дома. К тому времени Мария Николаевна как раз окончила французское отделение Высших курсов иностранных языков при Государственной библиотеке иностранной литературы с присвоением квалификации переводчика, так что

ей объясняться было легко. Пили чай и беседовали. Разговор с мадам Ришар шел в основном о жизни в СССР и во Франции, с Ришаром - о проблемах самолетостроения. Отец, немного говоривший по-французски, принимал в разговоре живейшее участие. Мария Николаевна вспоминала, что это был интересный и приятный вечер.

Самолет Ришара в серию не пошел и в 1930 г. он вернулся домой. Много лет спустя, в июне 1965 г., уже всемирно известный авиаконструктор О.К. Антонов, привезя на очередной авиасалон во Францию свой «Антей», повстречал там своего бывшего «шефа». Вспомнили Столярный переулочок, молодость, старых знакомых. Ришар сказал, что знает про своих знаменитых молодых коллег, но вот о Сереже Королеве ничего не слышал, а жаль, ведь подавал надежды, талантливый был парень. Антонов смущенно молчал, не имея права

*Сергей Королев в летной форме.
Москва, 1929 г.*

открыть секрет, кем на самом деле стал бывший сотрудник Ришара.

Заслуженный изобретатель РСФСР Г.М. Можаровский вспоминал, как в 1930 г. он попал в КБ Ришара и был направлен в бригаду отца. Первым делом тот повел новичка в макетный зал, где были представлены фанерные макеты всех проектируемых гидросамолетов, и не просто рассказал об этих конструкциях, но и провел их критический анализ. Г.М. Можаровского поразило, как глубоко разбирается в сложных специальных вопросах его юный наставник, лишь недавно окончивший МВТУ. Как-то он сказал отцу, что представляет себе его руководителем большого конструкторского бюро, где все будут одеты в белые халаты. Тогда отец рассмеялся, но предсказание сбылось, и через много лет, когда он водил давнего знакомого по своему КБ, оба с удовольствием вспоминали его пророчество.

В конструкторское бюро Ришара в конце 1928 г. был переведен на работу и С.Н. Люшин. Друзья были очень рады этому. При первой же встрече заговорили о планеризме. Оказалось, что С.Н. Люшин тоже мечтает о собственном планере. И тогда они решили, что будут делать его вместе, притом не учебный планер, а паритель. Отец не любил ничего откладывать на завтра. В тот же день после работы поехали к нему домой. Мария Николаевна встретила их приветливо. Она много слышала от отца о его друге Сергее. Поужинав, оба Сергея закрылись в комнате отца, которая с того дня стала походила на небольшое конструкторское бюро. Каждый вечер они обсуждали здесь проект будущего планера - летные данные, прочность, надежность конструкции. Хотелось, чтобы их планер был во всех отношениях лучше существующих, чтобы мог развивать большую скорость и был легко управляемым. Их представления были близки, поэтому дело двигалось довольно быстро. Они отдавали проектированию все свободное время. Их всегда видели вместе и называли «Сережа черный» и «Сережа рыжий», так как отец носил черную кожаную куртку, а Люшин - коричневую.

Сергей Королев. Москва, март 1929 г.

Надпись на обороте

Работа над планером шла полным ходом, но отцу было этого мало. Его не оставляла мечта научиться управлять самолетом. И наконец она стала сбываться. Ранней весной 1929 г. началось обучение планеристов полетам на самолете в спортсекции при Академии воздушного флота. Отец прошел медкомиссию и попал в группу обучающихся, где, кроме него, было пять человек. С.Н. Люшина не пропустили из-за врожденной атрофии дельтовидной мышцы правой руки, и он очень огорчился, но моему отцу все же удалось уговорить председателя спортсекции С.И. Стоклицкого разрешить ему летать. П.В. Флерова медкомиссия тоже забраквала, и он устроился при учебной группе мотористом. В ангаре Академии будущие пилоты увидели самолет, на котором им предстояло летать. Это был старенький «У-1», копия английского «Авро-504 К», с мотором мощностью в 120 лошадиных сил, но уже после капитального ремонта. Под руководством механика предстояло подготовить самолет к полетам. На складе Академии учлетам выдали летное обмундирование: брезентовое пальто на меху, теплые кожаные шлемы с вмонтированными в них переговорными устройствами, очки, теплые перчатки с крагами и унты. Переодевались в Академии (Петровском дворце), а затем шли на другую сторону Ленинградского шоссе на аэродром, находившийся на Ходынском поле. Летали по выходным дням, так как в будни все работали, а темнело в начале весны еще довольно рано. Отцу очень нравилось пилотировать самолет, но главным своим делом в то время он все же считал постройку задуманного им вместе с С.Н. Люшиным планера. К этому периоду относится фотография (на ней отец с усиками - для солидности), которую он подарил Марии Николаевне с надписью: «Март 1929 года. Москва. На память маме».

Наконец проект планера был готов, проверен техкомиссией и вынесен на обсуждение авиационной секции Осоавиахима. Авторы доложили особенности конструкции и ответили на многочисленные вопросы. Вскоре проект был утвержден и выделены деньги на постройку. Но вначале необходимо было

*Сергей Королев со своим
двоюродным братом
Адрианом Рудомино.
Москва, весна 1929 г.
Фотография В.Н. Москаленко*

*Сергей Королев на даче
в Барвихе. Лето 1929 г.*

подготовить рабочие чертежи. Сами авторы сделать это не могли - нехватало времени. Пригласили двух конструкторов: отец - Павла Семенова, Люшин - Петра Дудукалова. В одной небольшой комнате разместиться всем было невозможно и работу разделили пополам. Люшин с Дудукаловым разрабатывали чертежи крыла и оперения у Сергея дома, отец и Семенов занимались фюзеляжем и системой управления в квартире на Александровской. Чертили все лето с утра до ночи. Мария Николаевна и Григорий Михайлович жили на даче. Отец иногда приезжал туда. В комнате отца в Москве рядами стояли столы и чертежные доски, все лишнее было вынесено. На стене висел изготовленный им плакат: «Кончив дело, не забудь уйти (Убирайся!)». Как-то Мария Николаевна приехала с дачи домой и ужаснулась. На полу и на столах - россыпи тертой резинки, повсюду окурки папирос и табачный пепел. Отец курил мало, но Семенов не выпускал папиросу изо рта. Мария Николаевна немедленно поставила на стол пепельницу, а у дверей веник и совок - намек на то, что нужно соблюдать чистоту. Познакомилась она и с чертежником Семеновым. Это был франтоватый человек с приятной внешностью. Запомнился его экстравагантный костюм в ярко-огненную клетку с большим галстуком. Однажды состоялся интересный разговор. Мария Николаевна спросила, почему бы ему не пойти учиться, ведь, по словам сына, он знающий и способный чертежник. Семенов ответил, что не считает нужным получение высшего образования, так как зарабатывает больше любого инженера, не неся при этом никакой ответственности, и вообще он хочет жить в свое удовольствие. Что можно было возразить? У каждого своя шкала ценностей и своя логика.

Жизнь отца и Сергея Люшина была в то время очень напряженной: работа на заводе, учебные полеты, создание планера. Утром отец ехал на завод, а вечером - либо на аэродром, либо в мастерские, где строился планер. Металлические детали изготавливали в мастерских Академии воздушного флота, деревянные - в деревообделочных мастерских трамвайного парка им. Петра Щепетильникова на Лесной улице. Именно в этом трамвайном парке был организован в 1924 г. планерный кружок во главе с Петром Клементьевым и здесь был построен его планер АВФ-11 «Комсомолец», на котором он погиб во время II ВПИ в Коктебеле в том же году. Однако трагедия не остановила кружковцев, энтузиастов планерного спорта. Они построили новый учебный планер «Морлет Клементьев» АВФ-28, который успешно участвовал в III Всесоюзных планерных состязаниях в Коктебеле в 1925 г.

К концу лета 1929 г. все детали планера изготовили и можно было приступить к его сборке. Но где? Нашли место на охраняемом складе пиломатериалов на Беговой улице. Собирала планер бригада опытных сборщиков завода «Дукс», работавшая по вечерам. Одновременно другая бригада там же занималась сборкой планера Б.И. Черановского «Гном». Отец и С.Н. Люшин старались каждый день забежать на Беговую, чтобы увидеть свое детище. Надо было успеть закончить сборку к началу состязаний в Коктебеле, намеченных на октябрь. Но и полеты на аэродроме оставить или сократить было нельзя, тем более что летом самолетной группе дали постоянного инструктора - Дмитрия Александровича Кошица, сразу ставшего всеобщим любимцем. Помимо профессиональных качеств, а это был прекрасный военный летчик, он отличался жизнерадостностью, оптимизмом и неиссякаемым чувством юмора, знал массу анекдотов и смешных историй. Но самое главное - талантливо учил своих питомцев управлять самолетом, в том числе входя с ними в штопор и доверяя им по мере возможности весь полет от взлета до посадки. В итоге все научились

летать самостоятельно. Отец был счастлив. Самому управлять уже не безмоторным планером, а самолетом - что может с этим сравниться! Подчиняя себе крылатую машину, он получал истинное наслаждение - ведь сбылась мечта его детства. Но это было только начало. Кошиц стал обучать учеников высшему пилотажу, включая в программу такие фигуры, как «мертвая петля», переворот через крыло и «бочка». Он хотел, чтобы учлеты почувствовали себя настоящими пилотами, умеющими не растеряться в любой обстановке. С того времени Кошиц стал не только наставником отца, но и очень близким ему человеком.

Сборка планера на Беговой подходила к концу, когда вдруг оказалось, что в мастерских Академии воздушного флота утеряны некоторые важные металлические детали и, главное, их чертежи. Вскоре все нашлось, но драгоценное время было упущено. Наверстать отставание можно было только за счет более интенсивной работы сборщиков. И тогда отец пришел к рабочим и сумел так объяснить им цель и важность работы, что они почувствовали себя не просто исполнителями, но и соавторами. Вместе продумали порядок оставшихся операций и организацию труда. В результате сборка планера была закончена вовремя. Быть убежденным в наивысшей важности своего дела и уметь убедить в этом других людей, заразить их своей энергией и организовать их труд - эти качества были присущи отцу смолоду и помогали ему во многих жизненных ситуациях. В напряженные дни осени 1929 г. он привлек к работе даже Марию Николаевну. Как-то поздно вечером вернувшись домой, он попросил ее поехать вместе с ним, захватив большие иголки и крепкие нитки. Нужно было срочно обшить крылья планера перкалем, так как завтра его предстояло отправить в Крым. Она поехала с сыном на Беговую и, вооружившись длинной иглой, до глубокой ночи старательно обшивала каждое крыло. По предложению С.Н. Люшина новенький планер назвали

*Транспортировка планера «Коктебель» на старт.
В центре - С.П. Королев. Коктебель, октябрь 1929 г.*

Планер «Коктебель» в полете. Пилот - К.К. Арцеулов.
Коктебель, октябрь 1929 г.

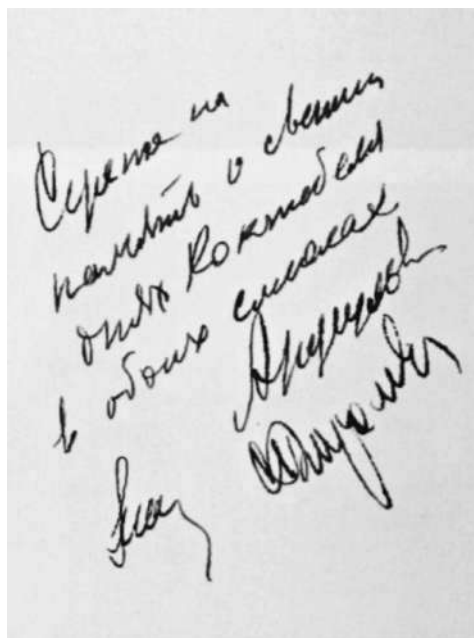
Первый взлет
планера «Коктебель»
1929 г.

Орлом О.К. Антонова

Надпись О.К. Антонова на обороте

У планера «Коктебель» после первого полета. Слева направо: Сергей Королев, Сергей Люшин, Константин Константинович Арцеулов. Коктебель, октябрь 1929 г. Фотография П.В. Флерова

Надпись на обороте с автографами Арцеулова, Королева и Люшина

«Коктебель» - в честь того места, где ежегодно проводились планерные состязания. Он был красив и изящен, но любоваться им долго не пришлось. На следующий день планер разобрали, отвезли на Курский вокзал и погрузили на платформу товарного состава, следовавшего в Крым.

Официальное открытие VI Всесоюзных планерных состязаний было назначено на 6 октября 1929 г. На этот раз соревновались 22 планера. Отец с С.Н. Люшиным приехали в Коктебель заранее. Оба очень волновались - ведь они впервые выступали на состязаниях в качестве не только планеристов, но и конструкторов. Как поведет себя их детище в полете? Оправдает ли возложенные на него надежды?

Сергей Королев у планера «Коктебель». В кабине планера - Сергей Люшин. Коктебель, октябрь 1929 г. Фотография О.К. Антонова

Сергей Люшин (слева), Сергей Королев (в кабине планера «Коктебель»), Константин Константинович Арцеулов. Коктебель, октябрь 1929 г. Фотография О.К. Антонова

*Сергей Королев в кабине
планера «Коктебель».
Коктебель, октябрь 1929 г.
Фотография О.К. Антонова*

*Сергей Королев
и инструктор планеризма
Н.И. Макаров. Коктебель,
октябрь 1929 г.
Фотография В.Э. Тюккеля*

С прибытием планеров начались привычные коктебельские будни. Нужно было собрать и подготовить планеры к полетам. Требовалось сдать экзамен на звание пилота-парителя на планере В.С. Вахмистрова, А.А. Дубровина и М.К. Тихонравова «Жар-птица». Кроме того, необходимо было представить чертежи и расчеты собственного планера технической комиссии - только после ее заключения он мог быть допущен к полетам. Наконец и этот этап удалось пройти. Планер собрали и он привлекал всеобщее внимание как своими размерами - был больше всех остальных, так и своим темно-малиновым цветом. Нашлось немало скептиков, сомневавшихся в его летных качествах. Были и такие, которые утверждали, что такая тяжелая машина не полетит, не сможет подняться в воздух. Все это изрядно портило настроение молодым конструкторам. Поддержал их К.К. Арцеулов. Опытный пилот-планерист, он внимательно осмотрел машину и уверенно сказал: «Этот планер должен полететь, я сам его опробую». Константин Константинович рассказывал об этом эпизоде на 85-летнем юбилее Марии Николаевны 7 апреля 1973 г. Он вспоминал, как после его слов отец подошел к нему и с чувством сказал: «Благодарю вас». «За что благодарите?» - последовал удивленный вопрос. А отец ответил: «За доверие». К.К. Арцеулов, как и обещал, выполнил первый полет, который сфотографировал О.К. Антонов, тогда планерист, а в дальнейшем академик, Герой Социалистического Труда, генеральный конструктор знаменитых «Ан» и «Антеев». Полет прошел удачно. Пилот не высказал никаких замечаний и поздравил конструкторов с хорошим планером. С.Н. Люшин вспоминал, что оба они - он и мой отец - были счастливы. Расчеты оказались верными, исполнение - безупречным. Они впервые увидели результат своего труда. Что могло быть лучшей наградой? Фотографии, запечатлевшие «Коктебель» на земле и в полете, а также его творцов, были сделаны О.К. Антоновым и П.В. Флеровым. Петр был забракован медицинской комиссией и направления в Коктебель не получил. Но желание увидеть состязания своими глазами было так велико, что, заработав немного денег на авиационном ремонтном заводе, он приехал в Крым за свой счет, был там рядом с друзьями и радовался их успехам, как своим.

После первого полета, когда сомнения остались позади, оба Сергея воспряли духом. На следующий день К.К. Арцеулов проверил планер в парении и подтвердил, что он легок в управлении и устойчив. Прошел еще день, и 15 октября на «Коктебеле» полетел отец. К.К. Арцеулов давал ему на старте последние советы, стартовики растягивали амортизаторы, а О.К. Антонов в это время изо всех сил старался удержать планер на земле, не давая возможности вырваться из скалистого грунта слабо закрепленному в нем штопору с металлическим тросом. По мере растягивания амортизаторов напряжение на тросе возрастало, удерживать штопор становилось невмоготу, а команды «старт» все не было. Наконец, планер оторвался от земли и полетел. И тут все увидели, что под его хвостом угрожающе раскачивается вырванный из земли и запутавшийся в не сброшенном почему-то тросе массивный, свитый из крепких железных прутьев штопор. Он представлял опасность во время посадки - при ударе о землю мог повредить планер и нанести травму пилоту. А в это время пилот - мой отец, ничего не подозревая, спокойно парил вдоль склона. Он наслаждался полетом, чувствовал себя сильным, смелым, всемогущим. Друзья же его, затаив дыхание и бросая сердитые взгляды в сторону О.К. Антонова, молили бога, чтобы все закончилось хорошо. Они видели, как планер стал снижаться, как штопор коснулся земли и при этом планер подбросило вверх. Но все же он приземлился благополучно и невредимый пи-

лот в приподнятом настроении покинул кабину. Увидев у хвоста планера злополучный штопор, отец вспомнил, что стартовал до команды, и понял, почему разбежались на земле люди, когда он летал над ними. К счастью, повреждения планера оказались небольшими и их быстро устранили, а этот запомнившийся эпизод красочно описал в главе «Со штопором на хвосте» своей книги «На крыльях из дерева и полотна» Олег Константинович Антонов. В той книге он рассказал и о своей первой встрече с отцом незадолго до полета «Коктебеля» в большой палатке-ангаре, где хранились планеры: «Что это у вас? Плоскогубцы? Киньте их мне в голову! Мне они нужны! - Так я познакомился с Сергеем Павловичем Царевым, человеком железной воли и неиссякаемого юмора». Книга вышла в 1962 г., когда фамилия отца была еще засекречена и поэтому О.К. Антоновым изменена.

Отзывы о полете планера «Коктебель» были опубликованы в журналах «Авиация и химия», а также «Наука и техника» № 51 за 1929 г. В последнем, в частности, отмечалось: «Говоря об интересных полетах, нельзя не упомянуть об эффектном полете т. Королева на планере «Коктебель» в течение 4 часов 19 мин. Этот полет сопровождался красивыми виражами». Отец бережно хранил журнальную вырезку с этими словами.

Высокую оценку планера «Коктебель» дали также журналы «Самолет» и «Вестник воздушного флота» (1929). В перечне научных трудов и проектно-конструкторских работ, составленном отцом в 1958 г. в связи с выдвижением его кандидатуры в действительные члены Академии наук СССР, в разделе «Конструкции» он отметил: «Рекордный двухместный планер СК-5 «Коктебель». Конструкция, разработанная и построенная в 1929 году (совместно с С.Н. Люшиным). На этом планере летчиком К.К. Арцеуловым был установлен всесоюзный рекорд дальности парящего полета в 1929 году». К.К. Арцеулов совершил полет на «Коктебеле» в направлении Узун-Сырт-Старый Крым, недоступном до этого ни для одного планера. И хотя пилот смог пролететь по маршруту лишь 13 км, но, по его мнению, преодолел наиболее трудную часть пути.

На VI Всесоюзных состязаниях были установлены и рекорды высоты: А.Б. Юмашев на «Скифе» и Д.А. Кошиц на «Грифе» поднимались более чем на 1,5 км.

Перед окончанием состязаний отец решил по дороге в Москву заехать в Одессу. Он вдруг почувствовал непреодолимое желание побывать в городе своей юности, в городе мечтаний, надежд, первой любви. За два дня до официального закрытия состязаний (оно состоялось 25 октября) отец на пароходе «Ленин» отправился из Феодосии в путь. Здесь, в одиночестве, можно было снять напряжение и усталость, вспомнить и обдумать события последних дней, поделиться впечатлениями с самым близким и родным человеком - мамой Марией Николаевной. И 24 октября он пишет ей большое, интересное и содержательное письмо, поражающее поэтичностью, глубиной чувств и перживаний.

«Суббота. Пароход «Ленин»

С утра уже не видно ни кусочка земли и нас окружает вода да небо, словно покрывшее наш пароход голубым копаком.

Итак... еще один этап моего путешествия: я на пути в Одессу. Почему я выбрал морской путь - сейчас не могу вспомнить, но и не жалею об этом, т.к. ехать приятно. Я все время один в своей каюте. Отсыпаюсь вдоволь и досыта люблюсь морем. Приятно побыть одному среди такого количества воды, тем более, что я первый раз совершаю такое «большое» морское путешествие.

-1-
 Мария Николаевна
 "Корсетка" 1929.

Выбрана Королева Мария Николаевна
 С утра уже видно на хвосте ленина
 и нас окружает вода да небо голубое
 невдалече нас попутный пароход
 колбаском.
 Идем... еще один этот мило
 путешествуем: я не пишу в Одессу.
 почему я забрал пароходный билет
 сейчас не могу вспомнить, но не
 думаю об этом, так скажу прямо
 в все время один в своем корбете и
 в темноте. Воды и доска под ногами
 шумит. Пусто поднимать пар, еще
 тем более, что в рубке один
 такое "Болвише" может быть
 лучше.
 Виза еще, когда идем по
 а. иная ч. и паролем
 табака от мш...
 Сейчас еду Одессу с паролем...
 Ведь именно в нем много паролем
 сейчас только вода шумит паролем
 Корсетка это так паролем...
 шумит мш и шум. Пусто паролем.

Письмо Сергея Королева Марии Николаевне, написанное 24 октября 1929 г. на пароходе «Ленин» по пути из Феодосии в Одессу

Вчера еще, когда мы шли вдоль крымского берега, я все время торчал на палубе и не мог глаз отвести от крымских гор, окутанных лиловатым туманом. До чего изумительно красивы их громады с каймой из белых облаков на вершинах. Места все страшно знакомые, порою узнаешь отдельные камни и скалы, на которых бывал так недавно.

Хорош все-таки Крым - воистину здравница всесоюзная, точно громадный сад, омываемый морем.

Только в утро моего отъезда из Коктебеля, когда я провожал авто, увозившее моих товарищей на старт, только в это утро я почувствовал, как мне трудно уезжать одному в то время, когда все еще остаются. Одно утешение, что полеты кончаются в воскресенье и я в сущности говоря ничего не теряю, а работы в Москве много - надо спешить в Москву скорей.

В этом году, на состязаниях, много новых впечатлений и ощущений, в частности у меня. Сперва прибытие в Феодосию, где все мы встретились в четверг 24 сентября. Потом нескончаемый транспорт наших машин, тянувшихся из Феодосии на Узун-Сырт - место наших полетов. Первые два дня проходят в суете с утра и до полной темноты, в которой наш пыхтящий грузовичок «АМО» отвозит нас с Узун-Сырты в Коктебель. Наконец готова первая машина и летчик Сергеев садится в нее и пристегивается. Слова команды, и Сергеев на «Гамаюн» отрывается от земли. Все с радостным чувством следят за его полетом, а он выписывает над нами, вдоль Узун-Сырты, виражи и восьмерки.

«Гамаюн» проходит мимо нас и наш командир тов. Павлов кричит вверх, словно его можно услышать: «Хорошо, Сергеев! Точно сокол!». Все радостно возбуждены: полеты начались... Сергеев стремительно и плавно заходит на посадку. Проносится мимо палатки и кладет машину в крутой разворот и вдруг., то ли порыв ветра или еще что-нибудь, но «Гамаюн» взвизывает сразу на десяток метров вверх... секунду висит перед нами, распластавшись крыльями, точно действительно громадный сокол, и затем с страшным грохотом рушится на крыло... Отрывается в воздухе корпус от крыльев. Ломается и складывается, точно детская гармоника. Миг... и на зеленом пригорке, над которым только что реяла гордая птица, лишь гряда плоских колючих обломков да прах кружится легким столбом...

Все оцепенели, а потом... кинулись туда скорей, скорей.

Из обломков поднимается шатающаяся фигура и среди всех проносится вздох облегчения: встал, жив! Подбегаем... Сергеев действительно жив и даже невредим каким-то чудом... Ходит, пошатываясь, и машинально разбирает обломки дрожащими руками... Раз так - все в порядке и старт снова живет своею нормальною трудовой жизнью. У палаток вырастают новые машины. Нас пять человек в шлемах и кожаных пальто, стоящих маленькой обособленной группкой... А кругом все окружают нас, словно кольцом. Нас и нашу красную машину, на которой мы должны вылететь в первый раз. Эта маленькая тупоносая машина по праву заслужила название самой трудной из всех у нас имеющихся, и мы сейчас должны это испытать. Нас пять человек - летная группа уже не один год летающих вместе, но сейчас сомкнувшаяся еще плотнее. Каждый год перед первым полетом меня охватывает страшное волнение, и хотя я не суверен, но именно этот полет приобретает какое-то особое значение. Наконец все готово. Застегиваю пальто и улыбаясь сажусь. Знакомые лица кругом отвечают улыбками, но во мне холодная пустота и настороженность. Пробую рули. Оглядываюсь кругом. Слова команды подаются коротко и сразу... только струя студеного ветра в лицо... Резко кладу набок машину. Далеко внизу черными точками виднеется старт и нелепые вспученности гор ходят впережку с квадратиками пашен. Хорошо, изумительно хорошо. У палатки собрана большая, красная с синим машина. Кругом копошатся люди и мне самому как-то странно, что именно я ее конструктор и все-все в ней до последнего болтика, все мною продумано, взято из ничего - из куса расчерченной белой бумаги. Сергей (Люшин) очевидно переживает тоже. Подходит и говорит: «Знаешь - право легче летать, чем строить!» Я с ним сейчас согласен, но в душе не поборою всех сомнений. Не забыто ли что-нибудь и сделано неверно, непрочно... Впрочем, размышлять некогда... Наш хороший приятель садится в машину и шутливо говорит: «Ну, конструктора, - волнуешься!» Да этого и говорить не нужно и мы прилагаем все усилия, чтобы сдержаться. А потом нас хором поздравляют и вечером в штабе я слушаю, как командир (начальник воздух.сил МВО) связывает мою роль летчика и инженера в одно целое, по его мнению, чрезвычайно важное сочетание. Впрочем, я с ним согласен. Наутро приказ: я вылетаю на своей машине сам. Все идет прекрасно - даже лучше, чем я ожидал,

и кажется, первый раз в жизни чувствую колоссальное удовлетворение и мне хочется крикнуть что-то навстречу ветру, обнимающему мое лицо и заставляющему вздрагивать мою красную птицу при порывах...

И как-то не верится, что такой тяжелый кусок металла и дерева может летать. Но достаточно только оторваться от земли, как чувствуешь, что машина словно оживает и летит со свистом, послушная каждому движению руля. Разве не наибольшее удовлетворение и награда - самому летать на своей же машине. Ради этого можно забыть все: и целую вереницу бессонных ночей, дней, потраченных в упорной работе без отдыха, без передышки. А вечером... Коктебель. Шумный ужин вместе и если все (вернее наша группа) не устали, мы идем на дачу Павловых танцевать и слушать музыку. Эта дача - оазис, где можно отдохнуть за день и набраться сил для будущего.

Впрочем, когда наступили лунные ночи, усидеть в комнате очень трудно даже под музыку. Лучше идти на море и, взобравшись на острые камни, слушать ропот моря... А море шумит бесконечно и сейчас тоже, и покачивает слегка наш пароход... Оно-то, наверное, и навело мне это письмо, вероятно, самое большое из всех, полученных тобою от меня...

Сейчас жду Одессу с нетерпением... Ведь именно в ней мною прожиты самые золотые годы жизни человека. Кажется, это так называется...

Целую тебя и Гри. Привет. Сергей».

В Одессе отец пробыл всего один день. Он ходил по знакомым улицам и вспоминал свою юность: дом в порту, стройпрофшколу, первые робкие шаги в авиации - гидросамолеты, ОАВУК, свой первый, так и не построенный планер, школьных друзей и, конечно, мою маму. Прошло лишь пять лет, как он покинул этот город, а сколько событий вместили прошедшие годы! Он уже почти дипломированный инженер, конструктор планера, испытанного в полете, пилот-паритель, летчик. А ведь ему всего 22! Жизнь впереди, и такая интересная, но нужно спешить, ведь предстоит столько сделать!

Уже давно отцом владела совершенно необычная идея. Весной 1929 г. он, как вспоминала Мария Николаевна, прочел работу К.Э. Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (вероятно, новое ее издание 1926 г.). Начал читать и уже не мог оторваться:

«...предлагаю реактивный прибор, то есть род ракеты, но ракеты грандиозной и особенным образом устроенной. Мысль не новая, но вычисления, относящиеся к ней, дают столь значительные результаты, что умолчать о них было бы большим грехом.

Эта моя работа далеко не рассматривает всех сторон дела и совсем не решает его с практической стороны - относительно осуществимости; но в далеком будущем уже виднеются сквозь туман перспективы до такой степени обольстительные и важные, что о них едва ли теперь кто мечтает».

Оказывается, можно летать не только на планерах и самолетах, не только в пределах атмосферы! Эти захватывающие мысли подкрепились беседами, которые, по воспоминаниям В.М. Титова, проходили в конструкторском отделении Московской планерной школы. Отец встретился здесь с молодым конструктором М.К. Тихонравовым, будущим известным специалистом ракетно-космической техники, участником создания первых искусственных спутников Земли, космических кораблей и автоматических межпланетных станций, доктором технических наук, заслуженным деятелем науки и техники РСФСР, Героем Социалистического Труда, многолетним соратником отца. Михаил Клавдиевич в 1925 г. окончил Академию воздушного флота. Еще будучи слушателем академии, он создал ряд конструкций планеров, которые участвовали в первых семи слетах в Коктебеле. После знакомства с работами К.Э. Циолковского начал изучать теорию реактивного движения, мечтая

применить свои силы в новой области техники.

Здесь же, в конструкторском отделении Московской планерной школы, отец познакомился со студентом механического факультета МВТУ Ю.А. Победоносцевым, будущим известным исследователем в области ракетной техники, доктором технических наук, заслуженным деятелем науки и техники РСФСР, лауреатом Государственной премии СССР (в дальнейшем - соседом по дому и другом моих родителей). Юрий Александрович с 1925 г., еще до поступления в МВТУ, работал в ЦАГИ с профессором В.П. Ветчинкиным. Он также читал труды К.Э. Циолковского и хотел заняться разработкой теории ракет, но в то время в плане института эта тема отсутствовала. М.К. Тихонравов и Ю.А. Победоносцев мечтали о полетах на ракетах и часто обсуждали эти проблемы, встречаясь в конструкторском отделении планерной школы. В беседах, которые нередко заканчивались за полночь, участвовал и мой отец. Как горячи, как захватывающе интересны были эти дискуссии! Ясно, что заатмосферные полеты можно обеспечить только с помощью ракет. Но ведь принцип реактивного движения можно использовать и в авиации! Вот чем необходимо заняться, попробовать осуществить на деле. Но как? Книга книгой, а важно лично встретиться с ее автором, самому убедиться в реальности его идей. И отец принимает решение: по дороге из Одессы в Москву заехать к К.Э. Циолковскому. Зная характер отца, его стремление всегда быть участником событий, а не простым наблюдателем, я считаю его поездку к К.Э. Циолковскому вполне логичной и реальной.

Эта страница биографии моего отца стала предметом длительной дискуссии историков ракетной техники и журналистов: была ли в действительности встреча Королева и Циолковского в Калуге в 1929 году? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно, поскольку документального или - что было бы лучше - фотодокументального подтверждения этого события нет. Разные точки зрения основываются на воспоминаниях различных людей. К сожалению, уже нельзя спросить самих участников встречи, однако слова отца, собственноручно написанные им, известны. Так, 19 июня 1952 г. он пишет в автобиографии: «С 1929 г., после знакомства с К.Э. Циолковским и его работами, начал заниматься вопросами специальной техники». В автобиографии, написанной 30 июня 1953 г., также сказано: «В 1929 году, познакомившись с К.Э. Циолковским, стал заниматься работами в области специальной техники». Через три месяца, 26 сентября и 10 ноября 1953 г., он снова пишет в очередных автобиографиях: «В 1929 году, после знакомства с К.Э. Циолковским, начал заниматься спецтехникой». «После знакомства с К.Э. Циолковским в 1929 г. начал зани-

*Константин Эдуардович Циолковский.
Фотография 1930-х годов*

маться специальной техникой». То же самое написано им и 30 мая 1955 г. в заявлении в Главную военную прокуратуру с просьбой о реабилитации: «Еще в 1929 году я познакомился с К.Э. Циолковским и с тех пор посвятил свою жизнь этой новой области науки и техники, имеющей огромное значение для нашей Родины». Рассказывая свою биографию делегатам I партконференции ОКБ-1, состоявшейся 23-24 октября 1956 г., на которой его избрали в состав парткома предприятия, отец снова вспомнил встречу с К.Э. Циолковским. В стенограмме конференции записано: «В 1929 году познакомился с работами Циолковского и с Циолковским, после чего решил заниматься новой техникой». Наконец, 30 ноября 1963 г. состоялась беседа отца с журналистом ТАСС А.П. Романовым, запись которой отец лично отредактировал. Она полностью опубликована в 1996 г. в книге Романова «Королев», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей». В машинописном тексте, подаренном мне автором, есть поправки отца: «Один из памятных дней в моей жизни - это встреча с Константином Эдуардовичем Циолковским». Первую часть этой фразы отец переделывает: «Одно из ярких воспоминаний в моей жизни - это встреча с Константином Эдуардовичем Циолковским». И далее: «Шел 1929 год. Мне исполнилось тогда что-то около 24-х... Собственно говоря, после взволновавшей нас встречи с Циолковским, мы с друзьями начали активные действия и даже кое-какие - дописано отцом) практические опыты». На вопрос журналиста по поводу встречи с Циолковским отец ответил: «Нас привело в Калугу, где жил ученый, не любопытство. Нам хотелось попробовать свои силы в практическом разрешении идей, предложенных великим соотечественником. Нам необходим был его совет. Встреча с Константином Эдуардовичем, я уже говорил вам, сыграла решающую роль в направлении нашей деятельности». В конце беседы, отвечая на вопрос о его научных целях, отец сказал: «40 лет назад, когда мне было всего 17 лет, я мечтал летать на самолетах собственной конструкции. А всего через 7 лет после этого, после встречи с К.Э. Циолковским, беседа с которым, как я уже говорил, произвела на меня огромное воздействие, решил строить только ракеты. Константин Эдуардович потряс тогда нас своей верой в возможность космоплавания. Я ушел от него с одной мыслью - «строить ракеты и летать на них». На первой странице возвращенного А.П. Романову машинописного текста беседы отец написал: «Все же не удержался, чтобы кое-что не поправить, скорее по-журиал истеки, то есть редакционно, а не по существу». Да, действительно, в тексте много редакционных поправок, в том числе и в тех местах, где речь идет о встрече с К.Э. Циолковским, но эти поправки лишь подтверждают встречу, а не исключают ее. Не могу представить, чтобы отец мог редактировать описание того, чего не было на самом деле.

Я помню, как отец рассказывал о встрече с Циолковским, и меня, тогда подростка, поразило упоминание об огромных слуховых трубах ученого. Отец даже нарисовал мне, как выглядели эти трубы. Он описывал эту встречу Марии Николаевне, рассказывая ей о старом человеке с большой трубой около уха, о бедной обстановке, в которой он живет, и об эскизах, развешанных на стенах. Отец сказал: «Мамочка, знаешь, - замечательная идея, но он большой фантазер». Мария Николаевна тогда почувствовала, что эта идея пришла по душе ее сыну, захватила его. Отец рассказывал о встрече с Циолковским журналисту Е.И. Рябчикову, бывшему директору калужского Музея истории космонавтики А.Т. Скрипкину, бывшему члену Стратосферного комитета писателю В.А. Сытину, который писал об этом в своих книгах «Человек из ночи» (1982), «Пути и встречи» (1987), «Избранное» (1987), другу и соратнику по ГИРД и РНИИ Е.С. Шетинкову, который упоминает об

этом в своих воспоминаниях, коллеге по работе на авиационном заводе в Омске калужанину С.С. Карпову, который был знаком с дочерьми Циолковского и с ним самим. Наконец, как будто есть третий участник этой встречи - преподаватель Тульского политехнического института Б.Г. Тетеркин, описавший ее в деталях. В 1929 г. он жил с родителями в Калуге и работал электромонтером в железнодорожных мастерских. В один из осенних дней 1929 г. Борис Григорьевич шел к К.Э. Циолковскому, у которого уже не раз бывал по делам. По дороге ему встретился молодой человек, который спросил его, как пройти к дому Циолковского. Они пошли вместе на улицу Брута, зашли в дом и по крутой деревянной лестнице поднялись на второй этаж. Константин Эдуардович встретил их радушно, усадил, а сам сел за свой рабочий стол и представил к уху сделанную им самим металлическую слуховую трубу, так как с детства плохо слышал. Б.Г. Тетеркина он знал, а отец представился сам, сказав, что он студент МВТУ, планерист и вот проездом с планерных состязаний в Москву решил заехать в Калугу и встретиться с ним, так как читал его труды и заинтересовался ими. Между ними завязалась беседа, свидетелем которой и оказался Б.Г. Тетеркин. Циолковский рассказывал о своих работах, показывал написанные им книги. Отец интересовался возможностью применения реактивных приборов для запуска планеров и для аэропланов. На прощание Константин Эдуардович подарил ему несколько своих брошюр.

Когда вышли из дома К.Э. Циолковского, Б.Г. Тетеркин пригласил нового знакомого домой, так как до московского поезда еще оставалось много времени. Мать Бориса Григорьевича накормила их ужином, за которым они разговорились. Отец все еще находился под впечатлением встречи с К.Э. Циолковским. Он говорил о своих планах и уже видел будущую работу в новом свете, обогащенную новыми идеями. Б.Г. Тетеркин был поражен его увлеченностью и целеустремленностью. Затем они вместе дошли до вокзала и отец уехал в Москву.

В описаниях встречи Королева с Циолковским в 1929 г. различными авторами есть несовпадения. Для подтверждения (или опровержения) факта этой встречи необходимы (и, возможно, они будут найдены) новые документальные материалы. Как бы то ни было, именно на рубеже нового десятилетия в сознании моего отца произошел поворот к иному направлению его деятельности.

Глубочайшее уважение к личности К.Э. Циолковского отец пронес через всю свою жизнь. Его поражала необыкновенная дальновидность человека, еще в юношеские годы почти полностью потерявшего слух и вынужденного учиться самостоятельно, его дар предвидения, разносторонность и глубина его интересов. Он восхищался ученым и всегда очень тепло отзывался о нем.

В конце октября отец возвратился в Москву. 2 ноября в авиационной секции Центрального Совета Осоавиахима СССР ему вручили пилотское свидетельство № 12, удостоверяющее, что отцу присвоено звание пилота-парителя и он имеет право совершать полеты на всех видах планеров. Этим документом отец очень гордился.

После успеха на VI планерных состязаниях планера «Коктебель» отец решил сконструировать планер для высшего пилотажа и предложил С.Н. Люшину проектировать его вместе. Но Сергей Николаевич отказался, так как был загружен основной работой. Его отказ огорчил, но не остановил отца. Он нашел себе помощников в лице отчима Григория Михайловича, вместе с которым стал вести расчеты, и своего друга Петра Васильевича Флерова. К этому времени относится фотография, где отец запечатлен с логарифмиче-

ской линейкой и карандашом в руках. Мария Николаевна рассказывала, как через много лет он, увидев этот фотоснимок, внимательно посмотрел на него, словно вспоминая, потом рассмеялся и, обращаясь к ней, сказал: «Не правда ли, серьезный парень?». Планер нужно было сделать за один год к следующим состязаниям в Коктебеле, но вначале следовало завершить дипломный проект, задуманный еще весной 1927 г. Ведь защита диплома, а с ней и окончание учебы в МВТУ были уже не за горами.

В качестве дипломного проекта планировалась разработка легкого двухместного спортивного самолета-авиетки с двойным управлением. При конструировании имелось в виду получить возможно большую дальность полета при небольшой мощности двигателя. Руководителем дипломного проекта стал Андрей Николаевич Туполев. А случилось это так. Однажды отец стоял у доски и чертил детали своего самолета, всецело отдавшись работе, ничего не видя и не слыша вокруг. В комнату вошли А.Н. Туполев и преподаватель, который сказал Андрею Николаевичу: «Посмотрите, как работает Королев, какие неожиданные решения предлагает в разработке дипломного проекта». А.Н. Туполев подошел поближе и стал смотреть через плечо отца, который не поворачивался и никакого внимания на посетителей не обращал. Тогда преподаватель слегка наступил ему на ногу. Отец в раздражении обернулся и увидел перед собой А.Н. Туполева. Так произошло их знакомство. А.Н. Туполев заинтересовался оригинальностью конструкции, попросил рассказать о ней подробнее и взял на себя руководство проектированием. В процессе работы над проектом отец часто консультировался с Андреем Николаевичем и с каждым разом проникался все большим уважением к нему. «Андрей Николаевич Туполев - первый и мой самый любимый учитель. Все мои работы, связанные с самолетостроением, несут на себе печать его оригинального конструкторского мышления, его умения смотреть вперед, находить все новые и новые решения, - сказал отец в интервью корреспонденту ТАСС А.П. Романову в 1963 г. - Академик Туполев по праву - гордость советского народа. Он счастливо сочетает в себе выдающегося конструктора, ученого и воспитателя. То, что советская страна имеет такие могучие крылья, во многом заслуга и Туполева». В свою очередь, А.Н. Туполев почувствовал, что имеет дело с незаурядным студентом, и прочил ему большое будущее в конструировании самолетов. Через много лет Андрей Николаевич вспоминал: «Королев был из числа самых «легких» дипломников: я сразу увидел, чего он хочет, достаточно было лишь слегка помогать ему, чуть-чуть подправлять. Я быстро убедился, что этот человек умеет смотреть в корень...

Я с самого начала почувствовал к Королёву расположение, и надо сказать, что он всегда также отвечал мне большой сердечностью». Это общение помогло спасению жизни отца в 1940 г., когда после второго осуждения он был направлен (не исключено, что в связи с ходатайством А.Н. Туполева - помимо личной просьбы) в закрытое конструкторское бюро при НКВД - так называемую «Туполевскую шаругу».

Отец назвал свой самолет «СК-4» (по первым буквам имени и фамилии). Проект его еще до защиты диплома одобрил Осоавиахим, который даже выделил деньги на постройку. 28 декабря 1929 г. дипломный проект «Легкомоторный двухместный самолет СК-4» был успешно защищен. 8 то время самолет уже строился на заводе № 28, где тогда работал отец. 9 февраля 1930 г. он получил свидетельство об окончании МВТУ и присвоении ему звания инженера-аэромеханика. Свидетельство было конфисковано при аресте отца вместе с другими документами и пропало. В 1948 г. отцу по

Авиационная Секция Центрального Совета Осоавиахима СССР.

ПИЛОТСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 12

Выдано настоящее тем *Королеву С. С.*
в том, что он удостоен звания пилота парителя и в соответствии с этим званием имеет право совершать полеты на всех типах самолетов.

Свидетельство действительно *с 3 декабря 1929 г.*

Генеральный Секретарь Ц. С.

Организация СССР

Срок свидетельства Срок свидетельства Срок свидетельства

продлен продлен и т.д. продлен и т.д.

Организация—опора и резерв трудящихся и обороняемых СССР.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Королев

Подпись владельца свидетельства

19 29 г.

*Пилотское свидетельство
Сергея Королева.
Москва, 2 ноября 1929 г.*

*Сергей Королев
во время учебы в МВТУ.
Москва, 1929 г.*

Директору МВТУ им. Баумана
Заявление Королева Сергея Павловича

Кроме выданных мне документов
об окончании МВТУ (серийн. ф-т)
9 февраля 1930 года.

Кр. 458 от 9/12-30.
В форме заявления
под грифель, по
503 классификац. Серг
инженер 2.А. Николаев.
19/5.31.1930г.
Выдано 10.6.48

Заявление Сергея Павловича Королева с просьбой о выдаче документа
об окончании МВТУ. Москва, 7 июня 1948 г.

МОСКОВСКОЕ
Ордена Трудового Красного Знамени
ВЫСШЕЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ
УЧИЛИЩЕ
им. БАУМАНА
Москва, 2-я Бауманская, 5
Тел. Е-1-75-60 по 64 жил.
Для телеграмм: Москва МВТУ

УДОСТОВЕРЕНИЕ

5
21 июня 1948 г. № 92-13/п 37
(При ответе обязательно сослаться на № и индекс)

Выдано Московским Ордена Трудового
Красного Знамени Высшим Техническим Учи-
лищем им. Н.Э. Баумана инженеру КОРОЛЕВУ
Сергею Павловичу в том, что он 9 февраля
1930 года окончил Аэромеханический факуль-
тет Московского Высшего Технического Училища
с присвоением квалификации инженера-аэро-
механика.

Директор МВТУ
техн. наук

Удостоверение Сергея Павловича Королева об окончании МВТУ.
Москва, 21 июня 1948 г.

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 45

по Московскому ордена Трудового Красного Знамени Высшему Техническому
Училищу им. Баумана

от 9 февраля 1950 г.

Утвердить звание инженера аэромеханика следующим
студентам Аэромеханического факультета:

КОРОЛЕВ 26 243

П.п: Директор МВТУ

Верно:

Ильинский 8/2-502

тип. МВТУ, з. 460-30000

Выписка из приказа
по МВТУ об утверждении
студента аэромеханического
факультета Королева
в звании инженера-
аэромеханика. Москва,
8 мая 1950 г.

Выписка из приказа
МВТУ им. Баумана
по аэромеханическому факультету
студенту Королеву С.П.

Королев
Сергей Павлович

17. IX. 54.

Ввиду
свидетельства
за архив
28/12 54

Заявление
Сергея Павловича Королева
с просьбой о выдаче дубликата
диплома об окончании МВТУ.
Москва, 17 сентября 1954 г.

его просьбе выдали удостоверение об окончании училища, а в 1950 и 1954 г. - копии выписки из приказа по МВТУ и дубликат свидетельства, полученного в 1930 г.

Итак, дипломный проект защищен, самолет строится. Теперь можно всецело заняться новым планером. Комната отца на Александровской улице вновь заставлена чертежными досками и так же, как при проектировании планера «Коктебель», походит на небольшое конструкторское бюро. В ней допоздна чертят и считают на логарифмических линейках одновременно несколько человек. В конце мая 1930 г. проект планера для высшего пилотажа готов и одобрен Осоавиахимом, что означало выделение средств на рабочие чертежи и его постройку. Чертежи выполнялись дома на Александровской. Постройку планера необходимо было, как и в прошлом году, закончить до начала сентября - очередных планерных состязаний в Коктебеле. Времени оставалось мало, поэтому работа кипела с утра до ночи. Первым рано утром приходил Флеров, который разрабатывал чертежи управления и шасси. Кстати, именно эта работа определила жизненный путь Петра Васильевича в авиации - его специальностью стало проектирование шасси самолетов. Во второй половине дня появлялись чертежники и работали до глубокой ночи. Оплата их труда была сдельной: сколько сделал, столько и получил. Отец строго следил за дисциплиной. Никакие посторонние разговоры не допускались. На стене по-прежнему висел плакат «Кончив дело, не забудь уйти (Убирайся!)».

В июле 1930 г. работы в конструкторском бюро Ришара были свернуты и отец перешел на завод № 39 им. В.Р. Менжинского, где его назначили начальником бригады моторного оборудования. Мария Николаевна вспоминала, как, вернувшись домой после первого дня работы на заводе, сын рассказал ей, что видел там несколько человек в «своеобразной», как он выразился, одежде. Это были репрессированные инженеры и среди них выдающиеся конструкторы Д.П. Григорович и Н.Н. Поликарпов - создатели известных истребителей «И-5», ласково называвшихся «пчелками». Их осудили по нелепым обвинениям, и в 1929-1931 годах они работали в качестве заключенных в ЦКБ-39 ОГПУ. Отца тогда до глубины души поразила встреча с этими людьми, которых постигла такая жестокая судьба. Он, конечно, не мог предположить, что подобная участь ждет и его самого.

Когда чертежи планера были закончены, приступили к постройке. Строили там же на Беговой, где и годом ранее «Коктебель». Отец пригласил со своего завода нескольких столяров и слесаря - они работали вечерами и в выходные дни. Для перевозки материалов он купил мотоцикл «Дерад» с коляской и 16 августа 1930 г. вступил в Автодор - Общество содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог в РСФСР. На этом мотоцикле он привозил с завода изготовленные там металлические детали. Закончили сборку планера в конце августа. Ему дали название «Красная Звезда» - в честь одноименной газеты - и присвоили индекс «СК-3». Всю фанерную часть окрасили в вишневый цвет, а полотняную покрыли нитролаком. Надпись «СК-3» была черного цвета. Техническая комиссия во главе с С.В. Ильюшиным приняла планер, сделав несколько замечаний, которые были быстро устранены. Теперь предстояло испытать его в полете. Планер перевезли на станцию Планерная Октябрьской железной дороги, выкатили на небольшую горку и сняли с тележки. Отец забрался в кабину, но взлететь ему, несмотря на многочисленные попытки, так и не удалось - в тот день полностью отсутствовал ветер. Однако он был настолько убежден в правильности расчетов, что

Копия Свидетельства
об окончании
Сергеем Павловичем
Королевым МВТУ.
Москва, 24 сентября 1954 г.

Копия
ПРОГУЛЯРИИ ВСЕХ СТРАН, СОБЛЮДАЙТЕСЬ!

Союз Советских Социалистических Республик

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКОЕ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ВЫСШЕЕ
ТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ им. БАУМАНА
Москва, 2-я Бауманская ул., д. № 5

Свидетельство № арт. 945

Предъявитель сего г.р. Королев
Сергей Павлович родился 8.1906 году,
очил Московское Высшее Техническое Училище
9 февраля 1930 г.
специальности аэромеханика

За время пребывания в Училище зачтены прослушанные предметы
всем дисциплинам, входящим в учебный план Училища.

Гражданин и.у. Королеву Сергею Павловичу
исполнена квалификация инженера — аэромеханика
Основание: Приказ МВТУ № 45 от 9 февраля 1930.

Директор МВТУ им. Баумана
Секретарь Григорьев
24. сентября 1954 г.

Членский билет
Сергея Павловича Королева,
выданный обществом
«Автодор». Москва,
2 сентября 1930 г.

Автомобиль — трудящимся!

Помогите всем странам, создавая вместе!

ОБ-РО СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ АВТОМО-
БИЛИЗМА И УЛУЧШЕНИЮ ДОРОГ в РСФСР
„АВТОДОР“. ЛЕН. М

**Правила
пользования билетом.**

1. Настоящий билет именной без права
передачи другим лицам.

Примечание: В случае обнаруже-
ния передачи билета другому лицу, би-
лет отбирается и отсылается в Отде-
ние „Автодор“, выдавшее билет.

2. При утрате билета, владелец его обя-
зан немедленно сообщить в отделение
„Автодор“, выдавшее билет и сделать
публикацию в газетах о недействитель-
ности билета, после чего может быть вы-
дан новый билет.

Членский билет № **29812**
Королев
Имя, отчество Сергей Павлович
Время вступл. 16/II 30

В. секретарь Суровцев
Совета О-ва
В. билет № 4
2 сентября 1930 г.
Отдел „Автодор“.
Секретарь Мухоморов

Автомобиль — трудящимся!

Личная подпись

VII Всесоюзный слет планеристов. Планер СП. Королева «Красная Звезда» на земле. Коктебель, октябрь 1930 г.

не очень огорчился и с оптимизмом выразил уверенность в успешных полетах планера в Крыму.

1930 год в жизни отца был необыкновенно насыщен событиями. Окончание МВТУ, постройка своего самолета, создание нового планера, работа на заводе – все это требовало много времени. Трудно представить, как он всюду успевал. А ведь была еще школа летчиков, где продолжались полеты на самолетах, и отказаться от них было выше его сил. Летали с Центрального аэродрома на Ходынском поле. Находясь в воздухе, самостоятельно управляя самолетом, отец, как и прежде, испытывал чувство упоения и блаженства. Правда, бывали и неприятные моменты. Так, П.В. Флеров рассказывал, как однажды во время полета отца на «Авро» внезапно заглох мотор. Отец перевел самолет в планирование, потом, по его словам, пошевелил проволочку, идущую от контакта, и мотор заработал. К счастью, все закончилось благополучно.

К концу лета занятия на аэродроме завершились. Постройка дипломного самолета «СК-4» также близилась к концу. С завода самолет перевезли в действующую церковь за Боткинской больницей, и там рабочие доводили его до кондиции. Наконец все готово. Самолет покрашен в серый цвет с красной полосой на фюзеляже и выглядит очень красиво. Для летных испытаний его вывозят на Центральный аэродром. Отец садится на переднее сиденье, Д.А. Кошиц на заднее. П.В. Флеров прокручивает винт, отец запускает мотор. Самолет поднимается в воздух, набирает высоту, делает два круга над аэродромом и садится, немного повредив шасси. Несмотря на это, отец доволен. Еще бы! Он летел на самолете собственной конструкции! Сохранилась газетная вырезка, сделанная им самим, с отзывом о его самолете: «Советский инженер С.П. Королев сконструировал тип легкого двухместного самолета. Постройка опытного образца уже закончена и на нем совершено несколько

Планер С.П. Королева «Красная Звезда» в полете. Пилот - В.А. Степанченко. Коктебель, октябрь 1930 г.

опытных полетов. Новая машина показала хорошие летные качества. Предполагается установить на нем мотор советской конструкции в 100 лощ. сил.

Высоко оценила «СК-4» и газета «Красная Звезда» от 24 октября 1930 г: «Свой дипломный проект - легкий двухместный самолет для дальних агитполетов - тов. Королев при поддержке Осоавиахима осуществил в 1930 г., и самолет уже совершил первые опытные полеты под управлением летчика Кошиц и самого конструктора, как раз перед началом текущего планерного слета. Самолет показал весьма хорошие летные качества».

А тем временем отец и Д.А. Кошиц спешили в Коктебель на VII слет планеристов. Отцу не терпелось испытать свой новый планер в восходящих потоках крымского воздуха. На состязания были привезены сохранившиеся старые планеры и несколько новых. Среди «ветеранов» был и «Коктебель», который по возвращении из Крыма в Москву осенью 1929 г. был выставлен в музее на Красноармейской улице. Перед отправкой на VII слет отец и Люшин сами его отремонтировали, сделали новое оперение и перекрасили в серый с белым цвет.

Из новых планеров привлекали, по словам очевидцев, внимание «Город Ленина» О.К. Антонова и «Красная Звезда» моего отца. Планер О.К. Антонова имел оригинальную конструкцию - кабина пилота по форме напоминала каплю, а корпус планера - трубу. Это улучшало аэродинамические качества аппарата. Планер «Красная Звезда» был допущен к полетам технической комиссией во главе с С.В. Ильюшиным. В.А. Степанченко, а потом отец совершили на нем несколько полетов. Обнаруженные небольшие неполадки с рулем поворота были быстро устранены. Газета «Красная Звезда» 24 октября 1930 г. так писала об этом планере:

«Имя «КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ» присвоено конструктором одному из самых интересных планеров VII Всесоюзного слета - планеру тов. КОРОЛЕ-

ВА, типа «СК-3», специально предназначенному для выполнения ФИГУРНЫХ ПОЛЕТОВ: мертвых петель, переворотов, штопора и пр...

При постройке планера преследовались следующие цели: заполнить существующий пробел в технике полетов на планерах, так как до сих пор высший пилотаж не производился на планерах, если не считать американских опытов, при которых планер не самостоятельно поднимался на нужную высоту, а буксировался туда самолетом; сделать первый шаг к изысканию ТИПА ПЛАНЕРА ДЛЯ ВЫСШЕГО ПИЛОТАЖА, который позволил бы в дальнейшем, когда планер окончательно утвердится в роли средства АВИАДОПРИЗЫВНОЙ ПОДГОТОВКИ, проходить на нем и фигурные полеты, давая таким образом в военные авиашколы обученных пилотов; получить машину, обладающую таким запасом прочности, чтобы на практике проверить критические значения перегрузок при парящих полетах.

На слете планер «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА» УЖЕ СОВЕРШИЛ РЯД ПОЛЕТОВ для сдачи техкомовских испытаний.

Конструктор планера «Красная Звезда» - СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ КОРОЛЕВ - родился в 1906 г. в семье учителя-крестьянина. Планеризмом начал заниматься в 1924 г. В 1929 г. тов. Королев окончил авиационное отделение МВТУ и одновременно гражданскую школу летчиков Мосоавиахима. В этом же 1929 г. на VI Всесоюзных планерных состязаниях в Коктебеле он выдержал испытание на звание пилота-парителя».

Итак, планер «Красная Звезда» был готов к выполнению основного назначения - полетам с выполнением фигур высшего пилотажа. Отец описал первые полеты планера в письме П.В. Флерову и сообщил, что скоро собирается «петлить» (делать «мертвые петли». - *Н.К.*). Но судьба распорядилась по-иному. В течение нескольких дней не было достаточно сильного ветра, а в это время отец заболел брюшным тифом и был помещен в инфекционное отделение городской больницы Феодосии. Оттуда он послал в Москву телеграмму П.В. Флерову: «Заболел брюшным тифом Феодосии точка Все твоём усмотрении Сергей». Флеров поехал в Осоавиахим. Там о случившемся уже знали.

Мария Николаевна вспоминала, что, уезжая в тот раз из дома, сын сказал ей, что плохо себя чувствует, не совсем здоров. Она попыталась остановить его, говоря, что не стоит ехать в таком состоянии, но он уже на ходу ответил, что это невозможно, и побежал вниз по лестнице. Она успела вдогонку лишь крикнуть, чтобы он взял с собой аспирин. А дней через десять вдруг приехал на Александровскую Флеров и сказал, что Осоавиахим предлагает ей поехать в Феодосию. У нее все внутри оборвалось: она решила, что сын погиб. Но Петр Васильевич объяснил, что Сергей заболел и его увезли в феодосийскую больницу. Мария Николаевна сказала, что готова выехать немедленно. Флеров поехал за билетом и следующим утром поезд увез ее на юг. Прямо с вокзала она помчалась в больницу. Врач сообщил, что у ее сына брюшной тиф, но ничего страшного нет. Мария Николаевна поселилась в гостинице «Астория». Этажом выше остановился П.В. Флеров, который оформил отпуск и вслед за ней тоже приехал в Феодосию. Отец рассказал своему другу, как он облетывал «СК-3», Флеров же порадовал его, сообщив о трех «мертвых петлях», которые Степанченко уже выполнил на «Красной Звезде», - впервые в мире. Отец сожалел, что не увидел этого сам, но в то же время был счастлив, что задуманное удалось.

Приезд бабушки в Феодосию запомнился К.К. Арцеулову, который написал ей в декабре 1978 г.: «Вспоминая под Новый Год прошлое, вспомнил и

*Летчик
Василий Андреевич
Степанченко
у планера Сергея Королева
"Красная Звезда".
Коктебель, 1930 г.*

*Мертвая петля на планере
Сергея Королева
«Красная Звезда»,
выполняемая летчиком
В.А. Степанченко.
Коктебель, 28 октября
1930 г.*

волнение, вызванное Вашим приездом в Коктебель к больному Сереже, поездку в феодосийскую больницу, полеты на «Коктебеле», все, связанное с Вашим коротким пребыванием в Феодосии».

А между тем высший пилотаж на планере явился сенсацией состязаний. Газета «Красная Звезда» от 10 ноября 1930 г., вырезку из которой отец сохранил, в статье «Из достижений VII планерного слета. Восходящий поток на береговой полосе - как делались на планере «мертвые петли»» - писала:

«Мировым днем планерного слета был день 28 октября. Южный ветер, сильный уже с утра и достигший к середине дня скорости в 15 м в секунду (15, а не 25, как было напечатано по ошибке телеграфа), окрылил планеристов, уже отчаявшихся, что когда-нибудь задует действительно «приличный ветерок». В воздух взвилась целая серия планеров, но... скоро все они пошли на посадку: характер восходящего потока не сулил никаких возможностей - поток был очень узок и настолько порывист и неровен, что очень быстро утомлял даже опытных пилотов-парителей. В это время на старте появился планер «Красная Звезда», до этого времени стоявший покинутым из-за болезни своего конструктора и пилота т. Королева и теперь извлеченный из нижнего лагеря по приказанию начальника летной части слета т. **Степанченка**. Надо сказать, что планер «Красная Звезда» в силу небывалого по величине удельного веса (нагрузки на квадратный метр несущей поверхности) возбуждал сомнения в возможности на нем парить вообще. Теперь, воспользовавшись достаточно сильным ветром, т. Степанченко решил его испытать, чтобы разрушить это предвзятое мнение. Едва справившись с пусковым амортизатором, «Красная Звезда» начала быстро набирать высоту. Два прохода вдоль склона, и высота над местом взлета достигает приблизительно 200 метров (над долиной до 400 метров). Планер парит! Но что это? Вираж в долину. Крутое снижение. Круче! Еще круче!... И вдруг - плавное взмытие вверх и ровная, даже ничуть не угловатая, как можно было ожидать, мертвая петля!!!

Потеряв на разгоне перед петлей метров сотню, описав петлю метров 60-70 диаметром и потеряв на выходе из петли не более 10-15 метров, т. Степанченко быстро повернул обратно к склону, направился вдоль него к южному концу горы Клементьева, повернул назад и, все время набирая потерянную на петле высоту, снова приблизился к месту старта. Снова поворот в долину, снова разгон и опять идеально чистая мертвая петля! После нее опять быстрый набор высоты у склона и третья петля!

На старте выложен сигнал, требующий посадки планера: на первый раз хватит! Плавно набирает «Красная Звезда» в последний раз высоту, поворачивает в глубь плоскогорья и через минуту садится, при шумных овациях, рядом с тем местом, с которого незадолго перед тем взлетела. История советского планеризма обогатилась **новым мировым достижением**.

Правда, мертвые петли на планере уже делались американцами, но у них планер «втаскивался» для этого на буксире самолета на высоту до 3000 метров и лишь оттуда, в полной безопасности, **постоянно теряя высоту**, делал петли на простом планировании, а не парении после самостоятельного взлета и набора высоты. Самый планер, послуживший для этого, был таким, что и не мог бы «выпарить» самостоятельно на нужную высоту, так как все внимание в нем было обращено лишь на достаточную прочность для совершения фигур высшего пилотажа. Таким образом, и самый «трюк» американцев не может даже сравниться с тем **подлинным достижением**, которого добились советские планеристы. Это достижение становится тем более замечательным, что т. Степанченко немедленно после посадки заявил, что отныне он

считает обучение высшему пилотажу на планерах вполне возможным и целесообразным. Таким образом, оказались разрешенными и те задачи, которые Центральный Совет Осоавиахима ставил конструктору, предлагая ему осуществить планер, пригодный для выполнения фигур высшего пилотажа».

Не менее лестный отзыв о «Красной Звезде» и выполненных на ней «мертвых петлях» поместил журнал «Физкультура и спорт» № 67 за 1930 г. в заметке «Что дал VII Всесоюзный слет планеристов» (эту заметку также хранил отец):

«В области рекордных полетов, помимо многочисленных и интересных полетов Арцеулова, Юмашева, Венслава, Кошица, Козлова и др., слет этого года принес неожиданный сюрприз: Мировой рекорд фигурного полета, установленный пилотом Степанченком. Мертвая петля на планере - не новость. В прошлом году мертвую петлю на планере сделал американский летчик. Однако он не рискнул сделать петлю самостоятельно, его буксировал самолет. Пилот Степанченко сделал 3 мертвые петли без помощи самолета на планере «СК-3» молодого советского инженера-конструктора Королева. Интересно, что до этого Степанченко ни разу не летал на «СК-3» и даже не знал всех данных машины, так как ее конструктор заболел брюшным тифом, его свезли в город, в больницу, и Степанченко не успел его как следует расспросить. Выждав ветер в 15 метров в секунду, который предпочтителен для фигурного полета, Степанченко сел в кабину планера, полетел, и вскоре мы увидели его кувыркающимся на планере в воздухе. Это было исключительное по красоте зрелище даже для присутствовавших при этом и видевших всякие виды пилотов. Не надо забывать, что на планере нет ни мотора, ни пропеллера и что мертвая петля требует от планера скорости около 150 км в час и большого искусства от пилота.

Степанченко и Королев, летчик и конструктор, оба доказали полную возможность использования планера для обучения фигурным полетам. Таким образом, планер позволяет проходить на нем весь курс обучения летному искусству полностью».

Заметку сопровождали фотографии «Красной Звезды» на земле и в воздухе.

Итоги Всесоюзного слета планеристов были подведены в газете «Известия» 6 ноября 1930 г. Эту заметку отец вырезал, находясь в феодосийской больнице. В ней говорилось, что в состязаниях участвовало «около 200 парителей, планеристов и учеников. Совершенно свыше 3000 учебных и тренировочных полетов, свыше 100 - парящих... В области экспериментального планеризма слет установил мировой рекорд фигурного полета на планере... В области новых конструкций на слете первые места заняли: ленинградский планер «Город Ленина» тов. Антонова и московский планер «Красная Звезда» тов. Королева».

Планер «Красная Звезда» и выполненные на нем «мертвые петли» произвели такое впечатление, что отзывы о них появлялись в газетах даже через несколько лет. Так, ко Дню Воздушного флота 18 августа 1934 г. «Правда» опубликовала заметку «Виртуоз пилотажа» с фотографией летчика В.А. Степанченка, которую отец также поместил в свою заветную папку. В ней говорилось о высочайшем мастерстве замечательного пилота и в том числе о его «мертвых петлях» на планере: «Это было в Коктебеле. Степанченко вылетел на планере «Красная Звезда». Несколько десятков планеристов следили за его полетом. Он поднялся над долиной на 400 метров и неожиданно для всех, набрав необходимую скорость, сделал одну за другой три мертвых петли. Первые в мире мертвые петли на планере!.. После Степанченко перекрыл свои собственные рекорды: в 1932 году он сделал на планере подряд 115 мертвых петель, а потом в 1933 году - 184». Еще одна статья, которая

называлась «Василий Андреевич Степанченко», была помещена в «Правде» ко Дню Красной армии 23 февраля 1935 г. И хотя прошло уже почти пять лет с того памятного дня, в ней опять говорилось о «Красной Звезде» и первых в мире «мертвых петлях» на планере.

А сам отец в 1958 г. в перечне своих конструкций напишет так: «Пилотажный планер СК-3 «Красная Звезда». Конструкция, разработанная и построенная в 1930 году специально для фигурных полетов и пилотажа. На этой машине летчиком Степанченко был впервые произведен в 1930 году высший пилотаж. В дальнейшем высший пилотаж на планерах был введен повсеместно при обучении летчиков».

Но это будет написано через много лет. А в ноябре 1930 г. в феодосийской больнице было очень холодно и Мария Николаевна уговорила врачей отпустить сына к ней в гостиницу «Астория». 7 ноября после праздничной демонстрации навестить отца пришел П.В. Флеров, и они горячо обсуждали итоги слета. Убедившись, что его другу лучше и он идет на поправку, П.В. Флеров уехал отдыхать в Сухуми. Однако вскоре состояние отца внезапно резко ухудшилось, появилась сильная боль в ушах и всей голове. Врачи диагностировали воспаление среднего уха - осложнение брюшного тифа. Консервативное лечение не помогало. Необходима была срочная операция, выполнить которую в Феодосии не представлялось возможным. Предстояло немедленно ехать в Москву. Купив билеты на поезд, Мария Николаевна наняла извозчика, который довез ее с сыном до вокзала и помог сесть в вагон. Даже через много лет она с волнением вспоминала ту поездку. Отец чувствовал себя очень плохо, голова раскалывалась, болели уши. В поезде врача не было. Мария Николаевна капала сыну ушные капли, бинтовала голову и страшно волновалась за него. В Харькове пришлось пересядываться на другой поезд. Мария Николаевна предварительно послала телеграмму Максимилиану Николаевичу, который там работал начальником строительного отдела Управления Донецких железных дорог. Моей мамы в Харькове в то время уже не было, так как она сразу после окончания медицинского института уехала на работу в город Алчевск Донецкой области. Максимилиан Николаевич встретил поезд с носилками, на которых отца перенесли из вагона одного поезда в другой, так как он был в таком тяжелом состоянии, что самостоятельно идти не мог.

Наконец доехали до Москвы. На вокзале их встречали Григорий Михайлович и Игорь Розанов, сокурсник отца по МВТУ, сын известного профессора Владимира Николаевича Розанова, ассистировавшего во время операции, выполненной В.И. Ленину после ранения. Отец не раз бывал у них дома. Когда Игорь узнал, что его товарищу плохо, он тотчас пришел к Григорию Михайловичу и сказал, что готов немедленно выехать за ним в Феодосию и что его отец договорился с профессором Свиржевским о госпитализации. В то время Григорий Михайлович уже получил телеграмму жены и собирался ехать на вокзал. Отправились вместе. Мужчины вынесли отца из вагона на руках и на машине повезли в 1 - ю Градскую больницу на Б о л ь ш о й Калужской улице. П р о ф е с с о р Свиржевский уже ждал их. Осмотрев больного, он сказал, что необходимо делать операцию. Отца знобило, и он попросил отпустить его хоть на одну ночь домой, в тепло. Профессор ответил, что приготовил ему замечательную койку у самой печки, где будет не только тепло, но даже жарко. И действительно, отца поместили в большую палату с теплой голландской печью.

На следующее утро Свиржевский сделал отцу операцию, которая выполнялась под местной анестезией в течение почти трех часов. Отец перенес ее

мужественно. Хирург сказал Марии Николаевне, что это была одна из самых трудных его операций. Он разрешил ей побыть у сына не более пяти минут с условием, что она не будет плакать и тем самым расстраивать его. Мария Николаевна вспоминала, что войдя в палату, она увидела своего такого большого и сильного сына совершенно беспомощным. Он был похож на маленького несчастного котенка: весь съежился, лежал лицом к стене, с ногами, подтянутыми к груди, и забинтованной головой. На вопрос о самочувствии ответил, что было безумно больно. Мария Николаевна попыталась подбодрить его, сказав, что все страшно уже позади, но комок подступил к горлу и, еле сдерживая себя, она выбежала из палаты. Уже в раздевалке, дав волю своим чувствам, она разрыдалась.

После операции состояние отца постепенно улучшалось. Мария Николаевна каждый день приходила в больницу. Бывали там Игорь Розанов и Петр Флеров. Мужчины говорили, как всегда, о планерах и самолетах. С Флеровым обсуждали вопросы, связанные с «СК-4». После отъезда отца и Кошица в Крым самолет отремонтировали под присмотром Петра Васильевича, которому удалось уговорить летчика И.А. Сибинкова испытать его вновь. Самолет был фанерный и однажды всю ночь простоял под дождем, что вызывало большое беспокойство П.В. Флерова. Поэтому он хотел полететь вместе с Сибинковым, но пилот не взял его, сказав, что тот будет мешать ему покинуть в случае необходимости самолет с парашютом. Однако выполнить полет так и не удалось - при попытках взлета сдавал мотор. И вот теперь, в больнице, друзья, проанализировав причины неустойчивой работы мотора, наметили пути их устранения.

Отец болел около двух месяцев. У него долго сохранялась тяжесть в голове и шум в ушах. Он не мог теперь пользоваться своим мотоциклом и отдал его П.В. Флерову.

В марте 1931 г. отец долечивался в Кисловодске. Оттуда он прислал открытку с видом курорта Юрию Николаевичу и Ольге Яковлевне. «19.3.31 г. Дорогие дядя Юра и тетя Оля! Большое спасибо за ваши открытки! Уже все чаще и чаще вспоминаю Москву. Возвращение не за горами. Снова придется, и как никогда крепко, взяться за работу! Погода сыграла с нами шутку: снег на четверть лежит и мороз. Придется уезжать отсюда настоящей зимой. Думаю к 10/IV вернуться. Наверное, тогда уже у вас будет весна. Пока всего самого наилучшего. Привет Екатерине Алексеевне. Сергей» (Екатерина Алексеевна Дютель - знакомая семьи Москаленко. - *Н.К.*).

А между тем печать продолжала комментировать VII планерные состязания. Первый номер журнала «Самолет» в 1931 г. вышел со статьей отца «Планер «Красная Звезда»», в которой тот определил задачи своей конструкции: «Назначение - одноместный парящий летательный аппарат, позволяющий производить на нем фигуры высшего пилотажа. В частности, из их числа наибольший интерес представляло выполнение мертвой петли. Постройка такой машины имела своей целью практически доказать возможность производства фигур высшего пилотажа на планере вообще. Американский летчик Хозе, сделавший 4 петли, воспользовался для набора высоты помощью самолета, буксировавшего его планер. Таким образом, для планера-парителя, самостоятельно набирающего высоту, подобная задача ставилась впервые». Далее помещен отзыв пилота-парителя В.А. Степанченка о планере «Красная Звезда», в котором он отметил, что управляемость планера хорошая, «мертвые петли» выполнялись на скорости 140 км/час и что «очередной задачей должно стать конструирование двухместного фигурного парителя, пред-

19.3.31/2. Дорогие друзья! и
 спасибо вам! Большое спасибо
 за ваши отклики! Уже
 все чаще и чаще вспоминаю
 Москву. Возвращение не
 за горами. Снова трудятся
 и как никогда крепко
 за работу! То года скучаю
 с нашей жизнью: все не
 забыть и не забыть.
 Трудятся все же: все же
 все же не забыть. Будем
 к 10/10 вернуться. Надеюсь
 тогда же у вас будет
 все. Тогда все будет

КАРТ
 КАРТО

 Москва.
 (Ст. М. Ногина)
 Б. Ивановский пер. 5кв3
 Ольга Яковлевна
 Москаленко.

**ВЕСТНИК
 ВОЗДУШНОГО
 ФЛОТА**

новый советский легкий самолет дальнего действия конструкции г. с. королева

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
 ВОЕННОЕ
 ИЗДАТЕЛЬСТВО

2
 1931 г.

Письмо-открытка
 Сергея Павловича Королева
 Юрию Николаевичу
 и Ольге Яковлевне
 Москаленко в Москву.
 Кисловодск, 19 марта 1931 г.

Фотография
 самолета «СК-4»
 конструкции С.П. Королева
 в журнале «Вестник
 воздушного флота» № 2.
 1931 г.

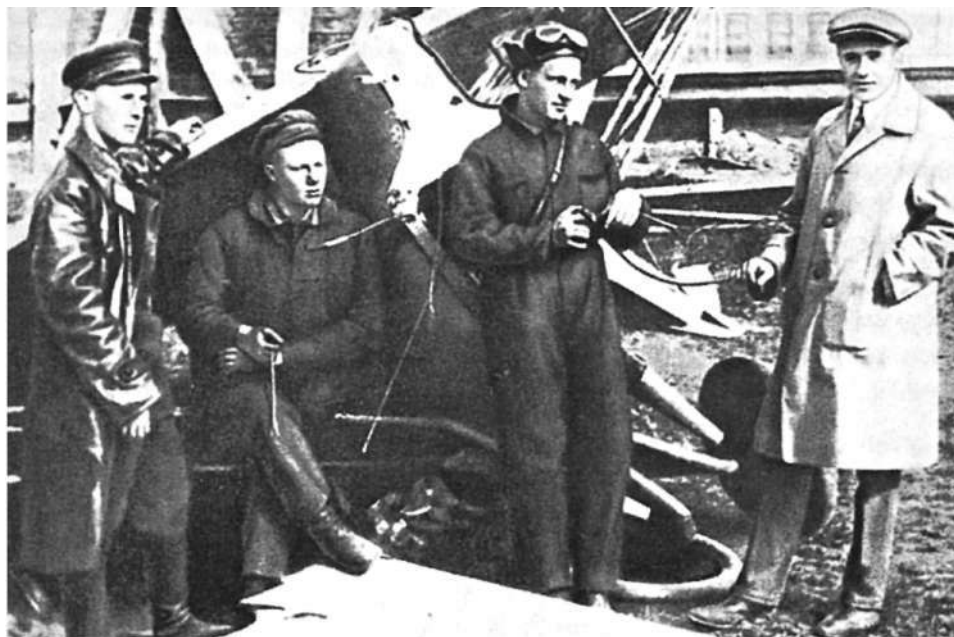
назначенного для учебных целей». За отзывом В.А. Степанченка следовал его очерк «На планере в «мертвой петле», где он шаг за шагом описывал свой впечатляющий полет: «Внимание. Даю знать о второй петле. А в голове мысль: «А ведь Сережа и не подозревает!». Заканчивался очерк оптимистическим взглядом в будущее: «Дело сделано. За первым шагом последуют шаги более уверенные, шаги коллектива, развертывающего советский планеризм. За первыми экспериментальными петлями последуют другие, последуют десятки учебных петель, так же необходимых молодому парителю, как высший пилотаж военному летчику. Можно смело сказать, что и эта задача нам по плечу и мы ее выполним».

В конце 1930 г. самолет «СК-4» был отремонтирован и ДА. Кошиц совершил на нем несколько полетов. Отец вырезал из газеты «Вечерняя Москва» от 2 апреля 1931 г., из раздела «Новости авиации» заметку Я. Гейгера с фотографией «СК-4» и отзывом о нем: «В конце прошлого года известным инженером С.П. Королевым, автором планера «Красная Звезда», на котором в прошлом году в Крыму тов. Степанченко впервые сделал «мертвые петли», сконструирован новый тип легкого двухместного самолета - «СК-4». Летчик тов. Кошиц уже совершил на нем несколько опытно-испытательных полетов, которые показали хорошие качества новой машины. Легкий самолет тов. Королева «СК-4» представляет собой моноплан деревянной конструкции с двойным управлением. Он снабжен шестью баками для бензина на 20 часов полета, находящимися в центральной части плоскостей. Данные самолета «СК-4» следующие: несущая поверхность - 15 кв. метров, длина - 7 метров, вес всей конструкции 335 кг, скорость 160 км/час, «потолок» - до 4000 м.

Самолет сейчас снабжен мотором «Вальтер» 60 лошадиных сил, но на нем будет поставлен мотор советской конструкции в 100 лош. сил, благодаря чему увеличится скорость самолета и радиус действия».

Самолет «СК-4» на земле»

Славному товарищу, коллеге
 Федору Флорову, за добрые дела и
 пример на службе, совершает
 работу. Он инициативен, работоспособен,
 и всегда будет с нами.
 20 дек / Королев

У самолета «СК-4» после аварии. Слева направо: механики ВВИА им. Н.Е. Жуковского Подлесный и Шишмарев, пилот Д.А. Кошиц, конструктор С.П. Королев. Москва, 1931 г. Надпись С.П. Королева П.В. Флорову на обороте. 20 декабря 1931 г.

Милому брату
Лети дружок, всегда будет
и выше!

Славному герою Александрову
Флерову Сил и Галактик
Чубиков в благодарном
труде врага
17.8.64 С.П. Королев

30/11/31
С.П. Королев

Надписи С.П. Королева знакомому семье Ю.А. Гарбузову. 30 ноября 1931 г.
и 17 августа 1964 г.

В журнале «Вестник воздушного флота» № 2 за 1931 г. также приведен снимок «СК-4» с подписью: «Новый советский легкий самолет дальнего действия конструкции С Королева».

Однако судьба «СК-4» оказалась печальной. Однажды, сразу после взлета, на высоте 20-30 метров отказал мотор. Самолет, пилотируемый Д.А. Кошицем, не смог подняться и, зацепившись о крышу ангара, упал. Высота и скорость полета были небольшими, поэтому Кошиц отделался ссадинами на лице, но самолет разбился основательно и восстановить его оказалось невозможно. Как ни странно, отец не слишком огорчился этой неудачей. Голову его уже занимали новые идеи, а «СК-4» был пройденным этапом. Наверное, поэтому он улыбается на фотографии, запечатлевшей всю компанию, включая Д.А. Кошица с кровоподтеком на щеке и двух механиков, на фоне разбитого самолета. На обороте отец даже написал шуточный стишок:

«У разбитого корыта
Собралась вся семья,
Морда Кошица разбита,
Улыбается моя».

И подпись - «С.П.».

Эту фотографию он подарил П.В. Флерову, который не видел последнего полета «СК-4», так как попал в аварию на мотоцикле и сломал левую руку. Надпись гласила: «Славному товарищу, Пете Флерову, участнику первых прыжков и полетов, на память о совместной работе от конструктора этой несчастливой машины

20/XII 31

С.Королев».

Так закончилась жизнь еще одной конструкции отца, о которой он много позднее писал: «Легкий двухместный самолет СК-4. Конструкция разработана и построена в 1930 г. (дипломный проект по окончании МВТУ им. Баумана). Самолет был испытан летчиком Д.А. Кошицем».

Отец любил свое детище. 30 ноября 1931 года он подарил снимок «СК-4» сыну Е.И. Гарбузовой, приятельницы семьи Винцентини еще со времен Одессы, который был влюблен в моего отца и бредил авиацией. Он написал ему: «Милому Юрочке. Лети, дружок, всегда вперед и выше!». А дома он бережно хранил деревянную модель самолета. Во время конфискации имущества после ареста отца в 1938 г. маме удалось убедить сотрудников НКВД, что это моя детская игрушка, и таким образом модель была спасена. Сейчас она находится в Мемориальном музее космонавтики в Москве, а копия - в домашнем музее моего отца.

Итак, можно было подвести некоторые итоги: высшее образование получено, задуманные конструкции осуществлены, есть интересная работа, друзья, любящие и заботливые мать и отчим. Не хватает одного - моей мамы и собственной семьи.

5 мая 1930 г. мама в числе первых девяти студентов с отличием окончила лечебно-профилактический факультет Харьковского медицинского института. Но дипломов им не вручили, а выдали только справки. По существовавшему тогда правилу диплом выдавался после того, как выпускники отработали положенный срок на периферии - три года. Отличники имели право выбора: сельская местность или промышленный район. В село ехать не хотелось, и при распределении мама выбрала Донбасс, тем более что там срок обязательной отработки был меньше - всего 2 года. Мама получила направление в Алчевск. Ехала туда, мечтая только о хирургической работе, но оказалось, что хирурги там не нужны. В то время Алчевск совсем не походил на город. Это был типичный рабочий поселок. Мама вначале очень недолго работала в больнице, а затем в связи с эпидемией брюшного тифа и дизентерии ее направили на санитарную станцию районным жилищно-коммунальным врачом. В ее обязанности, среди прочего, входило и изучение проектов строительства домов для контроля соблюдения санитарных норм. Спросить было не у кого - заведующий станцией Бродский, как выяснилось, вообще не был врачом. Выручал иногда маму ее отец, который, приезжая в Алчевск, просматривал бумаги и говорил, что и как нужно исправить. Вскоре Бродского уволили и заведовать станцией назначили мою маму. Сердце не лежало к такой работе, но выполнять ее приходилось, а так как энергии и желания принести пользу было много, то она вскоре сумела превратить свою районную санитарную станцию в межрайонную. Когда эпидемия брюшного тифа и дизентерии в Донбассе стала угрожающей, маму назначили членом чрезвычайной тройки Наркомздрава по борьбе с инфекцией. В эту комиссию, кроме нее, входили два крупных профессора-эпидемиолога. Донбассу не хватало воды. В домах, а они в основном были дореволюционной постройки, не было канализации. Досаждали и пыльные бури. Поэтому очень радостным для противоэпидемиологической службы стал день, когда Алчевск наконец стал получать воду из Северского Донца.

Поселили маму в общежитии металлургического завода им. К.Е. Ворошилова. Там она неожиданно встретила свою сокурсницу - Веру Петровну Калугину, мечтавшую стать эпидемиологом. Брат ее работал промышленно-санитарным врачом на том же заводе. Он помог девушкам получить в заводском доме небольшую квартиру с двумя отдельными комнатами, правда без водопровода и канализации. Квартиру обставили как могли. Мебели не было. Больница

Слева направо: В.П. Калугина, В.П. Калугин, С.П. Королев, К.М. Винченцини, С. Музыкантский. Алчевск, декабрь 1930 г.

выделила топчан, обтянутый дермантином, - на нем спала мама, а Вере соорудили лежанку из ящичков, на которую положили матрац. Брат ее смастерил стол и пару табуреток. Мама вспоминала, что жизнь тогда была трудной, но интересной. По роду работы ей приходилось взаимодействовать со множеством людей, администрациями различных предприятий, у нее появилось много знакомых и друзей. Одним из них был инженер, начальник доменного цеха Семен Музыкантский, благодаря которому она смогла увидеть на заводе процесс производства металла. Доменные печи и цехи с прокатными станами произвели на нее большое впечатление. Это было ново и интересно. Побывала она и на коксохимическом заводе, спускалась в шахты, много ездила по району. На санитарной станции машин не было, но у нее был свой «выезд» на старом худом жеребце по кличке Чалый. Он был таким слабым, что при подъеме даже на небольшую горку возникало ощущение, что не осилит груза - кучера и маму, и им приходилось идти пешком. Тем не менее мама любила и жалела его и невольно задумывалась о судьбе лошадей, которые работали в шахтах. Их опускали под землю и больше никогда не поднимали наверх. Они слепли от темноты и слепыми умирали там, в подземелье. Ее поразили тяжелый труд шахтеров и плохие условия их жизни. Почти все они жили в грязных ветхих бараках без удобств. Мама организовала несколько подземных медицинских пунктов и пыталась по мере возможности способствовать улучшению условий работы и санитарного состояния жилищ шахтеров. По этому поводу ей приходилось выдерживать сражения с местными руководителями. Одним из них был В.С. Фейтельсон, главный инженер, затем начальник рудоуправления шахты «Артем-10». Она так часто обращалась к нему с различными просьбами и требованиями, что однажды, не выдержав, он сказал своей жене, заведующей детской поли-

клиникой: «Забери эту девочку, она не дает мне покоя, всю жизнь мне испортила. Все требует и требует». В результате удалось все-таки кое-что сделать, а мама подружилась с этой семьей. В дальнейшем маму включили в состав созданной при горсовете рабоче-крестьянской инспекции. Это помогало ей в общении с местным начальством.

Однажды, когда мама находилась в шахте «Артем-10», одной из самых глубоких в Алчевском районе, там возник пожар. Выбираться пришлось ползком по узкому желобу, в полной темноте. Все обошлось благополучно, но у нее на всю жизнь осталась боязнь узких мест.

Устроившись в Алчевске, мама сразу написала моему отцу подробное письмо, в котором описывала уклад своей жизни и приглашала в гости. Он ответил, что очень хочет приехать, но летом 1930 г. не сможет, так как работает на заводе, а кроме того, заканчивает планер «Красная Звезда» и самолет «СК-4», а потом едет в Коктебель. Обещал заехать на обратном пути. Из Коктебеля отец прислал маме длинное письмо, в котором сообщал, что уже летал на своем новом планере и скоро будет выполнять на нем фигуры высшего пилотажа. Но заехать в Алчевск ему тогда не удалось из-за болезни, о чем он сообщил маме в письме из феодосийской больницы. К сожалению, эти и другие письма моих родителей были конфискованы в 1938 г. при аресте отца и затем уничтожены.

П.В. Флеров, с которым отец еще раньше познакомил маму в Москве, переслал ей номер журнала «Огонек» с заметкой о полете В.А. Степанченка «на планере конструкции С. Королева - сына крестьянина». Да, в ту пору было не модно объявлять свое настоящее происхождение, если оно не было пролетарским или крестьянским.

Отец приезжал к маме в Алчевск четыре раза, впервые - под Новый 1931 год. Тогда он только что стал приходить в себя после болезни и еще не работал. Остановился в квартире, которую занимали мама и Вера Калугина. Ночевал на мамином топчане, очень узком для него, а мама спала на полу в комнате Веры. Новый год встречали дома. Мама вспоминала, что ее знакомые отнеслись к московскому гостю дружелюбно. Все сразу поняли, что он приехал «не зря», как говорила Вера. И действительно, разговор сразу же зашел о женитьбе. Мама сказала, что согласна, и как только ее отпустят из Донбасса и выдадут диплом, они обязательно будут вместе.

Затем отец приехал в начале мая 1931 г. В выходные дни они гуляли в парке им. Первого Мая, который казался им прекрасным, а в будни отец вместе с мамой ездил по району, по поселкам и шахтам на ее «выезде» и всегда посмеивался и подшучивал, глядя на тощую лошаденку. Ему самому захотелось спуститься в шахту. Поехали в рудоуправление к В.С. Фейтельсону. Владимир Самойлович отнесся к просьбе доброжелательно и разрешил посмотреть шахту «Артем-10». Мама для усиления эффекта предложила спуститься «с ветерком» - на грузовой клети, скорость движения которой была больше, чем пассажирской. Сама она уже привыкла к таким спускам. У нее имелись свой шахтерский костюм, шахтерская лампочка и шлем. На одних шахтах эта амуниция за ней числилась, на другие приходилось брать ее с собой из дома. Когда они спустились в шахту, осмотрели ее, а потом поднялись наверх уже в пассажирской клети, отец сказал: «Все-таки в воздухе значительно лучше, чем под землей. Не хотел бы работать в шахте. Небо мне нравится гораздо больше».

Опять говорили о женитьбе, строили планы совместной жизни. Все упиралось в мамину работу и получение диплома. Договорились, что она наведет

*На даче в Барвихе. Первый ряд: С.П. Королев,
М.В. Минкевич; второй ряд - К.А. Радвилевич,
М.М. Рудомино. Лето 1931 г.
Фотография В.Н. Москаленко*

справки, нельзя ли все ускорить. В июле того же 1931 г., используя отпускные дни, отец приехал снова. Похоже, ему понравилось приезжать. Здесь он был окружен заботой и вниманием. Огорчало только, что он никак не мог увезти свою невесту в Москву. Ей шел тогда двадцать четвертый год. Красивая, умная, веселая, она привлекала всеобщее внимание. В один из выходных дней молодежь решила устроить пикник у пруда с плакучими ивами недалеко от дома мамы и Веры. В то время в районе, где они жили, почти не было деревьев, и это место напоминало оазис. Отправились всей компанией, прихватив еду и питье. Шутили, играли, веселились. Но настроение отца было мрачным. Видя, что за мамой ухаживают молодые люди, он терзался муками ревности. Знал, что мама любит его, но все равно боялся ее потерять. Стремясь ускорить события, отец решил сам поговорить с маминым начальством, убедить отпустить ее в Москву. Разговор состоялся, но ответ был неутешителен: нужна замена, а ее, увы, не было.

Летом 1931 г. у отца появилась новая идея - организовать планерную школу для работников завода № 39, где он тогда работал. О.К. Антонову было написано письмо с просьбой прислать рабочие чертежи планера «Стандарт». Этот планер был утвержден Осоавиахимом как учебный, но серийное производство его еще не было развернуто. О.К. Антонов чертежи прислал, и по ним были построены два планера. Вскоре их вывезли на планерную станцию для испытания. Первым приступил к полетам отец. Вначале, когда он стартовал с середины холма, все шло хорошо. Но при взлете с вершины едва не случилась катастрофа. Из-за дефекта в тросовой системе управления рулем высоты отцу удалось выровнять вошедший в крутое снижение планер лишь у самой земли и чудом избежать гибели. Потом систему переделали и следующие полеты проходили нормально. Отец написал о случившемся О.К. Антонову, и в дальнейшем на всех «Стандартах» система управления была изменена.

Несмотря на большую занятость, отец регулярно переписывался со своей бабушкой Марией Матвеевной, которая по своему желанию жила тогда в Глухове, в семье Варвары Ивановны Марченко - бывшей экономки в нежинском доме Москаленко. 31 июля 1931 г. она написала ему письмо:

«Сию на крылечке, думаю, гадаю,

Письмо дорогого внука я читаю.

Сергуня, мой милый! Спасибо за ласку, за любовь твою. Тихо здесь, спокойно, но сердце тоскует. Садик зеленеет, птички в нем поют, песни их веселые сердце мое жмут. В садике цветочки цветут разноцветные, качают головками, словно говорят: «Что ты так тоскуешь, не тоскуй, родная: детки и внучата любят тебя, дорогая, и, собравшись вместе, вспоминают о тебе: где наша родная мама и бабуся? Как она живет там вдали одинока, часто вспоминает деточек, внучат?».

А внучек-то мой милый, Сергуня, дорогой, все планеры изобретает, строит их, летает, Красной звездой называет, весь мир удивляет. И славу он приносит родимому краю, Великой России, а маме да бабуся - радость, утешенье. Крепко я целую дорогого внука и счастья, здоровья много тебе посылаю, мой милый, родной, дорогой Сергуня.

Любящая крепко твоя бабуня. Пиши мне, родимый. Твои письма - мое утешенье. Слишком одинока я в чужой семье. Нет родного человека, нет и утешенья. Сидишь одиноко. Напиши мне, какие у тебя работы, какие планы, куда летаешь и вообще что подельываешь. Мне все хочется знать. Письма твои я часто читаю, перечитываю - все мое развлечение. Да еще, Сережечка, я так журнал «Огонек» и не получила, ни одного номера. Получаю только газету «Правду», очень жалею за журналом.

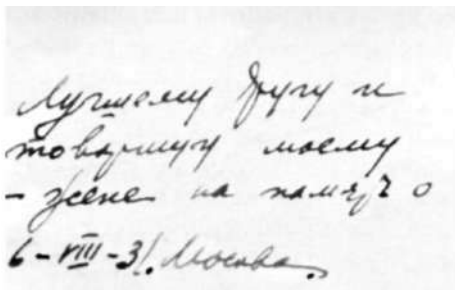
Крепко, крепко целую тебя, всегда думаю о тебе и вспоминаю тебя. Любящая тебя, ты сердце моего сердца, твоя бабуся М. Москаленко.

1931 г.,

31 июля.

Глухов».

В начале августа 1931 г. маму командировали в Москву. По дороге она заехала к родителям в Харьков. Там ждала печальная весть: в числе других работников железнодорожного транспорта арестовали ее отца. Маме разрешили свидание с ним в тюрьме. Максимилиан Николаевич сказал, что желает ей счастья и хотел бы видеть ее женой Сережи Королева, к которому он очень хорошо относится еще со школьных лет. Из Харькова мама послала моему отцу телеграмму и 3 августа он встретил ее на Курском вокзале. Оттуда они поехали на дачу в Барвиху. Мария Николаевна обрадовалась маме как родной

Сергей Королев во время работы над дипломным проектом в 1929 г. Фотография, подаренная им жене в день бракосочетания 6 августа 1931 г. с надписью на обратной стороне

дочери. Задушевным беседам не было конца. Вечером 5 августа они сидели вдвоем на открытой террасе и любовались закатом. Разговор зашел о женьтибе, и Мария Николаевна, со свойственной ей мудростью, советовала маме больше не тянуть, не заставлять Сережу нервничать, переживать и волноваться, потому что это может плохо кончиться - ведь он работает испытателем самолетов. Она считала, что им стоит расписаться, даже если маме не удастся сейчас уехать из Донбасса: все-таки он будет знать, что она - его жена, и успокоится. Вскоре приехал отец. Вдвоем с мамой они пошли гулять на обрыв Москвы-реки и там окончательно решили соединить свои судьбы. Отец категорически настаивал на том, чтобы завтра же идти в ЗАГС. Ни о чем другом он не хотел и слышать. Мама согласилась. Мария Николаевна и Григорий Михайлович ждали их прихода и по выражению лиц поняли, что решение принято. Затем отец уехал на ночные испытания, а мама осталась ночевать на даче. Утром 6 августа она и Мария Николаевна поехали в Москву. Там мама встретила с отцом и они на трамвае отправились на Сretenский бульвар в районный ЗАГС. Он располагался в подвальном помещении. За одним небольшим столом выписывали справки на покойников, регистрировали браки и родившихся детей. Простояв в довольно длинной очереди, мои родители наконец расписались. Они были вдвоем - свидетели тогда не требовались. За оформление документов нужно было заплатить один рубль, а у отца его, как на грех, не оказалось. Он был очень смущен, и хорошо, что этот рубль нашелся у мамы. Молодоженам выписали брачное свидетельство. Обручальных колец у них не было - в ту пору это не было принято. Из ЗАГСа на трамвае («двойке») приехали на Александровскую. Там кроме Марии Николаевны и Григория Михайловича уже находились Юрий Николаевич с Ольгой Яковлевной и Василий Николаевич с Маргаритой Ивановной. Было много цветов, на столе стояло шампанское. Мария Николаевна принесла старинные зеленые хрустальные бокалы. Гости поздравили молодых, а потом отец и мама поехали на извозчике на Курский вокзал - срок маминой командировки заканчивался и поезд уходил в 3 часа дня. Она уехала с огромной охапкой

цветов и фотографией отца, сделанной во время его работы над дипломным проектом, с надписью: «Лучшему другу и товарищу моему - жене на память о 6—VIII—31. Москва».

По дороге мама сделала остановку в Харькове. Прямо с вокзала она зашла на работу к Софье Федоровне. Увидев цветы, та сразу поняла, что произошло, и очень обрадовалась, так как любила моего отца как сына еще с одесских времен. Максимилиан Николаевич все еще находился в тюрьме. В дальнейшем его оправдали, но произошедшее добавило немало седых волос и ему, и его жене. Вскоре после ареста мужа ее переселили из квартиры на Примеровской улице в другую, маленькую квартиру на Холодной Горе. Пришлось искать работу. Она устроилась регистратором в психоневрологический диспансер, но все равно очень нуждалась. Мама неоднократно ездила из Алчевска в Харькове, чтобы поддержать свою маму и арестованного отца, а также привезти кое-какие продукты. Однажды, глубокой осенью, во время очередного возвращения из Харькова произошло непредвиденное. Вблизи станции Изюм, на одном из полустанков, прямо из-под мамы, лежавшей на верхней полке общего вагона, какой-то парень вытащил ее единственное драповое пальто. Выхватил его и убежал. Поезд тронулся, догнать вора было невозможно. Мама очень огорчилась - стояла уже холодная погода, а ходить было не в чем. Спасение пришло в виде выданного ей вскоре на работе ордера на зимнее пальто с маленьким меховым воротником.

Время шло. Мама продолжала работать в Донбассе, хотя была уже законной женой своего мужа, находившегося в Москве. И когда она снова напомнила начальству о том, что хочет уехать, ее и слушать не захотели. Сказали, что надо доработать положенный срок. Тогда, не выдержав, в октябре 1931 г. в Алчевск приехал отец. Он привез маме свой свадебный подарок - золотые швейцарские часы марки «Сима», украшенные маленькими бриллиантами. Покупала их Мария Николаевна, которой он поручил купить часы «самые красивые и самые дорогие, какие есть». Отец сам надел их маме на руку, попросив, чтобы она с ними никогда не расставалась. Так потом и было. Мама носила этот драгоценный дар постоянно, даже когда спускалась в шахту. Уже после смерти отца она подарила эти часы мне. Они и сейчас поражают красотой и точностью хода, а ведь куплены в 1931 г.

Отец решил во что бы то ни стало добиться, чтобы его жену отпустили в Москву. Он обращался в райздравотдел, райсовет, потом в облздравотдел. Отвечали, что все решает центр, то есть Харьков. Проявив настойчивость, отец добился, чтобы 26 октября Алчевская районная инспекция охраны здоровья направила ходатайство в отдел кадров Наркомздрава Украины о возможности перевода врача К.М. Винцентини в Москву, где работает ее муж. А так как ответа не было, отец прислал из Москвы справку от 5 ноября 1931 г., в которой завод № 39 им. Менжинского поддерживал ходатайство старшего инженера С.П. Королева о переводе его жены в Москву. Но уехать мама смогла только незадолго до наступления Нового 1932 года. 26 декабря ей выдали справку о том, что она с «июня 1930 года по настоящее время проявила себя как активный член профсоюза, являясь ударником, принимала участие во всех проводимых кампаниях, особенно по улучшению санитарно-бытовых условий горняков». В характеристике было отмечено: «...т. Винцентини является выдержанным, стойким и преданным работником с инициативой и большой работоспособностью». По дороге в Москву мама захватила в Харькове Софью Федоровну собрала ей скромное «приданое». Все вещи сложили в плетеную корзину с замком. Тогда чаще пользовались

С. С. С. Р.

ВЫСШИЙ СОВЕТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

ЗАВОД № 39
им. т. МЕНЖИНСКОГО

ОТДЕЛ

Почтовый адрес:
Москва, 40. Почтовый ящик № 31
Адрес для телеграмм:
Москва, ЗАВОД № 39

На В/№ _____ Н/ак. № _____

Выдана настоящая справка г-р. КОРОЛЕВУ Сергею Павловичу в том, что он действительно работает Старшим инженером ГСЗ завода, ведя ответственную работу по специальности и как кадровый работник - специалист закреплен за заводом.

Настоящая справка выдана для представления в Наркомздрав УССР по вопросу перевода жены инженера КОРОЛЕВА, по месту жительства его в г. Москву. Завод считает вполне целесообразным удовлетворение ходатайства инженера и поддерживает последнее.

ПО ВОПРОСУ:

ОТН. 2 экз.
С.И.Эг.

ДИРЕКТОР ЗАВОДА /ИЗБЕЦОВ/

471-31

Приложено на _____ листках. Ответ ожидается с/г.

Справка, выданная С.П. Королеву директором завода № 39 им. Менжинского с поддержкой ходатайства о переводе его жены в Москву. 5 ноября 1931 г.

такими корзинами и фанерными коробками, чем чемоданами. Вот с этой корзиной мама и появилась в Москве. Отец встречал ее на вокзале.

Поселились молодые в квартире на Александровской, в той самой комнате, где создавались «Коктебель», «СК-4» и «Красная Звезда». Мария Николаевна приняла невестку очень тепло и делала все возможное, чтобы ей было хорошо. Она подарила молодоженам серебряные ложки с их монограммами. Мама привезла отцу свадебный подарок своих родителей - малахитовые запонки. Они ему очень понравились и отец постоянно их носил.

Приехав в Москву, мама не представляла, где будет работать. Прошло почти два года после окончания института. Она работала все это время санитарным врачом и не имела навыков лечебной работы. Б.С. Фейтельсон, переехавшая с мужем в Москву раньше мамы, предложила устроить ее в санитарное управление Кремля. Но мама отказалась. Ей не хотелось снова работать санитарным врачом, она стремилась стать хирургом. И здесь на помощь пришел отец. Они поехали к профессору В.Н. Розанову и его сыну Игорю, с которым отец вместе работал. Розановы тогда жили на втором этаже одного из корпусов больницы им. С.П. Боткина. Их приветливо встретили. Поговорив с мамой, профессор сказал, что поможет ей начать работать хирургом-экстерном, а там будет видно. Но для этого предстояло еще получить разрешение главного врача больницы - Бориса Абрамовича Шимелиовича. На следующий день мама пошла к нему. Она потом вспоминала, как он, оглядев ее с головы до ног, сказал: «Такая худенькая девочка и хочет быть хирургом? Я подумаю». Он думал два дня, а мама умирала от страха, что ее могут не взять. Но он ее принял и еще

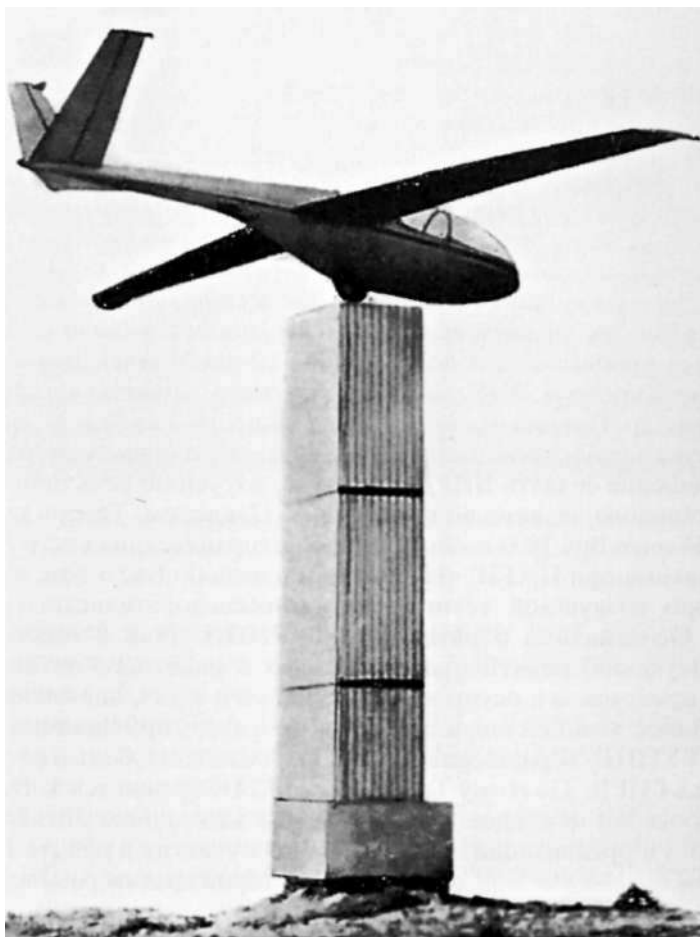
много хорошего сделал для нее в жизни, особенно после ареста отца. Поступить тогда на работу в Боткинскую больницу было большой удачей. Эта больница, построенная в 1910 г. на средства коммерческого советника К.Т. Солдатенкова, имела высокую репутацию не только в Москве, но и по всей стране. Она была одной из самых крупных московских больниц, но тем не менее стать ее штатным сотрудником было почти невозможно. Приходилось работать экстерном, то есть бесплатно, к тому же и стаж не учитывался. Поэтому мама пошла работать еще и в хирургический кабинет амбулатории № 20 на Малой Грузинской улице. Заведующий кабинетом, в прошлом земский врач, многому ее научил. Но и она старалась не за страх, а за совесть. Мама оказалась не единственным экстерном в Боткинской больнице. Штатных врачей тогда было мало. Так, на весь второй корпус - два огромных отделения - было всего два штатных врача и вместе с мамой шесть экстернов, которые много дежурили, оперировали и выполняли в сумме больше работы, чем штатные сотрудники. Экстернов переводили из отделения в отделение. Они по очереди работали в так называемой «чистой» хирургии, гнойном и онкологическом отделениях. И хотя им не платили денег, все они очень дорожили своей работой, так как имели здесь большую практику и отличную школу. Даже время отпуска согласовывали вначале на бесплатной, а затем уже на платной работе. И мама, несмотря на все сложности, была довольна: она занималась любимым делом и приносила реальную пользу людям.

В августе 1931 г. ОКБ и завод № 39 им. Менжинского были объединены с ЦАГИ. Отец, как всегда, был безумно занят. Каждое воскресенье осенью 1931 г. и зимой 1931/1932 г. они с Флеровым ездили на планерную станцию обучать начинающих планеристов. В голове отца постоянно роились новые планы, проекты, идеи. Позади остались учеба в МВТУ, летная школа, планерные состязания в Крыму.

В августе 1982 г. я отдыхала в Коктебеле, или Планерском, как с 1937 г. до недавнего времени назывался этот поселок. Я поехала именно туда, поскольку мне хотелось посетить те места, где бывал мой отец. К тому времени я уже побывала в Житомире, Киеве, Нежине, Одессе, и вот теперь Коктебель - колыбель советского планеризма, место, где более полувека назад отец летал на планерах. Красивый и живописный, этот уголок Крыма имеет много достопримечательностей. И прежде всего - единственный в СССР (не знаю, существует ли он сегодня) и второй в мире музей планеризма. Первый - Национальный музей планеризма - открылся в июле 1969 г. в США, в городке Харрис Хилл штата Нью-Йорк, где когда-то начали полеты американские планеристы. В Коктебеле музей начал работать позднее - 14 ноября 1970 г. Он создавался на турбазе «Приморье», а затем был переведен на окраину поселка в специально построенное для него здание. Здесь была собрана история отечественного планеризма от первых русских планеров и их изобретателя - морского офицера Александра Можайского - до наших дней. В музее я встретилась с бывшим планеристом, участником планерных состязаний в Коктебеле, академиком Олегом Константиновичем Антоновым, приехавшим в родной для него Коктебель, чтобы открыть новые соревнования - теперь уже дельтапланеристов. Он рассказал нам много интересного о проходивших здесь состязаниях 20-х - 30-х годов, о знакомстве и последующих встречах с моим отцом. Я смотрела на невысокого, худощавого, необыкновенно скромного и обаятельного человека и не могла себе представить, что под его руководством создаются гигантские мощные «Антей». Вместе с Олегом Константиновичем мы посидели в дельтаплане, а затем поехали на гору Клементьева,

где уже собрались дельтапланеристы, желавшие показать свое мастерство. На торжественное открытие соревнований кроме О.К. Антонова приехали наши прославленные летчики С.Н. Анохин и М.К. Раценская.

С большим волнением ступила я на эту священную для меня землю и невольно представила, как мой отец, провожаемый взорами таких же влюбленных в небо ребят, отрывает свой планер от земли и парит в воздухе. Как это страшно и прекрасно - лететь как птица! Замечательно, что через полвека после открытия первых планерных состязаний, 9 сентября 1973 г., на переднем уступе горы Клементьева был установлен монумент в честь отчаянных юных романтиков - «Памятник крылатым».

ГРУППА ИЗУЧЕНИЯ РЕАКТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ (1931-1933)

Кроме женитьбы 1931 год знаменателен еще одним важным событием в жизни отца: осенью при Центральном Совете Осоавиахима создается Московская группа изучения реактивного движения - МосГИРД - во главе с Ф.А. Цандером. В дальнейшем, с 1 мая 1932 г., начальником ее стал отец. Созданию МосГИРД предшествовала организация в начале 1931 г. при Бюро воздушной техники ЦС Осоавиахима секции реактивных двигателей, впоследствии (в 1932 г.) переименованной в ЦГИРД - Центральную группу изучения реактивного движения. Она должна была координировать работу аналогичных групп, возникших в связи с широко развернувшейся пропагандой и популяризацией ракетоплавания в ряде городов страны: Харькове, Тифлисе, Архангельске, Новочеркасске, Брянске, Ленинграде и др. Инициатором этой деятельности был Ф.А. Цандер. 18 июля 1931 г. состоялось организационное заседание инициативной группы, где приняли решение создать БИРД - Бюро по изучению реактивных двигателей и реактивного летания во главе с Ф.А. Цандером. Теперь нужны были кадры, и 23 сентября 1931 г. Ф.А. Цандер отправляет письмо в Бюро ячеек Осоавиахима при ЦАГИ: «Настоящим извещаю Вас о том, что при БВТ НИС (Бюро воздушной техники научно-исследовательского сектора. - *Н.К.*) ЦС Осоавиахима образовалась ГРУППА (так в тексте письма. - *Н.К.*) по изучению реактивных двигателей и ракетного летания (ГИРД). ГРУППА приступила к осуществлению целей и задач, поставленных перед нею. Успешное выполнение плана возможно лишь при наличии серьезного актива в ГРУППЕ, воодушевленного и понимающего большие задачи, стоящие перед ГИРД. Поэтому Бюро ГРУППЫ обращается к Вам с убедительной просьбой немедленно приступить к выявлению актива на Вашем предприятии и организации этого актива для участия в работе ГИРД.

При сем присылаем Вам объявление, которое просим размножить на машинке, вывесить на видных местах, и также путем опроса лиц, о которых Вам известно, что они интересуются данным вопросом, собирать список интересующихся. Этот список просим переслать Ф.А. Цандеру».

Тремя днями раньше о создании ГИРД сообщает в своем письме К.Э. Циолковскому ответственный секретарь Группы И.П. Фортиков. Таким образом, можно считать, что рождение ГИРД произошло в сентябре 1931 г., хотя первым рабочим документом ее является «Социалистический договор по укреплению обороны СССР» между председателем Бюро воздушной техники НИС ЦС Осоавиахима СССР Я.Е. Афанасьевым и старшим инженером ИАМ (Института авиационного моторостроения) Ф.А. Цандером от 18 ноября 1931 г. о том, что «...Цандер берет на себя проектирование и разработку

Сумарокова С. П. Черановский
Фридрих Цандер
Заботин Левкицкий
Фортиков

В Осоавиахиме. Слева направо: Ф.А. Цандер, Ю.А. Победоносцев, Заботин, С.П. Королев, Н.В. Сумарокова, А. Левицкий, И.П. Фортиков, Б.И. Черановский. Москва, 1931 г.

рабочих чертежей и производство по опытному реактивному двигателю ОР-2 к реактивному самолету РП-1». Дата подписания этого договора считается начальной вехой деятельности ГИРД.

Отец познакомился с Ф.А. Цандером в 1931 г. и сразу проникся глубоким уважением к этому незаурядному человеку. Их сотрудничество было, к сожалению, недолгим - менее двух лет.

Фридрих Артурович Цандер родился в Риге 11 августа 1887 г. в семье врача. В автобиографии он вспоминал, что с детства мечтал о полетах на другие планеты. В 1904 г. он прочитал работу К.Э. Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами», которая произвела на 17-летнего Цандера огромное впечатление, так как открывала реальные пути и возможности преодоления земного тяготения. С того времени его полностью захватила идея межпланетных полетов. В 1905 г. Цандер, будучи студентом механического отделения Рижского политехнического института, принимает активное участие в организации студенческого воздухоплавательного общества. Окончив институт и проработав несколько лет на Рижском резиновом заводе «Проводник», он в 1915 г. вместе с заводом переезжает в Москву. В свободное от работы время занимается теорией ракет и ракетных двигателей, а также другими вопросами, связанными с пребыванием человека вне атмосферы Земли. Одновременно развивает кипучую пропагандистскую

деятельность, публикуя статьи, делая научно-популярные доклады. Так, в конце 1920 г. он докладывает на губернской конференции изобретателей свой проект двигателя для межпланетного корабля-самолета, а в 1924 г. журнал «Техника и жизнь» публикует его первую статью «Перелеты на другие планеты». Позднее им написана крупная работа по теории ракетных двигателей, изданная в 1932 г. отдельной книгой, - «Проблемы полета при помощи реактивных аппаратов». Ф.А. Цандер подарил ее моему отцу с надписью: «Глубокоуважаемому С.П. Королеву от автора. 11/VI 32 г. Ф. Цандер». Один экземпляр этой книги со штампом «ГИРД, библиотека» служил настольным руководством для конструкторов-гирдовцев.

Популяризаторами ракетоплавания в то время были и ленинградские ученые, в первую очередь, Яков Исидорович Перельман - автор множества научно-популярных книг, с которым в 30-е годы отец вел переписку по проблеме межпланетных полетов. В 1915 г. Я.И. Перельман опубликовал свой труд «Межпланетные сообщения», где доступно и образно изложил идеи К.Э. Циолковского. Книга была издана в России и за рубежом и пробудила интерес к работам гениального российского самородка.

Другим известным ленинградским ученым - популяризатором ракетной техники - был Николай Алексеевич Рынин, автор книги «Межпланетные сообщения», девять выпусков которой стали своеобразной энциклопедией космонавтики того времени. Я.И. Перельман и Н.А. Рынин входили в состав Русского общества любителей мироведения - первой в нашей стране общественной организации, поставившей целью популяризацию идей межпланетных полетов. Она была создана в 1909 г. в Петербурге ученым-революционером, в дальнейшем почетным членом АН СССР Н.А. Морозовым. Почетным и пожизненным членом РОЛМ был с 1919 г. К.Э. Циолковский. В 1928 г. Н.А. Рынин возглавил секцию межпланетных сообщений в Ленинградском институте инженеров путей сообщения. В 1929 г. он же выступил в печати с предложением организовать Национальный или Международный научно-исследовательский институт межпланетных сообщений, подробно представив структуру и задачи задуманного им учреждения.

В Москве в 1924 г. при Военно-научном обществе Академии воздушно-го флота была образована секция, а затем Общество изучения межпланетных сообщений под председательством Г.М. Крамарова. В организации Общества активное участие принимал Ф.А. Цандер. Он стал членом Президиума Общества и руководителем секции реактивного движения. Почетным председателем общества был избран К.Э. Циолковский - «первый, указавший реальный путь осуществления межпланетных сообщений», как писала в то время московская газета «Вечерние известия». 23 августа 1924 г. на собрании воздухоплавательной секции ВНО АВФ К.Э. Циолковский сделал доклад о своих работах. Общество просуществовало лишь около одного года, но сыграло заметную роль в пропаганде идеи полетов на другие планеты.

24 апреля 1927 г. в доме № 68* на Тверской улице в Москве по инициативе членов общества Ассоциация изобретателей - изобретателям (АИИЗ) открылась «Первая мировая выставка моделей межпланетных аппаратов и механизмов», где были представлены достижения в этой области отечественных и зарубежных ученых. Энтузиасты ракетной техники решили отметить этой

* Сейчас - № 28. - Н.К.

выставкой юбилей К.Э. Циолковского, которому в сентябре 1927 г. исполнилось 70 лет. К сожалению, сам ученый не сумел по состоянию здоровья лично участвовать в выставке. Он прислал ее организаторам приветствие и свои книги. Немецкий ученый и изобретатель Герман Оберт, один из пионеров ракетной техники, направил на выставку описание своей ракеты, американский ученый-физик Роберт Годдард - схему ракеты-самолета, немецкий изобретатель Макс Валье, пропагандист идеи межпланетных полетов, - множество литературы со своими статьями. Ф.А. Цандер представил модель крылатой ракеты и сам давал пояснения у своего стенда. Выставка работала в течение двух месяцев и имела большой успех. Она усилила интерес широкой общественности к идеям К.Э. Циолковского, которые приобрели благодаря ей новых сторонников.

К этому времени в Ленинграде уже функционировала первая советская научно-исследовательская и конструкторская организация в области ракетостроения. Она была основана в 1921 г. в Москве при Комитете по делам военных изобретений Высшего Совета народного хозяйства ученым-химиком Н.И. Тихомировым для разработки ракетных снарядов на бездымном порохе. В 1925 г. лабораторию Н.И. Тихомирова перевели в Ленинград, а в 1928 г. она была расширена и реорганизована в Газодинамическую лабораторию (ГДЛ) Военного научно-исследовательского комитета Реввоенсовета СССР. Руководителем ее по-прежнему оставался Н.И. Тихомиров. Здесь работали ныне широко известные ученые, изобретатели, конструкторы В.А. Артемьев, Б.С. Петропавловский, И.Т. Клейменов, Г.Э. Лангемак, В.П. Глушко, имена которых вошли в историю отечественного ракетостроения. В начале 30-х годов испытательные стенды и мастерские ГДЛ размещались в ряде мест Ленинграда, в частности в центральной части Главного Адмиралтейства и Иоанновском равелине Петропавловский крепости. К 40-летию ГДЛ на этих зданиях были установлены мемориальные доски. Знаменательно, что именно в Петербурге был разработан в 1881 г. первый проект пилотируемого летательного аппарата с пороховым ракетным двигателем. Автор проекта - народоволец Н.И. Кибальчич, приговоренный к смертной казни за изготовление бомбы, убившей царя Александра II. За несколько дней до казни он писал: «...я верю в осуществимость моей идеи, и эта вера поддерживает меня в моем ужасном положении. Если же моя идея, после тщательного обсуждения учеными-специалистами, будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу Родине и человечеству. Я спокойно тогда встречу смерть, зная, что моя идея не погибнет вместе со мною, а будет существовать среди человечества, для которого я готов был пожертвовать своей жизнью». Проект изобретателя долгие годы пылился в архивах жандармского управления и впервые полностью опубликован только в 1918 г.

В начале 30-х годов идея межпланетных полетов уже полностью завладела отцом. Мария Николаевна вспоминала, как осенью 1931 г. он пришел домой с тремя товарищами и сказал, что обедать не будет, так как у них серьезное дело. Они закрылись в его комнате и сидели там часа четыре. Мария Николаевна наконец не выдержала, принесла им чай и еду. Тогда она и познакомилась с пришедшими. Это были Ф.А. Цандер, М.К. Тихонравов и Ю.А. Победоносцев. Наибольшее впечатление на бабушку произвел Ф.А. Цандер. Он был старше всех, имел небольшую бородку, назвал кроме имени свое отчество и, здороваясь, поцеловал ей руку. Мужчины обсуждали вопрос об организации ГИРД. Решили, что начальником ее станет Ф.А. Цандер, а председателем

Дом на углу Садово-Спасской улицы и Орликова переулка в Москве, в подвале которого в 1932-1933 гг. размещалась Группа изучения реактивного движения. Фотография 1990-х годов

технического совета мой отец. Наметили и структуру ГИРД: четыре бригады, каждая из которых должна решать свои конкретные задачи. Наиболее трудным оказался вопрос: как проверить теорию на практике, где изготавливать первые ракеты и проводить их летные испытания. Каждое предприятие страны было в то время предельно загружено и заказ на опытные работы никто выполнять не брался. Значит, требовалась собственная производственная и экспериментальная база. Следовало определиться и с помещением. После долгих поисков решили, что наиболее подходящим является подвал четырехэтажного дома на углу Садово-Спасской улицы и Орликова переулка, в котором в конце двадцатых годов находилось конструкторское отделение планерной школы. 6 апреля 1932 г. Осоавиахим арендовал это помещение для своей новой организации. Требовались кадры энтузиастов, преданных делу, готовых работать день и ночь не за вознаграждение, а во имя идеи, и, конечно, соответствующее оборудование. Работа закипела. Отец приходил домой только к ночи, потому что днем работал в ЦАГИ, а вечерами решал в ГИРД множество технических, производственных и административных задач. В один из апрельских дней 1932 г. он предложил своим товарищам начать подготовку будущей производственной базы ГИРД. В тот вечер на углу Садово-Спасской улицы и Орликова переулка собралась довольно большая груп-

па людей. Кроме отца там были Ю.А. Победоносцев, М.К. Тихонравов, Е.С. Щетинков, Е.М. Матысик, О.К. Паровина, Н.И. Шульгина, З.И. Круглова, В.П. Авдонин, Е.И. Снегирева, В.В. Горбунов и другие. Открыв фанерную дверь, по темной крутой лестнице, ощупью, спустились в глубокий холодный подвал и сразу окунулись в тяжелую, влажную атмосферу. Помещение находилось в плачевном состоянии. Полы - земляные, стены, покрытые плесенью, источали сырость. Электричества не было. В проходе громоздилась тяжелая, грязная, мокрая оболочка аэростата, которую общими усилиями с большим трудом вытащили наверх и погрузили на машину. Только через 5-6 дней подвал очистили от хлама и грязи. Гирдовцы проводили освещение, устанавливали перегородки для разделения служб и конструкторских бригад, настилали в «кабинетах» полы, ставили печи-голландки. Но даже в летнее время, проработав несколько часов днем в подвале, гирдовцам приходилось выходить наверх и отогреваться под лучами солнца.

И все-таки первый шаг был сделан: подготовлено помещение площадью 650 кв. м под производственную базу. Настало время разворачивать опытное производство. Требовалось добыть и установить станки, верстаки, другое оборудование, получить инструменты, материалы. Вскоре механическую мастерскую удалось оснастить строгальным и шестью токарными станками, большинство которых списали с баланса других предприятий. Для пуска станков требовалось подвести промышленный электроток в жилой дом. Но и этот вопрос удалось быстро решить - станки заработали. Небольшой производственный коллектив, не имея достаточного оборудования, инструментов и условий для работы, стал создавать сложные детали и изделия за счет смекалки и виртуозности исполнителей. Ведущие конструкторы и начальники бригад ГИРД работали в тесной связи с производственниками и многие удачные конструктивные решения рождались именно в результате такого содружества. Теперь гирдовцы после окончания основной работы шли не домой, а в «свой» подвал, для всех уже ставший родным. Он постепенно становился главным рабочим местом, где каждый стремился быть полезным в новом деле. Сбывалась мечта отца: он работал на предприятии, назначением которого было осуществление ракетного полета. Если ЦГИРД несла в основном организационные и просветительские функции, то ГИРД предназначалась для проведения экспериментальных работ по созданию ракет и двигателей. Руководство научно-технической проблематикой осуществлял технический совет ГИРД. Председателем его был отец, членами - Н.И. Ефремов, Н.А. Железников, Л.К. Корнеев, Ю.А. Победоносцев, М.К. Тихонравов, Ф.А. Цандер, А.В. Чесалов и Е.С. Щетинков. Такая форма работы себя оправдала и оказалась плодотворной. Этот же принцип позднее стал основой руководства ракетно-космическими разработками - тогда эффективно работал Совет Главных.

Конструкторских бригад, как и планировали, сформировали четыре. Первую бригаду возглавлял Ф.А. Цандер. Вместе с ним работали: старший инженер Л.К. Корнеев, инженеры А.И. Грязнов, Л.С. Душкин, А.И. Подлипаев, А.И. Полярный и А.В. Саликов, конструкторы Н.М. Вевер, Л.Н. Колбасина, Е.К. Мошкин и С.С. Смирнов. В первой бригаде разрабатывалось несколько тем: «01» - ракетный двигатель ОР-1 (опытный реактивный); «02» - ракетный двигатель ОР-2 и «10» - ракета, использующая элементы собственной конструкции в качестве топлива.

Второй бригадой руководил М.К. Тихонравов. В ее состав входили: старший инженер Н.И. Ефремов, инженеры Я.А. Голышев, В.С. Зуев и

Начальник ГИРД и Председатель
технического совета
Королев С.П.

Ст. инженер
Победоностцев Ю.Я.

Ст. инженер
Чесалов Я.В.

Ст. инженер
Цандер Ф.А.

Ст. инженер
Тихонравов М.И.

Ст. инженер
Щепиников Е.С.

Ст. инженер
Борисенко Н.И.

Ст. инженер
Железников П.Я.

Технический совет ГИРД. 1932–1933 гг.

Ф.Л. Якайтис, конструкторы В.А. Андреев, В.Н. Галковский, З.И. Круглова, О.К. Паровина и Н.И. Шульгина, а также чертежница Е.И. Снегирева. Во второй бригаде разрабатывались темы: «03» - двигатель РДА-1 с насосной подачей компонентов для ракетоплана РП-2, «05» - ракета под двигатель на азотной кислоте и керосине ОРМ-50 (опытный ракетный мотор-50) конструкции ГДЛ, «07» - ракета с двигателем на жидком кислороде и керосине и «09» - ракета с использованием топлива смешанного агрегатного состояния (жидкий кислород + сгущенный бензин). Обе бригады занимались разработкой ракет и ракетных двигателей.

Третью бригаду - прямооточных воздушно-реактивных двигателей и газодинамических испытательных установок - возглавлял Ю.А. Победоносцев. В этой бригаде работали: старший инженер М.С. Кисенко, инженеры Г.И. Иванов, В.Е. Лисичкин и В.А. Тимофеев, конструкторы Л.Э. Брюккер, И.А. Меркулов и О.С. Оганесов, механики Н.Н. Краснухин и А.Б. Рязанкин. Бригада работала над созданием аэродинамической трубы со скоростями потока, превышающими скорость звука (тема «04») и разрабатывала снаряд с прямооточным воздушно-реактивным двигателем (тема «08»).

Руководителем четвертой бригады - ракетопланов и крылатых ракет - был мой отец. В эту бригаду входили: старший инженер Е.С. Щетинков, инженеры Н.А. Железников, С.А. Пивоваров и А.В. Чесалов, конструкторы В.В. Горбунов и Г.Н. Федотов, механики А.М. Дурнов и Б.А. Пивоваров, чертежница В.В. Иванова. В бригаде разрабатывалась тема «06» - проектирование ракетоплана РП-1 под двигатель Ф.А. Цандера ОР-2, велись работы над ракетопланом РП-2 и беспилотной крылатой ракетой.

Важную роль во всех работах играли механики, осуществлявшие монтаж объектов и их испытания. Это требовало высокой квалификации, творческого отношения к делу и широкого технического кругозора. Неудивительно, что механики ГИРД были не простыми исполнителями, а такими же специалистами, как конструкторы и инженеры. Неписанным законом коллектива гирдовцев были взаимная помощь и бескорыстие. Помогали смекалка, умение найти нестандартный выход из трудного положения. Так, для одновременного снятия показаний приборов на пульте управления аэродинамической трубой решили эти приборы фотографировать. Пришлось применить фотовспышку, но ее частое многократное включение создавало невероятный чад. Возникла идея заменить вспышку дуговыми лампами, однако средств на их покупку в ГИРД не было. Тогда собрали деньги между собой и с большим трудом, но все же уговорили администрацию одного из московских кинотеатров продать несколько дуговых ламп. И этот случай не был единичным.

Каждая бригада имела свое помещение со столами, стульями, чертежными досками. Дневного света не было, поскольку небольшие подвальные окна были обшиты снаружи листовым железом, а внутри фанерой и покрашены краской. Инструментов, калки, бумаги не хватало, приходилось приносить из дома. Когда для пайки некоторых соединений двигателя потребовалось серебро, то, не сговариваясь, многие принесли - кто чайную ложку, кто стопку или другие предметы домашнего обихода. Было тесновато, холодновато, но люди не унывали - они горели желанием работать.

Кроме конструкторских бригад в подвале ГИРД размещались испытательные стенды, слесарно-медницкий цех и наковальня, участки сборки ракет. Имелись комнаты общественных организаций, инженерно-технических работников, работающих по совместительству, техническая библиотека,

кабинет начальника Группы, комната секретаря, буфет, в котором гирдовцы наскоро завтракали и ужинали стаканом молока или сметаны. Летом 1932 г. появилась финансовая часть.

Раньше всего началась работа в конструкторских бригадах. Добровольно, на общественных началах, не получая денег за труд, гирдовцы задерживались иногда до полуночи, готовя рабочие чертежи изделий новой тогда ракетной техники. Не зря они сами в шутку расшифровывали название ГИРД как «Группа инженеров, работающих даром».

В начале 1932 г. в газете «Техника» (№ 4 и 30) были опубликованы статьи о ГИРД, вызвавшие заинтересованные отклики читателей. 30 марта 1932 г. «Техника» № 31 напечатала обзор писем, поступивших в редакцию и Осоавиахим. Отец вырезал эту публикацию, и она хранилась в его личной папке. Письма были пронизаны гордостью от сознания, что в нашей стране ведутся такие важные и нужные работы. Так, К.Э. Циолковский, обращаясь к энтузиастам ракетной техники, писал: «Вы проявили такую деятельность и так настойчивы, что я не считаю себя вправе более молчать. Удивляюсь и радуюсь вашей энергии. Несомненно, одолению заатмосферного пространства предшествует овладение разреженными слоями атмосферы - стратосферы. Деятельность ваша необычайная и полезная, и я желал бы отметить ее в одной из своих книжек». Я.И. Перельман также не мог не откликнуться: «Меня радует, что ваши труды завершились известным успехом в смысле сплочения сил, могущих помочь делу звездоплавания. Я готов служить ему всем, чем могу. Желаю успеха и ярких достижений». Профессор Н.А. Рынин спешил сообщить: «Рад образованию в Москве ГИРДа, который следовало бы давно организовать. Поздравляю с началом большого дела.» Электротехник А. Бойко из Одессы, инженер Е. Луценко из Тифлиса, студент Пермского университета Рыков и другие приветствовали организацию ГИРД и выражали готовность всячески помогать ее деятельности. Одно из писем пришло от члена Союза воздухоплавания Берлина Вилли Лея. Он писал: «Меня очень радует, что и в СССР также произошло объединение людей, работающих в области ракетного дела. Желаю ГИРД успешной плодотворной работы». В том же номере газета выступила со статьей «Создадим Всесоюзный фонд «Штурм стратосферы»». Эта статья, с ярко подчеркнутым отцом заголовком, тоже была им сохранена. В ней были такие строки: «В целях обеспечения материальной базы для научно-исследовательских работ ГИРДа и идя навстречу запросам своих читателей, «Техника» решила создать **СПЕЦИАЛЬНЫЙ ФОНД - «ШТУРМ СТРАТОСФЕРЫ»**. Создаваемый нами фонд должен помочь уже в текущем году осуществить полет в стратосферу на азростате специальной конструкции, осуществить полет на ракетоплане и пуск ряда **ракет различного назначения**. Это - программа-минимум... ЭТУ ПРОГРАММУ МЫ НАДЕЕМСЯ ОСУЩЕСТВИТЬ СОВМЕСТНО С ОСОАВИАХИМОМ («ГИРД») ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ВСЕЙ СОВЕТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ». Далее, под заголовком «Вносим, вызываем», также подчеркнутым отцом, сообщается: «Коллектив работников редакции «Техники» вносит в республиканский фонд «Штурм стратосферы» первый взнос в сумме 110 рублей и вызывает последовать его примеру другие редакции центральных и местных газет, журналов и издательств, а также коллективы фабрично-заводских газет. Кроме того, редакция вызывает персонально...». В списке названных лиц фамилии Тухачевского, Эйдемана, Степанченка, Арцеулова, Кошица, Туполева, Ветчинкина, Рынина, Цандера, Тихонравова, Королева и многих других.

3 марта 1932 г. состоялось совещание под председательством М.Н. Тухачевского с участием начальников управлений РККА, руководителей ГИРД и ГДЛ, где отец сделал доклад о перспективах реактивного движения и планах организации. На совещании был поставлен вопрос о создании Реактивного института, но в первую очередь - о расширении производственно-экспериментальной базы. В результате 25 апреля 1932 г. только что назначенный на пост председателя ЦС Осоавиахима Р.П. Эйдемман по указанию М.Н. Тухачевского подписал приказ о создании «Опытного завода ЦГИРД», на основании которого ГИРД получала свое производство и испытательную базу.

Через два с половиной месяца после подписания приказа, 10 июля 1932 г., состоялось еще одно совещание, теперь уже в кабинете Р.П. Эйдемана. Доклад отца о состоянии работ и программе деятельности ГИРД был встречен с одобрением. Через 4 дня, 14 июля 1932 г., издается новый приказ Р.П. Эйдемана о преобразования ГИРД из сугубо общественной группы в научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую организацию по разработке ракет и двигателей, утверждаются ее организационная структура, руководящий состав и направления работы. Этим же приказом С.П. Королев назначается начальником ГИРД, причем задним числом - с 1 мая 1932 г. Это была первая в его жизни руководящая административно-научная должность.

И здесь нельзя не сказать о важной роли, которую сыграл в становлении ГИРД начальник вооружений РККА, заместитель наркомвоенмора СССР Михаил Николаевич Тухачевский. Подробную информацию о работе ГИРД он получил от заместителя начальника Управления военных изобретений РККА Я.М. Терентьева. Яков Матвеевич вспоминал, как летом 1932 г. в Управление военных изобретений Наркомата по военным и морским делам СССР пришли мой отец и Л.К. Корнеев, который был тогда секретарем партийной организации ГИРД. Они рассказали о своей работе и попросили помощи у Наркомата. Их рассказ был пронизан такой убежденностью и деловым напором, что Я.М. Терентьев решил лично познакомиться с работой Группы. Через несколько дней он приехал на Садово-Спаскую, где его встретили отец и Л.К. Корнеев. Я.М. Терентьев вспоминал, как вместе с ними спустился в подвал и был потрясен обстановкой, которую там увидел: неоштукатуренные кирпичные стены, «кабинеты» без дверей или с самодельными дверями. На столах лежали чертежные доски, над которыми склонились молодые люди. Его поразили их энтузиазм и компетентность. Они уверенно отвечали на любые вопросы. Обратил он внимание и на квалифицированно выполненные детали двигателей. Ему пояснили, что сотрудники, работающие на предприятиях, берут с собой подготовленные в ГИРД чертежи, после работы изготавливают там эти детали и затем приносят их в сборочный цех ГИРД. Каждый нес сюда все, что мог, покупая на личные средства недостающее.

В ГИРД Я.М. Терентьев познакомился с Ф.А. Цандером. Запомнилось его худощавое лицо с небольшой бородкой. Фридрих Артурович, смущенно извиняясь за небогатую обстановку, стал знакомить гостя с работой Группы, показывая эскизы и проекты реактивных двигателей и ракет. Рассказ его был убедителен и подкреплен доводами с таким глубоким инженерным пониманием дела, что Я.М. Терентьев поверил в реальность задуманного. Он понял, что здесь работают не фантазеры, а серьезные люди и они действительно нуждаются в помощи. Перед уходом он похвалил гирдовцев и пообещал принять меры по улучшению условий их работы.

Я.М. Терентьев сразу же доложил результаты своего посещения М.Н. Тухачевскому. Михаил Николаевич, внимательно выслушав его, попросил уточнить, какая существует разница в направлениях работы между ГДЛ и ГИРД. Его интересовали подробности биографии Ф.А. Цандера, кадровый состав обеих организаций, их ближайшие планы. Будучи умным и дальновидным военачальником, М.Н. Тухачевский ясно понимал перспективную важность ракетной техники для обороны страны и нашел способы и средства помочь ГИРД. С августа 1932 г. Московская группа изучения реактивного движения стала финансироваться Управлением военных изобретений. В Группе появились финансовая часть в лице бухгалтера Г.И. Хренова и счет в Госбанке. Стало возможным увеличить штат оплачиваемых сотрудников.

*Маршал Советского Союза
Михаил Николаевич Тухачевский.
Фотография 1930-х годов*

Однако денег не хватало. Вся страна испытывала громадные трудности. Недоставало средств на первоочередные задачи развития народного хозяйства. Действовала карточная система. К тому же многие работники госаппарата скептически относились к возможности ракетного полета и смотрели на гирдовцев как на людей «не от мира сего». В.А. Андреев вспоминал, что им часто отказывали в выдаче продовольственных карточек, поскольку «мы бездельников не кормим». И только благодаря настойчивости отца вопрос был улажен. «Кому нужны заатмосферные полеты, когда на земле столько дел?» - слышали гирдовцы в ответ на скромные просьбы о помощи. И все же к концу 1932 г. инженерно-технический состав ГИРД был полностью укомплектован в соответствии со штатным расписанием - 44 человека. Она включала четырех руководителей бригад, 19 инженеров (из них 8 старших), 13 конструкторов, двух чертежников, трех механиков, одного мастера и двух техников. Приходили на работу в 8 утра, а уходили, в зависимости от срочности дел и объема задания, в 5-6 вечера, а иногда и в 12 ночи. Бывало, задерживались до утра. Что же касается Ф.А. Цандера, то казалось, что он вообще все время проводил на работе. Лицо, озаренное светом настольной лампы, выглядело бледным и исхудавшим, шея всегда была укутана теплым шарфом, но он подбадривал всех и призывал: «Вперед, на Марс!». Совершенно не считаясь со временем, он нередко оставался ночевать прямо на рабочем месте. В.А. Андреев вспоминал, что однажды отец, пришедший на работу раньше других, увидел полоску света под дверью первой конструкторской бригады. Он открыл дверь. За столом сидел Ф.А. Цандер и стучал на пишущей машинке. Как оказалось, он проработал целые сутки и не подозревал, что уже начался новый рабочий день. После этого случая отец отдал распоряжение: уходящему последним Ф.А. Цандера уволить с собой.

Гирдовцы относились к Фридриху Артуровичу с большой теплотой. Они знали: все деньги он отдает семье, и когда видели, что Цандер не идет обедать, покупали в буфете еду и тайком оставляли ее в консервных банках в ящике стола, где он хранил пищу. Вечером Фридрих Артурович открывал ящик, чтобы взять сухарик, и с детской непосредственностью изумлялся, увидев там нечто большее.

Ф.А. Цандер был душой ГИРД. По воспоминаниям соратников, его отличали обаяние, скромность, застенчивость. Однако он проявлял силу воли и настойчивость, когда приходилось преодолевать трудности и неполадки. Он так верил в осуществимость межпланетных полетов, что даже своим детям дал «звездные» имена - Астра и Меркурий. Его убежденность и самозабвенная преданность делу во многом способствовали созданию работоспособного и дружного коллектива ГИРД.

Ф.А. Цандер часто бывал на Александровской, где жили мои родители. Не успев в течение рабочего дня разрешить все проблемы, отец с Ф.А. Цандером нередко вместе выходили из подвала и продолжали их обсуждение по дороге. Моя мама познакомилась с Фридрихом Артуровичем в 1932 г. Он произвел на нее впечатление симпатичного, интеллигентного человека, страстно увлеченного идеей полетов на другие планеты. Зная, что мама врач, обсуждал с ней, каких надо выводить мышей и лягушек, которые могли бы стать первыми обитателями Луны, какие растения, в первую очередь овощи, могли бы там расти. Мама внимательно слушала, даже высказывала какие-то суждения, но про себя считала, что этот несомненно высокоэрудированный человек, похоже, является фантазером. И только когда спустя почти сорок лет американцы высадились на Луне, она оценила его давнее предвидение. А тогда, в начале тридцатых, не только она не верила, что эти мечты когда-нибудь станут реальностью.

Разными путями пришли в ГИРД ее сотрудники. Некоторые были знакомы с отцом раньше и являлись его единомышленниками, других заинтересовала необычная работа. Объединяло всех то, что они были молоды, полны сил и желания трудиться. Интерес к делу был настолько велик, что никто не обращал внимания на подвальные неудобства.

В.Н. Галковский познакомился с отцом летом 1929 г. в конструкторском бюро 39-го авиазавода. Вскоре отец пригласил его домой и попросил по вечерам помогать в конструировании планера и самолета «СК-4». В ГИРД Владимир Николаевич пришел по приглашению отца из ЦАГИ в 1932 г.

Н.И. Ефремов впервые встретился с отцом осенью 1930 года на планерном слете в Коктебеле. Ефремов был членом технической комиссии, занимался составлением альбома планеров, участвовавших в соревнованиях, и общался со всеми конструкторами. Отец привез на слет свой планер «Красная Звезда», но вскоре заболел брюшным тифом и уехал из Коктебеля. Познакомил их заново через год Ф.А. Цандер, с которым Ефремов в то время работал, и Николай Иванович без колебаний стал членом, а затем заместителем начальника второй бригады ГИРД.

Е.С. Щетников еще в школе мечтал о создании реактивных аппаратов и после окончания в 1930 г. МАИ, образованного в том году из аэромеханического отделения механического факультета МВТУ, искал возможность заняться ракетной техникой. Услышав от Ю.А. Победоносцева о существовании ГИРД, он с августа 1932 г. стал там работать - сначала по совместительству, а с октября 1932 г. - постоянно, в четвертой бригаде. Евгений Сергеевич

занимался, главным образом, аэродинамическими расчетами. Но когда было нужно, он, как и все остальные, выполнял любую работу.

Александр Васильевич Чесалов и Николай Александрович Железников пришли в ГИРД летом 1932 г. по приглашению моего отца и Ю.А. Победоносцева из ЦАГИ, уже имея определенный технический опыт. Механики Борис Васильевич Флоров и Евгений Маркович Матысик помогли отцу в постройке самолета «СК-4» и планера «СК-3» еще в 1929-1930 годах и, конечно, тоже стали гирдовцами. Б.В. Флоров вспоминал, что во время своего первого посещения ГИРД, увидев, что производство помещается в подвале, он прямо заявил отцу, что в таких условиях никакие межпланетные полеты осуществить невозможно. Но когда отец познакомил его с Ф.А. Цандером и оба убежденно заговорили о полетах на Луну, о жизни на других планетах, о том, что все трудности будут преодолены, сомнения Бориса Васильевича растаяли, и уже на следующий день он стал работать механиком ГИРД с твердым намерением лететь на Луну. В.А. Андреев трудился в домашнем КБ отца в качестве чертежника-конструктора с весны 1931 г. Отец познакомил его с Ф.А. Цандером, и осенью 1932 г., после окончания недолгой службы в армии, Виктор Алексеевич пришел в ГИРД. Из ЦАГИ перешли в ГИРД конструкторы Зинаида Ивановна Круглова, Ольга Константиновна Паровина, Валентин Васильевич Горбунов и инженер Сергей Алексеевич Пивоваров. Некоторая потеря в окладе и тяжелые условия работы в подвале не пугали молодых конструкторов и с избытком компенсировались в их сознании грандиозными перспективами межпланетных полетов. Из ЦАГИ в ГИРД пришел и Василий Петрович Авдонин, который вместе с отцом принимал участие еще в работе подмосковной планерной станции. Он уже успел прочитать книги по ракетной технике Рынина, Перельмана и других авторов, и когда отец предложил ему перейти в ГИРД для подготовки межпланетных перелетов, он с радостью согласился, несмотря на некоторое снижение заработка. Конструктор Геннадий Никифорович Федотов работал начальником летной части на планерной станции вблизи платформы Трикотажная. Там он познакомился с отцом, от которого узнал об организации и задачах ГИРД. Увлечшись перспективами ракетной техники, он перешел в ГИРД на постоянную работу. Слесарь-механик Михаил Георгиевич Воробьев услышал от токаря П.К. Нуждина, что тот работает в организации, «разрабатывающей полет на Марс». Эта идея показалась ему настолько заманчивой, что он, не раздумывая, перешел в ГИРД из аэродинамической лаборатории Академии воздушного флота. Валентина Васильевна Иванова узнала о существовании ГИРД поздней осенью 1932 г. Она вспоминала, как к ней подошел один из сотрудников «Оргметалла», где она тогда работала после окончания чертежно-конструкторских курсов, и спросил, не хочет ли она пойти работать в организацию, которая занимается разработкой конструкций летательных аппаратов, взлетающих в воздух без разбега. Она заинтересовалась и без всяких колебаний согласилась перейти из прекрасного светлого помещения «Оргметалла» в сырой и темный подвал ГИРД. Первым, кому ее представили, был мой отец. По словам Валентины Васильевны, он произвел на нее хорошее впечатление: «Молодой, интересный, с искорками задора в глазах, внимательный и располагающий к себе человек». В беседе он прямо сказал, что условия и работа будут трудными. Но ее это не смутило. Она была уже захвачена интересом к новому делу.

В ГИРД царила дружеская, доброжелательная атмосфера. Случались дискуссии, иногда даже жаркие споры, но всегда без оскорблений и взаимных обид. В основе лежало стремление найти решение проблемы, усовершенствовать уже

имеющиеся предложения. Регулярно выпускалась стенная газета, отражавшая основные события жизни коллектива. Главным редактором был Е.М. Матысик.

Отец, помимо того что являлся начальником ГИРД и председателем техсовета, еще возглавлял четвертую бригаду. Она была создана по его инициативе для практического осуществления полета человека на реактивном самолете, в качестве первого шага, и для последующего вылета за пределы атмосферы. В начале осени 1932 г. отец, вследствие большой загруженности по руководству ГИРД, отказался от обязанностей начальника четвертой бригады. Вместо него был назначен Н.А. Железников, а после ухода его из ГИРД весной 1933 г. - А.В. Чесалов, впоследствии известный специалист по испытаниям самолетов. Однако отец постоянно проявлял живой интерес к работе своей бригады и являлся ее идейным руководителем. Самым молодым членом этой бригады была Валя Иванова - веселая, жизнерадостная девушка, которой Е.М. Матысик дал прозвище «огонек». В бригаде она выполняла чертежную и расчетную работу, а когда было нужно, принимала активное участие во всех монтажных и испытательных штурмах и авралах. Небольшому коллективу бригады предстояло сделать первые шаги в решении сложнейшей технической проблемы. Конкретных задач было две: создание реактивного самолета (ракетоплана) с реактивным двигателем и теоретическое исследование возможностей применения реактивных двигателей на самолетах для достижения максимальных высот и скоростей полета.

Предстояло решить вопрос о типе двигателя. В 1932 г. возможности выбора были весьма ограничены. 7 октября 1931 г. отец вместе с Б.И. Черановским присутствовал на проводившихся Ф.А. Цандером огневых испытаниях реактивного двигателя ОР-1. Этот свой первый двигатель Ф.А. Цандер построил в 1930 г. Он работал на бензине и воздухе, создавая тягу менее 5 кг. В дальнейшем решили, что более подходящим является двигатель ОР-2 на бензине и жидком кислороде тягой 50 кг. Разработку его поручили первой бригаде. Эта же бригада должна была разработать системы питания и управления двигателем на самолете. Необходимо было также выбрать тип самолета и место расположения на нем двигателя. Двухмоторные самолеты исключались из-за трудностей, связанных с управлением ими в случае отказа одного из двигателей. Когда-то отец мечтал приспособить под ракетоплан свой самолет «СК-4» (дипломный проект). Однако в таком самолете реактивный двигатель нужно было располагать в хвосте, а это приводило к смещению назад центра тяжести, утяжеляло хвост. В связи с этим приняли решение об установке двигателя Ф.А. Цандера ОР-2 на бесхвостом летательном аппарате, поскольку в этом случае изменение центровки оказывалось минимальным. Вначале был выбран планер Б.И. Черановского «БИЧ-8». 5 октября 1931 г. на московском аэродроме Осоавиахима отец познакомил Ф.А. Цандера с конструкцией и особенностями полета этого планера. Отец выполнил на нем 12 полетов и в своем отзыве от 30 октября 1931 г. написал, что планер «при всех возможных режимах не имеет тенденции к потере устойчивости». Вместе с тем он отметил, что «во время последнего полета появились небольшие покачивания машины, похожие на вибрации. Вероятно, причина этого явления кроется просто в дряхлости машины и, надо сказать, в довольно неважном ее состоянии. Последнее обстоятельство и заставило отказаться от дальнейших полетов на этом весьма интересном планере». Подробное описание и оценку этого планера отец дал в статье «Экспериментальный планер БИЧ-8», опубликованной в журнале «Самолет» № 11-12 за 1931 г.

*Борис Иванович Черановский и Сергей Павлович Королев у планера «БИЧ-8».
Москва, октябрь 1931 г.*

После прекращения полетов на «БИЧ-8» было решено создать бесхвостый планер «БИЧ-11» - одноместный деревянный с треугольной формой крыла - «летающее крыло». С двигателем ОР-2 «БИЧ-11» получил название «РП-1» (ракетный планер-1). Отец стремился к тому, чтобы как можно быстрее осуществить проект и торопил Ф.А. Цандера с разработкой двигателя. Ф.А. Цандер же не был уверен в надежности своего детища и хотел испытать его сначала на велосипеде, мотоцикле и автомобиле и только после этого на планере. Б.И. Черановский опасался за прочность нового планера после его доработки для установки двигателя. Так что до создания ракетоплана было еще далеко. Требовалось провести летные испытания «БИЧ-11» как планера, проверить его устойчивость и управляемость и только после этого приступить к установке на нем реактивного двигателя.

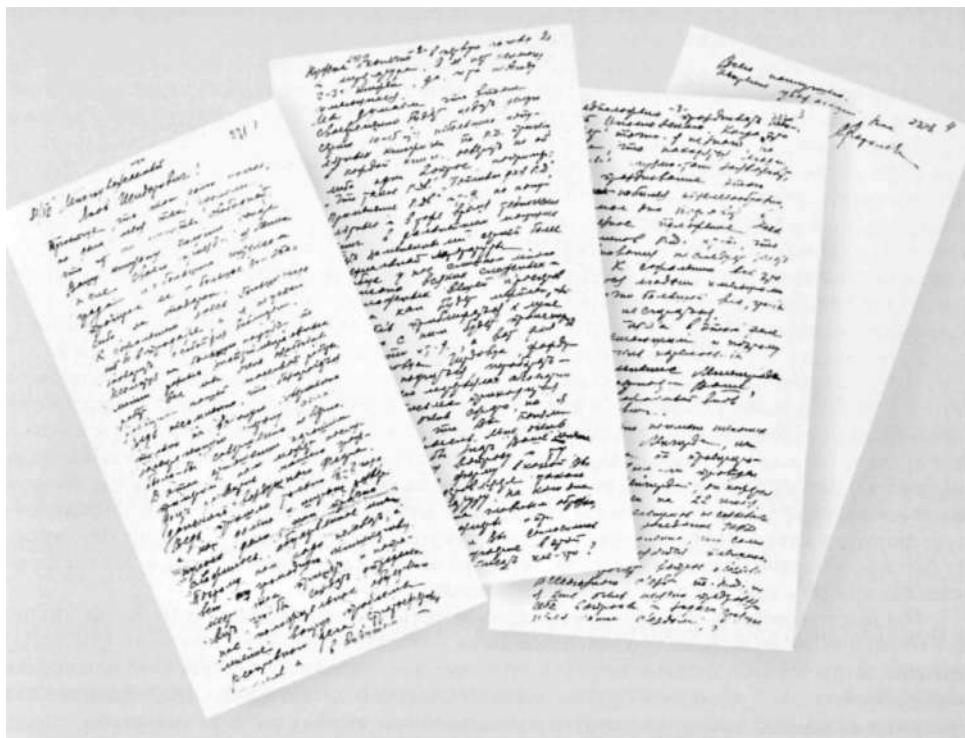
Облет планера «БИЧ-11» проводился вначале на аэродроме Московской школы летчиков у станции Планерная Октябрьской железной дороги, затем у станции Трикотажная. Пилотировал в большинстве случаев отец. Старт машины осуществлялся с помощью амортизатора и вся четвертая бригада выполняла обязанности стартовой команды. Испытания подтвердили хорошие летные качества планера в безмоторном полете, о чем говорилось в послеполетных отчетах. Первый из них - «Донесение летчика комиссии по испытанию самолета РП-1» - датирован 22 февраля 1932 г. Двигатель ОР-2 еще не был готов и отец проводил вначале летные испытания «БИЧ-11» с поршневым мотором. 8 июня 1932 г. в «Донесении № 4» написано: «Условия полета с подобным мотором считаю весьма трудными». Необходим хороший, надежный двигатель, над созданием которого работает первая бригада. В четвертой бригаде разрабатываются чертежи для его установки.

Обсуждение проекта установки двигателя Ф.А. Цандера ОР-2 на планер Б.И. Черановского «БИЧ-11» в Осоавиахиме. Слева направо: Н.В. Сумарокова, И.П. Фортиков, С.П. Королев, А. Левицкий, Б.И. Черановский, Ф.А. Цандер, Ю.А. Победоносцев, Заботин. Москва, 13 сентября 1932 г.

В Осоавиахиме. Слева направо: сидят - А. Левицкий, Н.В. Сумарокова, С.П. Королев, Б.И. Черановский, Ф.А. Цандер; стоят - И.Л. Фортиков, Ю.А. Победоносцев, Заботин. Москва, 13 сентября 1932 г.

Письмо С.П. Королева Я.И. Перельману в Ленинград. Москва, 31 июля 1932 г.

Объем намеченных работ велик и несоизмерим с числом исполнителей. Для его выполнения необходимы конструкторское бюро и мастерские с множеством сотрудников. Однако сила молодости и состоит в том, что ей ничего не страшно, все кажется несложным и выполнимым. Все работали с огромным энтузиазмом, рассматривая создание ракетоплана как первый этап уже близких межпланетных полетов.

Будучи сам конструктором планеров, отец придавал большое значение их технологичности и надежности. Не случайно в апрельском номере журнала «Самолет» появилась его статья «Данные для подсчета весов», где он обращал внимание на необходимость учета веса каждой части машины с самого начала проектирования планера или легкого самолета. И здесь же давалось решение задачи: 3 таблицы и 12 диаграмм, которые, по мнению автора, должны облегчить и упростить конструктору все подсчеты. Вторая статья отца «Весовые характеристики планеров» была опубликована в том же журнале в ноябре 1932 г.

Несмотря на большую занятость, отец находил время для пропаганды самой проблемы реактивного движения. Интересно его письмо Я.И. Перельману от 31 июля 1932 г., в котором он пишет:

«31/VII Многоуважаемый Яков Исидорович!
Простите, что так долго молчал, но дела меня так одолели, что нет ни минуты свободной. Вашу книжку получил вскоре после своего приезда из Ленинграда и с большим интересом прочитал ее - большое Вам спасибо за подарок.

К сожалению, здесь больше нигде нет ее в продаже, а я не успел захватить с собой для библиотеки.

Несмотря на большую нагрузку по линии разных экспериментальных работ, все мы очень озабочены развитием нашей массовой работы. Ведь несомненно, что базироваться только на военную, совершенно засекреченную сторону дела, было бы совершенно не верно. В этом отношении хорошим примером нам может послужить развитие нашего гражданского воздушного флота. Ведь прошло только 1,5-2 года, а как далеко и широко развернулось дело, как прочно сложилось общественное мнение. Поэтому нам надо не зевать, а всю громадную инициативу мест так принять и направить, чтобы создать определенное положительное общественное мнение вокруг проблемы реактивного дела, стратосферных полетов, а в будущем и межпланетных путешествий. Нужна, конечно, в первую голову, и литература. А ее нет, исключая 2-3-х книжек, да и то не всюду имеющихся. Мы думаем, что вполне своевременно будет издать целую серию (10-15 шт.) небольших популярных книжечек по Р.Д., причем в каждой книге осветить какой-либо один вопрос, например: «Что такое Р.Дв.»*, «Топливо для Р.Д.», «Применение Р.Дв.» и т.д., но популярных и в то же время технических книг, в дальнейшем могущих быть замененными серией более специальной литературы. Вообще у нас слишком много написано всяких сложных и несложных вещей и расчетов о том, как будет межпланетный корабль приближаться к Луне, что с ним будет происходить в пути и т.д., а вот для кружковца-гирдовца, жаждущего поучиться, поработать, - для него материала абсолютно нет. В письме приходится писать очень сжато, но я думаю, что Вы поняли мою мысль. Мне очень хотелось бы знать Ваше мнение по этому вопросу и ту конкретную форму, в какой Вы себе представляете такого типа литературу, на кого она должна быть рассчитана главным образом, темы, размеры и пр. Может быть, и Вы согласились бы принять участие в этой работе и написать кое-что?»

Вы знаете наверное, что предложено праздновать юбилей Циолковского. Когда это будет точно я не знаю, но пока что находятся люди, которые прямо-таки заявляют, что празднование этого юбилея нецелесообразно, что мол оно поставит в несерьезное положение всех работников Р.Д. и т.п., что празднования не следует делать и т.д. К сожалению, все это говорится людьми, имеющими достаточный большой вес, чтобы с ними не считаться.

Мнение ГИРД'а в этом деле будет решающим и поэтому мне очень хотелось бы знать мнение Ленинграда и в частности Ваше, многоуважаемый Яков Исидорович.

Очень давно не имею никаких вестей из Ленинграда, как идут дела по проектированию? Был ли проведен пленум Ленинграда, он, кажется, был назначен на 22 июля. Мы здесь пленумов не созываем, т.к. каждое заседание ГИРД так многочисленно, что само по себе является пленумом. Сейчас ставят вопрос о созыве Всесоюзного съезда по Р.Д., но я еще очень неясно представляю себе вопросы и задачи, стоящие перед таким съездом. Не преждевременно ли?

Всего наилучшего.

Искренне уважающий Вас

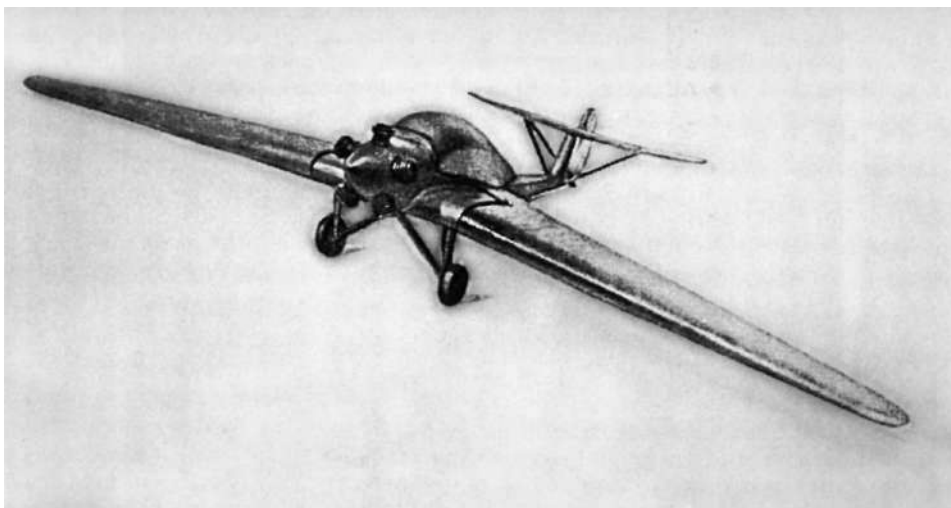
С. Королев».

В этом же письме отец благодарит Я.И. Перельмана за присланную ему книгу «Межпланетные путешествия. Основы летания и звездоплавания» (7-е издание) с надписью: «Сергею Павловичу Королеву в знак глубокого уважения от автора. Я. Перельман». Эту книгу моей маме удалось уберечь во время конфискации имущества после ареста отца в 1938 г.

Усилия энтузиастов в плане популяризации ракетной техники в печати могли получить хорошую базу. 8 января 1933 г. ЦС Осоавиахима принял решение об издании журнала «Советская ракета». В состав редакционной коллегии вошли Л.П. Малиновский, Л.К. Корнеев, Ф.А. Цандер, М.К. Тихонов, Ю.А. Победоносцев и мой отец. Увы, журнал издавать не стали.

Занимаясь проблемами ракетного полета, отец по-прежнему оставался авиаконструктором, и когда в 1931 г. ЦС Осоавиахима объявил Всесоюзный конкурс на лучший проект легкомоторного стандартного самолета, он подал в конкурсную комиссию проект своего самолета под девизом «Высокий путь». Этот девиз отец выбрал под влиянием понравившейся ему одно-

*Р.Д., Р.Дв. - реактивный двигатель. - Н.К.

Макет самолета «Высокий путь» конструкции С.П. Королева. 1932 г.

именной повести В.А. Итина, посвященной авиаторам и опубликованной в 1927 г. В основу проекта была положена конструкция планера «СК-6», изготовленного из сплава на основе магния - электрона. В 1958 г. в перечне своих научных трудов и проектно-конструкторских работ отец так обозначил этот проект: «Экспериментальный двухместный планер СК-6. Конструкция, разработанная и построенная в 1931 году. Впервые был широко применен в авиаконструкции электрон».

12 сентября 1932 г. конкурс завершился, и на следующий день его итоги опубликовала газета «Известия». В публикации отмечено, что «6 тыс. рублей премирован инженер Королев С.П., автор проекта легкого электронного (клепаного) самолета, занявшего второе место. В отзыве о проекте говорилось: «...проект заслуживает внимания с конструкторской точки зрения. Несмотря на небольшое количество представленных чертежей, чувствуется сущность проекта, возможность его легкого осуществления при условии дальнейшей более детальной разработки представленного материала со внесением в него ряда корректив».

Как следует из протокола конкурсной комиссии, самолет «может быть построен после ряда конструктивных исправлений. Может быть использован: для туризма, фото, почты, связи, как исполкомовской, так и, частично, для военных целей».

Постановили: выдать 6000 рублей и просить ЦС разрешить произвести постройку машины». Однако, самолет этот не был построен.

В сентябре 1932 г. мои родители поехали отдыхать в Крым. Отцу удалось приобрести путевки в Судак, в военный санаторий. Перед отъездом из Москвы, 16 сентября, он послал К.Э. Циолковскому поздравительную телеграмму в связи с его 75-летием: «Примите поздравления и лучшие пожелания Вашей многополезной деятельности от коллектива сотрудников Группы изучения реактивного движения и мое лично. Начальник Московского ГИРДа Королев».

По дороге на отдых отец с мамой заехали в Севастополь, осмотрели исторические места, сфотографировались у памятника генералу Э.И. Тотлебе-

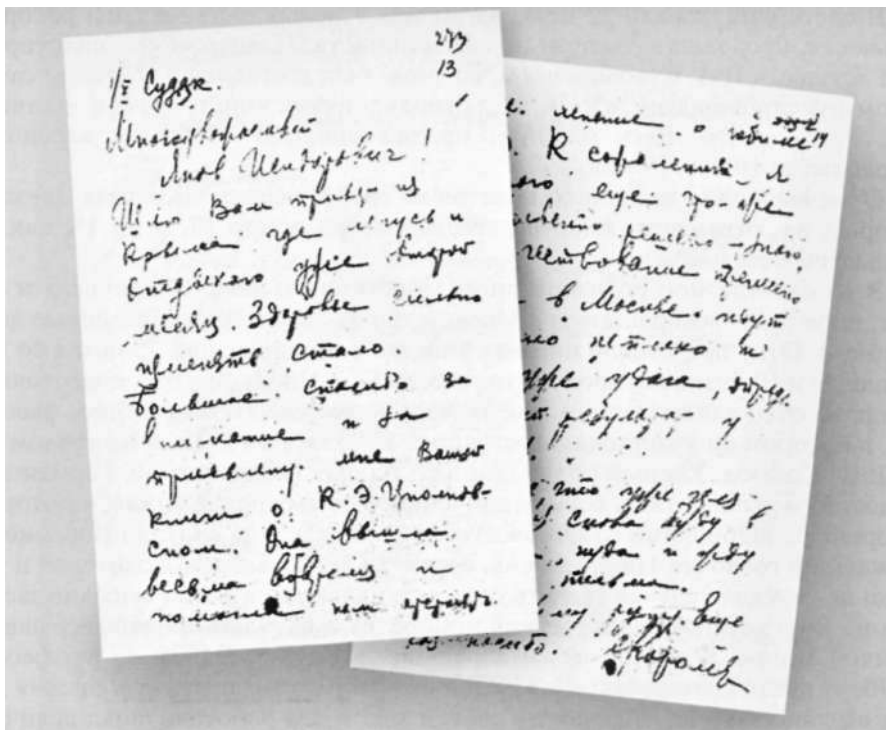

Сергей Павлович Королев с женой Ксенией Максимилиановной Винцентини. Севастополь, 19 сентября 1932 г.

ну и участникам обороны Севастополя во время Крымской войны 1853-1856 годов - молодые, веселые, счастливые.

Это был первый после женитьбы отпуск, который они проводили вместе. Наконец-то можно было хоть на короткое время оторваться от бесконечных московских дел, наслаждаться морем, солнцем, общением друг с другом.

Из Севастополя поплыли в Судак. Санаторий располагался в живописном месте на берегу моря и имел прекрасный пляж. Санаторный режим отсутствовал. Скорее, это был дом отдыха или пансионат. Примечательно, что хотя отдыхали в основном семейные пары, жили все врозь. Мужчины занимали огромную комнату с большим количеством коек в «мужском» деревянном доме,

Письмо С.П. Королева Я.М. Перельману в Ленинград. Судак, 1 октября 1932 г.

женщины - аналогичное помещение в «женском». Но хоть жили порознь, время проводили вместе. Утром выбегали на физзарядку. Днем купались в море, катались на шлюпках, много гуляли. Перед ужином отец ежедневно с большим азартом играл в волейбол, а мама переживала за него среди болельщиков. Вечерами подолгу сидели на пляже, любовались морем и звездным небом.

1 октября, еще находясь в доме отдыха, отец написал письмо Я.И. Перельману с благодарностью за присланную книгу о К.Э. Циолковском.

«1/10 Судак

Многоуважаемый Яков Исидорович!

Шлю Вам привет из Крыма, где лечусь и отдыхаю уже второй месяц. Здоровье сильно изменять стало.

Большое спасибо за внимание и за присылку мне Вашей книги о К.Э. Циолковском. Она вышла весьма вовремя и помогла нам отстоять наше мнение о юбилее К.Э. К сожалению, я не знаю еще, что же собственно решено - знаю, что чествование перенесено.

Дела в Москве идут, видимо, неплохо и есть уже удача, определенный результат у Фр.Ар.Ц.

Надеюсь, что уже через месяц я снова буду в Москве, куда и жду от Вас письма.

Крепко жму руку. Еще раз спасибо.

С. Королев».

Из Судака мои родители поехали в Коктебель, где открывались VIII Всеобщие планерные состязания. Отцу захотелось вновь побывать в ставших родными местах, окунуться в среду планеристов, увидеть новые машины, и, конечно, хоть немного полетать самому.

В слете участвовало 22 планера, из них 7 новых, установлены рекорды дальности, продолжительности и высоты полета. Планер «Г-9», пилотируемый летчиком В.А. Степанченком, впервые был доставлен из Москвы самолетом-буксировщиком «У-2» под управлением конструктора планера В.К. Грибовского. Весь маршрут протяженностью 1660 км аэропоезд преодолел за 19 час. 10 мин.

Отец выполнил несколько полетов на своем планере «Красная Звезда», который на этом слете имел на стабилизаторе номер 17, а не 15, как на предыдущем, седьмом.

В Коктебеле мои родители провели несколько дней. Заканчивался отпуск, пора было возвращаться в Москву, где их ждали многочисленные дела и заботы. Отцу предстояло принять участие в праздновании 75-летия со дня рождения и 50-летия научной деятельности К.Э. Циолковского, подготовкой которого отец занимался еще до отъезда в отпуск. Торжественное заседание, в котором он участвовал, состоялось 17 октября 1932 г. в Колонном зале Дома Союзов. Ученый получил много теплых поздравлений. Германское общество межпланетных сообщений направило ему приветствие, в котором говорилось: «Общество со дня своего основания всегда считало Вас, многоуважаемый господин Циолковский, одним из духовных руководителей и никогда не упускало случая указать словом и в печати на Ваши высокие заслуги и на Ваш неоспоримый русский приоритет в научной проработке нашей великой идеи». А тремя годами раньше, в сентябре 1929 г., профессор Г. Оберт писал Циолковскому: «Надеюсь, что Вы дождетесь исполнения Ваших высоких целей... Вы зажгли свет, и мы будем работать, пока величайшая мечта человечества не осуществится».

Другой важной проблемой, которая давно не давала отцу покоя, было определение медико-биологической возможности полета человека за пределы атмосферы. А для этого требовалось изучить условия, необходимые для нормальной жизнедеятельности экипажа при полетах на высотах 20-40 км. В связи с этим руководство ГИРД обратилось в Лабораторию организации летного труда Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского с просьбой выполнить соответствующие исследования. Лабораторией в то время заведовал первый в нашей стране врач-летчик Н.М. Добротворский. Николай Митрофанович окончил Военно-медицинскую академию в Петербурге, а затем освоил летную профессию, так как занимался изучением условий труда летного состава. В 1930-1936 гг. он читал курс лекций в Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского, который затем был издан в виде монографии под названием «Летный труд». Эта книга стала первой в новой области знаний, и ее автора можно считать одним из основоположников авиационной медицины в нашей стране.

Н.М. Добротворский воспринял предложение о сотрудничестве с ГИРД с большим интересом. Отец попросил мою маму как врача принять участие в экспериментах по изучению влияния изменений атмосферного давления на состояние человека, которому предстояло совершать полеты в стратосфере. С 1 декабря 1932 г. по 15 июня 1933 г. мама после работы в Боткинской больнице приезжала в ВВА им. Н.Е. Жуковского и вместе с Н.М. Добротворским находилась различные по продолжительности отрезки времени - от нескольких часов до более суток - в барокамере, в которой давление воздуха постепенно снижалось до жизнеопасных значений. Таким способом исследователи испытывали на себе влияние на организм разреженного пространства. При этом регистрировались параметры жизненно важных функций организма в

Разработка вопросов
 Физиологии высотного
 полета.

ВВА. им. Жуковского Секретно
 Особое Конструкторское Бюро
 29 июня 1933 г.
 № 01780

Содержание:

1. Обеспечение Дыхательной функции
 в стратосамолете
 21/6/33 (Винцентини
 Добровольский)
2. Температурные условия на
 стратосамолете
 22/6/33 (Винцентини
 Добровольский)
3. Безопасность полета
 16/6/33 (Добровольский)
4. Инструкция по ~~регенерации~~
 регенерационной установке
 23/6/33 (Добровольский)

Записка С.П. Королева по вопросам разработки физиологии высотного полета. Москва, 29 июня 1933 г.

зависимости от степени разрежения воздуха, моделировавшей подъем на ту или иную высоту. Результаты испытаний авторы изложили в подробном отчете Особого конструкторского бюро № 01780, в ту пору секретном, и в статьях, опубликованных с грифом «секретно» в сборнике трудов ВВА им. Н.Е. Жуковского: «Разработка вопросов физиологии высотного полета», «Обеспечение дыхательной функции в стратосамолете» (21.06.33 - К.М. Винцентини, Н.М. Добровольский), «Температурные условия на стратосамолете» (22.06.33 - К.М. Винцентини, Н.М. Добровольский), «Безопасность полета» (16.06.33 - Н.М. Добровольский), «Инструкция по регенерационной установке» (23.06.33 - Н.М. Добровольский). Сохранилась записка отца, в которой перечислены эти работы. Были разработаны и конкретные рекомендации. Так, для регенерации воздуха авторы предлагали применять патроны со спе-

циальными поглотителями и устройством принудительной вентиляции. Для поддержания температурных условий рекомендовалось использование дополнительного обогрева и осушителей. Особое внимание уделялось безопасности полета. С этой целью предусматривалось применение герметичной кабины с автономными средствами регенерации воздуха и обогрева, регистрацией давления воздуха в кабине, а также со специальным клапаном для выпуска в случае аварии избытка углекислоты с одновременной добавкой кислорода из баллона или обеспечением дыхания наружным воздухом на высоте до 5-6 км. Герметичная кабина должна проектироваться отделяемой и снабженной парашютом. На случай возможной разгерметизации кабины необходимо обеспечить пилота запасом кислорода, скафандром-костюмом из воздухо-непроницаемой и нерастяжимой ткани с электрообогревателем, герметичным - типа водолазного - шлемом. Отбираемые для полетов на ракетопланах пилоты обязаны пройти специальную подготовку с целью повышения переносимости высоких концентраций углекислоты и высоких динамических перегрузок.

Как видно, Н.М. Добротворский и моя мама сделали тогда первые шаги в новой области медицинской науки, в которой теперь работают тысячи специалистов. Их рекомендации, возможно, пригодились при подготовке первых полетов пилотируемых космических кораблей. В этой работе проявились и дар предвидения отца, уже в начале 30-х годов обдумывавшего разные аспекты полета человека в стратосфере, и другая примечательная черта его характера: умение вовлечь в свое дело всех окружающих, включая собственную жену. За работу в Военно-воздушной академии, которую мама выполнила «на общественных началах», она летом 1933 г. была премирована бесплатной путевкой в дом отдыха, расположенный в «Гранд-Отеле» в центре Кисловодска. Во время этой работы у мамы сложились дружеские отношения с Н.М. Добротворским и его семьей. Они продолжились и после окончания экспериментов. Мама уважала и ценила этого высокоэрудированного человека и навсегда сохранила в памяти его светлый образ.

П.В. Флеров вспоминал, как в октябре 1932 г., вернувшись после длительного отсутствия в Москву, он был потрясен новостью: Королев, Тихонравов и Победоносцев предпочли работе в авиации ГИРД. Флеров сразу же поехал на Александровскую. В ответ на его недоумение отец сказал, что тот не понимает, насколько это перспективное дело, и пригласил к себе работать. Флеров ответил, что любит авиацию и не собирается ей изменять. Тогда отец предложил ему работать вечерами - помогать в расчетах и разработке чертежей установки двигателя Цандера на планер Черановского. Некоторое время Флеров приходил в гирдовский подвал, но потом перестал, ибо не верил в казавшуюся ему несерьезной затею. А между тем работа над «РП-1» шла полным ходом. Вскоре двигатель был почти готов, а чертежи оборудования для его установки сданы в производство. Теперь уже представлялось реальным превращение «БИЧ-11» в «РП-1». Однако опытное производство плохо обеспечивалось материалами и инструментом. Намеченные сроки монтажа двигателя приближались, а объем предварительных работ все еще был велик. Поэтому на общем собрании ГИРД объявили декаду штурма по «РП-1». Все сотрудники аврально переключились на производство и монтаж. По воспоминаниям гирдовцев, производственные и конструкторские бригады вступили в соревнование, а ход работ освещался в боевых листках. Инженерно-технические работники стали производственниками: собирали и испытывали узлы, проводили монтаж трубопроводов, помогали первой бригаде в изготовлении

эскизов и чертежей, которые прямо с доски, «горячими», шли на станки. Никто не уходил раньше 10-11 вечера, а последние три дня работа вообще шла круглосуточно. Спали и ели урывками. Помогала в поддержке сил ночная работа столовой, которую каким-то чудом удалось организовать отцу. Все сотрудики, независимо от должности, чувствовали личную ответственность за успешное решение задачи и поэтому работали, не считаясь со временем, упорно преодолевая трудности и неполадки. А без них в те штормовые дни не обошлось. Сказывалось утомление, вызванное бессонными ночами. В последние дни штурма результатом усталости бывали и комичные случаи. То оказалась искривленной кольцевая окантовка под вырезы для четырех баков, но, к счастью, ее за одну ночь идеально выправил медник Берг. То один из конструкторов заказал шесть пятигранных гаек вместо пяти шестигранных, гайки эти долго хранились потом в качестве забавной реликвии. Другой конструктор, клюя носом, напутал размеры в чертеже штуцера, в результате все 30 изготовленных штуцеров оказались бракованными. Связав их в гирлянду и разбудив конструктора, шутники надели ее ему на шею под звуки импровизированного туша. В последнюю ночь заканчивали монтаж трубопроводов. Один слесарь побежал изогнуть трубку, другой - перепаять штуцер, и оба исчезли. После долгого ожидания их нашли спящими в коридоре - одного с готовой трубкой в руках, другого - рядом с горящей паяльной лампой.

Наконец ОР-2 был полностью готов. «Окончания этой сборки очень ждал Цандер, - рассказывал Б.В. Флоров, - и мы, сборщики, чтобы его порадовать, в ознаменование этого счастливого события прицепили к двигателю красный флажок с надписью «Вперед, на Марс!» Цандер увидел флажок, захлопал в ладоши и воскликнул: «Да, да, вперед на Марс!» и бросился нам руки пожимать, а на глазах у него появились слезы. Мы и сами-то были рады

С.П. Королев на заседании, посвященном 10-летию Гражданского воздушного флота, в Колонном зале Дома Союзов. Москва, 9 февраля 1933 г.

увлечением вспоминаю второго своего учителя, сказавшего на меня также большое влияние Фридриха Артуровича Цандера. Мы, его ученики, никогда не забудем его слов: "да здравствует работе по межпланетным путешествиям на пользу всему человечеству"! Все выше и выше, к звездам!"
С.П. Королев

Фотография Фридриха Артуровича Цандера с воспоминанием о нем С.П. Королева. 1933 г.

окончанию сборки, а тут вместе с ним растрогались. Своим порывом он еще больше нас воодушевил. Удивительный человек был Цандер!»

23 декабря 1932 г. двигатель ОР-2 актом специальной комиссии ГИРД был принят для монтажа на ракетоплане «РП-1». Уже через два дня под руководством отца начались холодные стендовые испытания ОР-2.

В январе 1933 г. группа ведущих сотрудников ГИРД во главе с отцом посетила ленинградскую ГДЛ и в течение трех дней знакомилась с направлениями работ Лаборатории. По возвращении из Ленинграда холодные испытания ОР-2 продолжались и по их результатам приняли решение о переходе к огненным испытаниям.

Между тем физическое и умственное перенапряжение сказались на и без того слабом здоровье Ф.А. Цандера. Врачи настаивали на необходимости санаторного лечения. С большим трудом удалось уговорить его поехать в начале марта 1933 г. в Кисловодск. Отец сумел добыть для него путевку в один из лучших санаториев. 18 марта 1933 г., уже в отсутствие Ф.А. Цандера, начались огневые испытания ОР-2. Они шли успешно, и об этом гирдовцы сообщили в Кисловодск Цандеру. Поздравляя своих соратников и стараясь вдохновить их на новые свершения, в ответном письме Фридрих Артурович писал: «Вперед, товарищи, и только вперед! Поднимайте ракеты все выше, выше и выше!»

Поездка в санаторий оказалась для Ф.А. Цандера роковой. Еще по дороге туда, в поезде, он заразился сыпным тифом. Побороть тяжелую болезнь Фридриху Артуровичу не удалось и 28 марта 1933 г. его не стало. Весть о кончине Цандера потрясла гирдовцев. Молча они собрались в одной из комнат своего подвала. Трудно было представить, что больше не будет рядом этого необыкновенно деликатного и в то же время чрезвычайно упорного человека, смотревшего далеко вперед и не жалевшего сил для осуществления необычных замыслов, которые только-только начали воплощаться в металле. Срочно выпустили траурный номер стеной газеты, заполненный строками скорби и любви к Цандеру его соратников и учеников. Траурные заседания, посвященные памяти ученого, прошли в Центральном Доме Красной Армии и Политехническом музее. На заседании в Политехническом музее 14 мая 1933 г. с воспоминаниями о Цандере выступал мой отец. На основании опроса членов ЦС Осоавиахима Бюро президиума Центрального Совета этой организации 13 мая 1933 г. приняло постановление: «Присвоить ГИРДу, основоположником которого и руководителем головной бригады по реактивному двигателю был т. Цандер, имя т. Цандера».

Отец очень уважал и ценил Фридриха Артуровича и тяжело переживал утрату. Цандер был старше его на 20 лет, но ведь ему исполнилось всего 45! В житейских делах Цандер оставался «взрослым ребенком», зато в ракетной области являлся высшим авторитетом. Он был старшим товарищем, единомышленником, примером самоотверженности и преданности делу.

20 апреля 1933 г. коммунисты ГИРД во главе с парторгом Н.И. Ефремовым обратились с письмом в ЦК ВКП(б) к И.В. Сталину. Они писали о смерти Ф.А. Цандера, о тяжелом положении, в котором находилась Группа, и просили ускорить решение вопроса об организации Реактивного института, а до того времени оказать ГИРД материально-техническую помощь, необходимую для продолжения работы. В письме есть и такие строки: «В очень недалеком будущем можно ожидать осуществления снарядов с дальностью метания порядка несколько тысяч километров с несением не только боевой, но и живой нагрузки». Речь шла, таким образом, о полете человека в космическое пространство по баллистической траектории, а ведь на календаре был только 1933 год! И это заявление сделано за 28 лет до полета Ю.А. Гагарина. Копия того письма, теперь уже за подписью отца, который был тогда беспартийным и не мог подписать его вместе с членами партии, была направлена М.Н. Тухачевскому. По решению Михаила Николаевича ГИРД получила дополнительное материальное обеспечение, новые станки, грузовую машину, гирдовцы были прикреплены к находившейся недалеко от их подвала столовой Наркомата сельского хозяйства, в штат ГИРД перевели нескольких инженеров, а самое главное, через несколько месяцев состоялось постановление правительства об организации Реактивного института.

Несмотря на трудности, работа ГИРД шла полным ходом. После стендовых испытаний доводка двигателя ОР-2 продолжалась на подмосковном военном полигоне в Нахабино. Во время одного из испытаний произошел взрыв. Загорелся служивший навесом брезент. Огонь мог перекинуться на баки с жидким кислородом и спиртом, и они в любую минуту тоже могли взорваться. Мгновенно оценив ситуацию, отец с криком «За мной!» полез на крышу блиндажа. За ним бросился В.А. Андреев, и они вдвоем стали оттащить горящий брезент. В это время механики В.П. Авдонин, М.Г. Воробьев и Б.В. Флоров переносили в безопасное место баки. Пожар быстро потушили, но не обошлось и без курьеза. Перетащив подальше от огня баки, Ав-

донин и Флоров в изнеможении сели около них и закурили. Вдруг рядом оказался мой отец, который устроил им разнос за курение. Правда, потом они получили от него же благодарность за тушение пожара. Умение не теряться в сложных условиях и тут же, на месте, по ходу дела находить нужное решение отличало отца смолоду.

Между тем, несмотря на все усилия, довести ОР-2 до кондиции не удавалось и, чтобы не откладывать дальнейшие испытания, было решено временно поставить на ракетоплан двухцилиндровый мотор «Скорпион». Однако мощность его оказалась недостаточной для самостоятельного взлета и приходилось использовать амортизатор. Полеты, а вернее сказать, попытки полетов, поскольку из-за плохих характеристик мотора они проходили с большими сложностями и на малой высоте, выполнял отец. В.В. Иванова вспоминала, как весной 1933 г. вместе с ним и членами четвертой бригады она по воскресеньям ездила на Тушинскую планерную станцию для испытаний ракетоплана. Ехали обычно на грузовой машине, которую вела шофер ГИРД Зоя Кожемякина. По еще мерзлому полю, напрягая все силы, они целый день таскали амортизатор планера. И когда аппарат отрывался от земли, это было большой радостью для всех. После каждого полета отец писал подробное донесение - доклад с изложением выявленных недостатков и предложениями по их устранению. Летом 1933 г. испытания ракетоплана проводились на аэродроме у станции Трикотажная. Одно из них в безмоторном полете едва не закончилось катастрофой. Машина оторвалась от земли лишь при третьей попытке и на большой скорости ударилась о землю. В своем «Донесении летчика № 10» от 26 июля 1933 г. отец написал, что «продавлено сиденье и спинка». Как оказалось, были перепутаны тяги управления элеронами и рулем высоты. Виновников установили сразу же, после чего последовал «разнос» с такими определениями, как «лопух, растяпа, уволю, выгоню». Но вопреки всем угрозам дело ограничилось строгим выговором, и оба механика продолжали работать, выполняя свои обязанности.

Отец был нетерпим ко всякой небрежности. По словам Н.И. Ефремова, он любил повторять крылатую фразу авиаторов: «С техникой надо обращаться на ВЫ» и непременно добавлял: «Но смело». Безопасность - прежде всего. Если риск, то только обоснованный и необходимый. Этих принципов он придерживался всю жизнь.

Испытания ракетоплана продолжались в надежде, что с двигателем ОР-2 полеты будут более успешными. Однако завершить этот проект гирдовцам так и не удалось. Осенью 1933 г. на основе ГИРД и ГДЛ образовался Реактивный научно-исследовательский институт, перед которым были поставлены другие задачи, и от работы над «РП-1» пришлось отказаться.

Исследование возможностей применения жидкостных ракетных двигателей на крылатых летательных аппаратах, в том числе на аппаратах, управляемых человеком, являлось важнейшим направлением работы ГИРД. Эта работа была принципиально новой, так как ЖРД во многом отличался от винтомоторной двигательной установки. Он позволял, по расчетам тех лет, превысить скорость 600-700 км/час на высоте 10-15 км, в то время как самолет с поршневым мотором таких значений достигнуть не мог. Еще больше влияние реактивного двигателя сказывалось на «потолке», то есть максимальной высоте полета летательного аппарата. Предел высоты, достигнутый в то время самолетом с поршневым мотором, составлял 14,5 км. Стратостат «Осоавиахим» поднялся на высоту 22 км. Расчеты, проведенные в четвертой бригаде ГИРД, показали, что при установке ЖРД можно достичь «потолка»

30-40 км. Однако большие скорости и высоты полета достигались ценой большого расхода топлива, поэтому дальность полета летательного аппарата с ЖРД была намного меньше, чем с поршневым мотором.

Расчеты наивыгоднейших траекторий подъема ракетного самолета в стратосферу и другие теоретические исследования выполнялись профессором В.П. Ветчинкиным, который был частым гостем ГИРД. Еще в 1932 г. по инициативе руководства ЦГИРД были организованы инженерно-конструкторские курсы по ракетной технике. Лекции в этом первом «ракетном университете» читали видные советские ученые: В.П. Ветчинкин - по аэродинамике, Б.С. Стечкин - по теории воздушно-реактивных двигателей, Ф.А. Цандер - по теории реактивных двигателей и межпланетных полетов. Обучали слушателей без отрыва от производства. По окончании «студенты» сдавали экзамен, защищали проект по избранному направлению ракетной техники и получали звание старшего конструктора. Организация таких курсов с привлечением ведущих специалистов оказалась своевременной, так как знаний не хватало не только молодым начинающим работникам, но и более опытным инженерам. Надо сказать, что сами лекторы так увлеклись открывавшимися перспективами, что невольно уводили слушателей за собой в далекое будущее и мрачный подвал ГИРД тогда казался им храмом науки, а расчерченные В.П. Ветчинкиным траектории полета к Луне вовсе не выглядели чем-то необычным. Но все это были пока далекие планы. Для упрочения положения ГИРД требовалось реальное воплощение идеи ракетного полета. А для этого не хватало оборудования и соответствующих условий. Получался заколдованный круг. Будучи человеком конкретным, отец всегда стремился воплотить свои проекты в металле - будь то планер, самолет или ракета. Он понимал, что полет ракеты заставил бы даже скептиков признать полезность гирдовских разработок. Это было нужно и самим работникам ГИРД, чтобы они увидели результат своего труда. А скептиков было немало. 5 мая 1933 г. отец вырезал из газеты «Вечерняя Москва» заметку А. Глебова, называвшуюся «Реабилитация ракеты». В ней автор резко критиковал писателя Г. Медынского, который в своем романе «Самстрой» утверждал: «Когда миллиарды людей будут сыты, когда мы откормим голодающих китайских кули, индусских крестьян и не только их самих, когда мы залечим следы этого голодания в их потомстве, когда мы переделаем породу людскую, когда не только социализм, а коммунизм принесет свои плоды человеку...», - только тогда можно будет, по его мнению, заниматься ракетами. А Глебов назвал эти высказывания писателя иллюстрацией «технической малограмотности». Заканчивалась заметка словами, подчеркнутыми отцом: «Полет советских ракетопланов суждено увидеть не «потомству» китайских кули, а им самим, а равно и нам в пределах ближайших десяти-пятнадцати лет. Ракета, подлинная зарница грядущих технических побед коммунизма, должна быть литературно реабилитирована. Долг советской литературы привлечь серьезное внимание масс к этой, стоящей в порядке дня научно-технической проблеме, не дискредитировать её походя, а облегчить и ускорить ее разрешение.»

Послужить такой реабилитации могла бы ракета «09» конструкции М.К. Тихонравова. Интересна история ее создания. Ракета была задумана на топливе, состоящем из бензина и жидкого кислорода. Но, чтобы избавиться от сложной системы подачи этих компонентов, было решено подавать жидкий кислород под собственным давлением, возникающим в процессе его испарения, а второй компонент поместить непосредственно в ка-

меру сгорания. Поскольку работа двигателя предполагалась продолжительной, этот второй компонент должен был иметь малую скорость горения.

Несмотря на то что в качестве второго компонента топлива сразу выбрали бензин, в бригаде М.К. Тихонравова производились опыты в поиске и других горючих. А попытка создать надежный воспламенитель на основе стронция и хлорноватоокислого калия с добавлением угля и технического вазелина не только оказалась неудачной, но едва не привела к трагическим последствиям. Камера с медленно горящей смесью при испытаниях взорвалась. По всему коридору гирдовского подвала прошла взрывная волна. Захлопали двери, деревянная перегородка инструментальной, примыкавшей к испытательному боксу, перекосилась, и инструменты оказались на полу. А сами испытатели, работавшие за кирпичной стеной полуметровой толщины, едва устояли на ногах. Некоторые оглохли настолько, что пришлось обращаться за медицинской помощью. Составили акт, в котором указали, что подобных опытов в подвале жилого дома проводить не следует, и решили идти домой. Но выйти из подвала оказалось непросто. У дверей собрались возмущенные жильцы, вооруженные чем попало. Дело в том, что от взрыва дом сильно содрогнулся, на верхних этажах со стен упали зеркала и картины. Жильцы были настроены так воинственно, что гирдовцам пришлось звонить в милицию - просить, чтобы она их выручила. После бурного объяснения руководства ГИРД с жителями дома скандал кое-как удалось погасить.

И такие неприятности случались не единожды. Могла испортить всем настроение бригада Ю.А. Победоносцева. В подвале почти не было вентиляции, и когда жгли фосфор, по лестничной клетке валил густой дым. Да и аэродинамическая труба, которую строила эта бригада, выла и свистела громче всяких сирен.

Мария Николаевна вспоминала, как однажды отцу срочно понадобились деньги и он попросил привезти их на Садово-Спасскую. Отец ждал ее у входа в подвал, однако внутрь не пустил, сказав: «Мамочка, работа наша очень опасная. Газ, с которым мы работаем, в любую минуту может взорваться и все полетит вверх тормашками. Я твоей жизнью не хочу рисковать - внутрь тебя не пушу».

Что же касается горючего для ракеты «09», то после взрыва окончательно решено было остановиться на использовании бензина. Но с этим компонентом случилась отдельная история.

Старший инженер второй бригады Н.И. Ефремов рассказывал, что после отдыха в Гаграх летом 1932 г. он по заданию отца поехал в Баку для чтения лекций по ракетной технике. По дороге, в поезде, он прочел в газете заметку о создании в Германии твердого спирта, и она навела его на мысль о твердом топливе для ракет. В Баку он познакомился с активистом Осоевяхима, сотрудником Азербайджанского нефтяного института Ф.М. Гурвичем, который по его просьбе изготовил и передал Н.И. Ефремову «сгущенный» бензин. Технология производства этого продукта оказалась простой. Бензин смешивали с канифолью и получалась масса типа тавота или солидола. Эту массу при заправке ракеты нужно было нанести на специальную решетку, установленную в камере сгорания.

Отец сразу понял преимущество такого горючего и оценил удобство его использования при заправке двигателя ракеты на месте ее испытаний. Сработали инженерная интуиция, умение выбрать наиболее выгодный вариант из множества возможных, найти кратчайший путь к достижению цели. Способность

*Гирдовцы на лыжах. Слева направо:
Н.И. Шульгина, С.П. Королев, Б.В. Шедко, Е.И. Снегирева.
Село Никольское Московской области, зима 1932/33 гг.*

интуитивно, раньше других, видеть перспективы отличала его и потом, когда он стал Главным конструктором ракетно-космических систем. Но закладывались эти качества в ГИРД - первом коллективе, которым он самостоятельно руководил.

Огневые стендовые испытания с применением «сгущенного» бензина, проведенные в декабре 1932 г., в которых отец участвовал вместе с Н.И. Ефремовым и Ю.А. Победоносцевым, подтвердили пригодность и целесообразность его использования.

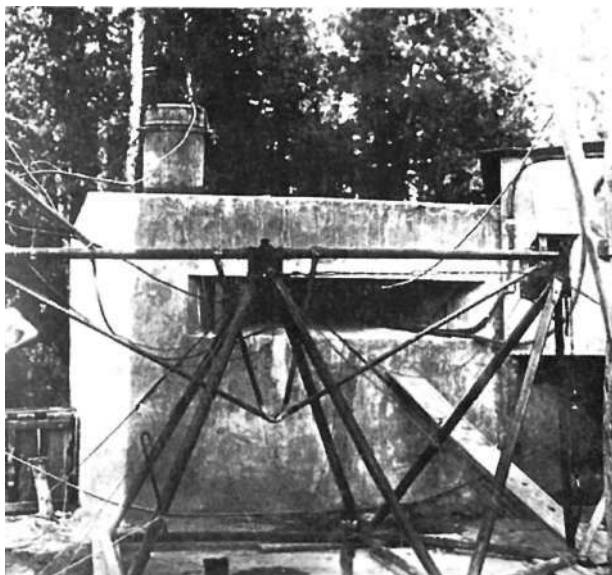
Коллектив ГИРД жил, конечно, не только одной работой. Иногда в выходные дни все вместе выезжали за город: зимой - на лыжах, летом - на чью-нибудь дачу или просто на пикник. Отец, по возможности, участвовал в этих вылазках - не только потому, что считал обязательным для себя как начальника не отделяться от сотрудников, а и потому, что для него такое внерабочее общение казалось естественным. Все соратники были близки ему не столько по возрасту, сколько по духу, увлеченности, задору. По воспоминаниям гирдовцев, он любил добрые шутки, остроты, веселые выдум-

ки и никогда не обижался на товарищей по пустякам. Одним словом, жил одной жизнью со своим коллективом и это создавало оптимальные условия для успешной работы.

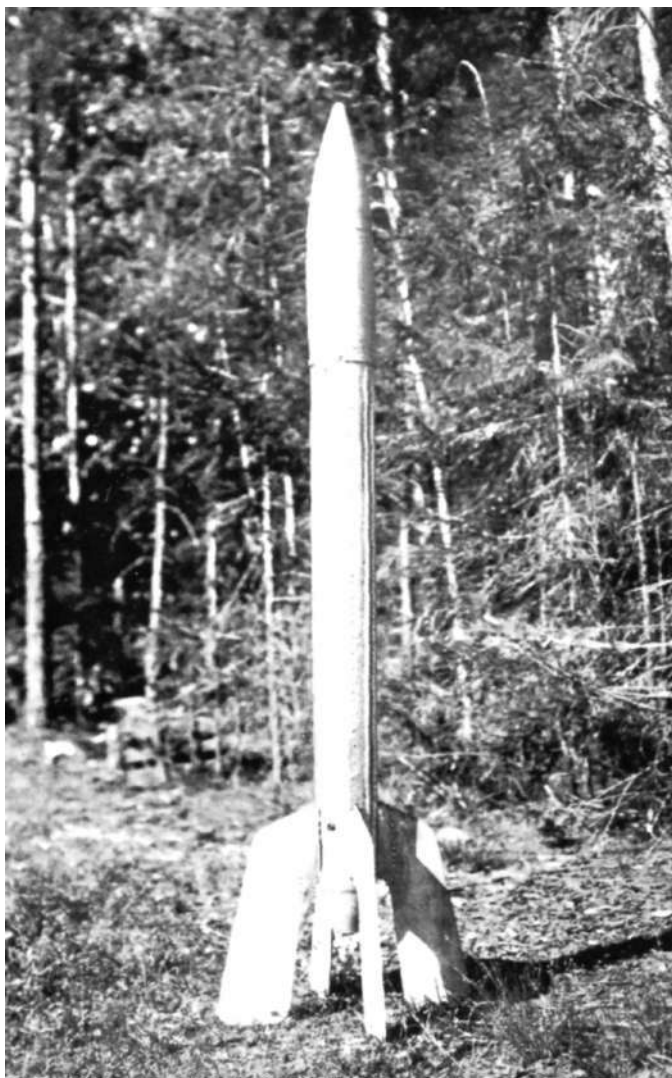
О ГИРД знали и Группу посещали многие интересовавшиеся межпланетными полетами. В числе таких энтузиастов был талантливый механик из Новосибирска Юрий Васильевич Кондратюк. Он приехал в Москву весной 1933 г., чтобы представить в Наркомтяжпром свой проект ветровой электростанции. Но главной его мечтой было завоевание межпланетных пространств. Именно так называлась его книга, вышедшая в свет в 1929 г. и получившая высокую оценку К.Э. Циолковского. Интересно, что фамилию калужского ученого Ю.В. Кондратюк услышал впервые уже после написания своей книги и не был знаком с его работами. Он пришел к важным выводам и внес весомый вклад в теорию космонавтики совершенно самостоятельно. В частности, ему принадлежит доказательство реальности полета в космос при помощи составных ракет и невозможности вылететь из сферы земного тяготения с использованием обычной одноступенчатой ракеты. В дальнейшем он в течение нескольких лет переписывался с К.Э. Циолковским.

В ГИРД Ю.В. Кондратюк провел несколько часов. Ему показали все, чем занималась Группа, и предложили включиться в общее дело. Никто не сомневался, что М.Н. Тухачевский подпишет его ходатайство о переводе в ГИРД. Но Ю.В. Кондратюк не принял предложение, сказав, что занимается важной для страны проблемой создания ветровых электростанций и в течение ближайших лет не будет иметь возможности отвлекаться на что-либо другое. К сожалению, осуществить свои планы Ю.В. Кондратюку не удалось. Во время Великой Отечественной войны он ушел добровольцем в народное ополчение и погиб на фронте в 1942 г. Так трагически оборвалась жизнь талантливого ученого, который мог бы сделать много полезного для человечества.

В апреле 1933 г. начались стендовые испытания ракеты «09», или «девятки», как ее называли. Они проходили на подмосковном полигоне в Нахабино, в 30 км от Москвы. Это место выбрали не случайно. Здесь размещался

Блиндаж и огневой стенд с тягоизмерительным устройством на испытательной площадке полигона в Нахабино. 1933 г.

Ракета «09» на земле. Нахабино, 1933 г.

учебный центр Военно-инженерной академии и были построены блиндажи с толстыми железобетонными стенами и металлическими дверями, служившие надежным укрытием. Один такой блиндаж был предоставлен гирдовцам, и все наблюдения за ходом испытаний в целях безопасности проводили из него через смотровую щель (амбразуру). Однако случалось, что осколки двигателя при взрыве летели в эту амбразуру и разбивали висевшее напротив щели зеркало, с помощью которого и велось наблюдение. Отец участвовал в большинстве испытаний, а их состоялось больше сорока. Еще со студенческих лет он придавал важное значение экспериментальной проверке каждого нового объекта. Понимая, что в ходе испытаний могут выявляться слабые места конструкции и проекта в целом, он взял себе за правило лично участвовать во всех испытательных работах и старался следовать этому правилу всю жизнь.

*Заправка кислородом
ракеты «09». Слева
направо: С.П. Королев,
Н.И. Ефремов,
Ю.А. Победоносцев.
Нахабинский полигон,
август 1933 г.*

Ракете «09» отец уделял особое внимание с самого начала - верил, что она обязательно полетит. Ракета длиной 2 м 40,5 см имела сигарообразную форму. Наружный диаметр ее составлял 18 см, расчетная высота полета при вертикальном старте - 5000 м. Весила она около 18 кг. Корпус ракеты изготовили из дюралю - сплава на основе алюминия.

Ракета состояла из трех частей. Поскольку ее предполагалось использовать многократно, в головной части помещался парашют, выбрасываемый пиропатроном через определенное время после старта. До автоматики было еще далеко, и момент срабатывания пиропатрона определялся длиной бикфордова шнура, поджигаемого на земле. В средней части ракеты располагался цилиндрический дюралевый бак с жидким кислородом, испарение которого после закрытия горловины создавало в баке повышенное давление, и под этим давлением жидкий кислород подавался в хвостовую часть, где устанавливалась камера сгорания, заполненная сжатым бензином. В верхней части бака имелся предохранительный клапан для сброса избыточного давления. Между баком и камерой сгорания находился пусковой кран. Клапан и кран под воздействием температуры жидкого кислорода (-183°C) часто замерзали и не срабатывали. Случались и другие неполадки - после каждого отказа намечались пути их устранения. Например, в качестве

эффективной меры применяли отогревание крана обычной водой.

Наконец была назначена дата пуска - 11 августа 1933 г. Желаящих увидеть первый старт ракеты своими глазами оказалось так много, что единственная имевшаяся в ГИРД грузовая машина оказалась набитой битком и виновицу торжества - ракету - пришлось везти на коленях. Но в тот день ракета не взлетела - отказало зажигание. Причину установили сразу же и устранили быстро, так что повторный пуск назначили через два дня. На сей раз желающих ехать на полигон оказалось меньше - первая неудача кое-кого разочаровала. Однако отец был уверен в успехе и даже пригласил на пуск начальника Управления военных изобретений Я.М. Терентьева, который покровительствовал ГИРД. Казалось, теперь уже все продумано и предусмотрено, однако ракета вновь осталась в пусковом станке. Причина - отсутствие на ракете манометра, который позволил бы точно определить момент достижения пускового давления кислорода и который, несмотря на все усилия, не смогли достать. Я.М. Терентьев обещал помочь. Новый пуск назначили на 17 августа. Уже мало кто верил в успех, кроме самих создателей ракеты и, конечно, моего отца. Никогда не бросать начатое дело, довести его до конца любой ценой - этому принципу он следовал всю жизнь.

Я.М. Терентьев вспоминал, что доложил М.Н. Тухачевскому о предстоящем пуске ракеты и тот сказал, что обязательно поедет в Нахабино, чтобы увидеть все своими глазами. Но в ночь с 16 на 17 августа Михаил Николаевич сообщил Я.М. Терентьеву по телефону, что поехать не сможет, так как должен присутствовать на заседании ЦК ВКП(б). Он приказал Я.М. Терентьеву испытания не отменять и принять в них участие.

На полигон приехали утром и весь день тщательно проверяли каждый агрегат. Около семи вечера подготовка наконец закончена. Ракету заправляют «сгущенным» бензином и устанавливают в пусковой станок. Производят заливку жидкого кислорода, однако давление его вопреки расчетам не достигает пусковой величины - 18 атмосфер, а остается на цифре 13,5. Ясно, что с таким давлением ракета не достигнет расчетной высоты, но при первом пуске это не имеет значения. Важно, чтобы она взлетела. Отец поджигает бикфордов шнур, и они с Н.И. Ефремовым быстро уходят в блиндаж, где уже находится З.И. Круглова, ответственная за включение зажигания. Дается команда «контакт», З.И. Круглова отвечает: «Есть контакт» - и крутит рукоятку магнето, а Н.И. Ефремов

*Сергей Павлович Королев
и Яков Матвеевич Терентьев на полигоне
в Нахабино. Август 1933 г.*

Участники пуска ракеты «09» после завершения ее полета. Слева направо: стоят - С.П. Королев, Н.И. Ефремов, Будков, Л.К. Корнеев, А.С. Раецкий, Л.А. Иконников; сидят - Е.М. Матысик, О.К. Паровина, Н.И. Шульгина, З.И. Круглова. Нахабино, 17 августа 1933 г.

дергает за трос, прикрепленный к ручке пускового крана. Кран открывается - жидкий кислород начинает поступать в камеру сгорания. Слышится резкий хлопок, затем гул работающего двигателя и ракета медленно поднимается вверх. Она летит на высоте всего около 400 м и всего 18 секунд, но это неважно. Свершилось главное: первый полет первой советской ракеты состоялся!

Радости участников события не было конца. Наконец-то успех - многомесячная работа оказалась не напрасной. Все обнимали и целовали друг друга. Е.М. Матысик и Л.А. Иконников перед стартом ракеты забрались на дерево, чтобы лучше следить за ее полетом. Увидев ракету в воздухе, они так обрадовались, что стали подпрыгивать на ветках, в результате чего Е.М. Матысик свалился на землю, потеряв крагу. Ракета упала в лесу. Все бросились туда, преодолев по дороге высокий деревянный забор ограды полигона. Но, наверное, если бы им встретилась неприступная стена или скала, это тоже не остановило бы их - в такие моменты преград не существует. Ракета лежала на земле. От ударов о деревья при падении она разрушилась на несколько частей. Их собрали, осмотрели, сфотографировали и перенесли к месту старта. После этого составили акт. Он написан простой чернильной ручкой на листке, вырванном из конторской книги, но является ценным историческим документом.

«АКТ

Мы, нижеподписавшиеся, комиссия завода ГИРД по выпуску в воздух опытного экземпляра объекта 09 в составе:

Начальника ГИРД ст. инженера Королева,

ст. инженера бригады № 2 Ефремова,

начальника бригады № 1 ст.инженера Корнеева,

бригадира слесарей производственной бригады Матысика, сего 17 августа, осмотрев объект и приспособление к нему, постановили выпустить его в воздух.

Старт состоялся на станции № 17 инженерного полигона Нахабино 17 августа в 19 часов 00 минут.

Вес объекта ~ 18 кг.

Вес топлива - твердый бензин - 1 кг.

- кислорода 3,5 кг.

Давление в кислородном баке - 13,5 атм.

Продолжительность взлета от момента запуска до момента падения - 18 сек.

Высота вертикального подъема (на глаз) ~ 400 м.

Взлет произошел медленно. На максимальной высоте ракета пошла по горизонтали, затем по отлогой траектории попала в оседний лес. Во все время полета происходила работа двигателя. При падении на землю была смята оболочка. Сломан соединительный кран. Перемена вертикального взлета на горизонтальный и затем поворот к земле произошли вследствие пробивания газов (прогар) у фланца, вследствие чего появилось боковое усилие, которое и завалило ракету.

Составлен в 1 экз. и подписан на станции Нахабино 17 августа в 20 час. 10 мин, 1933 г.»

Гирдовский фотограф, токарь Б.В. Шедко, сфотографировал улыбающихся гирдовцев у лежащей ракеты. Возбужденные, с песнями и безудержным весельем поздно вечером вернулись домой. Отец радовался вместе со всеми - ведь это была первая и очень важная победа небольшого коллектива, который он возглавлял. И главное: если взлетела первая ракета, значит, полетят и другие - выше и дальше.

В тот же вечер Я.М. Терентьев доложил М.Н. Тухачевскому об итогах испытания и тот распорядился пригласить к нему начальника ГИРД.

На следующий после пуска «девятки» день отец и Н.И. Ефремов отправились в Управление военных изобретений и Центральный совет Осоавиахима, чтобы сообщить об успешном запуске ракеты, а конструкторы второй бригады - З.И. Круглова, О.К. Паровина и Н.И. Шульгина - подготовили протокол № 43, в котором подробно изложили ход и результат испытания ракеты «09». В тот же день Н.И. Ефремов отправил телеграмму М.К. Тихонравову, который в то время проводил вместе с В.А. Андреевым, Я.А. Голышевым и В.С. Зуевым отпуск в туристическом походе по реке Хопер. Телеграмма была краткой: «Экзамен сдал тчк Коля».

В.А. Андреев вспоминал, как, приплыв в Новохоперск, он и М.К. Тихонравов немедленно отправились на почту. Прочитав историческую телеграмму, они дружно крикнули «ура» и исполнили «дикий» танец, чем вызвали недоумение окружающих. За обедом на берегу Хопра был провозглашен тост за успех в работе по объекту «09», а Михаил Клавдиевич произвел троекратный салют из охотничьего ружья. Конечно, вряд ли они тогда думали, что первой советской ракете суждено стать предвестницей освоения космоса, но несказанно радовались завершению важного этапа своей работы.

Встреча М.Н. Тухачевского с моим отцом состоялась поздним вечером 20 августа в кабинете Михаила Николаевича в присутствии Я.М. Терентьева и заместителя начальника вооружений РККА Н.А. Ефимова. Когда

Специальный выпуск гирдовской стенгазеты, посвященный полету ракеты «09». Москва, 22 августа 1933 г.

отец вошел в кабинет, М.Н. Тухачевский вышел из-за стола, поздоровался и извинился за то, что не смог присутствовать 17 августа на полигоне. Усадив посетителей в кресла, стал задавать вопросы. Его интересовало все: конструкция ракеты, работа двигателя, а главное - перспективы развития ракетной техники. Интересовался он также кадрами и условиями труда. Получив удовлетворившие его ответы, М.Н. Тухачевский пожелал ракетчикам новых успехов и пообещал в скором времени посетить Нахабинский полигон.

Полет первой ракеты стал для гирдовцев большим праздником. 22 августа они подготовили специальный выпуск стенгазеты «Ракета», посвященный этому событию. Во всю ширину газетного листа крупными буквами была написана слегка измененная фраза из заметки отца: «Советские ракеты победят пространство!» Под словами «Гирдовцы - вам!» красовалась фотография участников пуска у обломков «девятки» и стихи гирдовца А.И. Подлипаева, которые заканчивались словами:

Но вырвалась, ринулась кверху ракета.
 Ухвачено нужное в деле звено.
 В тот час доказали мы белому свету,
 Что технику делать и здесь нам дано!

Здесь же помещено поздравление Управления военных изобретений и Управления вооружений РККА с «первыми практическими результатами в деле овладения техникой реактивного движения». Далее шла краткая, устремленная в будущее заметка отца: «Первая советская ракета на жидком топливе пущена. День 17 августа несомненно является знаменательным днем в

жизни ГИРД и начиная с этого момента советские ракеты должны летать над Союзом республик. Коллектив ГИРД должен приложить все усилия для того, чтобы еще в этом году были достигнуты расчетные данные ракеты и она была бы сдана на эксплуатацию в рабоче-крестьянскую Красную армию. В частности, особое внимание надо обратить на качество работы на полигоне, где, как правило, всегда получается большое количество неувязок, доделок и проч. Необходимо также возможно скорее освоить и выпустить в воздух другие типы ракет для того, чтобы всесторонне изучить и в достаточной степени овладеть техникой реактивного дела. Советские ракеты должны победить пространство!»

Под заголовком «От первых шагов к настоящей победе» в стенгазете были помещены заметки Н.И. Ефремова, О.К. Паровиной и Л.К. Корнеева. Н.И. Ефремов писал, что «новая, более совершенная техника летания вступила на свой яркий, стремительный путь развития», конструктор второй бригады О.К. Паровина вспоминала, как начиналась ГИРД, как она стала расти и крепнуть и как «вместе со взлетом нашей ракеты будто и мы выросли на ту же высоту». Л.К. Корнеев назвал 17 августа историческим днем для ГИРД, а взлет ракеты - хорошей моральной наградой. Очень образно описан путь к успеху ракеты «09» во второй заметке О.К. Паровиной - неудачные попытки первого и второго пуска и наконец: «...полет длится всего 18 секунд, но эти секунды казались часами». Токарь Б.В. Шедко писал, что получил задание сфотографировать ракету в полете, но был так потрясен, что вместо ракеты заснял один лес. Слесарь-сборщик Л.А. Иконников поделился сомнениями, обуревавшими его до полета ракеты, и чувством уверенности в дальнейших успехах, которое охватило его после полета: «Теперь можно с уверенностью сказать, что ракета полетит еще выше, да и работать стало гораздо интереснее, знаешь, что не зря». Завершила газету заметка Н.И. Шульгиной, начинавшаяся словами: «Товарищи! День 17 августа 33 года надолго останется в нашей памяти! Это день, когда первая советская ракета на жидком топливе, плавно выйдя из станка, заняла свое место в истории развития нашей техники, не считающейся ни с какими трудностями».

К.Э. Циолковский страстно желал скорейшего осуществления полета ракеты на практике. Но представляя, какие гигантские трудности стоят на этом пути, он предполагал, что первый полет в космос может осуществиться лишь в начале третьего тысячелетия. Так, в книге «Вне земли» (1918) он называет дату - 2017 год. Позднее, после организации ГИРД и ГДЛ, ученый пересматривает этот срок. «Уверен, что многие из вас станут свидетелями первого заатмосферного путешествия» - эти слова К.Э. Циолковского прозвучали по радио 1 мая 1933 г.

Первый полет ракеты стал возможен благодаря самоотверженному труду и упорству энтузиастов, твердой и энергичной позиции руководства ГИРД, верившего в успех и вселявшего эту веру в участников работы. Этот полет имел важное значение для будущего ракетной техники и для самих гирдовцев - окрылил их, придал уверенности, поднял дух и мобилизовал силы на дальнейшую работу. Каждый увидел в полете начало воплощения идеи, ради которой самозабвенно трудились.

На следующий день после пуска «девятки», 18 августа 1933 г., когда страна отмечала День Воздушного флота, в харьковской газете «За технику» под рубрикой «Мы смотрим в будущее» была опубликована на украинском языке статья отца, называвшаяся «Советские ракеты будут летать над СССР». Там же помещена его фотография с автографом. Статья дышит оптимизмом

и непоколебимой убежденностью в будущих грандиозных достижениях ракетной техники. Заканчивалась она словами: **«Безусловно, близко то время, когда над Советским Союзом с молниеносной скоростью будут летать ракетные корабли. Живой пример тому авиация, которая за последние несколько лет так развилась, достигла таких успехов и так прочно вошла в наше социалистическое хозяйство.**

Советские ракеты будут летать над Союзом Социалистических Республик».

22 августа 1933 г. отец направляет в ЦС Осоавиахима докладную записку «О положении экспериментальной работы по ракетам», в которой отмечает: «17 августа с.г. в 19 часов первая советская ракета на жидком горючем успешно совершила свой первый полет. Этим самым практически проверены принцип устройства, схема и формы этой ракеты-снаряда. Главной задачей дальнейшего является наиболее быстрое получение расчетных дальностей и высот полета ракеты и сдача ее на вооружение и для мирных целей». Далее он подчеркивает, что «Успех первого полета достигнут в результате настойчивой, упорной работы всего коллектива ГИРД, несмотря на чрезвычайные трудности. А именно: с момента организации ГИРД (июнь 1932 г.) из группы в несколько человек активистов Осоавиахима развернут небольшой, но обладающий всеми видами производств заводик. Однако завод расположен в сыром подвале без дневного света. Никакого снабжения ни материалами, ни оборудованием, ни продовольствием и т.п. нет и не получалось ГИРД'ом ранее. Средств на производство опытов слишком недостаточно. До сего дня длится двойственное подчинение ГИРД Осоавиахиму (формально) и УВИ Н.В.РККА (фактически). А в результате уже более года, как ГИРД не имеет хозяина и буквально задыхается в мелочах, не дающих ему развернуть, как это следовало бы в наших масштабах, свою работу. Как пример можно указать, что ГИРД до сего дня не имеет никакого транспорта и отрезан от полигона, находящегося в 40 км от Москвы. Уже более года обсуждается вопрос о создании Реактивного Института, но в настоящее время этот вопрос застрял еще в одной инстанции (Военно-морская Инспекция Ц К К).

Несмотря на чрезвычайно тяжелые условия работы, ГИРД'ом все-таки доведена и выпущена в воздух первая советская ракета». В конце записки он формулирует конкретные задачи: «1. Ускорить разрешение вопроса с организацией Реактивного института. 2. Немедленно отпустить ГИРД необходимые средства на постановку научно-исследовательской работы и, в частности, на постройку первой опытной серии ракет и испытание их (на это нужно до 30 000 руб.). Работы вести, учитывая и мирное применение ракет».

Безусловно, полет первой ракеты ускорил принятие решения о создании РНИИ. Но отец думал тогда не только о ракетах. Его давнишней мечтой был ракетоплан. И 25 августа 1933 г. в газете «Вечерняя Москва» появляется его статья «Путь к ракетоплану». Будучи человеком конкретного мышления, он четко очерчивает видимый в то время круг возможного применения реактивных аппаратов: «...для метеорологических целей, для градорассеивания, воздушной съемки и, наконец, для переброски небольшого груза с большой скоростью». А в конце статьи дана перспектива: «От ракет опытных, ракет грузовых к ракетным кораблям - ракетопланам - таков наш путь».

После успешного запуска «девятки» гирдовцы с удвоенной энергией взялись за подготовку к пуску новой ракеты «ГИРД-Х» конструкции Ф.А. Цандера. По замыслу ученого предполагалось, что в ней будет применено металлическое горючее, в качестве которого намечалось использовать часть конструкции самой ракеты. Однако после смерти Ф.А. Цандера схема ракеты подверглась изменениям и от сжигания в ней металлического горючего

*На Нахабинском полигоне перед пуском ракеты «ГИРД-Х».
Слева направо: стоят - С.П. Королев, Н.И. Ефремов, Л.С. Душкин,
Л.К. Корнеев, И.И. Хованский; сидят - Б.В. Флоров, Л.Н. Колбасина,
К.К. Федоров, А.И. Полярный, ФЛ. Якайтис, М.Г. Воробьев.
25 ноября 1933 г.*

отказались. В отличие от «девятки» ее двигатель работал на жидком кислороде и этиловом спирте.

Ракета состояла из пяти отсеков. В первом находился парашют с выбрасывающим устройством, во втором - кислородный бак, в третьем - баллон со сжатым воздухом и пусковая арматура, в четвертом - бак для спирта, в пятом - двигатель. «Десятка» была на 20 см короче «девятки», но более чем на 10 кг тяжелее. Первый пуск «ГИРД-Х» состоялся 25 ноября 1933 г. Накануне выпал обильный снег. Грузовик повез на Нахабинский полигон бак с жидким кислородом, другое оборудование и должен был вернуться за гирдовцами и

ракетой. Ждали до позднего вечера, однако машина не пришла. Заночевали прямо в подвале, а когда рассвело, завернули ракету в мешковину и тронулись в путь. На трамвае доехали до Рижского вокзала. При этом кондуктор потребовала оплатить провоз «вашей трубы». Потом ракету везли поездом и несли около шести километров на плечах до места старта. В лесу увидели свою машину, безнадежно застрявшую в сугробе. Пришлось нести и содержимое ее кузова.

И вот все готово. Команда «контакт», и ракета медленно выходит из пускового станка. Она поднимается на высоту лишь около 80 метров, но это еще один успешный шаг в освоении ракетной техники.

После пуска ракеты «09» отец вновь поставил перед Управлением вооружений РККА вопрос об использовании ракет в качестве оружия. М.Н. Тухачевский, который первым понял важность этой проблемы, теперь окончательно утвердился во мнении о необходимости скорейшего объединения двух родственных научно-производственных организаций - ГДЛ и ГИРД - в едином институте. Будучи эрудированным и талантливым военным руководителем, он хорошо понимал будущее значение ракетной техники для обороны страны. В 1965 г. Я.М. Терентьев вспоминал, что поставленная тогда задача выражалась формулой: «ГИРД плюс ГДЛ, плюс производственная база, плюс время будет равно ракете (мощному снаряду) с радиусом действия 100-1000 километров. В то время фантазии на больший радиус действия у нас не хватало».

Вопрос об объединении двух ракетных организаций обсуждался давно. 16 мая 1932 г. М.Н. Тухачевский представил председателю Комиссии обороны СССР В.М. Молотову доклад «Об организации Реактивного института», где обосновал необходимость «скорейшего и полного разрешения реактивной проблемы в части ее практического приложения к военной технике». Далее он подчеркнул, что «Реактивный институт должен быть организован на основе последних достижений науки и техники по реактивному вопросу с использованием лучших кадров ГДЛ и ГИРД. Он должен быть укомплектован лучшими научными и инженерно-техническими силами, работающими в Союзе по вопросам реактивного действия». 25 февраля 1933 г. в Управлении военных изобретений РККА состоялось совещание с участием руководителей ГДЛ и ГИРД для обмена мнениями по вопросу объединения. И И.Т. Клейменов (ГДЛ), и С.П. Королев (ГИРД) считали необходимым слияние обеих организаций в единый научно-исследовательский институт. Это позволило бы, по их мнению, значительно повысить уровень работ, создать надежные, высокоэффективные двигатели и ракетные летательные аппараты. Итогом совещания явились создание группы в составе И.Т. Клейменова, С.П. Королева и Я.М. Терентьева для подготовки к 7 марта 1933 г. проекта положения об институте, а также секретная записка, составленная Я.М. Терентьевым и с согласия М.Н. Тухачевского направленная в ЦК ВКП(б). В ней говорилось о теоретических и практических достижениях ленинградской Газодинамической лаборатории и московской Группы изучения реактивного движения, обосновывалась важность создания на их базе научно-исследовательского института. По свидетельству Я.М. Терентьева, через несколько дней М.Н. Тухачевский и заместитель наркома тяжелой промышленности И.П. Павлуновский были вызваны к И.В. Сталину. Решение об организации в Москве Реактивного научно-исследовательского института было принято и направлено в Совнарком СССР на исполнение. После этого М.Н. Тухачевский пригласил отца к себе, чтобы выслушать его мнение относительно структуры института и его научной тематики. Его интересовало в том числе, нельзя ли предложить для размещения института уже готовое подходящее здание, так как

*Ракета «ГИРД-Х» в полете.
Нахабино, 25 ноября 1933 г.*

*На Нахабинском полигоне
после пуска ракеты «ГИРД-Х».
Слева направо: стоят -
С.П. Королев, Л.К. Душкин,
Л. К. Корнеев, М.К. Тихонравов;
сидят - (?), Я.М. Терентьев.
25 ноября 1933 г.*

строительство нового задержало бы начало работ на несколько лет. Вскоре соображения по структуре Реактивного института и его задачам М.Н. Тухачевский доложил председателю Совнаркома СССР В.М. Молотову. После их одобрения была образована комиссия в составе секретаря МК ВКП(б) Н.С. Хрущева, Я.М. Терентьева и представителя ОГПУ, которой поручалось подобрать для института подходящее помещение из уже имеющихся. После длительных поисков комиссия остановила свой выбор на зданиях тракторной лаборатории и двух небольших производственных корпусов Всесоюзного института сельскохозяйственного машиностроения в Лихоборах. Не дожидаясь возвращения из зарубежной поездки наркома К.Е. Ворошилова (он возглавлял правительственную делегацию в Турции), 21 сентября 1933 г. М.Н. Тухачевский подписал приказ № 0113 Революционного военного совета СССР о создании РНИИ в системе Народного комиссариата по военным и морским делам СССР и утвердил «Временное положение о Реактивном научно-исследовательском институте РККА». Другим приказом, подписанным в тот же день, начальником нового института был назначен И.Т. Клейменов, его заместителем - С.П. Королев. Сохранилась справка от 9 декабря 1933 г., в которой удостоверялось, что С.П. Королев является заместителем начальника института с окладом 700 рублей.

Однако, организация РНИИ в системе РККА вернувшимся из командировки наркомом К.Е. Ворошиловым не была поддержана. В связи с этим 5 октября 1933 г. М.Н. Тухачевский, по договоренности с наркомом тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе, обратился к Ворошилову с письмом, в котором обосновывал целесообразность передачи Реактивного института в ведение Наркомтяжпрома. Вопрос этот был решен и постановлением Совета Труда и Обороны № 104 от 31 октября 1933 г. за подписью В.М. Молотова организация РНИИ возлагалась на Народный комиссариат тяжелой промышленности.

23 ноября 1933 г. руководство Осоавиахима приняло решение наградить отличившихся работников ГИРД почетными знаками и ценными подарками. Награждение проводилось в начале декабря в клубе «Искра». Отец пригласил с собой на этот вечер Марию Николаевну и мою маму. Ему был вручен серебряный портсигар с надписью: «Организатору и руководителю ГИРД инженеру С.П. Королеву от Президиума ЦС ОАХ СССР. 23 ноября 1933 г.».

В.П. Авдонин и Е.С. Щетинков получили именные часы. На крышке часов Евгения Сергеевича написано: «Лучшему ударнику инженеру-изобретателю тов. Щетинкову Е.С от Президиума ЦС ОАХ СССР». В.В. Иванова была награждена именной готовальней, В.В. Горбунов и С.А. Пивоваров - значками отличников Осоавиахима.

Так закончился гирдовский период жизни отца, период его становления как руководителя коллектива, осуществившего пуски первых советских ракет. Гирдовцев справедливо называют пионерами ракетостроения. Отец давно понял, что не одиночки-ученые, а коллективное творчество определяет успех в современной технике. Но при этом он считал, что чем сложнее работа, тем больше инициативы должен проявлять исполнитель. Отец не занимался мелочной опекой, давая в рамках общего замысла простор творческим проявлениям каждого члена коллектива. Он умел объединить вокруг себя способных, мыслящих, преданных общему делу людей. Соратники могли обращаться к нему с любыми вопросами, но при этом должны были иметь свои соображения по существу дела. Такой стиль руководства сохранился у отца и в дальнейшем, когда в его подчинении находились уже не десятки, а десятки тысяч человек. Гирдовцев всегда удивляло, как он все успевал: руководил Группой, вникал в проектные

Серебряный портсигар, подаренный С.П. Королеву руководством Осоавиахима. Москва, 23 ноября 1933 г.

С. С. С. Р.
 НАРКОМВОЕНМОР
 УПРАВЛЕНИЕ
 ВОЕННЫХ ИЗОБРЕТЕНИЙ
 Начальник Вооружений
 РККА
 Г И Р Д
 имени Ф. А. ЦАНДЕРА
 9-я Декабря 1933 г.
 № 24/11
 Москва, Г.д. Почтовый ящик №
 Телефон

С П Р А В К А

Настоящая видана тов. КОРОЛЕВУ, С.П. в том,
 что он действительно является ЗАМ. НАЧ.-КА Института.
 Оклад содержания 700 рублей в месяц.
 Дана для представления.....

НАЧАЛЬНИК А.Х.
 ИНСТИТУТА
 /В. ЧИРКИН/

Справка о работе С.П. Королева заместителем начальника Реактивного института. Москва, 9 декабря 1933 г.

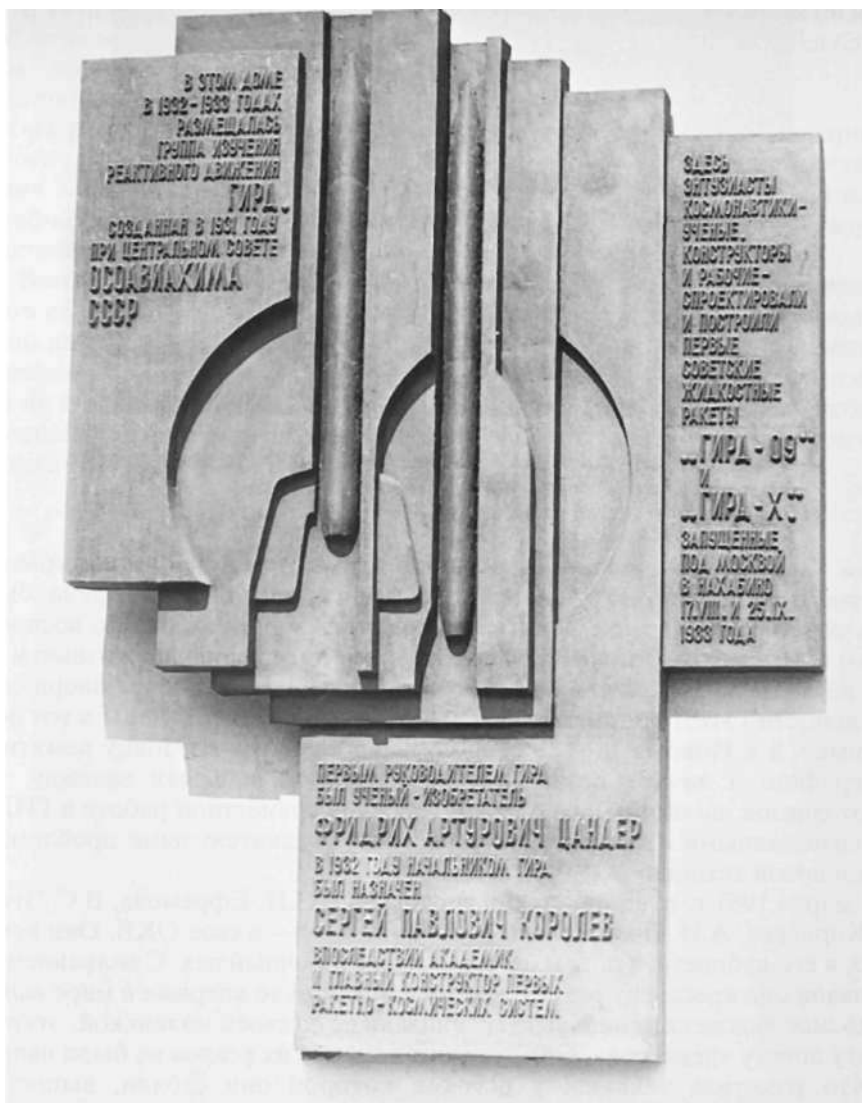
Памятный знак на Нахабинском полигоне в честь запуска первых советских жидкостных ракет. Фотография 1970-х годов

разработки бригад, участвовал во всех серьезных испытаниях и экспериментах. Но главное - он всегда старался довести начатое дело до конца, заражая всех своей энергией и верой в достижение цели. Цепочка, начатая маленькой ракетой «09» в ГИРД, протянулась через модели крылатых ракет в РНИИ к мощным межконтинентальным ракетам и космическим кораблям. А на месте запуска первых советских ракет на Нахабинском военно-инженерном полигоне 5 ноября 1966 г. был установлен гранитный обелиск с силуэтом ракеты «09» и надписью «Королев С.П., Цандер Ф.А., Тихонравов М.К. Гирдовцам от комсомольцев Нахабинской средней школы № 2». Это первый в стране памятник, увековечивший имена и дела пионеров ракетной техники. 17 августа 1983 г., в день 50-летнего юбилея запуска «девятки», на месте ее старта были установлены копии пускового станка и ракеты «09», а также одна из послевоенных стратегических ракет. Да, с полным правом можно утверждать, что путь в космос начинался в Нахабино. Космонавты называют это место Байконуром № 1.

Еще один памятник гирдовцам открыли 11 июня 1989 г. в станции Некрасовской Краснодарского края по инициативе местных краеведов. В центре его -

Встреча гидродоцев в день празднования 60-летия М.К. Тихонравова. Слева направо: сидят – механик М.Г. Воробьев, начальник ГИРД С.П. Королев, конструктор О.К. Паровина, начальник 2-й бригады М.К. Тихонравов, конструкторы В.А. Андреев и С.С. Смирнов, инженер В.А. Тимофеев, механик К.К. Федоров; стоят – начальник 1-й бригады (после Ф.А. Цандера) Л.К. Корнцев, механик Н.Н. Краснухин, бригадир производственной бригады Е.М. Матвеев, начальник 3-й бригады Ю.А. Победоносцев, конструктор З.И. Круглова, механик Б.В. Флоров, конструктор Е.И. Андреев (Снегирева), конструктор И.А. Меркулов, инженер А.И. Полярный, инженер Е.К. Мошкин, чертежник В.В. Александрова (Иванова), конструктор С.С. Равинский, инженер Л.С. Дуцкий, конструктор Н.И. Шульгина, механик И.М. Моисеев, конструктор В.Н. Галаковский. Калининград Московской области, 5 августа 1960 г.

Мемориальная доска на Садово-Спасской улице в Москве в честь Группы изучения реактивного движения

две стелы с датами: 1933 и 1957. На одной из них - модель ракеты 09, на второй - первого искусственного спутника Земли. Под ними высечены слова отца: «Человеческий разум безграничен, как сама Вселенная». Слева и справа - монументальные гранитные стены. На левой - надпись: «Они были первыми» - и фамилии членов первой, второй и третьей бригад ГИРД. На правой - под словами: «Слава Советской науке» - списки гирдовцев четвертой бригады и производственников. Есть памятник гирдовцам и вне Земли: цепочке кратеров протяженностью около 500 км на обратной стороне Луны присвоено наименование «ГИРД».

После слияния ГИРД и ГДЛ большая часть гирдовцев перешла вместе с отцом в РНИИ, другие ушли в иные организации и потеряли связь друг с

*Памятная доска на здании, где работала
Группа изучения реактивного движения.
Москва, 2005 г. Фотография автора*

другом. Они встретились вновь по инициативе отца в день празднования 60-летнего юбилея М.К. Тихонравова 5 августа 1960 г. Встреча была очень теплой и радостной. Многие не виделись долгие годы. По воспоминаниям В.В. Александровой (Ивановой), отец интересовался жизнью и делами всех, не забыл имена и отчества каждого, хотя после завершения деятельности ГИРД прошло почти 30 лет. Их лица запечатлены в тот день на снимке, а к Новому 1961 г. отец прислал каждому гирдовцу памятную фотографию и личное поздравление, в котором выражал надежду, что «...этот снимок напомнит Вам о нашей дружной совместной работе в ГИРДе над неизведанными в то время и необычайно увлекательными проблемами науки и новой техники».

В марте 1961 г. отец пригласил гирдовцев - Н.И. Ефремова, В.С. Зуева, Л.К. Корнеева, А.И. Полярного и Е.С. Шетинкова - в свое ОКБ. Они встретились в его кабинете, а потом он повел их в сборочный цех. С волнением осматривали они красавицу ракету, которой предстояло впервые в мире вывести в космос человека, и невольно сравнивали ее со своей маленькой, открывшей эту дорогу «девяткой». Они думали о том, что их усилия не были напрасны, что ракетная техника, у истоков которой они стояли, вышла на безграничный космический простор.

Что же касается подвала на Садово-Спасской, то создать в нем музей ГИРД, как предполагалось, пока не удалось. В 1995 г. я побывала там вместе с бывшим гирдовцем В.А. Андреевым. По той же крутой лестнице мы спустились в подвал. Там находился какой-то склад. Мимо нас пробегали люди, носившие коробки и ящики. Никто из них не спросил, кто мы и зачем пожаловали. Я уверена, что они и понятия не имели о том, кто и над чем здесь когда-то работал. Мне невольно вспомнилось начало известного кинофильма «А зори здесь тихие»: молодые люди, ни о чем не подумывая, веселятся на том месте, где в годы Великой Отечественной войны разыгралась трагедия. Такова жизнь!

Я же с большим волнением ходила по подвалу, навсегда вошедшему в историю отечественной ракетной техники, слушала рассказ Виктора Алексеевича и мысленно представляла себе юношей и девушек, которые на голом месте, не имея предшественников, конструировали и строили ракеты, потому что безгранично верили в реальность межпланетных полетов.

В 1978 г. в память о ГИРД была торжественно открыта мемориальная доска, но не на том доме в глубине двора, где располагался подвал, а на ближайшем здании, выходящем на Садово-Спасскую улицу. Вот часть текста, написанного на этой доске:

«Первым руководителем ГИРД был ученый-изобретатель Фридрих Артурович Цандер. В 1932 году начальником ГИРД был назначен Сергей Павлович Королев, впоследствии академик и Главный конструктор первых ракетно-космических систем». В 1998 г. на здании, где работала Группа изучения реактивного движения, была установлена памятная доска.

Всего около двух лет работала Группа изучения реактивного движения. И пусть ее ракеты имели небольшие размеры и силы тяги, пусть они взлетели лишь на десятки - сотни метров, важно, что правильно были определены принципы их конструирования, безошибочной оказалась инженерная интуиция их создателей. Первые скромные траектории в подмосковном небе обозначили путь к космическому будущему человечества. В этом историческая заслуга ГИРД.

РЕАКТИВНЫЙ ИНСТИТУТ (1933-1938)

И так, осенью 1933 г. начался новый период жизни и работы отца. Свершилось то, чего так упорно добивался он и весь коллектив ГИРД: создан научно-исследовательский институт с производственной базой, и, следовательно, появились условия для продолжения работы, в необходимости которой теперь никто не сомневался. Немного жаль было покидать уже обжитой подвал, но зато какие вырисовывались перспективы!

Теперь обе слившиеся воедино организации ракетчиков должны были разрабатывать и осуществлять общую научно-техническую программу. Каждая из них принесла в РНИИ вместе с талантом своих сотрудников весомый опытно-конструкторский и технический багаж. Из ГДЛ перешли работы по двигателям и снарядам на твердом топливе, по ракетному старту самолетов и азотнокислотным ЖРД, из ГИРД - по кислородным ЖРД, прямоточным воздушно-реактивным двигателям, ракетопланам, бескрылым и крылатым ракетам. В положении об институте, утвержденном М.Н. Тухачевским, указывалось, что «предметом работ РНИИ является теоретическая и практическая разработка вопросов реактивного движения с целью использования ракет в различных областях военной техники и народного хозяйства».

В феврале 1934 г. К.Э. Циолковский предложил для молодого института программу работ, состоящую из 18 пунктов и представляющую собой перечень исследований по ракетной технике с упором на экспериментальную разработку ракет и двигателей.

Постепенно РНИИ становится полноценным научно-исследовательским учреждением, имеющим проектно-конструкторские отделы, научные лаборатории, испытательные стенды, аэродинамические трубы, производственные мастерские, летную станцию в Момино, а также опытный участок и стенд для испытаний двигателей на софринском артиллерийском полигоне. В начальный период РНИИ включал четыре тематических отдела. В первом отделе, возглавлявшемся сначала Ю.А. Победоносцевым, потом К.К. Глухаревым и затем Л.Э. Шварцем, занимались разработкой двигателей и ракет на твердом топливе. Второй отдел, руководимый вначале М.К. Тихонравовым, затем А.И. Стеняевым и в дальнейшем А.Г. Костиковым, разрабатывал двигатели на жидком топливе. В этом отделе бригадами ЖРД руководили В.П. Глушко и Л.С. Душкин. Третий отдел во главе с П.П. Зуйковым занимался крылатыми ракетами (Е.С. Щетинков) и ракетными ускорителями старта самолетов (В.И. Дудаков). Наконец, четвертый отдел возглавлялся И.С. Александровым, а затем Н.Г. Чернышевым - там исследовались свойства твердых и жидких топлив. Непосредственное руководство научно-исследовательскими

отделами взял на себя начальник института И.Т. Клейменов, а в ведение его заместителя, С.П. Королева, были переданы производственные участки - цеха, мастерские, а также химическая лаборатория, вспомогательные подразделения и административно-хозяйственный отдел. Таким образом отец оказался отстраненным от руководства проектной и конструкторской работой, чем он занимался, будучи начальником ГИРД.

В РНИИ действовал научно-технический совет, в состав которого входили руководители института и научных подразделений, а также ряд ведущих сотрудников. Нередко на заседания НТС приглашались известные ученые: профессора Б.С. Стечкин, В.П. Ветчинкин, Д.А. Вентцель и другие. Члены НТС обсуждали годовые и перспективные планы работ, а также ход их выполнения и полученные результаты. Почетным членом совета 23 февраля 1934 г. был избран К.Э. Циолковский. Незадолго до этого, 14 февраля, И.Т. Клейменов и М.К. Тихонравов посетили ученого в Калуге. Они рассказали ему об институте, о работах, выполненных в ГИРД и ГДЛ, подарили фотографии первых советских жидкостных ракет и сами сфотографировались с Константином Эдуардовичем.

Деятельность РНИИ развернулась уже в первые месяцы. Конструировались двигатели и ракеты, регулярно проводились научные конференции и совещания, начали издаваться печатные труды в виде научно-технических сборников «Ракетная техника» и монографий.

Казалось бы, все шло благополучно. Однако с самого начала деятельности института между двумя объединившимися коллективами и, главным образом, между их руководителями возник и стал нарастать серьезный конфликт. Его источником явилось различное понимание целей и направленности научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Так, принципиально различные позиции занимали москвичи и ленинградцы по вопросу о предпочтительном типе ракетного двигателя. Отец тогда отрицательно относился к идее использования в ракете порохового двигателя, считая, что наибольшую перспективу имеют ракеты с ЖРД на основе кислорода и спирта. Начальник же РНИИ И.Т. Клейменов занял негативную позицию в отношении двигателей на жидком кислороде, и работы этого направления были отнесены в разряд второстепенных.

Немаловажными были и другие разногласия. ГИРД возникла в Осоавиахиме как гражданская организация, и отец был человеком гражданским, хотя при назначении на должность заместителя начальника РНИИ ему пришлось надеть военную форму, да еще с двумя ромбами в петлицах, что соответствовало бы, по современным понятиям, званию генерал-майора (одну такую фотографию он подарил моей маме с надписью: «Ляльке-Солнышку на память. 1933/34 г.»). Целью ГИРД, помимо разработки ракет для обороны страны, было еще и создание летательных аппаратов для полетов в стратосферу, и отец надеялся, что теперь, в РНИИ, наконец удастся довести до кондиции жидкостные ракетные двигатели и использовать опыт ленинградцев для проведения полноценных испытаний ракетоплана. В то же время ГДЛ была изначально военной организацией и ее продукция предназначалась для армии, в первую очередь - для артиллерии. Начальник института И.Т. Клейменов, профессиональный военный, ориентировал институт в основном на продолжение работ ГДЛ по текущей военной тематике, недооценивая задачу использования в будущем ракетной техники для полетов в стратосфере. Отец не мог с этим согласиться.

Бесконечные дискуссии возникали при утверждении объемов работ по крылатым ракетам и ракетопланам, по применению того или иного вида

Сергей Павлович Королёв
на снимке
1933/34 г.

*Сергей Павлович Королёв - заместитель начальника Реактивного института.
Москва, 1933 г.*

жидкого топлива, по использованию производственной базы. Эти споры отнимали много времени, изматывали физически и морально. Мама вспоминала, что отец очень страдал от того, что не мог преодолеть стену непонимания, убедить начальника института в правильности своих взглядов. Но он не поступился своими техническими позициями, не отрёкся от них даже тогда, когда конфликт между ним и И.Т. Клейменовым, быстро разрастаясь, достиг предела.

11 января 1934 г., приказом № 042 с. по личному составу РККА отца уволили с действительной военной службы в резерв. Несмотря на это, он

энергично взялся за наведение порядка в подведомственных ему мастерских и 17 января 1934 г. подал И.Т. Клейменову докладную записку о плохом состоянии производства и необходимых мерах по устранению недостатков. Нижеприводимая записка очень характерна для отца, стремившегося всегда исправлять любые недостатки.

- «1. Мастерские работают неудовлетворительно. План работы на январь не выполняется.
 2. Работа проходит без определенного плана. У руководителей мастерских нет стремления выполнять задания.
 3. Нет простейшего порядка в прохождении заказов на работы, распределении их по рабочим местам, систематического контроля за их выполнением, строгой приемки изделий или агрегатов. Ничего в этом отношении не предпринимается.
 4. Рабочие места не обеспечены материалами. Рабочие высокой квалификации занимаются поисками материалов с нарядами на руках.
 5. Вопрос с подачей документов не упорядочен в должной степени. Обращение с инструментом в цехе скверное. На совещании 8 января был вынесен ряд решений по инструменту, но ничего не сделано.
 6. Простейшая рационализация работ в цехе отсутствует.
 7. Все вышеизложенное ведет к тому, что качество работ очень невысокое. Сроки и нормы не выдерживаются. Зарботки рабочих неровные. Имеются простои.
 8. Руководители мастерских относятся к работе несерьезно. Ведут работу «со дня на день», всецело полагаясь на меня.
 9. Если отдается распоряжение, оно выполняется нечетко и не в срок. Можно привести примеры систематического невыполнения распоряжений.
 10. Как результат, слаба дисциплина на производстве. Настроение у рабочих скверное.
 11. Недоработка АХО: улучшить питание рабочих, организовать автобусное сообщение с городом, снабжение всеми материалами. Необходимы упорядочение складского хозяйства, утепление помещений, организация комнаты отдыха для рабочих, скорейшая постройка сварочной и кузницы, пополнение оборудования.
- Я не встречаю должного желания быстро и четко изжить тот или иной недостаток.

Основной вывод может быть одним: сменить все руководство производством, как не справляющееся с работой, и поставить туда людей, которые хорошо бы хозяйничали. Считаю в настоящий момент [необходимым] особо обратить внимание партийной части и завкома на работу производства, так как без их помощи успех достигнут не будет. Срыв же работ в первый месяц года грозит последствиями для всей программы».

В ответ на столь критическую докладную записку, И.Т. Клейменов 9 марта 1934 г. дал резко отрицательную характеристику своего заместителя с требованием увольнения его из рядов Красной Армии. Аттестационный лист с этой характеристикой хранится в личном деле старшего инженера С.П. Королева в Центральном архиве МО в Подольске.

«АТТЕСТАЦИЯ

ЗА ПЕРИОД С 1 - го СЕНТЯБРЯ 1933 г. по 1 - е ФЕВРАЛЯ 1934 г. НА ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА РЕАКТИВНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВ. ИНСТИТУТА НКТП

тов. КОРОЛЕВА С.П.

состоящего в резерве по приказу РВС СССР № 042 е от 11/1-34 г.

1. Аттестация

1. Личной и боевой подготовки нет. Политически совершенно безграмотен. Собою владеть не может. За период с сентября 1933 г. по февраль 1934 г., будучи в роли Заместителя Начальника Института, старался подрывать авторитет Начальника

Ин-та и пытался создать блок работников Московского ГИРД'а против остальных специалистов.

- II. 1) Как командир - воспитатель не авторитетен, свое руководство подчиненными основывает на формальных методах. Невыдержан, очень груб, не терпит самокритики и не считается с индивидуальными качествами подчиненных. Несмотря на неоднократные указания Начальника Института и секретаря Парторганизации, не исправляется.
- 2) Скрытен, политически безучастен, в общественной работе совершенно пассивен.
- 3) Замкнут, свои политические взгляды не выявляет, идеологически - мещанин, ко всем политическим событиям относится пассивно. В работе руководствуется больше тенденциями карьеризма.
- III. 1) Волевые качества имеет, но они переплетаются с бестактностью.
- 2) Ответственности в решительные моменты на себя не берет, а перекладывает ее на других, требовательность к себе недостаточна, четкости в работе нет.
- IV. 1) Военной подготовки тактической нет, т.к. в армии не был. Политическая - совершенно отсутствует.
- 2) В армии не был и боевой подготовки не было и нет.
- 3) Занятий с комсоставом не производит, хозяйство было запущено и поставить его на должную высоту не мог.
- V. 1) За период с сентября 1933 г. по февраль 1934 г. технических средств, находящихся в ведении Института, не знал, хотя как технический заместитель обязан был бы знать.
- Технического и тактического применения в других родах войск, за исключением авиации, не знает.
- VI. Стрелковой подготовки не имеет, т.к. в армии не был.
- 1) Имеет специальную летную подготовку.
- 2) Здоровье удовлетворительное.
- 3) Наклонность к исследовательской работе имеет.
- VII. В виду того, что т. КОРОЛЕВ не соответствует занимаемой должности, не соответствует своему назначению как командир Красной Армии, подрывает авторитет командира Кр. Армии, что отразилось на политико-моральном состоянии Института, не принял во внимание всех мероприятий, как Парторганизации, так и Начальника части для исправления себя как командира, - подлежит увольнению из рядов Красной Армии.

«9» марта 1934 г.

Подпись: И. Клейменов»

В результате, уже через десять дней, 19 марта 1934 г., отца освободили от должности заместителя начальника института и перевели на работу старшим инженером восьмого сектора крылатых ракет, возглавляемого Е.С. Шетинковым.

Приказ об освобождении и одновременной ликвидации своей должности отец впервые увидел на доске объявлений института, когда вернулся после краткосрочного отпуска на работу. Как выяснилось позднее, этот приказ был издан по согласованию с начальником научно-технического управления ВСНХ СССР Н.И. Бухариным и с М.Н. Тухачевским, которые пошли навстречу И.Т. Клейменову в его непримиримых дискуссиях со своим заместителем. Однако, понимая важность и перспективность работ, начатых отцом еще в ГИРД, и ценя его деловые качества, М.Н. Тухачевский постарался смягчить принятое решение путем ликвидации должности заместителя начальника РНИИ. На вновь введенную должность главного инженера был назначен бывший сотрудник ГДЛ Георгий Эрихович Лангемак.

Мария Николаевна вспоминала, что в тот нерадостный день отец пришел домой неожиданно рано и сообщил, обращаясь к ней и отчиму: «Мои дорогие старички! (Так он любил их называть. - *Н.К.*) Меня сняли с должности заместителя, причем даже не предупредили». Мария Николаевна сказала, что раз так, значит, надо уходить на другую работу - в ЦАГИ или на

какой-нибудь завод. Отец ответил, что считает себя не вправе бросить начатое дело и хочет посоветоваться с товарищами. В тот же вечер он собрал дома неофициальное совещание своих единомышленников - бывших гирдовцев. На них внезапное снятие с работы отца произвело тягостное впечатление. Большинство расценило случившееся как игнорирование направлений их работы и дискриминацию гирдовской части коллектива РНИИ. Во всяком случае, одним из последствий этого события было то, что Л.К. Корнеев, А.И. Полярный и некоторые другие гирдовцы в скором времени ушли из института и в 1935 г. с помощью М.Н. Тухачевского создали новую ракетную организацию - КБ-7. А пока после бурного обсуждения решили, что отец все-таки останется работать в РНИИ. Конечно, его самолюбие было больно задето, но он всегда придерживался принципа, что работа - прежде всего, а служебная карьера - дело второстепенное. Мать и отчим не одобряли его решение, считая, что «все же это как-то нескладно: из старшего попасть в младшие, это ведь умаление инженерного достоинства». Мама же поддерживала отца, полагая, что теперь у него будет больше времени для творческой работы. В результате отец остался в РНИИ. Надо сказать, что случившееся неприятное служебное перемещение в конечном счете спасло жизнь ему, моей маме и мне, так как в 1937 г. Г.Э. Лангемак, занявший место отца, был одновременно с И.Т. Клейменовым арестован и затем расстрелян, а семья его репрессирована.

Несмотря на служебные неприятности отца, жизнь продолжалась. Зимой 1933-1934 гг. мои молодые родители развлекались тем, что разучивали мод-

Группа любителей танцев. Слева направо: сидят - О.Л. Галузевская, Новикова, Ю.М. Винцентини, Г.Н. Галузевский; стоят - К.М. Винцентини, Р.А. Вильнер, С.П. Королев, Новиков. Москва, 1934 г.

ные в то время танцы - танго, фокстрот, вальс-бостон - на квартире мамино-го брата Юрия Максимилиановича и его жены, которые жили тогда в сорокаметровой комнате огромной коммунальной квартиры одного из домов страхового общества «Россия» у Сретенских ворот. В занятиях участвовали еще две пары - знакомые хозяев. Занимались с преподавательницей под патефон один раз в неделю в течение трех месяцев и эта учеба была для всех радостной и приятной.

В конце марта 1934 г. отца командировали в Ленинград для участия в работе Всесоюзной конференции по изучению стратосферы, организованной Академией наук СССР. Командировка была санкционирована непосредственно Наркоматом по военным и морским делам, который поддерживал работу отца, и вызвала резко отрицательную реакцию И.Т. Клейменова.

Открытие конференции состоялось 31 марта. В ней принимали участие свыше 260 представителей различных организаций страны. 5 апреля отец сделал доклад «Полет реактивных аппаратов в стратосфере». В начале выступления он подчеркнул важность изучения верхних слоев атмосферы, выразил уверенность в том, что «очень многое в будущем принадлежит именно реактивным летательным аппаратам», и сказал, что поэтому решил осветить в докладе вопросы, которые являются для ракетчиков наиболее существенными. Одной из главных проблем он считал полет в стратосферу человека. По его мнению, «речь может идти об одном, двух или даже трех людях, которые, очевидно, могут составить экипаж одного из первых реактивных кораблей.» Это было сказано за 27 лет до полета Гагарина и за 30 лет до полета корабля «Восход» с экипажем из трех космонавтов - В.М. Комарова, К.П. Феоктистова и Б.Б. Егорова.

Отец закончил доклад как всегда оптимистично и конструктивно: «Работа над реактивными летательными аппаратами трудна, но чрезвычайно интересна и многообещающа. Трудности, в конечном счете, несомненно преодолимы, хотя, быть может, и с несколько большим трудом, чем это кажется на первый взгляд. Основное, что нужно сейчас, - это хорошая координированная работа ракетчиков и работников ряда других областей науки и техники».

Газета «Правда» 8 апреля 1934 г. в статье «Конференция по стратосфере закрылась» отметила: «В интересном докладе инженер С.П. Королев (Реактивный научно-исследовательский институт) подверг анализу возможность и реальность полета реактивных аппаратов в высших слоях атмосферы. Центральным является здесь создание ракетных двигателей на жидком топливе. Разрешение этой проблемы упирается в необходимость чрезвычайно большого расхода топлива и весьма высокие температурные условия (до 3 тыс. градусов). Помимо того, необходима конструкция аппарата с реактивным двигателем, которая позволила бы сочетать полет в стратосфере с посадкой на земле. Здесь необходимо обеспечить надежную устойчивость и управляемость».

14 апреля отец представил начальнику Управления военных изобретений отчет о работе конференции с анализом и оценкой выступлений. В нем особо отмечено выступление известного советского летчика, главного инспектора ВВС И.У. Павлова, который поставил перед конференцией, помимо проблем чисто научного характера, задачу о «необходимости скорейшего решения вопроса о полете человека на стратоплане или ракете». Этот отчет вместе с текстом доклада отца Я.М. Терентьев направил М.Н. Тухачевскому. В 1935 г. доклад был опубликован в книге «Труды I Всесоюзной конференции по изучению стратосферы».

Вернувшись из Ленинграда, отец по-прежнему отстаивал необходимость продолжения работ по ракетопланам, начатых еще в четвертой бригаде ГИРД. 1 мая 1934 г. в харьковской газете «За технику» под рубрикой «За технику больших скоростей» появляется на украинском языке его статья «Ракетопланы будут летать над СССР». В ней отец вновь доказывает преимущества жидкого топлива для реактивных двигателей перед твердым. Он пишет: «При работе с порохом никогда не исключена возможность внезапного взрыва... Кроме того, одним из главнейших дефектов реактивных двигателей на твердом топливе, таком как порох и другие топлива, является еще и то, что его энергоэкономичность очень мала по сравнению с некоторыми видами жидкого топлива». Говоря об исследованиях по реактивным двигателям, которые проводятся в Германии и Америке, отец выделяет фразу: «ИССЛЕДОВАНИЯ НАД РЕАКТИВНЫМИ ЛЕТАТЕЛЬНЫМИ АППАРАТАМИ ПРОВОДЯТСЯ И В СССР». И далее подчеркивает значение этой работы: «Безусловно, что применение ракет и летательных аппаратов, учитывая необозримые просторы Советского Союза, имеет огромное значение. ЭТО ДАСТ ВОЗМОЖНОСТЬ В САМОЕ КРАТЧАЙШЕЕ ВРЕМЯ ПЕРЕВОЗИТЬ ГРУЗ, ПОЧТУ, А ВОЗМОЖНО, В НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ И ЧЕЛОВЕКА, СО СКОРОСТЯМИ ЗНАЧИТЕЛЬНО БОЛЬШИМИ, ЧЕМ ТЕ, КОТОРЫЕ ДОСТИГНУТЫ НА СЕГОДНЯ В АВИАЦИИ, В САМЫЕ ДАЛЕКИЕ УГОЛКИ СССР»*.

Между тем обстановка в РНИИ остается напряженной. Начальник института не считает необходимым прислушаться к голосу не только отца и бывших гирдовцев, но и ленинградцев, не согласных с проводимой им научно-технической политикой. Отец, угнетенный невозможностью продолжения начатой в ГИРД работы и нежеланием И.Т. Клейменова найти компромиссные организационно-технические решения, пишет 29 мая 1934 г. письмо М.Н. Тухачевскому с информацией о невыносимом, по его мнению, положении, создавшемся в институте: «Научно-исследовательская работа (широкий размах которой, очевидно, совершенно необходим в таком новом и большом деле) по жидкостным агрегатам в РНИИ вообще отсутствует». Он возмущен тем, что в связи со сложившейся обстановкой институт лишается ценных работников: инженер Ефремов вынужден уйти, инженер Корнеев уволен. Далее пишет о себе: «Я стал работать инженером и проектирую сейчас торпеду с реактивным мотором для полета на 100 км (возможно, что этот объект будет прототипом в миниатюре будущего стратосферного корабля или сверхдальнего снаряда). Пишу книгу по ракетному делу и абсолютно не вмешиваюсь ни в какие истории, создаваемые в РНИИ, т.к. техническая работа давно была моей самой большой и заветной мечтой.

Будучи начальником ГИРД, я не имел возможности серьезно работать в области реактивного движения, в которой я являюсь специалистом. Но т. Клейменов на этом не успокаивается и ставит вопрос перед командованием Управления РККА о моем исключении из рядов резерва РККА. Когда это не получается, то он ставит вопрос (23.5) о том, что он не может работать в одном учреждении со мною (хотя сейчас мы непосредственно по работе не связаны) и, таким образом, я в настоящий момент очутился на пороге РНИИ...»

*Фразы в приведенном тексте и ниже выделены отцом. - Н.К.

Участники испытаний крылатых ракет на полигоне в Нахабино. Слева направо: стоят - А.М. Дурное, М.П. Дрязгов, А.С. Косятов, Е.И. Снегирева, Е.С. Щетинков, В.В. Иванова, С.П. Королев, С.А. Пивоваров, Б.А. Пивоваров, В.П. Авдонин, П.С. Александров. Справа сидит Б.В. Флоров. Лето 1934 г.

Заканчивается письмо такими словами: «...я смело за себя и за товарищей заявляю, что никаких смертных грехов, которые мешали бы нам работать в РНИИ, мы за собой не имеем и просим только одного: дать возможность нам, наконец, спокойно работать в той области, где мы можем принести пользу, и в институте, для создания которого мы положили немало сил и энергии».

Ознакомившись с письмом, М.Н. Тухачевский 1 июня накладывает резолюцию: «т. Русанову. Прошу разобраться, т. Клейменов жесткий человек, но не всегда объективный». (И.А. Русанов в то время являлся начальником Управления военных изобретений Начальника вооружений РККА).

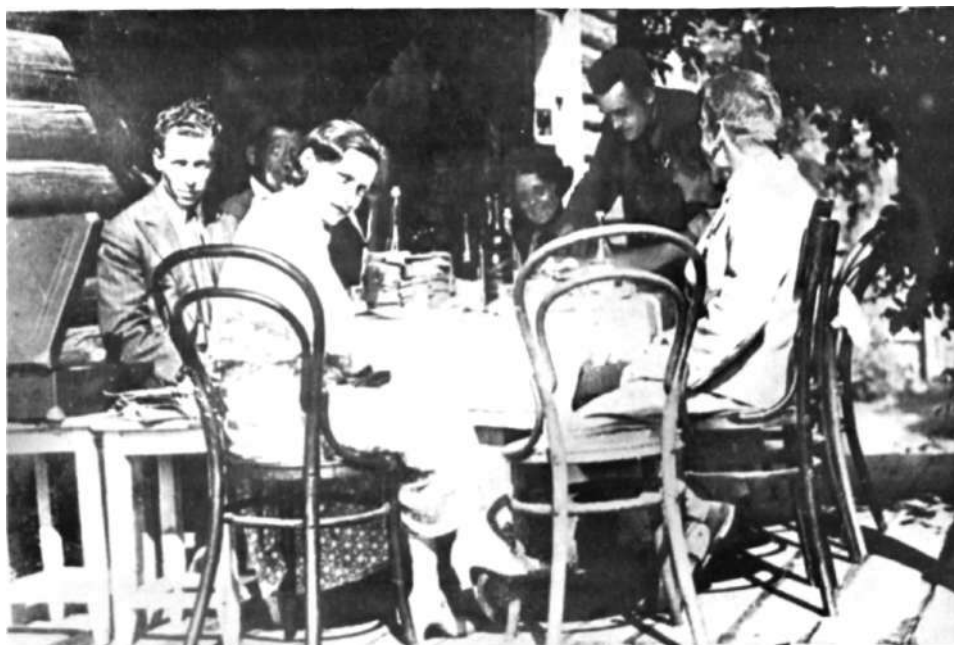
А разобраться в той запутанной ситуации было нелегко. Пришлось вмешаться и Октябрьскому райкому партии, к которому территориально относился институт. Заслушав в присутствии Я.М. Терентьева сообщения начальника РНИИ И.Т. Клейменова и секретаря партбюро П.П. Зуйкова, бюро райкома подвергло резкой критике их работу, осудило факт исключения из партии, а затем увольнения из института за несогласие с линией руководства РНИИ Л.К. Корнеева - члена ВКП(б) с 1917 г., освободило П.П. Зуйкова от обязанностей секретаря партийной организации, а И.Т. Клейменову, который «как руководитель РНИИ своим нечутким и грубым отношением создал обстановку паники и бегства из института лучших инженеров», предложило «перестроиться и создать обстановку деловой производственной работы в институте». Между тем ситуация усложнилась настолько, что речь шла даже о замене начальника института. На решении бюро райкома партии появилась

*Сотрудники бригады крылатых ракет на полигоне в Нахабино.
Слева направо: стоят - В.П. Авдонин, Б.А. Пивоваров, Б.В. Флоров, П.С. Александров;
сидят - А.М. Дурнов, А.С. Косятов, Е.С. Щетинков, С.А. Пивоваров,
М.П. Дрязгов, С.П. Королев, В.В. Иванова, Е.И. Снегирева, А.И. Стеняев.
Лето 1934 г.*

резолюция М.Н. Тухачевского: «г. Русанову. Прошу представить кандидатов нач. РНИИ 23.7.» Однако до этого дело не дошло. Заменили секретаря парткома. Г.Э. Лангемак, будучи главным инженером и председателем техсовета, сумел найти решения, как будто принятые и москвичами, и ленинградцами. И на недолгое время обстановка если не нормализовалась, то стабилизировалась.

Отец тоже немного успокоился. Он продолжал работать старшим инженером в бригаде крылатых ракет, руководимой Е.С. Щетинковым. Совместная работа с Евгением Сергеевичем, которого он хорошо знал и ценил со времен ГИРД, шла нормально. Работы по крылатым ракетам начались в 1932 г. по инициативе отца в четвертой бригаде ГИРД, которой он тогда руководил. В РНИИ в 1934-1935 гг. был разработан и испытан ряд моделей жидкостных и пороховых крылатых ракет. Задача состояла в том, чтобы создать боевую ракету для стрельбы по неподвижным и движущимся целям при пуске как с земли, так и с самолета. Наиболее подходили для этого по тем временам крылатые ракеты, поскольку наличие крыльев, во-первых, позволяло управлять полетом ракеты и после выключения двигателя, а во-вторых, вчетверо увеличивало дальность полета по сравнению с дальностью бескрылой ракеты при одинаковом весе полезного груза. Первыми из этой серии стали крылатые ракеты «06/1» с двигателями от ракеты «09», разработка которых началась еще в ГИРД. Сама же ракета «09» была тоже усовершенствована и под индексом «13» в шести проведенных пусках достигла максимальной высоты - 1500 м.

В гостях у В.В. Ивановой. Крайний слева С.А. Пивоваров, второй справа С.П. Королев. Село Образцово Шелковского района Московской области, лето 1934 г.

Испытания крылатых ракет проводились на Нахабинском и Софринском полигонах, куда выезжали всем отделом. Однако первые пуски в мае 1934 г. показали, что устойчивость полета неудовлетворительна. Поэтому уже на следующей крылатой ракете «06/3» (позднее получившей индекс «216»), разработанной под руководством Е.С. Шетинкова, был установлен гироскопический автопилот, благодаря которому ракета приобрела определенную устойчивость. На этой ракете использовался модифицированный кислородный двигатель Ф.А. Цандера ОР-2 с тягой до 100 кг. Уменьшенная модель ракеты «06/3» («216») получила обозначение «6/2».

Первый полет ракеты «216» состоялся 9 мая 1936 г. Несмотря на все усовершенствования, из четырех ракет нормально взлетели только две, а расчетных траектории и дальности ни в одном полете получено не было. Поэтому еще до окончания испытаний ракеты «216» отец приступил к разработке управляемой крылатой ракеты «212» (ее модификация для пуска с самолета получила индекс «201»). В ходе подготовки плана РНИИ на 1936 г. отцом как ведущим инженером по теме был составлен и подписан документ «Объект № 212. Тактико-технические требования на крылатую ракету дальнего действия с ракетным двигателем на жидком топливе». В нем указано, что в результате работы должен быть получен опытный образец ракеты, «обладающей продольной и поперечной устойчивостью при полете с двигателем и на планировании и надежным действием всех своих механизмов». Этот документ в конце января 1936 г. подписан начальником второго отдела А.И. Стеняевым, а 2 февраля 1937 г. утвержден начальником РНИИ И.Т. Клейменовым. В ракете «212» предусматривалась установка жидкостно-

го двигателя ОРМ-65 на азотной кислоте и керосине конструкции В.П. Глушко. Дальность ее полета должна была составлять 50 км, а максимальная скорость - 280 м/сек, на 100 м/сек больше, чем расчетная скорость полета ракеты «216».

Несмотря на большую загруженность работой, молодежь института иногда выезжала за город - отдохнуть. В.В. Иванова в то время жила в подмосковном селе Образцово. Летом, бывало, собирались у нее. Пили чай на террасе, домашнюю наливку, танцевали вокруг большой клумбы в центре сада. Сохранились фотографии участников одной такой вечеринки с отцом в роли тамады.

В те годы, занимаясь конструированием беспилотных ракет, отец продолжал думать о ракетоплане. Мысль о создании такого летательного аппарата не покидала его ни на минуту, и он отдавал этому делу все свободное время. По мере возможности (до полной изношенности планера) он продолжал испытывать «БИЧ-11» с двухцилиндровым поршневым мотором. П.В. Флеров вспоминал, как однажды (это было еще в 1933 г.) встретил его и Ю.А. Победоносцева на летной площадке вблизи станции Планерная Октябрьской железной дороги. Петр Васильевич работал в то время в ЦАГИ и по выходным дням учил летать на планере курсантов цаговской планерной школы. Увидев П.В. Флерова, отец попросил его помочь произвести взлет своего аппарата со слабым двигателем. П.В. Флеров согласился. Отец тут же сел в кабину, ученики растянули амортизатор. Планер взлетел, но неустойчивая работа мотора помешала сделать круг над аэродромом, и пилоту пришлось приземлиться. Несколько следующих попыток тоже закончились неудачно. Однако это отца не обескуражило - он продолжал полеты, твердо веря в перспективы своего ракетоплана. На одном из испытаний присутствовали мама и

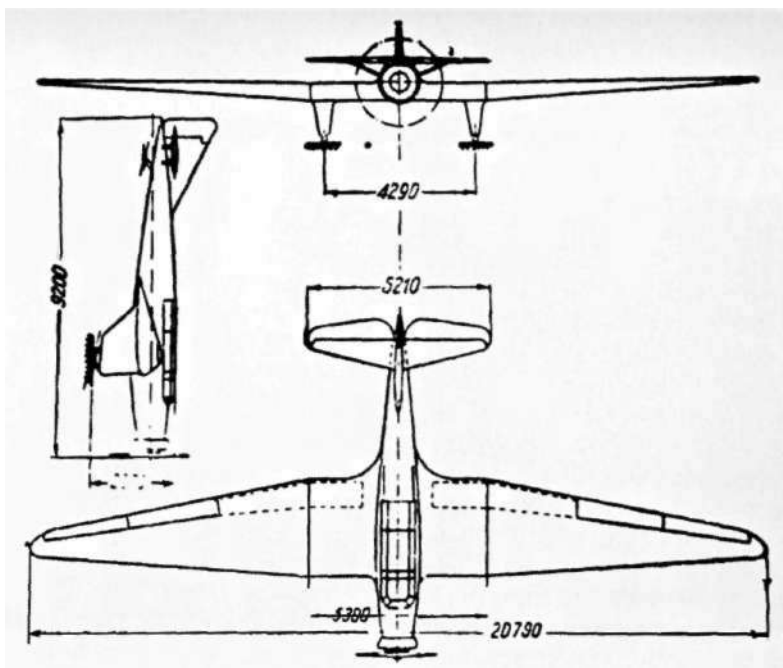

Крылатая ракета «212» конструкции С.П. Королева на катапульте. Москва, 1937 г.

бабушка, Мария Николаевна. Это произвело на них такое впечатление, что даже через много лет обе наперебой рассказывали мне, как на холме стоял планер, похожий на раскрывшую крылья бабочку, как отец сел в кабину, а несколько молодых парней стали растягивать амортизатор, как потом парни побежали, отпустили стропы, планер взлетел над долиной и, пролетев около 800 м, благополучно опустился на землю.

Кроме полетов на планере отец выполнял прыжки с парашютом, считая, что это может пригодиться при полетах на ракетопланах в стратосфере. Однажды он пригласил маму и бабушку посмотреть на прыжки. Дело было зимой. Они приехали на Ходынский аэродром и вошли в здание, где переодевались парашютисты. Вскоре появились несколько молодых людей, и в их числе отец, одетых в летные комбинезоны, с парашютами за спиной. Стоял сильный мороз, и отец посоветовал женщинам побыть в теплом помещении, пока они не услышат гул самолета. С ними остался молодой человек, сказавший, что прыгал с парашютом уже пять раз, но сегодня не будет, так как у него дурное предчувствие. Мама с бабушкой похолодели от страха и поспешно вышли наружу. Самолет уже делал круг над аэродромом, и вскоре из него посыпались парашютисты. Отец заранее предупредил их, что будет прыгать пятым. С замиранием сердца мама и бабушка следили за ним, и 8-10 секунд, пока он падал камнем до раскрытия парашюта, показались им часами. Отец и потом прыгал неоднократно. Свидетелем его прыжков на Тушинском аэродроме однажды оказался ответственный секретарь Бюро реактивной секции Стратосферного комитета ЦС Осоавиахима Л.Э. Брюккер. Ему запомнились радостная улыбка отца после приземления и его уверенные слова о возможности использования парашютов при полетах людей на ракетных аппаратах. Знак парашютиста, который отец с гордостью носил на груди, находится сейчас в нашем домашнем музее.

Весной 1934 г. отец защитил в Авиационном всесоюзном научно-инженерном техническом обществе (АвиаВНИТО) проект так называемого планерлета или мотопланера - восьмиместного самолета с маломощным мотором, не имевшего самостоятельного взлета. Для старта требовался самолет-буксировщик, а после набора высоты планерлет мог совершать полет автономно, при помощи собственного мотора. Идея создания подобного аппарата основывалась на растущей потребности народного хозяйства страны в воздушном транспорте, которую имевшийся самолетный парк удовлетворить не мог. Планерлет же должен был сочетать достоинства самолета и планера. Отец предложил П.В. Флерову участвовать в разработке проекта и даже быть его соавтором, а планерлет назвать «СКФ» (Сергей Королев-Флеров). От соавторства П.В. Флеров отказался, так как конструктором этого летательного аппарата был только отец, однако помогать согласился. Петр Васильевич вспоминал, как они с отцом расставались поздно вечером и намечали, кто что сделает дома. Следующим вечером встречались и совместно обсуждали сделанное. П.В. Флерова всегда удивляло, что объем работы, выполненный отцом, во много раз превосходил то, что сделал он сам. Лишь через много лет он узнал, что в те времена отец, по его словам, «спал через ночь», едва ли не всерьез выдвинув «теорию» о возможности спать не каждые сутки. В разработке планерлета участвовали еще несколько инженеров, в том числе бывший сотрудник ГИРД Н.И. Ефремов. Работали вечерами дома. Каждый разрабатывал определенный узел планерлета, а увязывал проектирование отец, регулярно объезжавший квартиры конструкторов. Благодаря четкому распределению дел работа шла без задержек.

*Окончательный вариант планерлета «СК-7»
конструкции С.П. Королева. 1935 г.*

В создании такого «домашнего ОКБ» еще раз проявился организаторский талант отца.

Планерлет, получивший индекс «СК-7», имел в крыльях две кабины и был рассчитан (в различных вариантах) на 6-12 мест. Конструкция предусматривала возможность установки в перспективе жидкостного ракетного двигателя. Финансировало постройку планерлета АвиаВНИТО, а строительство поручалось НИИ ГВФ, расположенному в Москве на Красноармейской улице.

30 сентября 1934 г. отец вырезал из газеты «На страже» заметку, которая называлась «Создадим советский стратоплан». Он подчеркнул в ней конец последней фразы: «Наши победы в области авиации и воздухоплавания и тот энтузиазм, с которым завоевывается советский воздушный океан, - залог того, что скоро за советскими стратостатами появятся и советские стратопланы». В той же газете в заметке под названием «Программа овладения стратосферой» рассказывалось о конференции московского стратосферного и авиационного актива, состоявшейся 28 сентября 1934 г. под председательством начальника Главного управления ГВФ И.С. Уншлихта. Там был представлен сводный тематический план по освоению стратосферы, в обсуждении которого, как сказано в газете, «приняли участие видные специалисты по овладению стратосферой, дирижаблестроения, авиа- и моторостроения: т.т. Ворогушин, Воробьев, Гроховский, Королев, Чижевский, Добротворский и другие». 10 октября 1934 г. газета «Известия» рассказала о новой конструкции отца в заметке «Планерлеты» с подзаголовком «Разработаны конструкции планеров с маломощными моторами». В ней говорилось о том, что «г. Королев разработал конструкцию пассажирского шестиместного буксировочного планера - так называемого планер-

*В вагоне начальника проектного бюро МИИТа М.Н. Винцентини.
Слева направо: С.П. Королев, Ю.М. Винцентини, Р.А. Вильнер,
К.М. Винцентини, Е. Гольдфарб, М.Н. Винцентини. Москва, 1934 г.*

лета. Последний имеет мотор М-11 мощностью в 100 лошадиных сил и, кроме пассажиров, сможет поднять до 200 кг груза. Планерлет является особым вида планером с маломощным мотором. Этот планер поднимается в воздух при помощи буксира и после отцепки совершает самостоятельные полеты дальностью в 500-600 км. Кроме пассажирского, сейчас разработана конструкция также товаро-пассажирского планерлета, рассчитанного на подъем 900 кг груза.

Когда разработка «СК-7» была уже закончена, на одном из заседаний АвиаВНИТО отцу предложили переделать его конструкцию, убрать кабины в крыльях. К удивлению П.В. Флерова и других разработчиков планерлета отец спокойно с этим согласился. Возможно, инженерная интуиция подсказала ему необходимость нового подхода. Между тем АвиаВНИТО настаивало на доработке проекта и отпустило на это деньги. Поэтому работа над «СК-7» продолжалась.

В октябре 1934 г. отец прервал работу над планерлетом, так как ведомство М.Н. Тухачевского выделило ему две путевки в санаторий Главного управления ГВФ «Исары» в Крыму. Временное руководство работой по планерлету, вплоть до денежных расчетов, отец поручил П.В. Флерову. Петр Васильевич вспоминал, что отец передал ему перед отъездом пачку сторублевых, сказав, что в ней две тысячи рублей. Когда же Флеров сунул их, не считая, в карман, отец рассердился: «Разве можно так относиться к деньгам? Представь себе, что я ошибся на сотню. А потом ты будешь обо мне плохо думать. Считай деньги». П.В. Флерову пришлось пересчитать. С тех пор при денежных расчетах он вспоминал эти слова моего отца и сам требовал строгого отношения к деньгам.

26/X Дорогой Петя!
 Письмо твое получил
 сегодня и спешу ответить.
 1. Я выезжаю 4/XI и буду 6/XI
 к 10³⁰ утра в Москве.
 Если ты не занят
 давай я к тебе
 относительно времени
 и места встречи
 заранее позвони и
 сообщи мне.
 Я специально раньше
 выезжаю в связи
 с нашими делами и
 хочу именно 6/XI
 (в любое время)
 говорить с тобой.

Красивейшая моя
 дочь наследник друзей
 и надежд о том что
 тебе удастся завучат.
 Твое будущее
 важно! Я думаю, что у
 тебя все будет хорошо.
 Я в это твердо верю.
 Пусть твои успехи
 и карьера будут
 свободны.
 Мне больше не пишу -
 не забывай поздравить.
 Прими мои и все.
 Крепко руку руку
 твоего отца
 П.В. Флеров

Письмо С.П. Королева П.В. Флерову в Москву. Крым, санаторий «Исары», 26 октября 1934 г.

Началась переделка чертежей планерлета. Находясь в санатории, отец продолжал беспокоиться о своем детище. 26 октября он пишет П.В. Флерову дружеское, но вполне деловое письмо.

«26/X. Дорогой Петя!

Письмо твое получил сегодня и спешу ответить.

1. Я выезжаю 4/XI и буду 6/XI к 10³⁰ утра в Москве. Если ты не занят, то давай я к тебе заеду 6/XI. Относительно времени и места встречи заранее позвони и сообщи мне домой.

Я специально раньше выезжаю в связи с нашими делами и хочу именно 6/XI (в любое время) говорить с тобой.

2. За информацию - спасибо. Положение дел мне ясно.

Советую по всем без исключения работам оставить за мной право утверждения для того, чтобы если ты что-либо пропустишь, то можно было бы заставить людей доделать. Ведь больше денег не получим (пока что, а дальше я надеюсь получить еще).

3. С расходами все хорошо, кроме 550 руб. за мотооборудование, которое взято в 2 раза дороже, чем нужно. Ну, на худой конец - пусть будет так, но только это за все плюс переделка чертежей капота (их надо взять с какой-либо машины СНИИ у нач. этого СНИИ, фамилии не помню, он был в макетной комиссии, или у Зайденберга).

На веранде санатория «Исары». Вторая слева КМ. Винчентини, крайний справа С.П. Королев. Крым, октябрь 1934 г.

4. «Мои 500 руб.» - береги их как резерв на будущее. Без них не обойтись.

5. Закрылки - тоже многовато.

6. Если Шаропов будет упрямиться, то гони его к чертям. И вообще напхни ему старые грехи, например с оперением. Кстати, сдано ли оно?

7. Я не понял, о каких расходах идет речь у т. Орлова? Там пересчеты какие-то, как будто. Их должны сделать те, кто их делал, т.к. согласно имеющихся у меня договоров все недоразумения они должны устранять бесплатно. Учти это. Или пусть сам Орлов за счет с ни и.

8. Со сдачей в контроль не торопись до меня. Сдадим все 9го/XI, а я посмотрю все.

9. Что касается модели, то пусть Могилевский сделает пересчет данных продувок с зализами (выясни, почему не дуют зализы? Миша их сделал и Могилевский в курсе дел). А пока дуть переделку не стоит. Работа Могилевского пойдет за счет модели и в наши суммы не входит.

10. Насчет срока 7/XI, то смотри на все более спокойно. Сделать надо хорошо и без помехи. Главное это, а не другое. Насмешила меня твоя последняя фраза в письме о том, что ты боишься зашиться. Брось, дружище, скромничать! Я уверен, что у тебя все будет в порядке. Я в этом твердо уверен. Потерпи еще немного и потом вздохнешь свободно. Мне больше не пиши - не успею получить. Привет твоим всем. Крепко жму руку.

Твой Сергей».

Ниже приписка моей мамы: «Шлю привет милому Пете, пупсу и Лидочке.

Ляля».

Но деловая переписка - это, конечно, не единственное и не главное занятие в санатории. Маленький, уютный, семейный очаг отдыха «Исары», всего на 25 человек, располагался в горном лесу по дороге на Ай-Петри, среди

У корпуса санатория «Исары». Крайняя слева К.М. Винцентини, крайний справа С.П. Королев. Крым, октябрь 1934 г.

В окрестностях санатория «Исары». В центре С.П. Королев и К.М. Винцентини. Крым, октябрь 1934 г.

С.П. Королев (четвертый слева) и К.М. Винцентини (шестая) в группе отдыхающих во время прогулки. Крым, «Исары», октябрь 1934 г.

красивой, почти дикой природы. Мои родители гуляли по горам, любовались отвесными скалами и водопадом Учан-Су. Отец ходил в свободных хлопчатобумажных брюках, рубашке с расстегнутым воротом, парусиновых туфлях. Он был тогда худым, коренастым, широкоплечим, быстро загорал. Не любил надевать ничего на голову, и его темно-каштановые волосы к концу пребывания в Крыму немного посветлели от солнца.

Условия жизни и питания в санатории были хорошими, а медицинское обслуживание проводилось в одной из поликлиник Ялты. Туда и обратно ездили на маленьком санаторном автобусе. Купались в море, но всегда оставляли время для прогулок по городу и музеям. В кино или на концерты тоже ездили в Ялту. Побывали на экскурсиях в Бахчисарае, Алушке и, конечно,

*С.П. Королев
и К.М. Винцентини
(четвертый и пятая слева
в верхнем ряду)
на экскурсии в Алушке.
18 октября 1934 г.*

*К.М. Винцентини
и С.П. Королев. Крым,
18 октября 1934 г.*

*Сергей Павлович Королев.
Москва, 1934 г.
Фотография В.Э. Тюккеля*

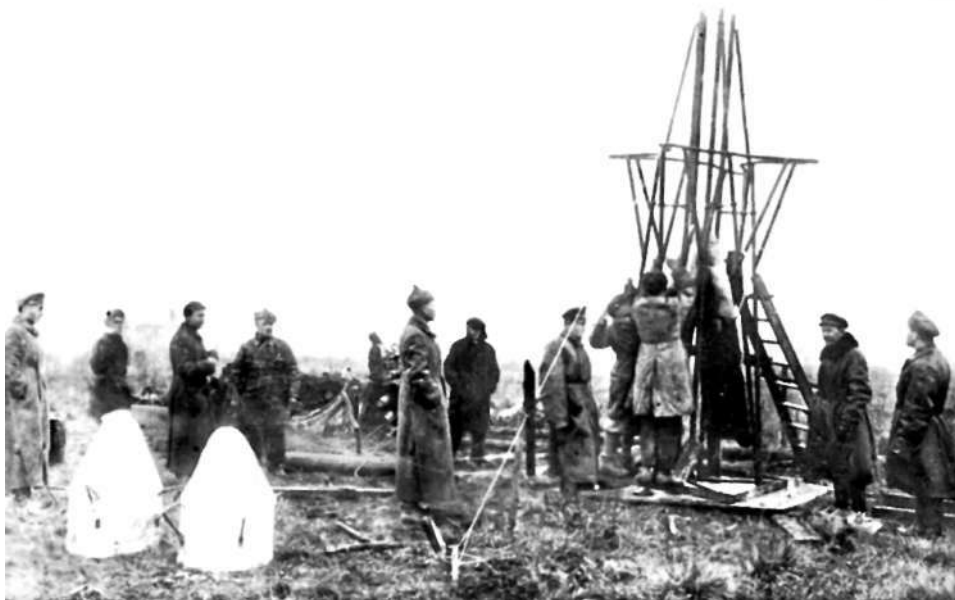
встречали восход солнца на Ай-Петри. Вечерами танцевали под патефон и пели. Отец танцевал всегда только с мамой. Они были счастливы. Мама ждала ребенка. Оба хотели, чтобы родилась дочь, и строили планы дальнейшей жизни втроем.

Рассказывая мне об «Исарах», мама с теплыми чувствами вспоминала людей, которые отдыхали вместе с ними, и говорила, что этот отдых оставил у нее и отца очень приятные воспоминания. Но... все хорошее быстро проходит. Надо было возвращаться в Москву, где накопилось много неотложных дел, и в их числе проект планерлета. Возникшая необходимость переделки значительной части его чертежей привела к большой задержке постройки. Отвечая на анкету журнала «Самолет» № 5 за 1936 г. в рубрике «Над чем мы работаем», отец заявил: «В ближайшее время выходит в

первый полет пассажирский 6-местный мотопланер СК-7 моей конструкции. К большому сожалению, эта машина выходит из постройки со значительным опозданием, так как была спроектирована еще в конце 1934 г. Мотопланер СК-7 имеет 6 мест, включая пилота, и помещение для багажа... Полетные испытания СК-7 представляют большой интерес для проверки на практике расчетных данных подобных машин и, в частности, для выяснения вопроса о максимально возможных перегрузках мотопланеров».

Однако завершить этот проект отцу не удалось. Управление ГВФ пришло к выводу, что мотопланеры имеют ряд недостатков по сравнению с обычными транспортными самолетами. К тому же, определенные успехи были достигнуты в те годы в разработке мощных и экономичных авиамоторов. Производство мотопланеров становилось нецелесообразным.

И еще одно важное дело занимало отца. 7 октября, за несколько дней до отъезда в «Исары», он сдал в печать свою книгу «Ракетный полет в стратосфере», работа над которой началась еще в ГИРД. Книга под первоначальным названием «Применение реактивного принципа в авиации» была включена в план издательства Осоавиахима на 1933 г. После перехода отца в РНИИ она вышла в конце 1934 г. уже в военном издательстве. В аннотации отмечалось, что «автор, инженер-летчик С.П. Королев, в своем труде обрисовывает значение борьбы за достижение больших высот полета и характеризует возможности реактивных летательных аппаратов как важнейшего средства к достижению этой цели. В труде разбираются опыты, производившиеся с ракетными ле-

Подготовка к пуску ракеты «07». Слева направо: А.Г. Костиков, Б.В. Флоров, Ю.А. Победносцев, И.И. Хованский, Ф.Н. Пойда, В.Н. Галковский, С.П. Королев, В.А. Тимофеев, (?), М.К. Тихонравов, Г.Э.Лангемак. Софринский артиллерийский полигон, 17 ноября 1934 г.

тательными аппаратами; впервые в нашей литературе излагается схема современного реактивного мотора и указываются вопросы, разрешение которых позволит осуществить реактивный полет в стратосфере человека.

В предисловии отец формулирует задачу книги: «Цель настоящей работы заключается в том, чтобы кратко, в популярной описательной форме, изложить принцип действия и устройство некоторых существующих систем ракетных двигателей и аппаратов».

Книга содержит семь глав, в которых последовательно рассказывается, для чего нужны полеты в стратосфере, каковы методы завоевания этого неизведанного пространства, в чем специфика условий высотного полета самолета. В работе даны характеристики ракетных двигателей на жидком топливе и воздушно-реактивных двигателей, а также летательных аппаратов с ЖРД и ВРД. Отдельная глава посвящена истории возникновения ракетных двигателей. Отдавая должное проекту ракетного аппарата Н.И. Кибальчича и исследованиям зарубежных ученых, отец более подробно останавливается на работах К.Э. Циолковского, которого называет «основоположником и теоретиком ракетного полета», а также Ф.А. Цандера, который, по его мнению, был «ближайшим последователем идей К.Э. Циолковского и горячим сторонником и энтузиастом ракетного дела». В начале книги помещены портреты ученых, которых отец глубоко уважал и ценил. В заключении автор излагает четыре практически важных вывода: «Первый - это необходимость и целесообразность применения ракет, сразу развивающих достаточные скорости и испытывающих поэтому весьма значительные ускорения. Это задача сегодняшнего дня. Второй - полет человека в таких аппаратах в настоящее время еще

Сделано
по плану
на полигоне "Нахабинский"
Королева 24.10.34

С. П. Королева

Ракетный полет в стратосфере

Государственное
военное
издательство
Москва
1934

*Титульный лист книги С.П. Королева «Ракетный полет в стратосфере»
с надписью жене. 24 декабря 1934 г.*

невозможен... Третий вывод, что без надежного ракетного мотора, продуманного и разработанного во всех своих деталях и частях и испытанного на практике, говорить о каких-то сверхъестественных достижениях нельзя... Наш четвертый вывод: работать конкретнее и серьезнее, дорабатывая до совершенства поставленные вопросы». И хотя в своем втором выводе отец признает, что уровень развития техники пока не позволяет выполнить ракетный полет человека, тем не менее в последней фразе книги звучит уверенность в том, что «ракетное летание со временем должно стать привычным».

Книга содержит 45 рисунков - главным образом, схемы ракет и двигателей. Есть среди них фотографии уже осуществившей полет ракеты «09»: общий вид ракеты и процесс заливки в нее кислорода на Нахабинском полигоне.

Экземпляр книги отец подарил 24 декабря 1934 года маме, написав на нем:

«Ляльке - милому шалунишке
на память о «нашей» книжке».

«Нашей» - потому, что мама помогала ему подбирать необходимую литературу. 30 декабря он подарил книгу своему другу и сподвижнику Е.С Щетинкову, с которым работал бок о бок в ГИРД и РНИИ, с надписью: «Многоуважаемому Евгению Сергеевичу Щетинкову - автор».

В числе первых отец направил экземпляры книги М.Н. Тухачевскому и С.И. Вавилову, а 29 декабря, не указав обратного адреса, послал свою книгу в Калугу К.Э. Циолковскому, который в письме к заместителю председателя Стратосферного комитета ЦС Осоавиахима СССР В.А. Сытину 8 февраля 1935 года высоко оценил ее: «С.П. Королев прислал мне свою книжку «Ракетный полет», но адреса не приложил... Не знаю, как поблагодарить его за любезность. Если возможно, передайте ему мою благодарность и сообщите его адрес. Книжка разумная, содержательная и полезная». Сам В.А. Сытин также высоко оценивает ее в заметке «Полезная книга», опубликованной в газете «За рулем» 21 марта 1935 г. Он подчеркивает, что в этой работе отсутствует увлечение межпланетными и межзвездными полетами с помощью ракет, основанное на фантастике, а дается объективная оценка практического значения реактивных двигателей с указанием путей их создания. Еще один отзыв о книге В.А. Сытин дает в статье «О межпланетных мечтаниях, излишней фантазии и реальных задачах», напечатанной в журнале «Книга и пролетарская революция» в декабре 1935 г. Он пишет, что «...книга правильно политически и практически ставит очередные задачи. Книга эта и названа более конкретно, чем другие, - «Ракетный полет в стратосфере». Автор ее, один из видных практических работников в области реактивной техники С.П. Королев, подошел к теме серьезно, он реально оценивает возможности и совершенно правильно акцентирует свое внимание и внимание своих читателей именно на указанных очередных задачах реактивной техники, а не на межпланетных путешествиях... Мы не можем предъявить к книге С.П. Королева никаких претензий как в отношении грамотности технической, так и литературной. Серьезное отношение к вопросу и популяризаторские способности обеспечили всестороннюю доброкачественность этой книги».

В начале 1935 г. ЦС Осоавиахима обратился к отцу с просьбой дать краткое изложение вышедшей книги в виде статьи. Такая статья под названием «Ракетные аппараты» была опубликована в августе 1935 г. в сборнике «К дню авиации», изданном Центральным советом Осоавиахима.

2 и 3 марта 1935 г. в Москве проходила 1 - я Всесоюзная конференция «По применению реактивных летательных аппаратов к освоению стратосферы», организованная Стратосферным комитетом АвиаВНИТО совместно с РНИИ Наркомтяжпрома. В газете «За рулем» 27 февраля 1935 г. сообщалось, что для участия в работе конференции приглашены крупнейшие специалисты. В частности было послано приглашение К.Э. Циолковскому, который в ответном письме сожалел, что приехать не сможет, и призывал развивать освоение стратосферы с помощью самолетов и ракет.

Конференция открылась 2 марта 1935 г. в Центральном Доме Красной Армии. Почетным председателем конференции был избран К.Э. Циолковский. Во вступительном слове начальник Управления ВВС РККА Я.И. Алкнис отметил важное значение освоения стратосферы для науки, обороны и народного хозяйства. Первый, шестидесятиминутный доклад «Перспективы

развития ракетной техники и освоение стратосферы» сделал М.К. Тихонравов. После него 45 минут было предоставлено отцу, представившему доклад «Крылатая ракета для полетов человека». Выступающий начал с того, что им «в основном будет разобран вопрос о максимальной достижимой для крылатой ракеты высоте полета. При этом имеется в виду, что ракета несет живую нагрузку, то есть, человека». Далее отец остановился на основных особенностях полета человека на крылатой ракете: необходимости скафандра или герметичной кабины, жизненного запаса, создания благоприятных условий для адаптации к перегрузкам при наборе высоты и т.д. Он будто уже видел пилота, который займет место в кабине его ракеты. Доклад заканчивался словами: «Крылатая ракета имеет большое значение для сверхвысотного полета человека и для исследования стратосферы. Дальнейшая задача заключается в том, чтобы упорной повседневной работой, без излишней шумихи и рекламы, так часто присущих, к сожалению, еще и до сих пор многим работам в этой области, овладеть основами ракетной техники и занять первыми высоты страто- и ионосферы. Задачей всей общественности, задачей АвиаВНИТО и Осоавиахима является всемерное содействие в этой области, а также правильная постановка тематических задач по ракетному делу низовым организациям общества и отдельным изобретателям и грамотная популяризация идеи ракетного полета». В конце заседания отец зачитал по поручению президиума конференции приветственное письмо К.Э. Циолковскому от ее участников.

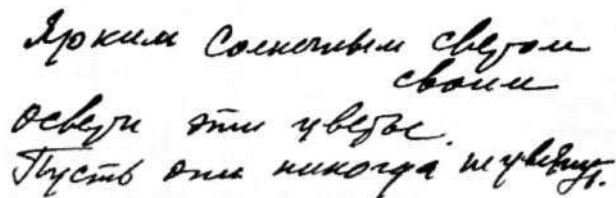
Основные положения доклада были опубликованы на следующий день газетой «Вечерняя Москва» в статье «На крылатой ракете в стратосферу», а затем в июльском номере журнала «Техника воздушного флота» в его же статье, называвшейся «Крылатые ракеты и их применение для полета человека». Отзыв на эту статью для публикации ее в журнале дал 25 апреля 1935 г. Г.Э. Лангемак: «Конференция в своих решениях признала необходимым теперь же приступить к работам по постройке и испытаниям крылатых ракет для подъема человека. Эта актуальная задача представляет значительные технические трудности, усугубляемые еще тем, что доброкачественная литература по этому вопросу почти отсутствует. Статья тов. Королева, основанная на вполне реальных данных, подкрепляемая рядом расчетов и графиков, восполняет указанный пробел и послужит отправным материалом для широкого круга лиц, интересующихся вопросами исследования стратосферы».

Другая положительная рецензия написана 9 мая 1935 г. профессором В.П. Ветчинкиным, подчеркнувшим, что «статья представляет очень большой интерес как по богатству материала, так и потому, что числовые соотношения представляют совершенно новый, нигде раньше не опубликованный материал».

3 марта на конференции с докладом «О физиологии полета человека в ракете» выступил Н.М. Добротворский. Он представил данные, полученные им и моей мамой в ходе работы в ВВА им. Н.Е. Жуковского. Исследования показали, что полет человека в ракете возможен и может стать реальностью.

9 апреля отец отвез мою маму на извозчике из дома на Октябрьской улице в широко известный в Москве родильный дом им. Г.Л. Грауэрмана, находившийся на Большой Молчановке, недалеко от Арбатской площади. Вечером 10 апреля родилась я. Бабушка Софья Федоровна, в течение всего дня просидевшая в вестибюле родильного дома, сразу же позвонила зятю. Он был в восторге. Обе бабушки и оба дедушки поздно вечером собрались на Октябрьской. Отец говорил всем, что никогда не сомневался в рождении

именно дочери и даже заранее приготовил бутылку шампанского, которое они вместе выпили за здоровье моей мамы и дочери Наташи. На следующий день отец привез в родильный дом красивую корзину цветов и вложил в нее записку, которую мама хранила всю жизнь как драгоценный талисман. На листке плотной бумаги написано: «Ярким солнечным светом своим освети эти цветы. Пусть они никогда не увянут».

Ярким Солнечным светом
своим
освети эти цветы.
Пусть они никогда не увянут.

*Записка, переданная С.П. Королевым в родильный дом
Москва, 11 апреля 1935 г.*

Несмотря на то, что у постели каждой женщины был телефон, отец приходил ежедневно, передавал маме записки с вопросами о самочувствии, о внешнем виде и поведении дочери и получал подробные ответы. Он радовался, как мальчишка.

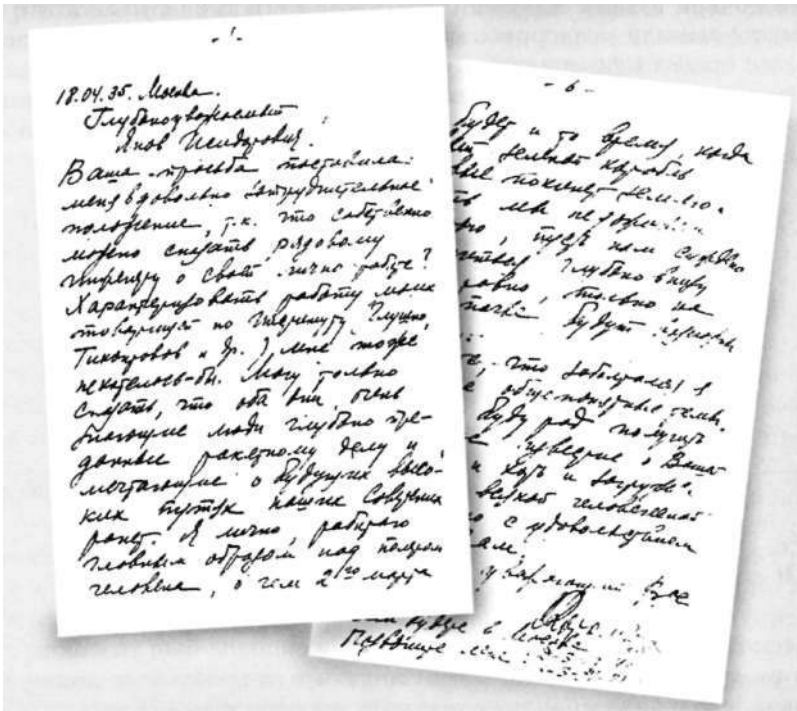
Из родильного дома 17 апреля нас с мамой забирали отец и бабушка Мария Николаевна. Она вспоминала, что я была завернута в ее большой серый пуховый платок. Отец держал меня на руках и вздрагивал при каждом моем движении. Он очень волновался, все время пытался взглянуть на мое лицо и никому не доверял драгоценное для него существо.

На следующий день, 18 апреля, отец написал письмо Я.И. Перельману в ответ на его просьбу сообщить об основных направлениях своей деятельности. Я.И. Перельман в то время готовил к печати десятое издание книги «Межпланетные путешествия» и интересовался новыми работами отца в области ракетной техники.

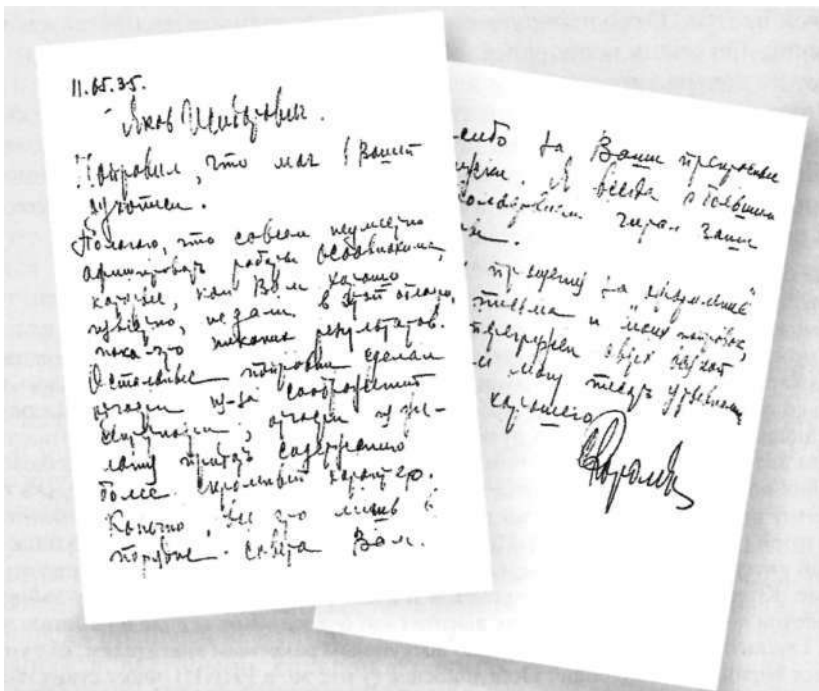
«18.04.35. Москва.

Глубокоуважаемый Яков Исидорович!

Ваша просьба поставила меня в довольно затруднительное положение, т.к. что собственно можно сказать рядовому инженеру о своей лично работе? Характеризовать работу моих товарищей по Институту (Глушко, Тихонравов и др.) мне тоже не хотелось бы. Могу только сказать, что оба они очень знающие люди, глубоко преданные ракетному делу и мечтающие о будущих высоких путях наших советских ракет. Я лично работаю главным образом над полетом человека, о чем 2^а марта с.г. я делал доклад на I-й Всесоюзной конференции по применению ракетных аппаратов для исследования стратосферы в гор. Москве. Этот доклад будет напечатан в июне-июле в «Технике воздушного Флота» или в «Самолете» (точно еще не знаю). Полагаю, что для Вашей работы он представил бы известный интерес своим изложением и выводами, тем более, что весь материал оглашался впервые. Конференция решила строить в текущем году крылатую ракету-лабораторию для полетов человека на небольших высотах (до 6-8 км). Вот сейчас и работаю над этой темой. Очень большое значение придаю воздушным ракетным двигателям, над которыми работает Юрий Александрович Победоносцев (у нас же в РНИИ). Факт существования в Москве РНИИ (Реактивного научно-исследовательского института) не является секретным. РНИИ занимается полным комплексом вопросов по созданию разных ракетных

Письмо С.П. Королева Я.И. Пельману в Ленинград. Москва, 18 апреля 1935 г.

Письмо С.П. Королева Я.И. Пельману в Ленинград. Москва, 11 мая 1935 г.

летательных аппаратов, по ряду частных прикладных случаев использования ракетных двигателей, плюс многочисленные побочные и сопутствующие исследования. Работаем над созданием ракетных двигателей на разных топливах, над стратосферными ракетами и над крылатыми ракетами для полета человека.

Боюсь, что все сказанное мною очень мало поможет Вам в составлении соответствующего раздела В(ашей) книги, но на эту тему писать довольно трудно. Если Вам что-либо понадобится еще, то обязательно напишите мне, и я постараюсь, если это будет возможно, ответить Вам. Ваши книги я всегда читал с большим удовольствием и поэтому буду ждать выхода в свет и этой Вашей работы. Хотелось бы только, чтобы Вы в своей дальнейшей работе, как знающий ракетное дело специалист и автор ряда прекрасных книжек, больше уделили бы внимания не межпланетным вопросам, а самому ракетному двигателю, стратосферной ракете и т.п., т.к. все это ближе, понятнее и более необходимо нам сейчас. А ведь на межпланетные темы написано очень много всякой чепухи, которая и по сей час еще сильно вредит нам. Вот на днях в одном журнале мне прямо сказали: «Мы избегаем печатать материалы по ракетному делу, т.к. все это лунные фантазии и т.п.». И мне большого труда стоило их убедить, что это не так, что ракеты - это оборона и наука. Очень бы хотелось видеть и Ваши прекрасные книжки в рядах тех работ, которые агитируют за ракетное дело, учат и борются за его процветание. А если это будет, то будет и то время, когда первый земной корабль впервые покинет Землю. Пусть мы не доживем до этого, пусть нам суждено копошиться глубоко внизу - все равно, только на этой почве будут возможны успехи.

Простите, что заболтался я на такие общепонятные темы. Всегда буду рад получить от Вас известие о Вашей работе и хоть и загружен я выше всякой человеческой меры, но с удовольствием отвечу Вам.

Искренне уважающий Вас

С. Королев

Если будете в Москве, позвоните мне: Д-3-13-41
К-3-94-81».

Получив письмо отца, Я.И. Перельман послал ему для ознакомления рукопись своей книги. Возвращая ее, отец в ответном письме Якову Исидоровичу от 11 мая 1935 г. написал:

«11.05.35.

Яков Исидорович.

Поправил, что мог в Вашей рукописи.

Полагаю, что совсем неуместно афишировать работы ОСОАВИАХИМа, которые, как Вам хорошо известно, не дали в этой области пока что никаких результатов. Остальные поправки сделал отчасти из-за соображений секретности, отчасти из желания придать содержанию более скромный характер. Конечно, все это лишь в порядке совета Вам.

Спасибо за Ваши прекрасные книжки. Я всегда с большим удовольствием читал Ваши работы.

Прошу прощения за «оформление» этого письма и моих поправок, но я перегружен сверх всякой меры и могу писать урывками.

Всего хорошего

С. Королев».

В майском номере журнала «Техника - молодежи» за 1935 г. напечатана статья отца в соавторстве с летчиком и журналистом Е.Ф. Бурче, редактором его книги «Ракетный полет в стратосфере». Статья называлась «Ракета на войне». В ней авторы рассказывали историю появления и применения ракет, отдавая дань уважения русским и зарубежным ученым: Н.И. Кибальчичу, К.Э. Циолковскому, Ф.А. Цандеру, Р. Эсно-Пельтри, Р. Годдарду, Г. Оберту. Статья заканчивалась четкими выводами «...в будущих войнах различные виды ракет и ракетных летательных аппаратов приобретут немаловажное значение. Немалую роль они призваны сыграть и в деле обороны нашей страны. Ракета, начавшая свой путь как игрушка, как непременно украшение

Группа сотрудников РНИИ с женами на отдыхе. Слева направо: сидят (1 ряд) – Г.В. Шибалов, Н.Г. Чернышев, Т.Г. Терехова, Ветрова; (2 ряд) – Осипов (?), В. Зинovieв (?), С.А. Пивоваров, Н.С. Буторин, О.К. Паровина, Е.С. Петров, И.Т. Клейменов, Ф.Н. Пойда; стоят – С.А. Родин, А.Л. Григорьев, Л.П. Лабалев, Ю.М. Родина, С.П. Королев, Л.С. Душкин, М.К. Тихонравов (?), Н. Душкина, Демохин, Г.Э. Лангемак, Л.Н. Покровский, Е.В. Лангемак, В.А. Артемьев, Н.О. Артемьева, Е.Н. Куреева, В.С. Зуев, С.П. Зуева, В. Покровская, В.П. Глушко. Москва, 24 мая 1935 г.

придворных празднеств, стала с развитием техники одним из средств войны. На очереди - создание транспортных ракетных аппаратов и появление нового вида воздушного транспорта. Несомненно, советские конструкторы скажут и тут свое слово, и ракета войдет в арсенал нашей воздушной техники».

В мае 1935 г. страна была потрясена катастрофой, случившейся с самым большим в то время в мире самолетом АНТ-20 «Максим Горький» конструкции А.Н. Туполева. Его построили в агитационных целях на собранные трудовые деньги и дали название в связи с сорокалетием литературной и общественной деятельности А.М. Горького. 18 мая 1935 г. восьмимоторный самолет-гигант совершал необычный рейс. Он поднял в воздух его создателей - лучших инженеров, техников и рабочих ЦАГИ вместе с членами семей. Справа от самолета летел небольшой одноместный истребитель сопровождения «И-5», пилотируемый летчиком Н.П. Благиним. Движимый желанием удивить публику, наблюдавшую за полетом на Центральном аэродроме, Благин решил сделать «мертвую петлю» вокруг крыла самолета-гиганта и, не рассчитав, столкнулся с ним. Огромный самолет разрушился в воздухе. Погибли 46 человек и среди них прекрасный летчик, второй пилот «Максима Горького» Иван Васильевич Михеев. Отец хорошо знал его и тяжело переживал произошедшую трагедию. В 1936 г. вышла в свет книга Н.С Боброва «Летчик Михеев». На ее обложке отец карандашом написал такие слова (первое четверостишие взято из стихотворения Александра Жарова, опубликованного в газете «Известия» 20 мая 1935 г.):

Иван Васильевич... Мои глаза в тумане,
В тумане горьких скорбных слез...
Мы плавали с тобой в воздушном океане,
Избороздив немало сотен верст.
Теперь же... теперь все кончено,
И не пробудит тебя родной моторов шум...

Наряду с разработкой беспилотных крылатых ракет отец занимался созданием ракетного самолета. Им и его соратником Е.С Щетинковым было показано, что самолет со связкой из трех жидкостных двигателей на азотной кислоте и керосине общей тягой 900 кг (три по 300 кг) будет обладать новыми качествами в сравнении с самолетами с поршневыми моторами: значительно большей скоростью полета при гораздо более высоком «потолке» и намного большей скороподъемностью. Это открывало важные перспективы для перехвата самолетов противника на больших высотах. Отец продолжал работать над обоснованием необходимости освоения человеком стратосферы при помощи пилотируемых летательных аппаратов и практическим созданием таких средств. Хотя попытка использования в качестве ракетоплана планера Б.И. Черановского «БИЧ-11» с двигателем Ф.А. Цандера ОР-2 не удалась из-за несовершенства двигателя и изношенности планера, отец не отказался от мысли о создании нового ракетоплана. Он решил сам разработать и построить планер, на котором можно было бы установить жидкостный ракетный двигатель. Такой планер, получивший индекс «СК-9», спроектирован им в 1934-1935 гг. Постройка осуществлялась на московском планерном заводе Осоавиахима. Газета «На страже» сообщила 8 мая 1935 г., что Тушинский планерный завод «...принял к постройке двухместный планер конструкции С.П. Королева. Это - рекордный свободонесущий высокоплан. Планер рассчитан на установку рекорда дальности».

В 1935 г. отец был назначен начальником восьмого сектора, занимавшегося созданием крылатых ракет. А.И. Стеняев, руководитель второго отдела, в

*Сотрудники РНИИ
на Софринском артиллерийском
полигоне. Слева направо:
В.С. Зуев, С.С. Смирнов,
О.К. Паровина, С.П. Королев,
Б.В. Флоров. 1935 г.*

*С.П. Королев и Б.В. Флоров.
Софринский артиллерийский
полигон, 1935 г.*

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ МИХЕЕВ

Н. С. БОБРОВ

ЛЕТЧИК МИХЕЕВ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
И. В. ВОДОПЬЯНОВА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1936

*Алла Васьковна ...
Леня Гайда в Турине,
В туринском аэропорту,
Мне так было с тобой в аэропорту ...
Полководец. Не было в аэропорту ...
а не забуду тебя ... теперь все кончено
ребенок мой ...
муж ...*

Книга Н.С. Боброва
«Летчик Михеев» с надписью
С.П. Королева. Москва, 1936 г.

который входил этот сектор, дал ему блестящую характеристику, диаметрально противоположную аттестационному листу, написанному 9 марта 1934 г. И.Т. Клейменовым.

НАУЧНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Начальника 8 сектора РНИИ
тов. КОРОЛЕВА С.П.

Тов. КОРОЛЕВ С.П. работает в РНИИ со дня его организации, проявил себя на производственной работе как один из лучших руководителей и инженеров отдела. Работая по крылатым ракетам, тов. КОРОЛЕВ показал себя с теоретической стороны как хорошо грамотный в своей области научного работника. В то же время тов. КОРОЛЕВ является отличным конструктором. В работе инициативен, достаточно дисциплинирован. В научно-исследовательской работе занят повседневно, самостоятельно выполняет поручаемые темы, строго последователен и умело руководит в своем секторе научными и техническими сотрудниками, занятыми научно-исследовательской работой.

Тов. КОРОЛЕВ по своему складу имеет большую склонность к экспериментальной и конструкторской работе.

За время своей работы тов. КОРОЛЕВ разработал целый ряд рационализаторских предложений, которые и проводятся в жизнь. Работая в качестве Начальника сектора, он в то же время является ведущим инженером по изысканию нового типа крылатой ракеты. Работу проводит вполне самостоятельно, имеет большое количество печатных трудов. Заслуживает звание ст. научного сотрудника РНИИ в области крылатых и безкрылых ракет.

Нач. II отдела

(А. Стеняев)

Летом 1935 г. - и всех последующих лет, кроме двух военных (1942 и 1943), - я жила на даче в Барвихе. Отец любил дачу и, несмотря на большую загруженность работой, старался по возможности чаще бывать на ней. На моей первой фотографии, сделанной в трехмесячном возрасте, отец держит меня на коленях на крыльце нашего дома. На даче отец по-настоящему отдыхал. Иногда брал с собой одиннадцатилетнего двоюродного брата Адриана - сына Василия Николаевича и Маргариты Ивановны, и они отправлялись на Москва-реку купаться. Отец учил Адриана плавать и с увлечением рассказывал ему о своем новом плане, который скоро должен быть построен. Много говорил о коммунизме, идеями которого был увлечен. Как раз в то время, летом 1935 г., он подал заявление о вступлении в партию, точнее в ряды сочувствующих ВКП(б), поскольку прием в члены партии тогда был временно закрыт. Рекомендации ему дали начальник института И.Т. Клейменов и друг семьи В.Н. Топор, живший в нашем доме этажом ниже на Октябрьской улице. Валентин Николаевич состоял в партии с 1917 г. и в то время работал главным редактором журнала ВЦСПС «Профсоюзы». Его жена Валентина Васильевна, красивая молодая женщина, была подружкой моей мамы. Валентина Васильевна, в отличие от своего мужа, не одобряла деятельности коммунистов и не скрывала этого от близких друзей. Что же касается рекомендации, данной отцу И.Т. Клейменовым, то, видимо, она была результатом обоюдного желания смягчить былые противоречия и обиды, стремления наладить долгосрочные конструктивные отношения. Предваряя дальнейшее, замечу, что эта попытка не оказалась удачной: через два года И.Т. Клейменов свою рекомендацию отзовет, а отец, в свою очередь, письменно пожалеет о том, что «...взял у него эту рекомендацию».

К осени 1935 г. постройка планера «СК-9» завершилась. Конструкция его была целиком деревянной, сиденья пилотов располагались одно за другим. В качестве посадочного приспособления планер имел лыжу, амортизированную резиновыми кольцами. Он успешно прошел заводские испытания, выполнив ряд полетов как на буксире за самолетом, так и в свободном парении.

*Сергей Павлович Королев с трехмесячной дочерью Наташей на даче.
Барвиха, июль 1935 г.
Фотография В.Н. Москаленко*

6 сентября 1935 г. в Коктебеле открывались XI Всесоюзные планерные состязания. В Крым было доставлено 70 планеров, и большинство из них, включая «СК-9», прибыли в Коктебель в составе аэропоездов. Отец прилетел из Москвы пассажиром на своем планере, управляемом пилотом Романовым на буксире за самолетом «П-5». Перелет занял 11 часов. В беседе с корреспондентом газеты «На страже», опубликованной 26 сентября 1935 г., отец сказал, что назначение его планера - «дальние буксировочные полеты, а также полеты вдоль грозового фронта» и что «в отношении управляемости планера первые полеты показали вполне удовлетворительные качества». На «СК-9» совершил полет член делегации Чехословацкой авиационной лиги Эльсниц. Делясь впе-

чтлениями в интервью, опубликованном газетой «На страже» 30 сентября 1935 г., он сказал: «Я очень рад тому, что первым получил приглашение совершить полет на одном из лучших планеров слета. У меня от этого полета осталось замечательное впечатление. В планере я сидел как дома, прикасаясь к ручке управления, я чувствовал, что планер подчиняется малейшему движению пилота. В воздухе планер очень устойчив. На таком планере приятно летать! В нашей стране подобных конструкций планеров нет». На слете были установлены мужские и женские рекорды продолжительности полета на одноместном и двухместном планерах, а летчик Д.А. Кошиц побил мировые рекорды высоты и продолжительности полета с двумя пассажирами, продержавшись в воздухе 11 час 30 мин и достигнув высоты 525 м.

В период работы слета, 19 сентября 1935 г., в Калуге умер К.Э. Циолковский. Все участники состязаний, и в особенности отец, переживали это событие как личную потерю. 20 сентября в Коктебеле состоялось общее собрание делегатов с участием прилетевшего на слет председателя ЦС ОАХ Р.П. Эйдемана, направившее телеграмму соболезнования в редакцию «Правды» и постановившее присвоить одному из лучших планеров слета имя ученого.

XI Всесоюзные планерные состязания были последними, проведенными в Крыму на горе Клементьева. Горный планеризм, преследовавший целью достижение наибольшей высоты и продолжительности парения, уступал место равнинному, где на первый план выходили массовость и максимальная дальность полетов, включая полеты на буксире. Одиннадцать коктебельских слетов оставили заметный след в истории отечественного планеризма. Они способствовали его развитию и подготовили целую плеяду высококлассных планеристов-парителей и конструкторов, одним из которых был мой отец.

29 октября 1935 г. состоялось заседание Научно-технического совета РНИИ под председательством И.Т. Клейменова, на котором было решено представить к ученому званию действительного члена Института (профессора) ведущих сотрудников: В.П. Глушко, Ю.А. Победоносцева, М.К. Тихоновова, Е.С. Щетинкова и С.П. Королева.

«ПРОТОКОЛ

Научно-Технического Совета Реактивного Научно-Исследовательского
Института от 29 октября 1935 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: Директор Института тов. КЛЕЙМЕНОВ

Зам. Директора тов. ЛАНГЕМАК.

СЛУШАЛИ: О присвоении ученых званий научным работникам Института.

Докладчик: Зам. Директора РНИИ тов. ЛАНГЕМАК.

Предлагает представить к утверждению в ученом звании действительного члена Института следующих товарищей:

Инж. ПОБЕДОНОСЦЕВА Ю.А. Нач. I отдела

Инж. КОРОЛЕВА С.П. Нач. 8 сектора

Инж. ТИХОНРОВОВА М.К. Нач. 3 сектора

Инж. ЩЕТИНКОВА Е.С. Ст. инженера

Инж. ГЛУШКО В.П. Руководителя моторной группы

Указанные товарищи являются основными научными работниками Института, руководят научными работами крупных подразделений Института, имеют ряд опубликованных в печати оригинальных печатных работ и известны своими изобретениями и конструкторскими работами в области ракетной техники, аэродинамики и самолетостроения. Таким образом, их кандидатуры удовлетворяют требованиям ст. 9 и примечания 2 к ст.6 постановления СНК СССР от 13-го января 1934 года.

Планер «СК-9» конструкции С.П. Королева в полете. 1935 г.

ПОСТАНОВИЛИ: Представить к утверждению в ученое звание действительного члена Реактивного Научно-Исследовательского Института т.т.:

1. ГЛУШКО В.П.
2. ПОБЕДНОСЦЕВА Ю.А.
3. ТИХОНРАВОВА М.К.
4. ЩЕТИНКОВА Е.С.
5. КОРОЛЕВА С.П.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
И.О. УЧЕНОГО СЕКРЕТАРЯ

(И. КЛЕЙМЕНОВ)
(ГЛУШКО)

Документы были отправлены в ВАК, по просьбе которого профессор В.П. Ветчинкин послал туда отзыв о деятельности С.П. Королева.

«В Высшую Аттестационную Комиссию.
Отзыв о деятельности инженера С.П. Королева.

Работы Сергея Павловича Королева протекают в трех направлениях:
Конструкторском
Научно-исследовательском
Организационном

Как конструктор он зарекомендовал себя девятью построенными планерами (литеры СК); все они летали, и некоторые брали всесоюзные призы.

Организаторская деятельность С.П. Королева проявилась в том, что он был одним из главных организаторов и около 2 лет был начальником института «ГИРД», который под его руководством работал достаточно успешно.

Научно-исследовательская деятельность С.П. заключается в проведенных им и его группой работах по исследованию, конструированию, постройке и испытанию нескольких пороховых ракет и в ряде написанных статей, из которых две напечатанные представлены при деле.

В этих работах С.П. Королев вполне правильно и здраво оценивает вопрос о возможности реактивных полетов. Несколько пессимистические выводы, к которым приходит ав-

ПИЛОТСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО
ПАРИТЕЛЯ ОСОАВИАХИМА
 № 842
 Тов. Королев Сергей Павлович
 (фамилия, имя и отчество)

удостоен звания пилота-парителя класса „А“ с правом производить парящие полеты на планерах, допущенных к парению и обучать полетам на планере в планерных кружках в пределах программы I-ой ступени летного обучения.

Свидетельство действительно по „ “ 193 г.

Председатель
Совета Осоавиахима

Начальник
станции
ВИАМ

Выдано УО ОАХ СССР
 (наименование организации, выдавшей удостоверение)

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь! 21 ноября 1935 г.
 (дата выдачи)

город Москва

РЕГИСТРАЦИОННЫЙ
 №

Подпись владельца
свидетельства

Осоавиахим - союз молодежи труда и обороны СССР

*Пилотское свидетельство парителя Осоавиахима С.П. Королева.
 Москва, 21 ноября 1935 г.*

тор в «Технике Возд. Флота», могут быть улучшены за счет более точного расчета ракеты с точки зрения динамики полетов.

Но это не умаляет той ведущей роли, которую играет С.П. Королев в РНИИ, и ему безусловно следует присудить ученое звание «Действительный член института по специальности: крылатые и бескрылые ракеты».

Доктор технических наук
 профессор В.Ветчинкин
 Москва, 25 III 1936»

В ноябрьском номере журнала «Самолет» за 1935 г. в рубрике «Планеры XI слета» под фотографиями конструкторов планеров Д.А. Ромейко-Гурко, С.П. Королева и О.К. Антонова опубликована заметка отца с характеристикой планера «СК-9». В ней говорилось, что «планер летал на скоростях до 180 км/час и в условиях сильной болтанки», и в то же время неоднократно парил при слабых южных ветрах (5-7 м/сек). В декабрьском номере того же журнала приведена схема планера «СК-9».

21 ноября 1935 г. отец получил «Пилотское свидетельство парителя Осоавиахима», которым удостоверялось, что он «удостоен звания пилота-парителя класса «А» с правом производить парящие полеты на планерах, допущенных к парению, и обучать полетам на планере в планерных кружках в пределах программы I ступени летного обучения. Удостоен звания парителя класса «Б». Допущен к инструкторской работе с правом обучения по II ступени». В свидетельстве отмечалось, что в 1935 г. С.П. Королев совершил 7 буксировочных полетов на планерах общей продолжительностью 12 час 40 мин без аварий и поломок. Позднее, в 1937 г., отец продолжил полеты на самолетах и планерах в Центральном аэроклубе Осоавиахима СССР, став членом этого аэроклуба 21 февраля 1937 г. (билет № 95). В первой половине 1937 года он выполнил 26 полетов общей продолжительностью 9 час 46 мин, из них 21 на планерах и 5 - на самолете «У-2», все без каких-либо происшествий.

В декабре 1935 г. вышла в свет книга Г.Э. Лангемака и В.П. Глушко «Ракеты, их устройство и применение». Отцу подарили ее экземпляр с надписью: «Сергею Павловичу Королеву от авторов». Эту книгу маме удалось спрятать и таким образом сохранить во время конфискации имущества после ареста отца.

Г. Э. ЛАНГЕМАК и В. П. ГЛУШКО

В. П. Глушко
Королеву
26.10.35

13.12.35
С. П. Королеву
14.12.35

РАКЕТЫ ИХ УСТРОЙСТВО И ПРИМЕНЕНИЕ

ОИТИ НКТП СССР

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ АВИАЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

1947

ЛЕНИНГРАД

*Титульный лист книги Г.Э. Лангемака и В.П. Глушко
с дарственной надписью С.П. Королеву (13 декабря 1935 г.)
и его автографом (14 декабря 1935 г.)*

В конце 1935 г. отцу наконец удалось добиться включения в план РНИИ на 1936 г. расчетно-проектных работ по ракетному самолету. В те годы уже отчетливо просматривался грядущий кризис авиации с поршневыми двигателями, ставившими принципиальные ограничения дальнейшему увеличению скорости и высоты полета, и это способствовало тому, что работы по ракетному самолету были - пусть не в числе приоритетных - поддержаны. Е.С. Щетинков и отец составили документ «Объект № 218. Тактико-технические требования на самолет с ракетными двигателями (ракетоплан)». В нем отмечалось: «1. Ракетоплан разрабатываемого типа предназначается для достижения рекордной высоты и скорости полета. 2. Ракетоплан является экспериментальной маши-

Дом на Конюшковской улице в Москве, где в квартире на последнем этаже с 1936 г. жила семья С.П. Королева. Фотография 2000 г.

ной и предназначается для получения первого практического опыта при решении проблемы полета человека на ракетных аппаратах». Предполагалось, что экипаж будет состоять из двух человек, будет иметь скафандры и кислородные аппараты, причем «конструкция кабины ракетоплана должна допускать возможность для экипажа в случае необходимости прибегнуть к помощи парашютов». По расчетам наибольшая высота полета («потолок») аппарата должна была быть не менее 25 000 м, наибольшая скорость горизонтального полета на высоте 3000 м - до 300 м/сек. Документ был подписан кроме двух авторов начальником второго отдела А.И. Стеняевым (отсюда индекс объекта: отдел 2, тема 18), а 2 февраля 1936 г. завизирован Г.Э. Лангемаком и утвержден И.Т. Клейменовым. 11 марта 1936 г. был создан новый, пятый отдел по разработке реактивных летательных аппаратов во главе с моим отцом. На заседании технического совета РНИИ 16 июня 1936 г. отец сделал доклад о проекте ракетного самолета. К этому времени были выполнены основные расчеты и эскизные проработки, но отсутствовал подходящий двигатель. Чтобы не стоять на месте, отец предложил в качестве первого этапа создания ракетного самолета испытать в ближайшее время двигатель небольшой тяги на планере. Это предложение приняли в качестве внеплановой работы и экспериментальному ракетоплану первого этапа присвоили индекс «РП-218-1». Наиболее реальной представлялась доработка под него планера «СК-9», аэродинамические и прочностные характеристики которого допускали установку на нем ЖРД. Из разрабатывавшихся двигателей решено было использовать конструкцию В.П. Глушко тягой 150 кг. Таким образом, давняя идея отца о создании ракетоплана вновь получила реальную перспективу.

С.П. Королев с женой и дочерью в Одинцово. Лето 1936 г.

Сотрудники РНИИ на отдыхе. Слева направо: А.С. Косятов, С.С. Смирнов, М.П. Дрязгов, ребенок, Е. Набатова, С.П. Королев. 1936 г.

*Ксения Максимилиановна
Винцентини.
Москва, 1937 г.*

Летом 1935 г., отец получил двухкомнатную квартиру в доме № 28 (теперь 26) по Конюшковской улице, недалеко от зоопарка. В начале 1935 г., институт предоставил ему комнату в огромной коммунальной квартире в доме с так называемой коридорной системой у Петровских ворот. Однако моим родителям та комната не понравилась и они туда не переехали. Теперь было другое дело, и отец с мамой чувствовали себя счастливыми, ведь это была их первая отдельная квартира. И неважно, что она находилась на шестом этаже дома, не имевшего в ту пору лифта, - отец всегда хотел жить как можно выше, ближе к небу. Интересно, что из-за отсутствия лифта как в доме бабушки на Октябрьской улице, так и в доме на Конюшковской, у меня никогда не было детской коляски.

Дом, в котором находилась новая квартира, имел форму буквы «Г» с фасадом на Конюшковскую улицу. В нем было три подъезда: два, в том числе и наш, - во дворе, третий - центральный - проходной. Дом принадлежал Наркомтяжпрому, в его квартиры въехали ведущие сотрудники РНИИ: Г.В. Авербух, В.И. Дудаков, В.С. Зуев, П.П. Зуйков, Г.Э. Лангемак, Ю.А. Победоносцев, М.К. Тихонравов, Н.Г. Чернышев, Д.А. Шитов. В доме жили и прославленные летчики, участники спасения экспедиции челюскинцев, двое из группы первых Героев Советского Союза: Н.П. Каманин и С.А. Леваневский.

В квартире имелись две смежные комнаты - 12 и 11 м², маленькая кухня, небольшая прихожая, ванная с газовой колонкой и туалет. В прихожей справа от входной двери находились вешалка и платяной шкаф, слева висело зеркало. У противоположной стены - книжный шкаф и столик под телефон, рядом дверь, ведущая в первую комнату. У правой стены этой комнаты стоял диван, на котором спали мои родители, посередине - круглый обеденный стол. Слева в углу находился небольшой встроенный буфет, рядом - старинный английский шкаф с инкрустацией. Он был куплен моими родителями у дворника соседнего дома, который использовал его в качестве кухонного шкафа и подставки для примуса. У левой же стены располагалась

*К.М. Винцентини и С.П. Королев на лыжах в Подмоскowie.
Фотографии Ю.М. Винцентини. 1936 г.*

моя детская кроватка. До ее покупки я спала весь первый год своей жизни в оцинкованном корыте, стоявшем на двух стульях.

Из окна комнаты открывался вид на Кудринскую площадь и старинные московские дома, на месте которых впоследствии построили высотный дом. По сторонам окна стояли два столика из карельской березы, купленные родителями мамы и отца еще в Одессе. Над одним из них висела модель самолета «СК-4», над другим на треугольной полочке стояла модель первой советской ракеты «09». Обе модели маме удалось сохранить при конфискации имущества в связи с арестом отца, убедив сотрудников НКВД в том, что это мои «детские игрушки». Из первой комнаты дверь вела в другую, меньшую, служившую отцу кабинетом. Окно второй комнаты выходило в сторону зоопарка. Слева от окна, торцом к стене, стоял небольшого размера двухтумбовый письменный стол с выдвижными ящиками, за которым отец работал. На письменном столе находился чернильный прибор: два подсвечника, изготовленных из латунных гильз времен Первой мировой войны, и чернильница с крышкой. Рядом с письменным столом - большая чертежная доска. Одну из стен занимал от пола до потолка стеллаж с книгами и журналами, сделанный отцом собственноручно, - пригодились навыки, полученные в одесской стройпрофшколе. Деловую обстановку комнаты несколько нарушало наличие старинного дивана с металлическими ручками и тремя большими подушками, а также старого блютнеровского пианино и этажерки грушевого дерева с нотами, привезенных маминими родителями из Одессы и подаренных на новоселье. На окнах висели марлевые занавески. Полы были крашенные, но перед переездом в квартиру поверх дощатого пола в комнатах и прихожей по инициативе отца был настелен паркет.

Вблизи дачи в Барвихе. Слева направо: в первом ряду - С.П. Королев, няня Лиза с Наташей, М.М. Терницкая, во втором ряду - Е.Ф. Бурче с женой, К.М. Винцентини, М.Н. Баланина, Г.М. Баланин, М.Н. Винцентини. Лето 1936 г.

На берегу Москвы-реки. Слева направо: М.Н. Баланина, К.М. Винцентини, Наташа, няня Лиза, М.М. Терницкая, жена Е.Ф. Бурче, Г.М. Баланин, М.М. Терницкий, М.Н. Винцентини, С.П. Королев. Барвиха, лето 1936 г.

В ту пору отец вместе с Е. С. Щетинковым усиленно занимался ракетопланом. Им обоим хотелось ускорить эту работу, и расчеты Евгений Сергеевич выполнял, даже будучи в санатории под Ленинградом. Отец дважды специально приезжал туда к нему для обсуждения состояния дел и полученных результатов. По возвращении Е. С. Щетинкова в Москву они принялись за разработку эскизного проекта ракетоплана. Почти каждый вечер Евгений Сергеевич, который жил неподалеку, приезжал после работы на Конюшковскую и пешком, иногда за полночь, уходил потом домой. При наличии смежных комнат это доставляло много неудобств, так как мужчинам приходилось проходить через комнату, где уже спали мы с мамой. Поэтому решили «прорубить» дверь из кабинета отца в коридор. Это было сделано дружной бригадой в составе Максимилиана Николаевича, Евгения Сергеевича и отца, который считал себя наиболее опытным в таком деле. С помощью ручной пилы они выпилили узкую дверцу, через которую можно было пройти только боком, но тем не менее это был отдельный вход. Дверь между комнатами закрыли, превратив их таким образом в изолированные. Теперь мужчины могли засиживаться допоздна, никому не мешая.

Весной 1936 г. у меня появилась няня - маленькая, худенькая двадцатилетняя девушка, приехавшая с Украины. Ее звали Лиза - Елизавета Денисовна Корниенко. Раньше она работала у некоего профессора, где с ней обращались очень плохо. А в нашу семью она сразу вошла как родная. Спала няня на раскладушке в кухне. Мама относилась к ней как к дочери, и надо сказать, что в трудные годы жизни Лиза тоже осталась неизменным другом и надежным помощником нашей семьи. Она прожила с нами десять лет.

В конце декабря 1936 г. отец и П.В. Флеров отметили десятилетие своей дружбы. Петр Васильевич пришел на Конюшковскую. По взаимной договоренности жены не присутствовали. Мужчины сидели допоздна, вспоминали студенческие годы, летнюю школу, Коктебель. Их многое связывало, и они полностью доверяли друг другу. П.В. Флерова можно отнести к числу тех немногих людей, кого отец считал своими друзьями. В дальнейшем они работали вместе в ОКБ-1 и они продолжали встречаться, дружили семьями.

Под Новый 1937 год отец привез красивую пышную елку. Украшать ее пришлось в основном самодельными игрушками - других не было. Большую гирлянду из цветных бумажных флажков сделала моя прабабушка Мария Матвеевна, которая к тому времени переехала с Украины в Москву и поселилась на Октябрьской. Более нарядная елка с немногими, но уже настоящими украшениями и той же гирляндой из флажков, была у меня на следующий, 1938 год, - последний новогодний праздник, проведенный вместе с отцом.

До ареста отца мои родители каждый Новый год встречали вместе со своими друзьями в семье маминого брата. Обычно бывало очень весело. Все, в том числе отец, пели, танцевали, смеялись и в хорошем настроении утром разъезжались по домам. Зимой катались на лыжах. Летом той же компанией ездили в Парк культуры и отдыха. Там было много различных аттракционов, но больше всего всем нравилось «колесо смеха». При вращении забравшиеся на него люди соскальзывали вниз. Отец был хитрее всех - забирался в самый центр колеса и скатывался с него последним. В свободные часы воскресных дней отец брал меня за руку и мы шли в зоопарк, который был от нас совсем близко. Гуляли, любовались зверями и птицами, о которых он мне рассказывал что-нибудь интересное. Запечатлелись в памяти и бублики с маком, которые он каждый раз мне там покупал. Нередко мы с папой и мамой ездили трамваем на Октябрьскую улицу к Марии Николаевне, Григорию Михайловичу и

*К.М. Винченцини
и С.П. Королев.
Всехсвятское, осень 1937 г.*

*С.П. Королев
с дочерью Наташей (слева)
и племянницей
Ксаной Винченцини.
Всехсвятское, осень 1937 г.*

Марии Матвеевне или во Всехсвятское, где жили Софья Федоровна и Максимилиан Николаевич. Мои родители дружили и с семьями обоих братьев Москаленко. Встречи и дружеские застолья происходили у Юрия Николаевича на Большом Ивановском, у Василия Николаевича на Мясницкой, у Марии Николаевны на Октябрьской, а после получения моим отцом квартиры - и у нас на Конюшковской. Жена Василия Николаевича Маргарита Ивановна Рудомино вспоминала, что видела моего отца разным. Иногда он бывал в хорошем настроении. Красивый, задорный, подтянутый, он с огромным увлечением рассказывал о своей работе. Казалось даже, что его удовлетворяли и сама работа, и жизнь в целом. Но она помнила отца и взволнованным, раздраженным, даже злым. Он говорил в такие минуты, что в институте ему приходится вести борьбу за новые идеи, горячиться, спорить, - иначе он не мог. Отец был так уверен в своей правоте, что эта убежденность передавалась и ей. Они хорошо понимали друг друга, поскольку обоим приходилось создавать новое: отцу - ракеты, Маргарите Ивановне - Государственную библиотеку иностранной литературы.

12 января 1937 г. отцу исполнилось тридцать лет. Празднование состоялось на Конюшковской. Собралась вся семья и несколько друзей, в числе которых Е. С. Щетинков, летчики Д.А. Кошиц и С.А. Леваневский. Евгений Сергеевич принес плакат, сделанный сотрудниками отца и изображавший его летящим на Луну. Все дружно поздравили юбиляра и подняли бокалы за его успешное прилунение. С.А. Леваневский оказался у отца не случайно. Помимо того что они были соседями по дому, отец глубоко уважал этого отважного и мужественного человека. (Тем сильнее переживал он его неожиданную

гибель в том же 1937 г. при попытке перелета через Северный полюс в США. Связь с самолетом, попавшим в тяжелые метеорологические условия в труднодоступном районе Арктики, внезапно прекратилась и обнаружить экипаж не удалось.)

20 апреля 1937 г. директор НИИ № 3 НК ОП И.Т. Клейменов в ответ на запрос ВАК подтвердил «свое согласие на утверждение тов. Королева С.П. в ученое звание профессора по специальности «крылатые и бескрылые ракеты». Тем не менее, Экспертная машиностроительная комиссия под председательством профессора Б.Н. Юрьева 4 июня 1937 г. вынесла решение: «Ввиду отсутствия у инж. Королева научного труда, равноценного кандидатской диссертации, рекомендовать ВАК отклонить присвоение ему ученого звания профессора... Но, принимая во внимание его продолжительную и полезную деятельность как конструктора планеров и планерлетов, Комиссия рекомендует ВАК присвоить инж. Королеву ученое звание старшего научного сотрудника института». 5 октября 1937 г. ВАК во главе с И.И. Межлауком отклонила ходатайство РНИИ об утверждении С.П.Королева в ученое звание профессора «за отсутствием работ характера докторской диссертации».

Летом я постоянно жила на даче в Барвихе, которую полюбила с раннего детства и люблю сейчас. В выходные дни, когда приезжали мои родители и родители моей мамы, мы отправлялись гулять на обрыв - крутой берег Москвы-реки с красивым видом на речную излучину и заливные луга на противоположном берегу. За лугами вдалеке виднелись купол и шпиль бывшего Юсуповского дворца в Архангельском. Налюбовавшись солнечным закатом, возвращались на дачу, пили чай на открытой веранде вместе со всеми членами большой дружной семьи.

На дачу обычно переезжали и возвращались оттуда с небольшим количеством вещей на грузовой машине. Я сидела у мамы на руках в кабине, отец же располагался в кузове на вещах. В 1937 г. при возвращении с дачи я, поднимаясь по нашей лестнице, случайно упала на площадке четвертого этажа у квартиры, из которой увозили на дезинфекцию вещи ребенка, больного скарлатиной. Через несколько дней я тоже заболела. Отца, не болевшего в детстве этой заразной болезнью, временно переселили на Октябрьскую. Я лежала в его кабинете, за мной ухаживала Софья Федоровна, категорически запрещавшая маме и Лизе заходить в эту комнату. Но мама все равно тайком ко мне пробиралась. Однажды я выдала ее, рассказав бабушке Соне, как «мама тихонько-тихонько» меня навещает.

После выздоровления меня отвезли на квартиру маминых родителей, где в то время жила моя двоюродная сестра Ксана - дочь Юрия Максимилиановича. Мама и папа часто туда приезжали. Сохранилось фото, на котором я и Ксана сняты с моим отцом.

Зимой 1936-1937 гг. мои родители вместе с Юрием Александровичем Победоносцевым и его женой Ниной Маркеловной Вевер, жившими на первом этаже нашего дома, занимались изучением итальянского языка. Занятия проводились в нашей квартире с преподавателем два раза в неделю. Трудно сказать, почему был избран именно этот язык. Шутя все говорили: потому, что предки моей мамы из рода Винчентини были выходцами из Италии. А может быть, потому, что отец хотел в подлиннике читать работы одного из пионеров ракетной техники итальянского ученого Гаэтано Артуро Крокко - ведь инициатором этих занятий был именно отец, и с учетом своей безумной занятости он, несомненно, не стал бы просто так тратить дорогое время. Однако изучение итальянского языка продолжалось недолго - около трех месяцев.

Семейный обед на дачной веранде. Слева направо: М.М. Рудомино, С.П. Королев, К.М. Винцентини, Адриан Рудомино, А.М. Марченко (няня А. Рудомино), О.Я. Москаленко, Ю.М. Москаленко, супруги Лагода. Барвиха, лето 1936 г. Фотография В.Н. Москаленко

Из множества даже неотложных дел отец всегда умел выбрать главное. А главным в то время было создание ракетоплана, все силы и время необходимо было сосредоточить на этом.

После решения, принятого техсоветом РНИИ в июне 1936 г., началась переделка «СК-9» под ракетоплан. Место второго пилота ликвидировали. Теперь там должны были размещаться топливные баки для двигателя, устанавливаемого в хвосте планера. Одновременно в бригаде В.П. Глушко велась отработка двигателя ОРМ-65. Он предназначался для ракеты «212», но на этапе наземной методической отработки его можно было использовать и в ракетоплане. Важность создания летательного аппарата с ЖРД для военно-воздушных сил подтверждалась заключением, выданным в ответ на запрос института кафедрой тактики ВВА им. Н.Е. Жуковского 11 января 1937 г.: «Самолеты с РД дают вполне реальные основания предположить, что в них могут быть осуществлены летно-технические данные, дающие резкое превосходство над самой совершенной техникой противника». Военно-воздушная академия и другие организации дали ряд предложений по проекту ракетоплана, в том числе по обеспечению жизнедеятельности пилота, что всегда было предметом особых забот отца. Его работам в институте придавалось тогда серьезное значение, и в 1936 г. под руководством отца там был создан новый отдел, в задачи которого входила разработка ракет и реактивных пилотируемых летательных аппаратов. В отчете РНИИ за 1936 г., фамилия С.П. Королева названа в числе шестнадцати специалистов, которые являлись «ведущими кадрами, определявшими своей работой научное лицо института».

*Семейный выход на берег Москвы-реки. Слева направо: Г.М. Баланин, няня Лиза, С.Ф. Винцентини, С.П. Королев, М.Н. Баланина, М.М. Винцентини, Наташа, К.М. Винцентини. Барвиха, лето 1937 г.
Фотография Ю.М. Винцентини*

В начале 1937 г. РНИИ был передан из системы Наркомата тяжелой промышленности в ведение выделенного из него Наркомата оборонной промышленности и переименован в НИИ-3. Произошли изменения и в структуре института. Отделы были ликвидированы и заменены группами. Отдел руководимый отцом, стал называться группой № 3. Поэтому в обозначении всех разработывавшихся им объектов первая цифра «2» была заменена на цифру «3». Так, самолет «218» с ЖРД получил индекс «318» (группа 3, тема 18), ракетоплан «218-1» - индекс «318-1».

Группа № 3 размещалась на втором этаже главного корпуса института в конструкторском зале, три стены которого составляли большой полукруг. Небольшой угол зала отгородили фанерной перегородкой для импровизированного кабинета отца. В группу входили инженеры, конструкторы, испытатели, чертежники. Среди инженеров был пришедший в НИИ-3 в 1937 г. Борис Викторович Раушенбах, будущий академик, крупный ученый в области динамики и систем ориентации космических аппаратов, одним из конструкторов - Арвид Владимирович Палло, в дальнейшем лауреат Ленинской премии, который пришел в институт в декабре 1936 г. после демобилизации из РККА. Позднее он вспоминал первую встречу в проходной института с отцом, предложившим ему работу над планером со специальным двигателем, как над новым, перспективным направлением. Отец говорил так убежденно, что А.В. Палло сразу же согласился и работал потом в ракетной технике всю жизнь.

Круг обязанностей каждого сотрудника группы был четко определен. Так, Е.С. Щетинков занимался проектированием ракетоплана и аэродинамикой,

Москва, корпус № 1 РНИИ. Современная фотография

М.П. Дрязгов - зенитными ракетами с пороховым ракетным двигателем, В.И. Дудаков - ракетным стартом, Б.В. Раушенбах - динамикой полета крылатых ракет, Н.И. Давыдов и С.А. Засько - различными расчетами, С.С. Смирнов и А.С. Косятов - конструированием крылатых ракет и ракетоплана, А.В. Палло - созданием ракетоплана и его экспериментальной отработкой, Е. Набатова и В.В. Иванова - чертежно-конструкторскими работами, Т.К. Дятлова — копированием. Отец осуществлял общее руководство работами, их координирование, принимал принципиальные технические решения по всем разработанным объектам. Максимум его внимания был сосредоточен на ракетоплане «318-1» и крылатой ракете «312».

В то время ему приходилось ездить на завод № 240 Гражданского воздушного флота, на котором изготавливали его планерлет «СК-7». Осенью 1937 г. завод получил срочное задание по другим самолетам, и планерлет так и не удалось завершить.

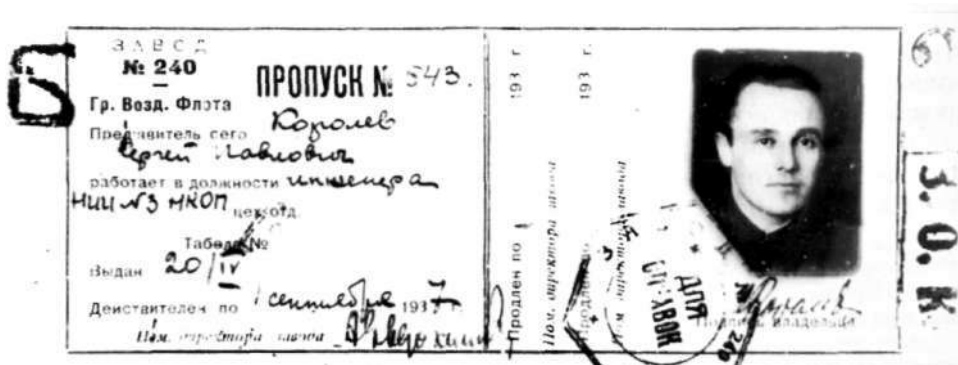
В начале осени 1937 г. отцом была составлена программа стендовых испытаний ракетоплана с двигателем ОРМ-65. Испытания начались в сентябре того же года. И тогда же волна репрессий, уже катившаяся по нашей стране, достигла стен института и непосредственно коснулась отца. В мае 1937 г. по обвинению в шпионаже и измене Родине были арестованы и 11-12 июня расстреляны Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский и группа видных военачальников, среди них председатель Центрального совета Осоавиахима Р.П. Эйдеман.

28 июня 1937 г. состоялось заседание бюро Октябрьского РК ВКП(б) г. Москвы, на котором стоял вопрос «о серьезной засоренности кадров райсовета Осоавиахима социально чуждыми, политически неблагонадежными

элементами». Бюро постановило предложить секретарю парткома НИИ-3 освободить от работы в Осоавиахиме С.П. Королева, за «тесную связь с врагом народа Эйдеманом», с которым отец действительно плодотворно сотрудничал в годы деятельности ГИРД. Заседание бюро райкома состоялось ровно за год до ареста отца. И хотя в течение этого года он еще не был арестован фактически, паутина преследования все плотнее опутывала его, и дело неминуемо шло к драматической июньской ночи 1938 г.

В июле 1937 г. И.Т. Клейменов отозвал данную им ранее отцу рекомендацию в партию, а 20 августа отца исключили из рядов сочувствующих ВКП(б). Мотивировка исключения состояла из трех пунктов: 1) за недостаточную общественную активность; 2) за развал осоавиахимовской работы; 3) в связи со снятием одним из рекомендуемых своей рекомендации. Девятью месяцами раньше, 26 ноября 1936 г., приказом № 1977 его уволили из резерва РККА, куда он был переведен из действующего состава 11 января 1934 г. Это были тяжелые удары, сыпавшиеся один за другим. Отец видел, что тучи над ним сгущаются, и настроение у него было подавленное. К концу лета обстановка в НИИ-3 еще более осложнилась. 30 августа И.Т. Клейменов был освобожден от должности начальника института и переведен на работу в ЦАГИ заместителем начальника винтомоторного отдела. Исполняющим обязанности начальника НИИ-3 назначили начальника группы разработки реактивных снарядов Л.Э. Шварца, а 14 октября пост начальника института занял присланный наркоматом Б.М. Слонимер. 16 сентября, в соответствии с указанием райкома партии, в институте было проведено собрание членов Осоавиахима, на котором отца исключили из состава этой организации как пособника «врага народа и шпиона Эйдемана». С горечью и недоумением слушал отец ничем не обоснованные обвинения. Все это было тем более обидным, что он работал в системе Осоавиахима с 1924 г., с 21 февраля 1937 г. являлся членом Центрального аэроклуба Осоавиахима СССР и был награжден Почетным знаком этого общества. Отец хотел обжаловать принятое решение, но, несмотря на многочисленные просьбы, так и не смог получить протокол собрания. Теперь даже близкие товарищи, по выражению отца, «стали чуждаться» его, и он чувствовал себя отвергательно.

21 октября 1937 г. по обвинению во вредительстве был арестован выдающийся авиаконструктор, руководитель дипломного проекта отца А.Н. Туполев. 2 ноября арестовали И.Т. Клейменова и Г.Э. Лангемака. Просочившиеся в институт слухи (оказавшиеся впоследствии неверными)

Пропуск С.П. Королева на завод № 240. Москва, 1937 г.

Временный военно-учетный документ С.П. Королева. Москва, 2 апреля 1937 г.

о том, что И.Т. Клейменов арестован в связи с «делом Тухачевского», не могли не наводить отца на тяжелые размышления о возможности и для него повторения такой же судьбы - ведь его взаимодействие с организатором РНИИ М.Н. Тухачевским в 1932-1934 гг. было не менее тесным, чем И.Т. Клейменова.

7 ноября 1937 г. страна отмечала двадцатую годовщину Октябрьской революции, в связи с чем 4 ноября в клубе фабрики им. Петра Алексеева в Лихоборах, недалеко от института, состоялось торжественное собрание, посвященное этой дате. В фойе играл духовой оркестр. В.В. Иванова, мать будущего космонавта А.П. Александрова, позднее вспоминала, что пригласила отца на белый танец и танцевала с ним вальс. Он был рассеян и молчалив, хотя вокруг кипело веселье - ведь сотрудники института были молоды и полны светлых надежд. Ехали домой шумной гурьбой на трамвае, с песнями и шутками. Но отец выглядел расстроенным и озабоченным - он уже знал, что произошло за два дня до этого.

26 ноября 1937 г. Мария Николаевна, не переставая думать о сыне, волнуясь, стремясь вселить в него уверенность и подбодрить, излила свои чувства на бумаге:

«Сын мой родной! Сколько взлетов ввысь человеческого духа, сколько моментов, счастливых моментов обожевления своего «я» в достижениях ума - в этом радость, счастье жизни. Пережить их не каждому дано! И если тебя отметила природа, будь счастлив, любимый, и да хранит тебя судьба и моя вечная мысль, витающая вокруг тебя, где бы ты ни был!

А огорчения жизни, каковы бы они ни были, - преходящи, это досадные укусы маленьких злых мух, и надо стремиться пронести цельным в жизни свое духовное «я».

Я верю в твои творческие силы и в твою нравственную чистоту и верю в то, что судьба тебя хранит! И хотя мое бедное сердце сжимается всегда при мысли об испытаниях

С.П. Королев. Москва, 1937 г.

Это, конечно, не могло не отразиться на работе и настроении отца. 15-16 декабря 1937 г. арестованные Г.Э. Лангемак и И.Т. Клейменов подписали показания о своем «активном участии в антисоветской троцкистской организации в РНИИ», в которую якобы кроме них входили и С.П. Королев, и В.П. Глушко. Цену таким «признаниям» и методы их добывания мы теперь хорошо знаем, но тогда подобные показания считались прямой уликой, несомненным доказательством вины. В результате в конце декабря 1937 г. НКВД негласно потребовало отстранить от руководства тематическими работами С.П. Королева и В.П. Глушко. 1 января 1938 г. отца неожиданно, без объяснения причин освободили от должности начальника группы № 3 и назначили ведущим инженером. Группа № 3 стала теперь называться группой № 2, а работа по ракетоплану вновь получила обозначение «Объект 218-1». Недолго существовавшая (пять месяцев) группа № 10 В.П. Глушко была расформирована, а состав ее включен в группу № 5 под руководством Л.С. Душкина. Начальником группы № 2 назначили бывшего подчиненного отца В.И. Дудакова, отношения с которым и ранее складывались неблагоприятно в связи с отрицательным отношением В.И. Дудакова к проблеме создания ракетного самолета и ракетоплана. 10-11 января 1938 г. И.Т. Клейменов и Г.Э. Лангемак были расстреляны, о чем, впрочем, еще долгое время никто, включая близких родственников, не знал.

В начале февраля 1938 г. отцу понадобилась характеристика для представления в военкомат. «Треугольник» института в составе начальника, секретаря парткома и председателя месткома сформулировал ее в крайне отрицательных выражениях. Там, как с горечью писал позднее отец, было «записано все, что только можно было записать обо мне плохого или даже отдаленно имеющего ко мне отношение. Кроме того, нет почти ни одной строчки характеристики, в которой не содержалось бы заведомо ложных сведений. После

новых твоих машин, вот теперь этот предстоящий полет туда, в бесконечность, но я верю в твою счастливую звезду. Я вижу, как ты горишь мыслью, как эта машина захватила тебя всего, как ты лелеешь ее, ждешь ее окончания, как ты ею горд, и я гоню страх, и я верю в тебя, я лечу душой с тобой туда, вперед, ввысь, и пусть маленькая Наташка получила бы от тебя в дар при рождении этот порыв к творчеству и высшему счастьем. 26/XI-37 г.».

Между тем положение отца в институте продолжало осложняться. После ареста Г.Э. Лангемака исполнение обязанностей главного инженера и заместителя начальника НИИ-3 по научной работе было возложено на начальника группы № 6 А.Г. Костикова, с которым у отца еще со времени основания РНИИ сложились плохие взаимоотношения из-за несовпадения взглядов на часть тематических направлений деятельности института.

прочтения этой, с позволения сказать, характеристики, можно только удивляться, как вообще может существовать подобный человек».

Новый начальник института Б.М. Слонимер и начальник группы В.И. Дудаков не склонны были продолжать работы по созданию ракетных самолетов и ракетопланов и намеревались отказаться от них. Будучи убежденным в исключительной важности этой тематики для обороны страны, отец решил обратиться к руководству вышестоящей инстанции - Наркомата оборонной промышленности. 8 февраля 1938 г. им вместе с Е.С. Щетинковым были подготовлены тезисы доклада «Научно-исследовательские работы по ракетному самолету». В документе отмечена важность создания ракетных самолетов для военных целей (ракетный истребитель-перехватчик), а также для исследований

*Валентин Петрович Глушко.
Москва, 1934 г.*

стратосферы и проблем аэродинамики больших скоростей. Там же сформулированы и пути решения этой задачи при обеспечении необходимых условий для выполнения работ. Все было обосновано настолько убедительно, что и после ареста отца в июне 1938 г. закрыть эту тематику не удалось.

23 марта 1938 г. арестовали В.П. Глушко. Обстановка в институте стала гнетущей. Люди невольно старались стать как можно менее заметными - неслышно ходить, говорить вполголоса. Все находилось в состоянии напряженного ожидания новых бед, тем более что подобная атмосфера окутала всю страну - один за другим шли процессы над «врагами народа». Это психологически угнетало и мешало работать.

На протяжении января-марта 1938 г. отец безуспешно пытался возобновить свой ежегодно переоформляемый допуск к секретной работе. Для этого тогда необходимы были рекомендации двух членов партии. Однако ни один коммунист в институте такую рекомендацию ему не давал, очевидно, таково было указание парткома. Лишиться любимой работы было бы самым тяжелым наказанием для отца. Теперь, когда столько сделано, преодолено много трудностей, когда уже почти ощутимы результаты огромного труда по созданию ракетоплана, - все это потерять, оставить - это было для него равносильно катастрофе. Поэтому отец ищет выход, он еще верит, что можно что-то изменить. 19 апреля 1938 г. он обращается с заявлением в Октябрьский райком партии: «Парткомом НИИ-3 я исключен из сочувствующих. Считаю мое исключение неправильным, прошу районный комитет разобрать это мое заявление и разрешить вопрос о моем пребывании в рядах сочувствующих. Вообще, в НИИ-3 вокруг меня сложилась очень тяжелая обстановка - настолько, что если она не будет как-то изменена, то я не знаю, смогу ли продолжать там свою работу... Я прошу районный комитет разобраться в этих вопросах и дать мне возможность продолжать работу в НИИ-3, где я работаю уже 7 лет над объектами, осуществление которых является целью всей моей

жизни. Я не представляю для себя возможным остаться вне партии и вне нашего коллектива, где хочу, и я уверен, что могу, с пользой работать». К заявлению приложено подробное письмо, недоуменное, искреннее, доверительное, последняя надежда на помощь: «Я не знаю и не чувствую за собой ничего, что мешало бы мне быть в партии. Если у меня были ошибки, то я всегда старался их исправить и понять... Обстановка для меня создавалась очень тяжелая. Авторитет мой подорван и подрывается постоянно. Прав я не имею никаких, фактически в то же время неся ответственность за всю группу... Я уже не могу работать спокойно, а тем более вести испытания. Я отлично отдаю себе отчет в том, что такая тяжелая обстановка в конце концов может закончиться для меня очень печально... Из-за отсутствия у меня допуска к секретной работе встал вопрос вообще о возможности моей работы в институте. Директор ин-та г. Слонимер дал мне срок до 1 мая 38 г., после чего он собирается уволить меня... Так продолжаться дальше не может, или же я действительно должен оставить институт в угоду Костикову, если еще до этого меня не уволят, или обстановка д.б. изменена». Из райкома заявление отца вернулось в институт. На нем наложена резолюция: «Разобрано на парткоме. Решено в сочувствующих не восстанавливать. Ф. Пойда (секретарь парткома. - *Н.К.*)».

Накануне майских праздников руководство института устроило для своих сотрудников вечер отдыха в кафе на улице Горького, невдалеке от площади Маяковского. Недавно пришедший в НИИ-3 В.К. Шитов позднее вспоминал, что немного опоздал и, войдя, увидел, что человек 20-25 уже сидят за длинным столом довольно близко друг к другу, оживленно беседуя. И только один грустный молодой человек находится совсем отдельно от других в дальней части стола. Это был мой отец. Ничего не подозревавший Шитов занял соседнее место. Они познакомились и разговорились. Отец немного оживился и взглянул на своего нового знакомого благодарными глазами. Он, конечно, многое понимал и, возможно, даже не держал обиды на сторонившихся его товарищей, но все равно ему было неуютно и горько чувствовать себя изгоем.

Несмотря ни на что, отец продолжал работать над созданием ракетоплана. В апреле 1938 г. его стендовые испытания в основном завершились. Отцом же была составлена «Программа внестендовых испытаний ракетоплана, объект «218-1», 26 мая 1938 г. подписанная начальником группы № 2 В.И. Дудаковым. Программа включала наземные испытания ракетоплана, испытания его в безмоторном полете, а также в полете с работающим ракетным двигателем. Уже было проведено около тридцати наземных огневых испытаний, большинство из которых выполнялись отцом. Летные испытания отец тоже собирался проводить сам, что еще раз свидетельствует о том, какое значение он придавал решению проблемы полета человека на ракетном аппарате.

Продолжались стендовые испытания и крылатой ракеты «212». Они, впрочем, проходили не так гладко, как хотелось бы. Так, 13 мая 1938 г. при испытаниях двигательной установки ракеты произошел взрыв. Отец участвовал в работе комиссии во главе с М.К. Тихонравовым, выяснявшей причины аварии. 27 мая в районе г. Ногинска проводились летные испытания, предусматривавшие сброс макета ракеты «301» (аналог ракеты «212», предназначенный для воздушного старта) с самолета. Находившийся на его борту экипаж из пяти человек, в том числе двух представителей института, одним из которых был отец, неожиданно оказался в аварийной ситуации. При

С.П. Королев. Москва, 1938 г.

сбросе макета его заклинило, и он не сошел с направляющей. Пришлось идти на посадку с перекошенным под крылом макетом, который перед самой посадкой вдруг резко сместился назад, едва не нарушив центровку самолета, что могло привести к аварии. Все окончилось благополучно, но снова образовали комиссию, снова состоялся разбор причин неудачи с обвинениями в адрес конструктора - моего отца, нервы которого и так были уже натянуты до предела. 26 и 28 мая отец проводил на стенде испытания двигательной установки, отремонтированной после взрыва ракеты «212», кото-

рые прошли успешно. Однако следующее стендовое испытание, намеченное на 29 мая, едва не привело к трагедии. А.В. Палло вспоминал, что, проверяя в тот день вместе с механиками соединения трубопроводов, он не смог добиться необходимой герметичности и предложил отцу изменить конструкцию уплотнения, а до этого отказаться от испытаний. Отец очень рассердился и, сказав, что обойдется без помощников, ушел на стенд. Все случилось так, как и предсказывал А.В. Палло: силой давления из соединения вырвало трубку, конец которой ударил отца по голове. Окровавленный, он, шатаясь, вышел во двор, прикрывая рану носовым платком, упал, потом поднялся. В.К. Шитов увидел его в окно, подбежал к нему и отвел в медпункт. Вызвали «скорую помощь». Рядом находилась поликлиника фабрики им. Петра Алексеева, но отец попросил отвезти его в Боткинскую больницу, сказав, что там работает жена. Мама рассказывала мне, как ей сообщили, что «скорая» привезла ее мужа и что он ранен, как у нее все оборвалось внутри, но, взяв себя в руки, она бросилась бегом в приемное отделение. Отец лежал на каталке, бледный и недвижимый. Он получил сотрясение мозга, а в теменно-височной области - ушибленную, но без повреждения кости рану. Лишь по счастливой случайности он остался жив. Пока с ним занимались врачи, мама позвонила свекрови. После обработки раны отца поместили в травматологическое отделение, в котором работала мама. В палате его уже ждала Мария Николаевна. Она вспоминала, что едва не разрыдалась, увидев своего сына с полностью забинтованной головой. Из-под повязки выглядывало огромное синее веко. Это вдруг напомнило ей гоголевского Вия, веки которого поднимали пальцами, чтобы он мог видеть. Она не плакала в палате, но почувствовав, что больше не выдержит, выскочила на улицу и дала волю своим чувствам. На следующий день в больницу приехал А.В. Палло. Отец сразу признал, что тот был прав, предупреждая его об опасности.

В больнице отец пролежал около трех недель, потом несколько дней провел дома, а затем был выписан на работу, хотя выздоровел еще не полностью. Перед тем как поехать в институт, заехал на Октябрьскую. Мария Николаевна вспоминала, что он сел на диван, а она и Григорий Михайлович в кресла напротив, и сын с грустью сказал: «Ну вот, дорогие мои старички, еду на работу и не знаю, что ждет меня там. Скорее всего - арест. Клейменов арестован, Лангемак арестован, Глушко арестован, теперь очередь за мной». Мария Николаевна всплеснула руками: «Боже мой, ну зачем же ты сидишь там, ну уйди в какое-нибудь другое учреждение, ты же везде сможешь устроиться». Он ответил: «Да, меня везде возьмут, но я не уйду. В институте - моя работа, все мои интересы, я должен довести дело до конца. Будь, что будет, но не уйду». Родители пытались его уговаривать, но безуспешно. Началось мучительное ожидание того, что случилось через несколько дней - 27 июня 1938 г., когда внезапно и драматически оборвался пятилетний период работы отца в институте, занявший такое важное место и в его жизни, и в развитии отечественного ракетостроения.

Значение выполненных в РНИИ - НИИ - 3 работ велико не только потому, что в результате их проведения в ряде случаев были созданы объекты, дотеле отсутствовавшие в мировой практике, но и потому, что в процессе выполнения этих работ удалось подготовить кадры квалифицированных специалистов-ракетчиков: конструкторов и экспериментаторов, испытателей и производственников, наконец, ведущих специалистов и руководителей проектов, труд которых в те годы положил начало многим

направлениям современной ракетно-космической техники. Нет сомнения, что путь к открытию космической эры в 1957 г. проходил через ракетные организации 30-х годов, и в первую очередь - через Реактивный научно-исследовательский институт. Учитывая важный вклад РНИИ в развитие мирового ракетостроения, кратерной цепочке длиной 540 км на обратной стороне Луны присвоено наименование этого института. Кроме того, на Луне есть кратеры: Глушко, Келдыш, Клейменов, Лангемак и талассоид (крупное кратерное образование) Королев.

В 1973 г. я вместе с мамой и ставшим в 1952 г. ее мужем Евгением Сергеевичем Щетинковым побывала на 40-летнем юбилее института. Мы присутствовали на торжественном собрании, где выступавшие с большой теплотой вспоминали моего отца и его заслуги в развитии отечественной ракетно-космической техники. Заседания, посвященные 40-летию РНИИ, прошли, кроме того, в Институте истории естествознания и техники АН СССР, а также на ВДНХ, где 16 ноября 1973 г. Е.С. Щетинков сделал доклад «Организация и основные направления деятельности РНИИ (1933-1944 гг.)».

Второй раз мы с мамой были приглашены в институт в день празднования его 50-летия, 20 сентября 1983 г. Тогда же там состоялось открытие мемориальной доски.

**В ЧЕСТЬ ПЕРВЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ
ТЕМАТИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ИНСТИТУТА -
ЧЛЕНОВ ТЕХНИЧЕСКОГО СОВЕТА РНИИ:**

КЛЕЙМЁНОВА И.Т.	КОРОЛЁВА С.П.
ЛАНГЕМАКА Г.Э.	ПОБЕДОНОСЦЕВА Ю.А.
ГЛУШКО В.П.	ТИХОНРАВОВА М.К.
ДУДАКОВА В.И.	ЩЕТИНКОВА Е.С.

**ЦИОЛКОВСКОГО К.Э. -
ПОЧЕТНОГО ЧЛЕНА СОВЕТА.**

**УСТАНОВЛЕНА В ДЕНЬ 50-ЛЕТИЯ РНИИ.
СЕНТЯБРЬ 1983г.**

Под ней в стену было замуровано послание коллективу института 2033 г. с пожеланием вскрыть его в день 100-летнего юбилея РНИИ.

Работая над книгой, я ощутила необходимость еще раз посетить институт, в котором трудился отец, вынашивая и осуществляя свои, такие смелые для того времени замыслы. В ноябре 1997 г. я приехала в Исследовательский центр имени М.В. Келдыша - бывший РНИИ. Мне хотелось представить, каким институт был тогда, 60 лет назад. Сохранилось двухэтажное кирпичное здание бывшей тракторной лаборатории ВИСХОМ, которое в 1933 г. удалось отвоевать для размещения нового института. На втором этаже мне показали конст-

рукторский зал и угол, где, отгороженный фанерной перегородкой, когда-то стоял стол отца. Я осматривала стенды, на которых проводились холодные и огневые испытания ракетных двигателей, стараясь представить работавших здесь увлеченных молодых людей и среди них моего отца, которому в ту пору не было еще и тридцати. Да, это были настоящие энтузиасты, беззаветно преданные своим мечтам, но ежедневно делавшие вполне земное, реальное и небывало трудное дело. Никакие препятствия не могли охладить их стремления создавать новую технику и безостановочно двигаться вперед. Они были первопроходцами, открыто и честно смотрели в будущее. Никто не мог тогда знать, какие испытания их ждут впереди. Не знал этого и мой отец.

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

АвиаВНИТО	-	Авиационное Всесоюзное научно-техническое общество
АВФ	-	Академия воздушного флота (позднее - Военно-воздушная инженерная академия им. Н.Е. Жуковского)
АИИЗ	-	Ассоциация «Изобретатели - изобретателям»
АКНЕЖ	-	Аэродинамический кружок им. Н.Е. Жуковского
АНТО	-	Авиационное научно-техническое общество
БИЧ	-	Наименование серии бесхвостых планеров конструкции Б.И. Черановского
ВВС	-	Военно-воздушные силы
ВДНХ	-	Выставка достижений народного хозяйства (в настоящее время - Всероссийский выставочный центр)
ВИСХОМ	-	Всесоюзный институт сельскохозяйственного машиностроения
ВКП(б)	-	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВНО	-	Военно-научное общество
ВПИ	-	Всесоюзные планерные испытания (проводились в Крыму в 1923-1935 гг.)
ВСНХ	-	Высший Совет народного хозяйства СССР
ВЦСПС	-	Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов
ВЧК	-	Всероссийская Чрезвычайная комиссия (позднее ОГПУ, НКВД)
ГВФ	-	Гражданский воздушный флот
ГДЛ	-	Газодинамическая лаборатория
ГИРД	-	Группа изучения реактивного движения
ГСПС	-	Губернской Совет профессиональных союзов
ГСС	-	Губернская спортивная секция (Губспортсекция)
ЖЗЛ	-	«Жизнь замечательных людей» (книжная серия)
ЖРД	-	Жидкостный ракетный двигатель (ракетный двигатель на жидком топливе)
ИАМ	-	(позднее ЦИАМ) - (Центральный) Институт авиационного моторостроения
КБ	-	Конструкторское бюро
КБ-7	-	Конструкторское бюро РККА по разработке ракет с ЖРД (1935-1939 гг.)
КГБ	-	Комитет государственной безопасности СССР
КОВ	-	Киевское общество воздухоплавания
КПИ	-	Киевский политехнический институт
КПИР	-	Наименование серии планеров, построенных студентами КПИ («КПИ рекордный»)

МАИ	- Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе
МВО	- Московский военный округ
МВТУ	- Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана
МК	- Московский комитет
НАСА (NASA)	- Управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (США)
НИИ-3	- Наименование (с января 1937 г.) РНИИ
НКВД	- Народный комиссариат внутренних дел СССР
НКВМ	- Народный комиссариат по военным и морским делам СССР (Наркомвоенмор), с 1934 г. - Наркомат обороны СССР
НКОП	- Народный комиссариат оборонной промышленности СССР (Наркомоборонпром)
НКТП	- Народный комиссариат тяжелой промышленности СССР (Наркомтяжпром)
НТС	- Научно-технический совет
ОАВУК	- Общество авиации и воздухоплавания Украины и Крыма
ОГПУ	- Объединенное государственное политическое управление СССР (с 1934 г. - НКВД)
ОДВФ	- Общество друзей воздушного флота
ОИМС	- Общество изучения межпланетных сообщений
ОКБ	- Опытное конструкторское бюро
ОРМ	- Опытный ракетный мотор - наименование серии ракетных двигателей конструкции В.П. Глушко
ОСОАВИАХИМ (ОАХ)	- Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
ПВРД	- Прямоточный воздушно-реактивный двигатель
РД	- Реактивный двигатель (реактивное движение)
РК	- Районный комитет
РККА	- Рабоче-крестьянская Красная Армия
РНИИ	- Реактивный научно-исследовательский институт
РОЛМ	- Русское общество любителей мироведения
РП	- Ракетный (реактивный) перехватчик
Севвостлаг	- Комплекс исправительно-трудовых лагерей НКВД СССР на северо-востоке страны
СК-4	- Наименование самолета конструкции С.П. Королева (дипломный проект)
СНИИ	- Самолетный НИИ (впоследствии - НИИ ГВФ)
СНК	- Совет народных комиссаров (Совнарком) - Правительство СССР
ТАСС	- Телеграфное агентство Советского Союза
УВИ	- Управление военных изобретений РККА
ЦАГИ	- Центральный аэрогидродинамический ин-т им. Н.Е. Жуковского
ЦК	- Центральный Комитет
ЦКБ	- Центральное конструкторское бюро
ЦС	- Центральный Совет

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ю.С.ОСИПОВ.....	3
<i>М.Я. Маров. К ЧИТАТЕЛЯМ.....</i>	7
<i>Б.Е. Черток. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.....</i>	9
ОТ АВТОРА.....	13

ИСТОКИ

<i>Глава первая. ГЛУБОКИЕ КОРНИ.....</i>	17
<i>Глава вторая. НЕЖИНСКИЙ ДОМ.....</i>	40
<i>Глава третья. ДЕТСТВО.....</i>	57
Житомир (1907-1908).....	57
Киев (1908-1910).....	61
Нежин (1910-1914).....	64
Киев (1914-1917).....	78
<i>Глава четвертая. ПРИКОСНОВЕНИЕ К НЕБУ.....</i>	101
Одесса (1917-1924).....	101

С МЕЧТОЙ О ЗВЕЗДАХ

<i>Глава пятая. КИЕВСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ (1924-1926).....</i>	143
<i>Глава шестая. МВТУ и ПОСЛЕ (1926-1931).....</i>	179
<i>Глава седьмая. ГРУППА ИЗУЧЕНИЯ РЕАКТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ (1931-1933).....</i>	246
<i>Глава восьмая. РЕАКТИВНЫЙ ИНСТИТУТ (1933-1938).....</i>	298
<i>Сокращения и условные обозначения.....</i>	357

Королева Н. С.

С.П. Королев : Отец : К 100-летию со дня рождения : в 3 кн. / Н. С. Королева ; Совет РАН по космосу. - 2007. - ISBN 5-02-034432-X

Кн. 1 : 1907-1938 годы. - 2007. - 360 с. - ISBN 5-02-034429-X (в пер.).

Издание подготовлено к 100-летию со дня рождения академика Сергея Павловича Королева, дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, первого награжденного Золотой медалью им. К.Э. Циолковского. Выдающийся ученый и крупнейший конструктор в области ракетно-космической техники, С.П. Королев навеки вошел в историю, положив начало осуществлению, быть может, самой дерзновенной мечты человечества - мечты о покорении Космоса.

Читатель познакомится с жизнью С.П. Королева, историей развития отечественной космической науки и техники, достижениями нашей страны в этой области.

Автор - доктор медицинских наук, профессор Н.С Королева - совершила настоящий подвиг, посвятив многие годы сбору и изучению богатейшего фактического материала в 16 различных архивах, в том числе архивах Главной военной прокуратуры, Федеральной службы безопасности, Архиве Президента Российской Федерации, Российском государственном архиве Новейшей истории, Российском государственном архиве социальной политической истории и др.

Для широкого круга читателей.

Научное издание

Наталья Королева

С. П. КОРОЛЕВ

ОТЕЦ

К 100-летию со дня рождения

В трех книгах

КНИГА ПЕРВАЯ

1907-1938 годы

Утверждено к печати

Советом РАН по космосу

Зав. редакцией *Е.Ю. Жолудь*

Редактор *Е.Ю. Жолудь*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Т.В. Болотина*

Технический редактор *В.В. Лебедева*

Корректоры *А.Б. Васильев, Р.В. Молоканова*

Подписано к печати 20.11.2006

Формат 70 x 100¹/₁₆. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 29,9. Усл.кр.-отт. 30,9. Уч.-изд.л. 33,4

Тираж 5000 экз. тип. зак. 4464

Издательство "Наука"

117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Е-mail: secret@naukaran.ru

www.naukaran.ru

ПП П "Типография "Наука"

121099, Москва, Шубинский пер., 6

С.П. КОРОЛЕВ

Наталья
Королева

ОТЕЦ

НАУКА

